

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Н. А. ХАЛФИН

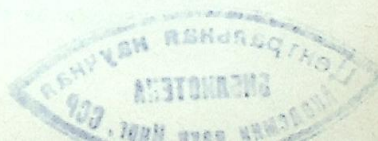
РОССИЯ
И ХАНСТВА
СРЕДНЕЙ АЗИИ

(первая половина XIX века)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Главная редакция восточной литературы
Москва 1974

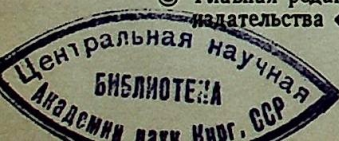
9(С)16
X 176

ТЗ(2) 47 + ТЗ(257)

В книге освещаются политика России в Средней Азии в первой половине XIX в. и деятельность в ней многих царских посольств и миссий. Особое место занимает разбор книг и статей, изданных их участниками, о жизни малоизвестных среднеазиатских ханств.

X $\frac{10603-127}{013(02)-74}$ 121-74

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1974.

428657

Введение

«История сношений России московского и даже царского периодов со среднеазиатскими ханствами все еще остается неясной, хотя и имеются труды, посвященные этим ханствам, по так называемым частным и общим темам (вроде походов, путешествий, описаний, наказов посольствам, отдельным послам и т. п.)», — писал в 1951 г. один из крупнейших отечественных востоковедов, большой знаток документов и литературы (на европейских и восточных языках) по истории Средней Азии, член-корреспондент АН УзССР А. А. Семенов¹.

С тех пор миновало более двадцати лет. Вышли обобщающие труды по истории среднеазиатских республик (некоторые — несколькими изданиями). Значительно расширилась и углубилась историография советского периода. Появились новые содержательные труды по древней и средневековой истории². На этом фоне бросается в глаза непропорциональное отставание изучения событий нового времени, т. е. XIX и начала XX в. Этот вопрос почти выпал из поля зрения историков.

Поэтому задача предлагаемой читателям работы — раскрыть политические связи России с Бухарой, Хивой, Кокандом, Ташкентом в первой половине XIX в.

Однако нельзя сказать, чтобы эта тема совсем не затрагивалась в имеющейся литературе — дореволюционной и советской.

Некоторые участники дипломатических миссий не только оставляли описание своих поездок и протоколы переговоров, которые ныне являются ценными источниками, но и пытались исследовать результаты своих мис-

¹ А. А. Семенов, К истории дипломатических сношений между Россией и Бухарой в начале XIX века, — «Известия АН УзССР», [Ташкент], 1951, № 1, стр. 85.

² См., например: Б. Г. Гафуров, Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история, М., 1972; [О. Д. Чехович], Самаркандские документы XV—XVI вв., М., 1974 и др.

сий. В частности, Н. Г. Залесов, член посольства Н. П. Игнатьева в Хиву и Бухару (1858 г.), опубликовал основанные на богатом фактическом материале статьи о взаимоотношениях России с этими ханствами в конце 30-х — начале 40-х годов XIX в.³ Отдельных сторон этого вопроса касались также В. В. Бартольд, Н. И. Веселовский и др.

Отличительной особенностью работ дореволюционных авторов был идеалистический подход к проблеме. Исходным моментом любых политических акций объявлялась «воля potentата». Споры нет, для феодально-деспотических государств, какими являлись среднеазиатские ханства, а в определенной степени и Россия тех лет, намерение, стремление, решение самодержца имело чрезвычайно важное значение, но даже самые своевольные властители, если они не были слабоумными, в какой-то мере учитывали существовавшую экономическую, социальную, политическую, военную обстановку.

Советские специалисты, рассматривавшие деятельность того или иного посольства или освещавшие смежные сюжеты (Н. Г. Аполлова, Е. Б. Бекмаханов, Е. В. Бунаков, Б. Д. Джамгерчинов, Н. М. Дружинин, Х. Зияев, П. Е. Матвиевский, В. М. Плоских, А. Л. Попов, М. К. Рожкова, А. А. Семенов, Ю. А. Соколов, М. М. Соловьев, Г. Н. Чабров и др.), ввели в научный оборот обширный, марксистски осмысленный документальный материал. Кое-кто из историков, хотя и кратко, но касались непосредственно политики России в Средней Азии в третьей четверти XIX в.⁴

* * *

В 1915 г. появилась одна обобщающая публикация на интересующую нас тему, до сих пор оставшаяся единственной. К «трехсотлетию дома Романовых» С. В. Жуковский подготовил своего рода юбилейное издание — «Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие». Автор обещал исследовать вопрос «с

³ Н. Г. Залесов, Письмо из Хивы, — «Военный сборник», 1859, № 1; его же, Письмо из Бухары, — «Военный сборник», 1860, № 4.

⁴ См., например: Н. А. Халфин, О движущих мотивах политики России в Средней Азии (60—70-е годы XIX в.), — «История СССР», 1972, № 4, стр. 128—135.

возможной полнотой», опираясь не только на опубликованные работы, но и на архивы Министерства иностранных дел. К сожалению, больших успехов он не добился. «В этой книге, несомненно, многое отсутствует. Кроме того, нигде не имеется ссылки ни на один документ архивного характера, и остается неизвестным, за какой период и какие именно архивные материалы использованы автором», — писал А. А. Семенов⁵, который, как и В. В. Бартольд⁶, весьма невысоко оценил публикацию С. В. Жуковского. К тому же в ней легко обнаружить отсутствие у автора научной щепетильности: в тексте встречаются крупные дословные заимствования (в частности, из статей Н. Г. Залесова) без каких-либо ссылок.

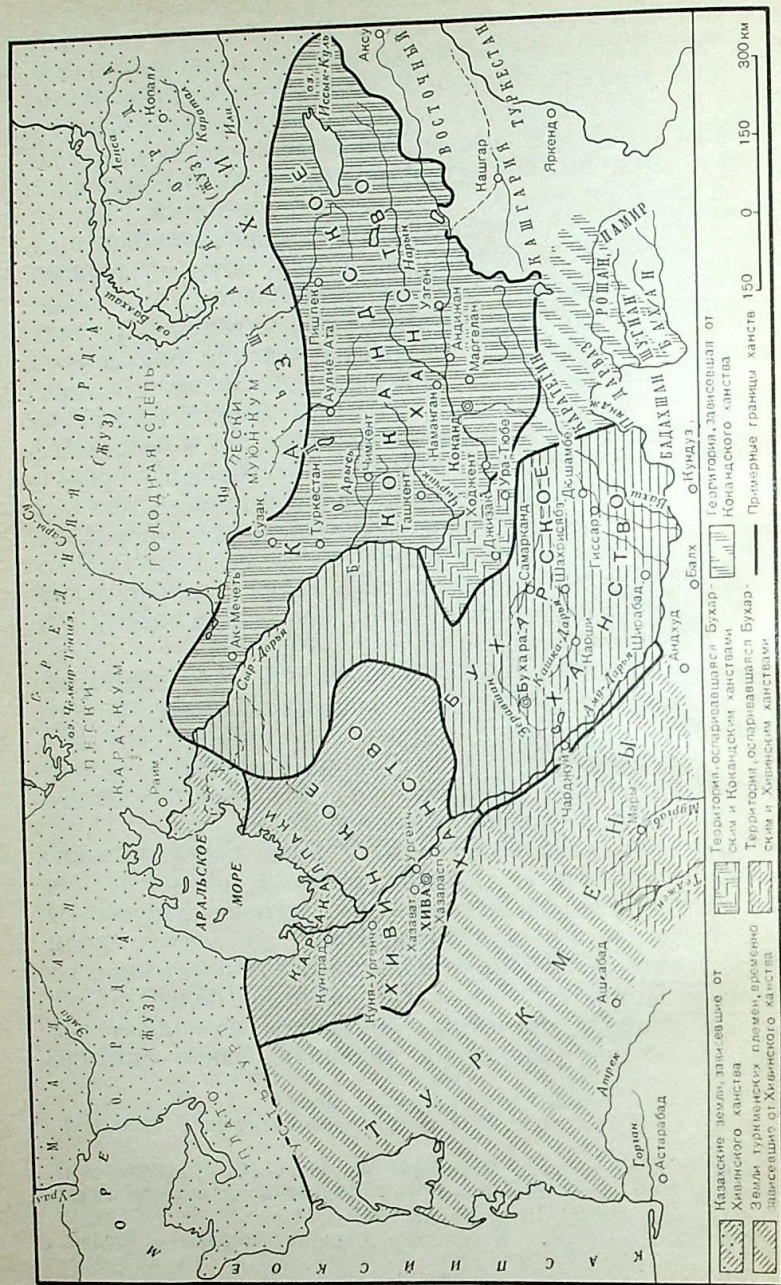
«Несомненно, у нас имеется очень много „неоткрытых“ еще материалов по дипломатическим сношениям России со среднеазиатскими ханствами как в недрах бесчисленных архивных дел бывш. посольского приказа Московской Руси и Министерства иностранных дел царской России, так и в совсем не изученных исторических памятниках и дипломатических актах среднеазиатского происхождения. Пока же наши сведения по данному вопросу ограничены случайными „находками“ подобного рода материалов», — отмечал А. А. Семенов⁷.

Будучи в какой-то мере учеником А. А. Семенова, автор считает своим долгом восполнить пробел в историографии проблемы, так как взаимоотношения России с государствами Средней Азии, особенно со времен Московской Руси, представляют интересный и благодарный, хотя и чрезвычайно трудоемкий сюжет. Но его всесторонняя разработка может быть под силу лишь большому коллективу специалистов, в том числе владеющих восточными языками, без чего невозможно исследовать местные источники. Наша же задача скромнее: изучить эти взаимоотношения преимущественно со стороны Петербурга и за несравненно более ограниченный период. Изученные документы позволяют рассказать об инструкциях и заданиях, какие давались

⁵ А. А. Семенов, К истории дипломатических сношений..., стр. 85.

⁶ В. В. Бартольд, Рецензия на книгу С. В. Жуковского, «Записки Восточного отделения имп. Российского археологического общества», т. XXII, Пг., 1915, стр. 341—343.

⁷ А. А. Семенов, К истории дипломатических сношений..., стр. 85.

Политическая карта Средней Азии в начале XIX в.

отправлявшимся в ханства представителям Российской империи. Поручения, с которыми ехали в Россию посланцы среднеазиатских владений, излагаются только по материалам российских архивных источников, тогда как хивинские, кокандские, бухарские, ташкентские документы первой половины XIX в., разумеется, отразили бы более детально подноготную этих миссий, поведав не только о том, что говорили их члены в столице северного соседа, но и о том, что им надо было иметь в виду.

Хронологические рамки работы определяются концом XVIII — второй половиной XIX в., когда шло развитие капиталистических отношений в нашей стране, вызвавших повышение интереса к торгово-политическим связям с ханствами Средней Азии (да и не только с ними), когда серьезнейшие социально-экономические сдвиги в России (в связи с Крымской войной и крестьянской «реформой» 1861 г.), обусловившие пересмотр основ царской политики, привели к присоединению Средней Азии, о чем уже автору приходилось писать⁸.

Работа посвящена политико-дипломатическим проблемам, но в ней много места уделено вопросам торговли. Автор, естественно, исходит из известного ленинского положения: «Политика есть концентрированное выражение экономики»⁹. К тому же разнообразные и многочисленные документы государственных учреждений царской России убедительно свидетельствуют о том, что в рассматриваемый период экономические связи, их поддержка, расширение, развитие были предметом едва ли не важнейших забот дипломатов, составляли существенную часть политики Петербурга в Средней Азии.

Это необходимо подчеркнуть, ибо некоторые советские специалисты (например, М. К. Рожкова, Г. А. Хидоятов), как нам кажется, недооценивают заинтересованность в среднеазиатских связях не только дворянских правящих кругов, но и российских купцов. Нескольким странным выглядит то обстоятельство, что

⁸ Н. А. Халфин, Присоединение Средней Азии к России (60—90-е годы XIX в.), М., 1965.

⁹ В. И. Ленин, Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках гг. Троцкого и Бухарина, — Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 278.

М. К. Рожкова в насыщенных богатым фактическим материалом исследованиях¹⁰ приходит к выводам, расходящимся с ею же собранными сведениями, и отрывает экономические факторы от политических в «среднеазиатских» действиях царизма.

Еще одно вводное замечание. У некоторых может сложиться впечатление, что наша работа страдает обилием цитат. Автор принимает этот упрек, но ему хотелось «окунуть» читателя в атмосферу той далекой поры, помочь ощутить колорит эпохи, одним из отражений которой является ее язык. В конце концов переделка вырванных документов в авторскую речь представляла бы собой не такой уж большой труд.

Среднеазиатские ханства первой половины XIX в. были труднодоступными землями. И не только с географической точки зрения. Так, А. Вамбери, хотя и сгущает краски, преувеличивая нависшую над ним опасность во время «нелегального» посещения им Бухары в 1863 г.¹¹, тем не менее правильно отмечает элемент риска. Правители ханств подозрительно смотрели на прибытие туда лиц немусульманского вероисповедания, считая их соглядатаями, разведчиками.

Такой подход не всегда был неоправданным. Но он не смог помешать стремлениям «открыть» Среднюю Азию. Так, Петербург, стараясь получить практические сведения о политико-административном устройстве Бухары, Хивы, Коканда, Ташкента, их торгово-экономическом развитии, природных условиях и т. п., отправлял в ханства дипломатические миссии, которые, как правило, имели задания собрать соответствующие материалы. Некоторые из этих данных в дальнейшем публиковались, что расширяло существовавшие представления о полузакрытом и несколько таинственном уголке земного шара.

Посольства из России в Среднюю Азию в первой половине XIX в. крайне редко формировались из профессиональных дипломатов. Ими не были даже руководите-

¹⁰ М. К. Рожкова, Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия, М.—Л., 1949; е е же, Экономические связи России со Средней Азией. 40—60-е годы XIX века, М., 1963.

¹¹ Эта поездка отражена в книгах А. Вамбери: Путешествие по Средней Азии в 1862 году, М., 1874; История Бохары или Трансоксании с древнейших времен до настоящего, 2 т., СПб., 1873; Моя жизнь, М., 1914.

ли миссий. В этих ролях выступали горные инженеры, знакомые с восточной спецификой офицеры и административные чиновники. То были преимущественно пытливые люди, опытные, с острым взглядом. Поэтому их наблюдения над жизнью среднеазиатских народов во многом не потеряли научного значения и в наши дни.

Нам хотелось придать работе в какой-то степени также историкографический характер, в связи с чем приводятся несколько расширенные сведения о значении для науки путешествий представителей Российской империи в ханства.

В основе исследования лежат архивные документы дореволюционных государственных учреждений (прежде всего Министерства иностранных дел) и общественно-политических деятелей, а также опубликованные источники. Нельзя не отметить с сожалением, что до нас не дошли многие материалы Департамента внешней торговли, которые могли бы пролить определенный свет на существенные стороны русско-среднеазиатских экономических связей¹².

Данная работа не претендует на исчерпывающую полноту. Автор надеется привлечь ею внимание специалистов, занимающихся дореволюционным периодом истории народов СССР, к интересным страницам прошлого нашей многонациональной Родины, нуждающимся в дальнейшем изучении.

¹² В составленном Н. Кайдановым «Систематическом каталоге по делам Департамента внешней торговли...» (СПб., 1877) фигурировали интереснейшие для нашей темы дела, как, например, № 4023 «По донесению полковника бар. Мейендорфа об азиатской торговле» за 1826—1835 гг.; № 4201 «О причинах упадка оренбургской торговли» за 1817 г.; № 4225 «О торговле России со Средней Азией» за 1844—1846 гг. и др.

Особенности русско-среднеазиатских отношений

В начале XIX в. Российская империя была феодально-крепостническим государством. Но в ее недрах еще во второй половине XVIII в. шел процесс разложения крепостничества и развития капиталистических отношений. В 1800 г. страну населяло 35,5 млн. человек, из них до 1,5 млн. составляло городское население. В ее хозяйстве крепили и ширились буржуазные экономические связи, рос рынок, развивалось сельское хозяйство. Особенно значительны были изменения в промышленности. К концу XVIII в. в стране насчитывалось около 2100 предприятий обрабатывающей промышленности и до 200 горных заводов, на которых трудилось до 200 тыс. рабочих. Широкое применение начал приобретать наемный труд (примерно 40% рабочих крупной промышленности были наемными, а в хлопчатобумажной этот процент был еще выше — 92).

В первой половине XIX в. развивались новые отрасли сельского хозяйства и промышленности, на заводах и фабриках значительно расширялось применение машин: страна вступала в эпоху промышленного переворота. Число предприятий к 1860 г. увеличилось до 15 тыс., а количество рабочих — до 800 тыс. (из них число наемных составляло 37%). Объем внешней торговли за 60 лет XIX в. возрос в 3,5 раза. Эти показатели могли бы быть значительно более высокими. Но крепостническая система сдерживала развитие производительных сил России, обуславливала ее экономическое отставание от передовых стран Европы и Соединенных Штатов Америки.

В политическом отношении Российская империя представляла собой абсолютную монархию, регламентировавшую все стороны экономической, политической и культурной жизни.

В Средней Азии к началу рассматриваемого периода были четыре государства: Бухарское, Хивинское, Кокандское и Ташкентское. Наиболее крупное из них — Бухарское ханство — занимало бассейн р. Зеравшан и имело до 3 млн. человек населения. Хивинское ханство (район нижнего течения Амударьи) насчитывало около 0,5 млн. жителей, Кокандское (его земли находились в основном в Ферганской долине) — до 1 млн. и Ташкентское (район Ташкентского оазиса) — около 0,5 млн. человек. К концу первого десятилетия XIX в. Ташкентское ханство прекратило самостоятельное существование: оно было поглощено Кокандским ханством.

В этих государствах господствовал феодальный уклад с сильными пережитками рабовладельческих и патриархально-родовых отношений. Промышленность не получила в них большого развития. Хотя города Средней Азии издавна были центром ремесленного производства (прежде всего ткачества), а недра богаты полезными ископаемыми, основную роль в экономике играли земледелие, скотоводство, садоводство и огородничество.

Экономическое развитие ханств сталкивалось с существенными трудностями. Огромные налоги, взимавшиеся преимущественно натурой, сдерживали расширение внутреннего рынка и товарно-денежных отношений. Феодалы присваивали не только прибавочный, но и необходимый продукт труда дехкан, что в сочетании с эксплуатацией последних ростовщическим капиталом пагубно отражалось на сельском хозяйстве и ремесленном производстве ханств.

Государства Средней Азии не были однородными в национальном плане. Бухарское ханство населяли в основном узбеки, таджики и туркмены, Хивинское — узбеки, туркмены, казахи, каракалпаки, Кокандское — узбеки, таджики, казахи, киргизы. Господствующие позиции принадлежали узбекской феодальной знати.

В политическом отношении ханства представляли собой типичные восточные феодальные деспотии, правители которых не были ограничены какими-либо законами и единолично распоряжались жизнью и собственностью подданных. У власти находились узбекские династии — мангытская в Бухаре, кунградская в Хиве, минг в Коканде. Характерной особенностью местной обстановки были острейшие межфеодальные раздоры, постоянные войны между Хивой и Бухарой, Бухарой и Ко-

кандом, между ханами и эмирами, с одной стороны, правителями крупных владений, стремившимися к отделению — с другой. Упорная борьба, к примеру, развивалась между бухарскими эмирами и кенегезскими беками, которые управляли Шахрисябзским оазисом.

Ханства раздирали острейшие социальные и национальные противоречия. Ферганская долина периодически становилась ареной борьбы между ханами и руководителями крупного полукочевого родо-племенного объединения — кипчаков. В Хиве происходили непрерывные столкновения захвативших верховья арыков узбекских феодалов с туркменской и каракалпакской родо-племенной знатью. Государства Средней Азии сотрясали восстания доведенной до полной нищеты и вымирания бедноты. Одним из наиболее крупных среди них было выступление китай-кипчаков Бухары в 1821—1825 гг.

Эти восстания подавлялись с крайней жестокостью. Народная память закрепила за кокандским ханом Алимом (1800—1809) кличку «залим» (деспот), а за бухарским эмиром Насруллою (1826—1860) — «кассаб» (мясник), но и другие правители обычно мало отличались от них в данном смысле.

Кровопрлитные войны, уносившие десятки тысяч человеческих жизней, феодальная раздробленность, господство застойных феодально-патриархальных отношений, оторванность от мирового рынка — эти и многие аналогичные факторы препятствовали экономическому развитию Средней Азии¹.

Ф. Энгельс, как известно, в свое время подчеркивал: «...восточное господство несовместимо с капиталистическим обществом; нажитая прибавочная стоимость ничем не гарантирована от хищных рук сатрапов и пашей; отсутствует первое основное условие буржуазной предпринимательской деятельности — безопасность личности купца и его собственности»². Именно так обстояло дело в ханствах. Местные эмиры и беки творили суд и расправу «по произволу и всегда в пользу ханской казны»³.

¹ П. П. Иванов, Очерки по истории Средней Азии (XVI—середина XIX в.), М., 1958, стр. 115—225.

² Ф. Энгельс, Внешняя политика русского царизма, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 22, стр. 33.

³ «Наши соседи в Средней Азии: Хива и Туркмения», СПб., 1873, стр. 130.

Среднеазиатские государства вели активную торговлю с Российской империей, Ираном, Афганистаном, Индией, Китаем. Экономические связи с Россией были взаимовыгодными, ибо обогащали обе стороны и снабжали их необходимыми изделиями и сырьем (о чем речь ниже). В этой торговле участвовали и правители ханств, которые снаряжали караваны со своими товарами.

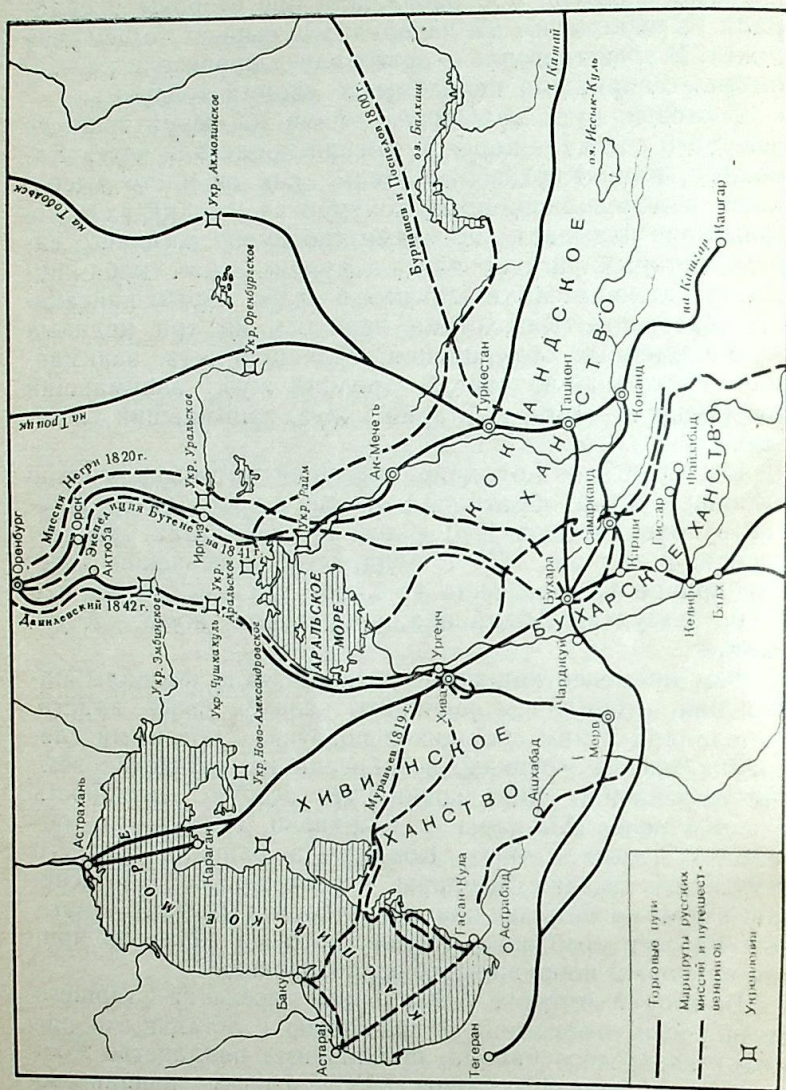
Торговые пути из Средней Азии на территорию ее северного соседа — царской России пролегали через Казахстан, или «Киргизскую степь», как он часто именовался в дореволюционных документах, где казахов неправильно называли киргизами (по имени соседнего народа, который фигурировал в документах как «кара-киргизы», «дикокаменные киргизы»), либо киргиз-кайсаками. Население Казахстана делилось на три крупных родо-племенных объединения: Младший жуз, занимавший его западную часть, Средний жуз, занимавший центральную часть, и Старший жуз, занимавший Семиречье.

В 1726 г. хан Абулхайр, выступая от имени казахов Младшего жуза, обратился к России с просьбой о принятии в подданство; в 1731 г. эта просьба была удовлетворена. В том же, 1731 г. подданство Российской империи принял Семеке, один из ханов Среднего жуза, а в 1740 г. — султан Аблай и хан Среднего жуза — Абулмамбет.

Тем не менее хивинские и кокандские феодалы настойчиво стремились подчинить казахов своей власти, направляли к ним сборщиков податей, с которыми следовали военные отряды, воздвигали на казахских землях укрепления. Хива проявляла особую активность в междуречье Амударьи и Сырдарьи, а также на обширном плато Устюрт, Коканд — в районах среднего и нижнего течения Сырдарьи и в Семиречье. Притеснения и гнет со стороны ханских властей вызывали открытый протест казахских племен, который зачастую принимал формы вооруженного сопротивления.

Во второй четверти XIX в. среди населения Старшего жуза росли стремления к сплочению с остальными частями казахского народа, принявшими подданство России. В середине 40-х годов XIX в. русское подданство приняли кочевники района Копала⁴.

⁴ Сложные проблемы истории Казахстана XVIII—XIX вв. освещены в кн.: «История Казахской ССР», т. I, Алма-Ата, 1957;

Торговые пути и маршруты русских миссий

Упорные попытки хивинских феодалов утвердить свое господство в различных районах Казахстана встречали противодействие не только местного населения, но и Российской империи, которая рассматривала эти районы как находящиеся под ее юрисдикцией. Такая ситуация отражалась на русско-хивинских отношениях, порой чрезвычайно обостряя их. Ханские власти старались привлечь на свою сторону влиятельных руководителей казахских племен, провоцировали межплеменные и межродовые столкновения, а также нападения на русские пограничные поселения и торговые караваны.

Обстановка в Средней Азии обострялась еще и тем, что правители Хивы путем жесточайших насилий стремились подчинить себе туркменские племена, а также каракалпаков, населявших низовья Амударьи. Все это приводило к ожесточенным столкновениям⁵.

Аналогичная ситуация складывалась и в Киргизии, где киргизские племена оказывали сопротивление агрессии кокандских феодалов, беспощадно грабивших и угнетавших их⁶.

Эти обстоятельства, естественно, сказывались на внешнеполитических связях Хивы и Коканда с другими государствами.

* * *

Каковы же были внешнеполитические отношения между Российской империей и среднеазиатскими ханствами? Как они решались?

В Бухаре, Хиве и Коканде не существовало специализированных учреждений, занимавшихся внешней политикой, не было налаженной дипломатической служ-

Н. Г. Аполлова, Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века, Алма-Ата, 1948; ее же, Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX в., М., 1960; Е. Б. Бекмаханов, Присоединение Казахстана к России, М., 1957; П. П. Иванов, Казахи и Кокандское ханство (к истории их взаимоотношений в начале XIX в.), — «Записки Института востоковедения АН СССР», т. VII, М. — Л., 1939.

⁵ Подробно об этом см.: С. К. Камалов, Каракалпаки в XVIII—XIX веках (к истории взаимоотношений с Россией и среднеазиатскими ханствами), Ташкент, 1968.

⁶ Подробно об этом см.: А. Хасанов, Взаимоотношения киргизов с Кокандским ханством и Россией в 50—70 годах XIX века, Фрунзе, 1961.

бы. Как правило, с дипломатическими заданиями эмиры и ханы отправляли в Петербург более или менее высокопоставленных чиновников. Изредка эту роль выполняли купцы, которые сочетали дипломатические поручения с торговыми делами.

Одна из существенных особенностей русско-среднеазиатских взаимоотношений, отличавшая их от взаимоотношений России со странами Западной Европы, заключалась в том, что они развивались между типичными восточными феодальными деспотиями и страной, в которой, несмотря на самодержавный характер государственной власти, относительно быстро шел процесс формирования буржуазного правопорядка. Царское правительство подчас применяло методы, свидетельствовавшие о том, что оно недалеко ушло от ханского самодурства (арест бухарских или хивинских купцов, наложение секвестра на их товары, чтобы добиться освобождения русскоподданных невольников, и т. п.), но формально оно декларировало соблюдение заключенных договоров и соглашений, тогда как среднеазиатские правители не придавали им большого значения и даже не считали нужным хранить эти документы должным образом.

Это обстоятельство приводило к определенному отношению царских дипломатов и государственных деятелей к среднеазиатским ханствам и в какой-то мере определяло их политическую линию. Создавшееся представление о том, что с ханствами «нельзя договориться», поступавшие сведения об их военно-политической слабости в конечном итоге заставили царское правительство перейти от дипломатического воздействия на Хиву, Бухару и Коканд к применению военной силы для достижения своих целей.

Другая особенность заключалась в том, что, несмотря на неоднократные настойчивые попытки Российской империи, ей не удавалось добиться обмена хотя бы с крупнейшим среднеазиатским государством — Бухарой постоянными дипломатическими представительствами. Только в 1885—1886 гг. (т. е. когда Бухарское ханство стало вассалом царской России) там было создано Российское политическое агентство.

До этого связь между Россией и ханствами Средней Азии поддерживалась лишь эпизодическими посольствами. Нередко ответная миссия снаряжалась через не-

сколько лет, а то и вовсе обходились без нее. Развитие отношений России с ее среднеазиатскими соседями и разрешение возникавших осложнений требовали больших усилий и затрат времени, чем со странами Запада, где существовали дипломатические представительства. Но тем не менее взаимные связи постепенно налаживались.

Поэтому вызывает возражение односторонняя точка зрения известного востоковеда Н. И. Веселовского, писавшего, что местные правители «слали к нам послов за послами... с довольно однообразными и, можно сказать, довольно пустыми» предложениями: мол, предлагая расширять торговлю, они «притесняли у себя наших послов и наших купцов, а случалось, что и грабили их». Главную же причину отправки в Россию дипломатических миссий из ханств автор видел в «выжимании у нас подарков... Не довольствуясь обычными у нас отдариваниями в виде сукна, соболей, юфти и т. п., ханы почти всякий раз старались припросить еще что-нибудь особенное. Чаще всего просили прислать кречетов, иногда панцирей, пушек, а то и просто денег...»

Признавая, что и в России прием среднеазиатских послов «не всегда отличался... радушием и гостеприимством», Веселовский считал, что «в конце концов казна наша несла убытки самые непроизводительные, а посланники наши подвергались в среднеазиатских ханствах всевозможным неприятностям и унижениям»⁷.

Правда, порой царское правительство действительно чувствовало себя несколько «переобремененным» приемом миссий из Бухары, Хивы или Коканда и пользовалось любыми предлогами (незнатность посланника, недовольство действиями того или иного правителя и др.), чтобы не допустить какую-нибудь из них в Россию вообще или в Петербург в частности, предоставив «разбираться с ней» оренбургским властям и используя такой метод в качестве средства политического давления. Но, как правило, среднеазиатские дипломаты выдвигали вполне логичные требования и предложения, основанные, разумеется, на стремлении удовлетворить в первую

⁷ Н. Веселовский, Прием в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII и XVIII столетиях. По документам Московского главного архива министерства иностранных дел, — «Журнал Министерства народного просвещения», ч. ССXXXIV, июль 1884, стр. 68—70.

очередь нужды и потребности своих стран, а не партнера по переговорам. Они иногда также привозили дары большой ценности. Объяснять их приезд узко понимаемыми личными «корыстолюбивыми целями» — значит исказить и примитивизировать историческую действительность.

Н. И. Веселовский касается событий XVII—XVIII вв., когда царские послы сталкивались в ханствах не только с «всевозможными неприятностями и унижениями», но и складывали там свои головы (вспомним, например, трагическую судьбу А. Бековича-Черкасского и его спутников в Хиве в 1717 г.). Что же касается XIX в., то, хотя и в этот период некоторые представители России были ограничены в возможностях передвижения в том или другом среднеазиатском государстве и терпели отдельные неудобства (об этом ниже), отношение к ним, во-первых, носило не такой уж стеснительный характер, а во-вторых, определялось боязнью местных правителей своего могущественного соседа. А подобные опасения, как выяснилось в дальнейшем, имели под собой определенную почву.

За все время существования в России коллегии иностранных дел и в первые десятилетия после создания министерства иностранных дел эти учреждения не имели какой-либо структурной части, которая непосредственно отвечала бы за ход сношений с государствами Азии (в том числе и Средней). Четыре канцелярии коллегии иностранных дел ведали переводчиками, перепиской с консулами и властями внутри Российской империи, личным составом, счетоводством; собственно политические дела вела исключительно министерская канцелярия, которой в начале XIX в. управлял К. К. Родофиникин⁸. Азиатские проблемы входили в компетенцию первой экспедиции этой канцелярии.

19 апреля 1819 г. Родофиникин был назначен директором Азиатского департамента. Тем самым в министерстве иностранных дел был создан специальный орган, занимавшийся восточной политикой. Министр иностранных дел К. В. Нессельроде 22 апреля 1819 г. написал новому (и в течение длительного периода единственному страноведческому) департаменту «иметь глав-

ным предметом своим дела азиатских народов, России подвластных, а равно и тех, с коими сие государство находится в торговых или в других каких-либо сношениях».

Азиатский департамент состоял из двух отделений, делившихся каждое на два стола. Первое отделение занималось делами турецкими, персидскими, грузинскими и горских народов, второе — делами кочевых народов Кавказской, Астраханской и части Саратовской губерний, «киргиз-кайсаков всех Орд», других народов Азии, а также личным составом департамента⁹.

Сношения со среднеазиатскими ханствами, таким образом, входили в функции второго стола второго отделения департамента. Сказанное, понятно, вовсе не означает, будто чиновники этого стола, столоначальник или даже начальник отделения определяли восточную политику империи, либо оказывали серьезное воздействие на ее формирование. Думается, что решающих полномочий в данном плане не имел и глава департамента.

Первые два десятилетия XIX в. решением азиатских проблем занимался Комитет министров по представлению Министерства иностранных дел. По мере необходимости изучение отдельных вопросов поручалось группе компетентных государственных деятелей. Так, 23 января 1802 г. на собрании Непременного совета был объявлен царский указ «о составлении для рассмотрения обстоятельств, относящихся до Астраханского края и азиатской коммерции по Каспийскому морю Комитета, в коем присутствующими назначены генерал-от-инфантерии гр. Зубов, министр коммерции гр. Румянцов, адмирал Мордвинов и действительный тайный советник гр. Кочубей, а для письменоводства — экспедитор Совета действительный статский советник Энгель»¹⁰.

Несколько обстоятельств обращают на себя внимание в связи с созданием этого учреждения. Во-первых, объединение в программе его деятельности политических и торгово-экономических проблем. Нам в дальнейшем не раз придется столкнуться с тесным переплетением политических и торговых интересов в дипломатических решениях Российской империи по отношению к Средней Азии, которые прежде всего направлялись на обеспече-

⁹ «Очерк истории Министерства иностранных дел 1802—1902», СПб., 1902, стр. 90.

¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 1147, «Непременный Совет», оп. I, д. 284, л. 1.

⁸ [А. П. Бутенев], Воспоминания А. П. Бутенева, — «Русский архив», 1881, кн. 3, стр. 39.

ние благоприятных условий для развития торговых связей.

Во-вторых, этот комитет появился вскоре после воцарения Александра I, что свидетельствовало о значении, какое ему придавалось.

Наконец, последнее — лица, включенные в состав комитета. Наряду с руководителем отечественной коммерции Н. П. Румянцевым и министром внутренних дел В. П. Кочубеем, которым по должности надлежало заботиться об «обстоятельствах, относящихся до Астраханского края и азиатской коммерции по Каспийскому морю», мы встречаем одного из крупнейших в Российской империи конца XVIII — начала XIX в. специалистов по различным проблемам экономического и политического развития страны, Н. С. Мордвинова, представителя влиятельного семейства Зубовых — В. А. Зубова, который незадолго до того был главнокомандующим войсками на Кавказе, а также ставшего сенатором Ф. Энгеля, который по заданию Мордвинова разрабатывал планы различных преобразований экономики России. Все они активно участвовали в определении среднеазиатской политики царской империи.

Астраханский комитет существовал недолго. После его ликвидации дальнейшее развитие политико-экономических связей Российской империи со странами Востока настоятельно требовало создания авторитетного органа для обсуждения этих проблем, выработки определенных решений и координации усилий не только местных, но и столичных администраторов.

20 мая 1819 г. Комитет министров решил сформировать специальный орган для изучения различных проблем, касающихся Средней Азии и Казахстана и относящихся к ведению министерств — иностранных дел, военного и финансов. 3 июля 1819 г. царь утвердил это решение¹¹. Кроме соответствующих министров он включил в число членов комитета, названного Азиатским, главнокомандующего в Грузии и руководителя царской администрации на Кавказе генерала-от-инфантерии А. П. Ермолова, а также М. М. Сперанского, бывшего тогда генерал-губернатором Сибири¹².

26 января 1820 г. Азиатский комитет был преобразован. В его заседаниях должны были участвовать начальник Главного штаба и министры (финансов, иностранных дел и внутренних дел); управление делами возлагалось на директора Азиатского департамента, а письмоводство — на чиновников департамента. 16 июля 1821 г. царь велел присутствовать в комитете и бывшему сибирскому генерал-губернатору М. М. Сперанскому (А. П. Ермолов здесь уже не упоминается)¹³.

Уточняя круг обязанностей этого учреждения, К. В. Нессельроде 5 февраля 1825 г. отмечал, что оно должно «вникнуть в настоящее положение дел Оренбургского края» и дать рекомендации о мерах, «согласных с государственной пользой, как для улучшения нашей торговли с Верхнею или Среднею Азией, так и для охранения караванных путей и самих мирных киргизов». Здесь заслуживает особого внимания выделение в качестве первостепенных задач Азиатского комитета развитие торговых связей со среднеазиатскими ханствами.

Через два с половиной года Нессельроде несколько конкретизировал обязанности Азиатского комитета и отметил, что его деятельность носит стабильный характер: «Азиатский комитет имеет всегдашним предметом суждений своих дела по управлению подвластными России Киргизскими Ордами и заграничные сношения наши с Бухарой, Хивой, Китаем, отчасти же и с Персиею. Ежегодно встречается много случаев, по важности и самой сложности своей требующих совокупных соображений сего Комитета. По таковым уважениям признается оный не временным, но более постоянным»¹⁴. 22 августа 1827 г. статус комитета был окончательно утвержден как постоянный¹⁵.

Так сформировался высший в империи орган, управлявший и контролировавший восточную политику государства. На его заседания приглашались для дачи объяснений оренбургские военные губернаторы, когда они находились в столице. Этим подчеркивались роль и значение важнейшего форпоста России на азиатских рубежах — Оренбурга. Кроме того, после ухода с губер-

¹¹ АВПР, СПб. Главный архив, I—1, оп. 781, д. 488, лл. 2—3. Выписка из журналов Комитета министров от 20 мая и 8 июля 1819 г.

¹² АВПР, СПб. Главный архив, I—1, оп. 781, д. 488, л. 6. Выписка из журнала Азиатского комитета от 16 июля 1821 г.

¹³ Там же, лл. 11—12.

¹⁴ АВПР, СПб. Главный архив, I—1, оп. 781, д. 488, лл. 15—16. К. В. Нессельроде — Н. Н. Муравьеву от 10 августа 1827 г.

¹⁵ Там же, л. 17. Выписка из журнала Азиатского комитета от 25 августа 1827 г.

Нагорского поста в 1842 г. фаворита Николая I В. А. Перовского он был включен в состав Азиатского комитета. 25 апреля 1830 г. членом комитета стал директор Азиатского департамента К. К. Родофиникин.

Строго определенной программы действий комитет не имел. Созывался он не регулярно, а по мере накопления дел: в 1826—1827 гг., к примеру, около сорока раз. Это было вызвано оживлением сношений со среднеазиатскими ханствами, приемом и отправкой различных посольств, рекогносцировочных экспедиций и т. п. В 1839—1846 гг. собирались один-два раза в год.

В 1847 г. Азиатский комитет по существу прекратил свою деятельность. Официальный «Очерк истории Министерства иностранных дел» объясняет это тем, что внимание министерства в конце 40-х годов XIX в. было сосредоточено на дальневосточных проблемах, в результате чего возник фактически Амурский комитет. В дальнейшем комитеты, занимавшиеся азиатскими проблемами, именовались «Особыми» и собирались в присутствии царя¹⁶.

Однако и до образования Азиатского комитета, и после его создания, и тогда, когда он прекратил свое существование, и в период Особых комитетов царское правительство не имело никаких мало-мальски детально разработанных планов восточной политики (по крайней мере применительно к Средней Азии), рассчитанных на большую перспективу. «Должен обратить внимание вашего величества на то обстоятельство, что на всем протяжении наших границ в Азии в наших действиях нет, можно сказать, единства, нет той последовательности, которые необходимы для хода дел и которые безусловно принесли бы нам большие выгоды, если бы у нас был более совершенный план действий. Но, чтобы иметь возможность составить подобный план, надо собрать самые точные и верные сведения относительно многих кочевых и горных народов Азии; Министерство иностранных дел и старалось, по возможности, выполнить эту задачу»¹⁷ — так докладывал в 1805 г. Александру I товарищ министра иностранных дел Адам Чарторижский,

¹⁶ «Очерк истории Министерства иностранных дел 1802—1902», стр. 131—132.

¹⁷ [А. Чарторижский], Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I, пер. с франц., т. 2, М., 1913, стр. 190.

один из «молодых друзей» императора, вскоре возглавивший внешнеполитическое ведомство.

Чарторижского сменил А. Я. Будберг, А. Я. Будберга — Н. П. Румянцев, затем почти 42 (!) года занимал министерский пост К. В. Нессельроде и 26 лет — А. М. Горчаков, а «подробный план», сулящий «большие выгоды», так и не был подготовлен, хотя различные сведения собирались и накапливались. Решались в основном текущие проблемы, подкормленные сегодняшним днем. Однако главные из них, переходившие из года в год, из десятилетия в десятилетие, поручавшиеся то одному посольству, то другому, вполне четко прослеживаются и могут быть определены (в общем плане, конечно).

Среди крупных проблем следует указать на расширение торговых связей и улучшение условий торговли для российских купцов в ханствах, во-первых, и на распространение и укрепление политического влияния России в Средней Азии, во-вторых. Причем царские власти не представляли себе конкретно, какими путями и способами возможно осуществить подобное «укрепление влияния», и если развитие экономических отношений связывали с определенными практическими мероприятиями, предлагая их реализацию правителям Бухары, Хивы или Коканда, то желательное расширение политического влияния видели в составлении эфемерных документов типа «обязательных актов», до которых эмирам и ханам не было никакого дела.

Более четкий характер имели задачи меньшего масштаба, которые также переходили из инструкции в инструкцию для отправлявшихся в ханства миссий. Это прежде всего требование освобождения русских подданных, оказавшихся в силу несчастных обстоятельств в плену, в неволе в Хиве (в основном) или в Бухаре, а также достижение договоренности о допуске официальных агентов Российской империи в Бухару и Хиву.

Первая из отмеченных проблем возникла задолго до начала XIX в. В нашей литературе уже отмечалось, что «„статейные списки“ русских посольств в Среднюю Азию XVI—XVII вв. ... и все связанные с этими „списками“ документы: отписки, челобитные самих русских рабов-полоняников... доказывают большое развитие русского рабского труда в ханствах Средней Азии, особенно в Хиве. Вот почему борьба за выкуп и освобождение этого

„живого товара“ как рабочих рук была главной официальной целью всех русских посольств того времени. Количество русских рабов в Хиве считалось... тысячами, о чем свидетельствует донесение Петру Великому Флорю Беневени, бывшего в Бухаре в 1721 г.»¹⁸.

Русские невольники — мужчины и женщины, захваченные во время набегов на Оренбургскую либо Сибирскую линию, высоко котировались как рабочая сила; их перепродавали из одного города в другой. Захваченных солдат и казаков старались превращать в ханских сарбазов; некоторым из них удавалось дослужиться до высоких чинов, их ценили в качестве инструкторов местных войск. При всех обстоятельствах, несмотря на проявляемую царским правительством настойчивость, освобождение пленных достигалось с огромным трудом и занимало многие годы.

Эта проблема влияла не только на существо взаимоотношений Российской империи со среднеазиатскими ханствами, но и на форму этих взаимоотношений, на методы воздействия. Ибо царские власти после неудачных попыток добиться освобождения своих захваченных подданных мирным, дипломатическим путем начинали планировать военное давление (или думали об этом).

Вот, например, характерный документ; он относится к началу XIX в., но его вполне можно проецировать на первые шесть десятилетий этого столетия по тем мыслям и соображениям, которые повторялись в аналогичных бумагах. 25 сентября 1805 г. оренбургский военный губернатор Г. С. Волконский писал министру иностранных дел А. А. Чарторижскому, что его агент, отправленный за «пленными киргизцами российский человек», доставил просьбу об освобождении от всех невольников из России, находящихся в Хивинском ханстве. К этой просьбе губернатор присовокуплял свое мнение. Оно гласило, что «никакие убедительные сношения не могут преклонить хивинское правительство на добровольную выдачу пленных, ибо они доставляют своим владельцам существенное пропитание в жизни. Одна только сила российского оружия, — заключал Волконский, — может

¹⁸ А. В. Панков, К истории торговли Средней Азии с Россией XVI—XVII вв., — «В. В. Бартольд туркестанские друзья, ученики и почитатели», Ташкент, 1927, стр. 37. Думается, что автор преувеличивает значение этого вопроса в политике России в Средней Азии: на первом плане стояли все же вопросы торговли.

разве принудить хивинцев возвратить россиян в недра Отечества нашего...»¹⁹.

Что же касается пожелания иметь своего консула в ханствах, Петербург периодически то выдвигал его, то отказывался от него, полагая, что реальной роли такой консул играть не будет.

В дальнейшем мы более или менее детально рассмотрим цели, какие ставились перед царскими посольствами и миссиями, отправлявшимися в Среднюю Азию в первой половине XIX в.

* * *

Как же происходил прием посланцев среднеазиатских ханств? Обычно они приезжали в Оренбург (значительно реже — преимущественно из Коканда — в Омск, где находилась резиденция генерал-губернатора Западной Сибири). Здесь их принимали чиновники Оренбургской пограничной комиссии, которая находилась в ведении Азиатского департамента; с главой посольства беседовал председатель этой комиссии. О прибытии миссии, ее целях и задачах, выявленных подобным образом, сообщали в столицу.

Если отношения с приславшим своих представителей государством были враждебными или нужно было показать недовольство его действиями, царское правительство отказывало в допуске его миссии в Петербург. Аналогичным образом поступали, когда ее глава не был достаточно высокопоставленным сановником, либо намеревался обсуждать нежелательные темы.

В лучшем случае министерство иностранных дел получало санкцию царя на выезд ханских посланцев в Петербург со специальным приставом, которого обычно выделяла оренбургская пограничная комиссия по согласованию с министерством, и небольшой охраной. Для содержания гостей выделялись соответствующие средства. Гостеприимство было достаточно широким: царские власти стремились поразить прибывших столичным блеском, промышленным развитием и т. п.

Деловые беседы сочетались с императорской аудиенцией, приемом у императрицы, у наследника престола. Приезжих знакомили с достопримечательностями столицы. К примеру, кокандским послам в 1828 г. показали

¹⁹ АВПР, СПб. Главный архив, II—9, оп. 46, 1805—2, лл. 1—2.

чугунный завод на Шлиссельбургской дороге, первый кадетский корпус, цирк, кунсткамера (по их желанию), госпиталь, где «поправили зрение» одному из них. Бухарский представитель Балтакулибек Рахметбеков зимой 1839 г. побывал на казенном стеклянном заводе, в Академии художеств, монетном дворе и во многих других местах. Его соотечественник Мулла Мукимбек летом 1840 г. осматривал «фарфорово-хрустально-зеркальные императорские заводы», кунсткамеру, монетный двор, горный корпус, ботанический сад, Академию художеств, Пулковскую обсерваторию. Посланнику эмира Бухары Мирахуру Мулладжану спустя 15 лет показывали Технологический институт, Исаакиевский собор, те же фарфоровые заводы, оранжереи ботанического сада, Царское село, музей Академии наук и др. Иногда среднеазиатских гостей возили в Кронштадт.

Почти непременно было посещение «императорских театров». При этом заблаговременно заказывалась такая ложа, чтобы из нее была видна императорская ложа.

Традиционный характер имел и обмен дарами. Из Средней Азии в большинстве случаев привозили в подарок лошадей (аргамаков), ткани (особенно шелка), изредка слонов. Для сокращения расходов и по указанию министерства животных порой оставляли в Оренбурге (особенно если ценность их была невелика и они находились в плохом физическом состоянии). Посланцам вручали ответные дары. Русские посольства также везли подарки от царя и некоторых сановников в ханства, где получали взамен дары. При этом подчас учитывались пожелания среднеазиатского правителя и его доверенного лица. Считалось, что ценность подарков прямо пропорциональна значению посольства и важности вопросов, которые поручено ему разрешить.

Правительство Российской империи, разумеется, всячески старалось оградиться от проходивших, выдававших себя за послов (нередко были и такие), а также от лиц, аккредитованных в нарушение существовавших правил. Интересно, что министр коммерции Н. П. Румянцев, снаряжая летом 1803 г. в Бухару поручика Я. П. Гавердовского, велел ему разведать, на каком основании отправляются оттуда посланцы в Россию²⁰.

Проблемы среднеазиатской торговли и ее организация

На протяжении всего рассматриваемого периода развитие торговых отношений с ханствами Средней Азии являлось одной из важнейших, если не самой важной целью политики России в этом регионе. Поэтому есть смысл хотя бы вкратце коснуться некоторых организационных сторон торговли. В основном, особенно в первые десятилетия XIX в., она велась частными предпринимателями — купцами, которым государство всячески «споспешествовало». Но нередки были случаи, когда инициатива в организации отправки торгового каравана исходила всецело от царских властей.

В первом десятилетии (с 8 сентября 1802 по 25 июля 1810 г.) вопросами экономических связей ведало Министерство коммерции во главе с бессменным руководителем — Н. П. Румянцевым, но после утверждения законов от 25 июля и 17 августа 1810 г. оно было ликвидировано. Внешняя торговля вошла в компетенцию Департамента внешней торговли Министерства финансов, а внутренняя — Министерства внутренних дел.

К этому времени на русско-азиатской границе существовали кроме Кяхты и Цурухая 9 таможен и 16 таможенных застав. В феврале 1812 г. директор Департамента внешней торговли сенатор Обресков предложил создать три таможенных управления: 1. Кавказское и Грузинское, 2. Астраханское и 3. Оренбургское, к которому должны были отойти все таможни и заставы в Оренбургской, Томской и Тобольской губерниях. Формально заведование всеми таможнями Обресков поручил бывшему оренбургскому гражданскому губернатору Веригину, причисленному к Министерству финансов, но непосредственно Веригин заведовал только Астраханским таможенным управлением, контролируя другие через «особенных чиновников». Однако такое положение было временным. Окончательной выработкой таможен-

²⁰ АВПР, СПб. Главный архив, I—8, оп. 7, 1800—1, л. 82. Предписание Н. П. Румянцева от 19 августа 1803 г.

ной системы и ее введением должен был заняться тот же Веригин¹.

3 ноября 1811 г. Александр I подписал указ о назначении Веригина управляющим азиатскими таможенными, а 15 ноября новый управляющий получил инструкцию министра финансов Д. А. Гурьева, в которой говорилось: «1. Важность Азиатской торговли, особливо производимой чрез Каспийское море и Оренбургскую линию, обращала всегда на себя особенное внимание правительства, и потому распространение ее и облегчение производства оной устранением всех препятствий в торговых сношениях с народами, соседственными и населяющими внутренность Азии, составляют главную цель вашего назначения. 2. Затруднения в торговых сношениях произтекать могут от двух причин. **Первое:** когда изданные правила на производство торговли с столь разными народами, не быв сообразны с просвещением, нравами, обычаями и законами их, противятся к большому оживлению торговых сношений. **Второе:** когда местное управление послаблением своим допускает, в противность изданных правил, вкрадываться злоупотреблениям и пристрастиям разного рода в таможенных и заставах, чрез которые производится торг». Веригин был обязан изучить все особенности торговли и искоренить злоупотребления, способствуя тем развитию экономических связей².

Основную роль в торговых отношениях со среднеазиатскими ханствами играли таможи Оренбургского округа. Их было четыре: Оренбургская, Троицкая, Петропавловская и Семипалатинская. В начале 20-х годов XIX в. начальник округа П. Величко предложил реорганизовать местное таможенное управление. Он ссылался на протяженность таможенной границы и неудобства, связанные с этим. Например, хивинские купцы «выходили» к Сарайчиковской крепости, а их товары досматривались за 750 верст от нее — в Оренбурге или в Астрахани³. Это обстоятельство плохо отражалось на развитии торговли.

В результате длительных обсуждений и обширной переписки последовал царский указ о разделении Орен-

бургского таможенного округа на два: Оренбургский и Сибирский. Компетенция первого простиралась от Гурьева до Звериноголовской крепости; второго — от Звериноголовской крепости до Бухтармы⁴.

В конечном итоге, однако, таможенное устройство и направление таможенной черты представляют собой частности, хотя и небезы-interесные. Большее значение имеет отношение правящих кругов страны к торговому сословию, к развитию экономических связей. Детальное исследование этих вопросов не входит в наши задачи, но остановиться на них вкратце есть несомненный смысл.

А. В. Предтеченский в глубоком и содержательном исследовании общественно-политической жизни Российской империи в начале прошлого столетия обоснованно подчеркивал стремление Павла I оказывать всестороннюю поддержку купечеству. Оно проявилось в указе 27 марта 1800 г. о введении для купцов звания коммерции советника, которое соответствовало капитану или майору на военной службе, коллежскому асессору в гражданских чинах). Осенью 1800 г. Павел I предложил представителям купечества разработать проект мероприятий, которые должны были способствовать развитию промышленности и торговли. 13 сентября 1800 г. он утвердил новый состав коммерц-коллегии; важная роль предоставлялась в ней купцам.

После смерти Павла Александр I, учитывая недовольство дворян, исключил из коммерц-коллегии представителей торгового сословия⁵ и отменил ограничения, наложенные на экономические связи с Англией. Но это не означало, что новый император пренебрегал интересами купечества. После прихода к власти он уделял много внимания развитию торговых отношений с возможно более широким кругом стран.

Хорошее представление об этом дает официальное издание «Министерство финансов 1802—1902», в котором сказано, что после воцарения Александра I появились новые веяния: «долгий мир, по-видимому, был обеспечен; настало время крупных преобразований». Царь и министр коммерции Н. П. Румянцев «увлекались

⁴ Там же, л. 59.

⁵ А. В. Предтеченский, Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века, М.—Л., 1957, стр. 50—53.

¹ ЦГИА СССР, ф. 19, Департамент внешней торговли, оп. 3, д. 121, лл. 3—4.

² Там же, лл. 8—14.

³ Там же, д. 122, лл. 1—25. Записка Павла Величко.

идеями Адама Смита о свободе торговли и об основа-
ниях богатства государства. Выводы творца политэко-
номии нередко повторяются в докладах и объяснитель-
ных записках гр. Румянцева к проектам законов. Мыс-
ли о свободе торговли составляли полную противополо-
жность началам, которые были положены в основание
мер» при Павле I⁶.

Под влиянием своих воспитателей швейцарца Лагар-
па и «известного последователя Адама Смита — Штор-
ха»⁷, под воздействием веяний эпохи Александр I пер-
вое время не прочь был щегольнуть либеральным фле-
ром; стали издаваться книги, которые в павловское
время находились под строжайшим запретом, а порой
мелькали либеральные фразы в царских манифестах», —
отмечает советский исследователь этой эпохи С. Б. Окунь.
Далее он пишет: «Еще в 1802 г. почти одновременно
вышли из печати перевод сочинения А. Смита „О богат-
стве народов“ и систематическое изложение его учения.
Характерно, что первым переводчиком в России на рус-
ский язык Смита был черниговский вице-губернатор
Политковский, выполнивший перевод по распоряжению
министра финансов. Расходы по изданию были приняты
на счет казны. Изложение учения Адама Смита, кроме
того, печаталось в „Санкт-Петербургском журнале“,
официальном органе Министерства внутренних дел»⁸.

Таким образом, насмешливые строки из «энциклопе-
дии русской жизни» первой четверти XIX в. — «Евгения
Онегина» о том, что герой А. С. Пушкина «читал Ада-
ма Смита и был глубокий эконом», отражали действи-
тельность.

14 марта 1803 г., почти сразу после вступления на
престол, Александр I отменил изданный всего за три
дня до того указ Павла о выпуске из портов империи
российских товаров лишь по «высочайшему повелению».
Распоряжение царя мотивировалось стремлением «до-
ставить коммерции свободное и беспрепятственное обра-
щение». Конечно, самодержца интересовали и полити-
ческие проблемы, в частности желание улучшить отно-

шения с Францией. Но экономика занимала видное ме-
сто. Так, вскоре последовали манифесты и законода-
тельные акты, которые подчеркивали поощрительное от-
ношение правительства к развитию коммерции; напри-
мер, манифест от 2 апреля 1801 г. гласил: «Отверзь
все источники торговли и поставь ее в полном ее те-
чении, дабы польза ее, разливаясь на все состояния,
наипаче способствовала к ободрению земледелия».
В указе от 24 марта 1801 г. об отмене запрета на вы-
воз за границу хлеба и вина торговля именуется «важ-
нейшим источником изобилия и богатства»⁹.

Александр I поощрял и поддерживал активную дея-
тельность министра коммерции Н. П. Румянцева, кото-
рый был долгие годы одним из ближайших к императору
государственных деятелей. Румянцев выступал на-
стойчивым пропагандистом широкого развития экономи-
ческих связей Российской империи с Востоком, в част-
ности со среднеазиатскими ханствами.

В начале XIX в. «вопросами азиатской торговли
сильно интересовались в высших сферах», подчеркивает-
ся в официальном издании Министерства финансов.
Долгое время собирались материалы для пересмотра
таможенных тарифов, которые действовали в Астрахан-
ском (с 1754 г.) и в Оренбургском (с 1777 г.) округах.
После длительной подготовки, прерываемой важными
политическими событиями в Европе, нашествием Напо-
леона и т. п., 30 мая 1817 г. были наконец утверждены
новый таможенный устав и тариф для азиатской тор-
говли (он применялся на Востоке повсеместно, за ис-
ключением Кяхты). В основе устава 1817 г. лежали
«соображения о великом значении для России торго-
ва с Азией: Россия на западе граничит со странами, более
развитыми, чем мы, в промышленном отношении, и по-
тому лишь на востоке наши фабрики и заводы могут
найти обеспеченный сбыт своим произведениям. С дру-
гой стороны, развитие торговли с Азией важно в отно-
шении политическом, как одна из мер к сближению с
нами и к умиротворению диких азиатских племен»¹⁰.

Обложение товаров было предельно упрощено, мно-
гочисленные пошлины «разных наименований» — отме-
нены. Сырье пропускалось беспошлинно, с полуфабрика-

⁶ «Министерство финансов 1802—1902», часть первая, СПб., 1902, стр. 126.

⁷ Константин Лодыженский, История русского таможен-
ного тарифа, СПб., 1886, стр. 159.

⁸ С. Б. Окунь, История СССР 1796—1825. Курс лекций, Л., 1948, стр. 128.

⁹ «Министерство финансов 1802—1902», стр. 127.

¹⁰ Там же, стр. 148.

тов взималось 2% их стоимости, с «недорогих и средней цены товаров в обработанном виде» — от 10 до 20%, с предметов роскоши — 25%; ввоз тканых с золотом изделий, коленкора и ассигнаций воспрещался. Отпускные товары облагались совершенно незначительной пошлиной (1%). Запрещался вывоз оружия, судов и такелажа, монет и ассигнаций¹¹.

Улучшение условий экономических связей с Востоком было частью обширной программы, намеченной в первом десятилетии XIX в. для укрепления торгового могущества Российской империи, расширения сбыта ее промышленной и сельскохозяйственной продукции, ее роли в транзитной торговле. «Ставилась широкая мировая задача организации новых, всецело в интересах России, торговых путей международной торговли; Россия должна была взять в свои руки торговое между Западной Европой и Азией посредничество, выгодами которого так умело всегда пользовались многие государства Запада. В этот период поэтому так тщательно изучаются условия азиатской торговли, снаряжаются экспедиции на Дальний Восток, издаются узаконения, идущие навстречу торговле и облегчающие ее ход, заботливо поддерживается всякое начинание, указывающее на проявление активной деятельности по международной торговле». Большие «права и преимущества» получает купечество¹².

Неблагоприятная политическая обстановка помешала реализации некоторых из этих планов, но их тенденция весьма показательна. Не случайным было участие в их разработке Н. П. Румянцева. Дело было не только в занимаемой им должности, которая обязывала заботиться о расширении российской торговли. Его активность имела еще и другие причины. Этот министр коммерции (в дальнейшем — канцлер империи) являлся едва ли не самым просвещенным человеком своего времени¹³.

¹¹ Там же, стр. 148—149.

¹² Там же, стр. 152.

¹³ Н. П. Румянцев был членом Российской Академии наук, Московского общества истории и древностей, Прусской и Мюнхенской Академий наук, Географического и Азиатского общества Парижа, Философского общества Филадельфии, Варшавского общества наук, Московского, Виленского, Казанского и Краковского университетов и многих других (см.: В. С. Иконников, Граф Н. П. Румянцев, СПб., 1881, стр. 52).

Н. П. Румянцев интересовался историей, и его внимание не могли не привлечь методы обогащения Англии, в огромной степени обусловленные ее господством во многих странах Востока и той ролью, какую она играла в качестве торгового посредника.

Царского сановника, разумеется, мало беспокоили кровавые «подвиги» британских колонизаторов в Индии и других владениях. Его внимание привлекала преимущественно возможность создания в России какого-то подобия британской Ост-Индской компании, за спиной и от имени которой в бесправных колониях орудовали бы влиятельные круги государства.

Во всяком случае, английский пример волновал воображение Н. П. Румянцева и делал его активным сторонником, а подчас и инициатором многих предприятий, призванных укрепить и расширить торговые отношения России со Средней Азией. Свои соображения он изложил членам Непременного совета: так распорядился Александр I. «Опытами всех веков доказано, — рассуждал глава Министерства коммерции, — что богатейшие народы были те, которые азиатские произведения передавая, так сказать, из рук в руки, употребляли их на европейское искусство и роскошь, и сему ныне Англия примером. При сем заключении предстоит вопрос: может ли чрез нас богатый сей источник изливаться избытки свои в Европу?».

Может, отвечал на свой риторический вопрос Н. П. Румянцев. «Может потому, что Англия, которая и ныне сим пользуется, покушалась приобретать оные транзитным чрез Россию торгом. Домогались того и монархи их — король Эдуард VI и мудрая Елизавета от 1553 г. до 1582 г., потом в 1734 году заключен даже был у Англии с Россией трактат, коим дозволялось великобританским подданным чрез Россию провозить азиатские товары...»

Далее министр коммерции рассматривал три торговых пути из России в Среднюю Азию: с западного берега Каспийского моря, через Мангышлак; через Оренбург и Троицк; со стороны Иртыша в Ташкент. «Все сии три пути, столь отдаленные друг от друга, влекущие к источнику азиатских богатств, связываются Бухариною, которая и сама по себе составляет поприще торговли собственными продуктами и вблизи границ своих имеет Кабул и Лагор, служащие будто вратами в Персию и

Северную Индию, с другой стороны — Тибет, Кашгар и Кашемир, достигающие Китая».

Н. П. Румянцев сетовал на дорожные трудности, при которых караваны подвергались нападениям кочевых племен. С его точки зрения, заслуживал признания лишь один из путей: «...действительная и открытая дорога лежит из Оренбурга, по коей не токмо из соседственных губерний, но и из самой Москвы и внутренних городов, как-то из Ростова, Переславля и Казани... несмотря на частые грабежи с пожертвованиями знатного имущества, торговые предприятия наши в Бухарию и Индию неизменно ежегодно стремятся».

Он разработал систему мер по обеспечению доставки товаров из России в среднеазиатские ханства и в обратном направлении, которая предусматривала вооруженную защиту торговых обозов, создание опорных пунктов на путях, нажим на руководителей казахских племен, кочующих вблизи этих трасс, и другие мероприятия¹⁴.

«Планы гр. Румянцева были обширны и величавы, — подчеркивается в уже цитированном издании „Министерство финансов 1802—1902“. — Он мечтал включить Россию в круг держав, ведущих активное торговое посредничество, вывести ее из того обособленного положения, в котором она находилась по условиям своей внешней торговли»¹⁵. Авторы этого труда либо не понимали сущности проблемы, либо не хотели писать о том, что не «условия внешней торговли», а экономическое отставание Российской империи от более развитых в промышленном отношении стран обуславливало слабость ее внешнеторговых позиций.

Высокообразованный Н. П. Румянцев отдавал себе в этом отчет и стремился компенсировать трудности сбыта российских товаров на Западе расширением их сбыта на Востоке, тем более что в те годы быстрый рост внешней черноморской торговли оживил давние мысли о возможности установить непосредственные торговые сношения с Индией, сделав Одессу звеном соединения Востока с Западом. Южнорусские порты представ-

¹⁴ ЦГИА СССР, ф. 1147 «Непременный совет», оп. I, д. 290, лл. 5—12. «Мнение» гр. Н. П. Румянцева (апрель 1802 г.). См. также: «Материалы по истории Казахской ССР (1785—1828 гг.)», т. IV, М.—Л., 1940, стр. 196—199.

¹⁵ «Министерство финансов 1802—1902», стр. 127.

ляли удобный выход для транзитных товаров, облегчая и сокращая путь в Индию.

Поскольку Иран, через который пролегали дороги в Индию, был обхвачен межфеодалными раздорами и войнами, Министерство коммерции изучало возможности движения в Кабул и далее, на Деканский полуостров, через Оренбург и Астрахань, за которыми лежали степи Казахстана и ханства Средней Азии — Бухарское и Хивинское. Но и здесь были свои немалые трудности: слабая изученность пути, враждебные набеги, отсутствие договоренности с правителями Бухары и Хивы (как и Коканда) об условиях торговли и движения караванов и т. п.

Чтобы завершить краткую характеристику деятельности Н. П. Румянцева на поприще руководителя торгового ведомства, отметим, что еще в начале XIX в. он предвидел опасность для развития сбыта российских товаров в странах Азии со стороны Британской империи, которая превращалась в огромную колониальную державу. По своим внешнеполитическим взглядам Румянцев был сторонником сближения с Францией в противовес Англии, в чем расходился с позицией «молодых друзей» Александра I.

Один из них Н. Н. Новосильцев, 11 апреля 1807 г. писал другому — В. П. Кочубею: «Граф Румянцев — безумец. Он видит в Англии очень опасного конкурента для русской торговли с Индией, Китаем и Японией... Если ему предоставить свободу, он погубит не только нашу торговлю, но вместе с нею и государство»¹⁶. Однако сближение с Францией после Тильзита укрепило позиции Румянцева. 30 августа 1807 г. он был назначен министром иностранных дел и находился на этом посту фактически до разрыва с Наполеоном и вторжения его войск в Россию в 1812 г., формально уйдя в отставку через два года.

В течение 1807—1812 гг., используя влияние министерств коммерции и иностранных дел, Н. П. Румянцев стремился к укреплению и развитию политических и экономических связей Российской империи со странами

¹⁶ М. А. Корф, Александр I и его приближенные до эпохи Сперанского. Неизданная глава из «Жизни графа Сперанского», — «Русская старина», 1903, февраль, стр. 224—230, 232. Цит. по: А. В. Предтеченский, Очерки общественно-политической истории России..., стр. 234.

Востока, в том числе с государствами Средней Азии — Бухарой, Хивой и Кокандом. Однако не он один (а иногда даже и не он) определял характер политических отношений с южными соседями России. Ими интересовались и другие ведущие деятели царского правительства.

Какое же место в планах Российской империи занимали среднеазиатские ханства и лежащий на пути к ним Казахстан? Некоторый ответ на этот существенный вопрос дает «Обозрение азиатских народов и государств, которые особенно важны для России». Этот документ был подготовлен в начале 1830 г. ответственными чиновниками Азиатского департамента Тимковским, Титовым и Мальцовым для наследника престола вел. кн. Александра Николаевича, чтобы ознакомить будущего царя с существующим «самым последним» официальным взглядом на Казахстан и Среднюю Азию.

Первостепенное внимание в «Обозрении...» уделялось экономическим проблемам. «Главная выгода, которую Россия получает от киргизов всех Орд, — подчеркивалось в документе, — заключается в вымене от них лошадей, а особенно рогатого скота и овец, из которых добывается великое количество сала и кож; предметы сии, как известно, составляют обширную ветвь нашей внутренней и заграничной торговли». Далее отмечалось, что у местного населения нет ни фабрик, ни заводов, поэтому оно торгует лишь «естественными произведениями их степного, пастушеского хозяйства».

Составители «Обозрения...» приводили «для соображения» сведения о годовом торговом обороте самого малочисленного казахского султаната — Малого жуза, располагавшего наименьшим количеством скота. Этот жуз продавал в год около 400 тыс. овец на 2,6 млн. руб., 100 тыс. овечьих шкур на 60 тыс. руб., 10 тыс. пудов овечьего сала на 55 тыс. руб., 4 тыс. пудов козьего пуха на 80 тыс. руб., 15 тыс. конских кож на 25 тыс. руб., 3 тыс. лошадей на 100 тыс. руб., 10 тыс. заячьих шкурок на 5 тыс. руб. Всего — на 2925 тыс. руб. В обмен на это российские купцы продавали казахам хлеб, различные ткани, железную, медную посуду и другие изделия. Таким образом, заключали составители документа, население казахских степей «составляет многочисленный класс потребителей собственно российских произведений, к ощутительной взаимной пользе». Кроме того, оно активно участвует в торговле России со Сред-

ней Азией (перевозка товаров), а случается — и грабит караваны.

Авторы указывали также на особую роль Хивинского ханства «по участию жителей его в торговых связях России с областями Средней Азии». Близость Хивы к торговым путям, ведущим в местные ханства, «содействует ее весьма важной для нашей торговли». Хивинцы отправлялись на верблюдах с товарами прежде всего в Бухару, покупали там «собственные ее и иностранные произведения» и везли все это «вместе с прекраснейшей своей хлопчатой бумагой» в Россию до Оренбурга по «Киргизским степям» или в Астрахань через Мангышлак и Каспийское море.

Эта торговля очень доходна для обеих сторон. «Сии-то выгоды, извлекаемые обоюдными подданными из торговли между собой, составляют главное, хотя не совершенно прочное звено связей наших» с Хивинским ханством. Ибо надежды на прочные договорные отношения — слабы. Правители Хивы (чиновники Азиатского департамента весьма нелестно отзывались о Сеид Мухаммед Рахим-хане. — Н. Х.) подстрекают «киргизских батырей к грабежам караванов и к захвату на линии наших людей, конх покупают для себя в рабство», а также наносят урон русско-бухарским экономическим отношениям (например, разграбление каравана в 1825 г.). В документе отмечается, что сменивший Сеид Мухаммед Рахим-хана на престоле Аллакули-хан отправил в Россию посла с дарами, но не уполномочил его «на удовлетворение важнейших наших требований». Поэтому ханский представитель не был допущен ко двору и был вынужден возвратиться домой.

Ниже говорится, что Бухарское ханство также крайне заинтересовано в расширении торговых связей и «преимущественную же пользу находит Бухария в торговле с Россией», которая служит «главнейшим источником сбыта бухарских произведений и вместе неистощимым запасом разного рода российских товаров, возимых бухарцами для транзитного их торга».

Составители «Обозрения...» подчеркивают, что выгоды от экономических связей с этим ханством «весьма ощутительны для нашей мануфактурной промышленности», но торговля могла бы иметь более крупные размеры, если бы бухарцы продавали свои товары российским купцам на Линии, а караваны не подвергались бы

нападениям на пути следования. Был составлен план охраны торговых обозов: от Бухары до Сырдарьи и обратно — войсками эмира, от Сырдарьи до Оренбурга и обратно — царскими войсками. Однако бухарские власти отклонили это предложение, сделанное в 1820 г. «как и многие другие предложения просвещенной державы» (т. е. России. — Н. Х.). Далее идет речь о Кокандском ханстве, купцы которого доставляют в Российскую империю хлопчатую бумагу, вывозя железо, медь и изделия из них, юфть, бобров, выдр, сандал, купорос, кошениль, сукна, парчу, ситцы и т. п. «Участие коканцев в нашей торговле еще более может принести пользы, когда произведения южных областей Азии примут направление чрез сие ханство в Россию и когда в Бухтарме учредится новое место взаимной мены» с азиатскими народами ¹⁷.

Это краткое изложение документа, по которому будущий царь должен был получить представление о месте народов Средней Азии и Казахстана в экономической жизни империи, свидетельствует, что, несмотря на все трудности, препятствовавшие нормальному развитию торговых отношений с ними, господствующие круги России придавали немалое значение развитию этих отношений, изыскивая способы их расширения.

Торговля со среднеазиатскими ханствами и «киргиз-кайсацкой степью» имела огромное значение как для Оренбургского края и соседних областей России, подчас весьма отдаленных от границ, так и для всего государства. Из Средней Азии и Казахстана доставлялось большое количество продовольствия и сырья для местной российской промышленности. Это во многом облегчало проблемы снабжения отдаленных областей и обеспечивало необходимую занятость населения.

Кроме того, товарообмен с этими контрагентами имел специфику, чрезвычайно важную для Российской империи, о чем убедительно свидетельствует официальное статистическое издание «Государственная торговля... в разных ее видах». Судя по таблице XVII этого издания («Вид государственной торговли привозной, отпускной и транзитной при всех портах и сухопутных границах»), за 1803—1807 гг. в Россию по всем границам было

ввезено металлов и полуметаллов на 46 525 864 руб., а вывезено из нее на 16 826 183 руб. или примерно в 2,8 раза меньше. Зато в Оренбургскую и Тобольскую губернии в ходе торговли с «Хивой, Бухариею и частью с Киргискою Ордою» было импортировано металлов и полуметаллов на 997 руб., а экспортировано из них — на 378 411 руб., т. е. почти в 390 раз больше.

Естественно, следовало дорожить рынком таких товаров, которые в других зарубежных странах находили значительно меньший спрос.

Народы Казахстана, Киргизии, Туркмении, Бухары, Хивы, Коканда становились потребителями продукции русских фабрик и заводов. Этими потребителями нельзя было пренебрегать, поскольку возможности сбыта продукции России на Запад все более сокращались. Постепенно создавались предпосылки превращения Средней Азии в рынок сбыта и источник сырья для развивавшегося в Российской империи капитализма.

Выше приводились характерные цифры, относившиеся к началу XIX столетия. А в 60-х годах этого века крупный отечественный экономист Ю. А. Гагемейстер сообщал своему приятелю — известному востоковеду Н. В. Ханыкову: «На днях уверял меня один из самых значительных бумажных фабрикантов Владимирской губернии, что для его местности рынок русский имеет несравненно менее значения, чем бухаро-ташкентский, и что сбыт товаров туда возрастает не по дням, а по часам. Тамошние жители находят теперь более выгодным сбывать нам свою бумагу и покупать у нас изделия, чем самим превращать бумагу в ткани» ¹⁸.

А. Левшин, специально изучавший в Оренбурге местные условия для товарообмена с населением Казахстана, считал их выгодными для России. Он видел эти выгоды в «разнообразии и множестве» русских мануфактурных изделий, «отпускаемых» казахам, в том числе таких, «которые большей частью не имеют другого выхода за границу», а также в получении взамен сравнительно дешевого сырья, в обогащении на этом поприще «пограничных жителей Оренбургской и Сибирской линий».

«Киргизы по всей вообще торговле своей в таком отношении к русским, в каком мы по некоторым отраслям

¹⁷ АВПР, СПб. Главный архив, II—1, оп. 30, 1830—1, лл. 14—15, 20, 28—29, 83, 89.

¹⁸ Библиотека им. Салтыкова-Щедрина, отдел рукописей, ф. 823, «Ханыковы», оп. 1, д. 2, лл. 20—21. Письмо от 12 января [1867 г.].

промышленности к англичанам и французам... Взамен отдаваемого киргизами скота и других сырых произведений своих получают они из России разные железные, чугунные и медные вещи...— продолжал А. Левшин.— Все товары сии, исключая весьма немногих, обыкновенно бывают собственно русские и большая часть оных не идет от нас никуда в Европу... Какой другой народ доставил бы нам в таком же большом количестве произведения, вымениваемые теперь у них? И кто взял бы от нас все те товары, которые мы ныне им отпускаем?»¹⁹.

Все сказанное почти полностью может быть отнесено к торговым связям между Российской империей и среднеазиатскими ханствами— Бухарой, Хивой и Кокандом: они были безусловно взаимовыгодны и полезны.

Большое значение для государственной казны имел также доход от таможен, обслуживавших среднеазиатскую торговлю. Он достигал немалых размеров и увеличивался по мере расширения товарооборота. Представление о его масштабах дает «Записка о торговле по Оренбургской и Троицкой таможенным чертам», с которой 15 февраля 1820 г. были ознакомлены члены Азиатского комитета.

С 1745 по 1820 г. в Россию через оренбургскую таможенную черту было ввезено товаров на 64,5 млн. руб., что принесло дохода 2,4 млн. руб., а вывезено— на 54,5 млн. руб., таможенные пошлины с них составили 1,2 млн. руб. По троицкой таможенной черте с 1775 по 1820 г. было ввезено товаров на 35,8 млн. руб., что дало дохода 1,6 млн. руб., а вывезено— на 39,5 млн. руб., доход— 0,3 млн. руб. Таким образом, общая сумма ввоза составила 100,3 млн. руб., а вывоза— 94,8 млн. руб., дохода— 5,5 млн. руб.

Через Оренбургскую и Троицкую таможи прошли караваны— в 1818 г. на 7638 верблюдах (товарных мест— 15 589), в 1819 г.— на 8947 верблюдах (товарных мест— 15 834). В 1818 г. значилось «по киргизской мене» 163 567 голов скота, в следующем году— 192 485. Всего доход за 1818—1819 гг. по обоим таможням составил в 1 267 027 руб. 27¹/₄ коп.²⁰.

¹⁹ Алексей Левшин, Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Часть третья: этнографические известия, СПб., 1832, стр. 215—216, 229—230.

²⁰ АВПР, СПб. Главный архив, I—1, оп. 781, д. 489, лл. 28—29.

Совершенно очевидно, что развитие товарооборота с Бухарой, Хивой, Кокандом было выгодно Российскому государству. Но на этом пути были свои, специфические сложности. Одна из них, и немаловажная (по крайней мере в течение второй половины XVIII—первой половины XIX в.), заключалась в том, что торговые караваны, которые отправлялись в Среднюю Азию или следовали оттуда, нередко подвергались разграблению. Порой на них нападали феодальные «дружины» каких-нибудь казахских вожаков, и тогда этот набег назывался «баранта» или «барымта» (собственно «отгон скота»). Если набег совершали туркменские степные «удальцы», он именовался «аламаном». Караваны страдали также и от притеснений хивинских отрядов или сборщиков податей, часто не ограниченных каким-либо законом.

Иногда царское правительство пыталось обеспечить торговые караваны охраной. Они шли под военным прикрытием; их называли «вооруженными караванами». Но и такие мероприятия успеха не имели. Так, еще в 1732 г. был разграблен русский караван, который шел из Астрахани в Бухару под охраной отряда полковника Гарбера. В 1738 г. подобная участь постигла вооруженный караван поручика Миллера, направлявшийся из Оренбурга в Ташкент²¹. В первой четверти XIX в. были разгромлены двигавшиеся в Бухару торговые обозы под прикрытием солдат и казаков поручика Гавердовского и полковника Циолковского.

Буржуазные авторы утверждали, что стремление к разбою и грабежам («аламаны» и «баранта») чуть ли не национальное свойство, присущее туркменам, казахам и киргизам. Таких же взглядов придерживалось царское правительство, изучавшее условия обеспечения безопасной торговли России со Средней Азией. Подобный подход не имел ничего общего с действительностью. Рассматриваемая проблема нашла верное отражение в содержательной статье А. А. Рослякова²². Заниматься ею вновь подробно нет надобности. Но сделать некоторые замечания по ее поводу в связи с нашей темой вполне целесообразно.

²¹ П. Е. Матвиевский, О роли Оренбурга в русско-индийской торговле, — «История СССР», 1969, № 3, стр. 103.

²² А. А. Росляков, Аламаны, — «Советская этнография», 1955, стр. 41—53.

1978
Казахские и туркменские племена в те годы находились на феодальной стадии развития с сильными пережитками патриархально-родового строя. Надо сказать, что в той или иной степени и в разные века ее пережили многие другие народы мира (в том числе и европейские) и также занимались «аламанами», т. е. разбоями, которые, понятно, имели другие названия, ибо разбой или «война есть один из самых первобытных видов труда... как для удержания собственности, так и для приобретения ее»²³.

Как правило, в набегах и грабежах участвовали шайки какого-нибудь хана, султана или бека. Отнюдь не всегда такие шайки формировались добровольно. Известны были случаи, когда приближенные султана или бека палками гнали рядовых кочевников и земледельцев, заставляя их нападать на мирных торговцев. Но, несмотря на это, большинство рода или племени продолжало заниматься честным трудом: пасло стада, возделывало землю; ему было не по дороге с военно-феодальной верхушкой («головорезами», по справедливому определению А. А. Рослякова), не гнушавшейся никакими средствами для своего обогащения.

Небезынтересно отметить, что в делопроизводстве Министерства иностранных дел (!) были заведены специальные дела под характерным названием «Сведения о приходящих, отходящих и ограбленных караванах» (курсив автора. — Н. Х.). Они составлялись из сообщений аккуратнейшего председателя Оренбургской пограничной комиссии Г. Ф. Генса Азиатскому департаменту. Аналогичные материалы поступали из Оренбургского таможенного округа и в департамент внешней торговли Министерства финансов. Раскроем, к примеру, дело за 1843 г.: 7 января киргизы-адаевцы отбили у хивинского каравана, покинувшего осенью 1842 г. Оренбургскую линию, 142 верблюда с товарами русских, казахских и хивинских купцов. На рубеже 1842 и 1843 гг. лишились имущества два татарских купца, следовавших в Среднюю Азию. Весной 1843 г. хивинцы разграбили бухарский караван, перерезав почти всех бухарских купцов. В это же время вооруженный отряд казахского султана Кенисары Касымова разгромил караван из тысячи

верблюдов, который шел из Ташкента в Петропавловск; известие об этом «приостановило» бухарские караваны, намеревавшиеся двинуться в Россию через Ташкент. У другого торгового обоза отобрали 6 верблюдов, 7 лошадей, 50 полушелковых халатов, 92 бумажных халата, 220 выбоек. Весной 1844 г. «люди Кенисары» напали на бухарский караван, который переправлялся через реку Тургай, и отняли у него товаров на 2 тыс. руб. В июне 1845 г. до Орской крепости с трудом добрались торговцы из Бухары, отделавшиеся тем, что уплатили Кенисаре Касымову «пошлины» товарами «рублей на 300». И еще много других донесений об ограблении караванов, «отбитии» верблюдов и лошадей, захвате товаров, о человеческих жертвах²⁴.

Такие же донесения поступали и от западносибирских властей, принимавших торговых гостей из Кокандского ханства и окрестных областей и снаряжавших туда русских купцов²⁵. Обстоятельства иногда складывались таким образом, что дороги оказывались блокированы почти полностью.

Пытливый наблюдатель и современник многих этих событий А. И. Левшин в 30-х годах XIX в. описывал их так: «Необходимость следовать дорогой, избранной вожатыми (караванов. — Н. Х.), и потеря времени в путешествии ничтожны для купцов в сравнении с опасностями, которым они беспрестанно подвержены в киргизских степях. Здесь останавливает их какой-нибудь сильный султан и за проход через свои кочевья требует произвольно им назначаемой пошлины или грозит задержать все товары. Тут встречает их другой повелитель толпы с такими же требованиями и угрозами. А там нападает на них вооруженная шайка разбойников, которая или по вражде с жокаками их, или по природному своему стремлению к хищничеству решила разграбить караван и исполняет свое намерение с обычным неистовством.

... Иногда расхищают их по одной только зависти к выгодам, получаемым султаном или родоначальником, который часто провожает их. Султан Меньшой орды Каип, бывший несколько времени ханом хивинским, в 1752 г. задержал большой караван, из Оренбурга в

²⁴ АВГР, СПб. Главный архив, II—3, оп. 34, 1843—6, лл. 1, 3—4, 6, 12—13, 14—18 и др.

²⁵ Там же, 1—13, 1817—4.

²³ К. Маркс, Критика политической экономии. — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 46, ч. I, стр. 480.

Хиву или Бухарию шедший, без всякой другой причины, кроме того, что правительство Российское предоставило ханское достоинство в Меньшой орде преимущественно потомкам Абуль-хайра. Хан Нурали, сын Абуль-хайра, отмстил тем же и велел грабить караваны, из Хивы в Оренбург шедшие; а когда губернатор Неплюев послал спросить о причине сих грабежей, он ответил: „Потому что купцы ходят не чрез мои аулы, а чрез аулы моего врага“.

Россия много употребляла кротких мер к отвращению сих насиллий и грабежей, но все они оказались недействительными, и опыт доказал, что доколе киргиз-кайсаки не изменят народного характера своего или не будут обузданы вооруженной рукой, дотоле не процветать торговле нашей с Средней Азией. Истина сия есть плод столетних испытаний и наблюдений»²⁶.

Столь длинная выдержка приведена не только из-за своей образности и красочности. Она характеризует взгляды авторитетных деятелей царской администрации (А. И. Левшин впоследствии занимал посты директора Департамента сельского хозяйства, товарища министра внутренних дел, был одним из основателей Географического общества) на обстановку в Казахстане. Здесь проскальзывает и абсолютно неправильная, но принятая официальными кругами точка зрения о «природном стремлении к хищничеству», и вызревавшее в тех же кругах мнение о «вооруженной руке» как средстве избавления от бед, и обоснованные рассуждения о межфеодальных раздорах и сваргах, и пустые разглагольствования о «кротости России».

При рассмотрении трудностей, возникавших на пути развития экономических связей между Российской империей и ее южными соседями, следует иметь в виду и особенности политической обстановки в Средней Азии и Казахстане XVIII — первой половины XIX в. Кочевые народы (видимо, туркмены в меньшей степени, казахи и киргизы — в большей) находились под воздействием (далеко не всегда благоприятным) среднеазиатских ханств — Хивы, Бухары, Коканда. В этих краях не прекращались войны, межфеодальные раздоры. Правители ханств были заинтересованы в использовании военных

ресурсов кочевников, привлечении их на свою сторону в борьбе с противником.

Особенно интенсивными были усилия Хивы. Ее правящие круги стремились подчинить себе казахов. Одним из методов достижения этого было стравливание различных казахских племен и родов. Блокада торговых путей, связывавших Россию со Средней Азией, представлялась хивинским «владельцам» подходящим способом нанести урон экономике соперника — Бухарского ханства. И они привлекали к этому всех, кого могли, — казахов, туркмен, каракалпаков.

В конечном итоге подобная политика оказалась близорукой и пагубной для самой Хивы. Неизмеримо более могущественная Российская империя, прокладывая своим товарам путь в Среднюю Азию, все чаще прибегала к вооруженной силе. Эти усилия приняли более интенсивный и настойчивый характер, когда выяснилось, что в Средней Азии, которая сначала казалась Петербургу надежным и обеспеченным рынком сбыта русских товаров, появился чрезвычайно опасный и опытный конкурент — Британская империя.

Вдумчивый и скрупулезный исследователь П. Е. Матвиевский отмечает, что «на рубеже XVIII—XIX вв., когда колониальное господство Великобритании утвердилось в Индии окончательно и ее экспансионистские происки в Средней Азии обнаружались с большей ясностью, снова возникает и дебатруется вопрос об учреждении в Оренбурге конторы индийской компании, о прямой торговле России с Индией, о вооруженных караванах. Высказывается мнение, что как Индия для Англии — „золотое дно“, так для России Бухара — „Афины Средней Азии“, а Хива — „Российский в великой Татарии Гибралтар“»²⁷.

При небольшой поправке с этим вполне можно согласиться. К началу XIX в. Индия в качестве вожденной цели экономических связей все более меркла в замыслах царского правительства, не говоря уже о торгово-про-

²⁶ «О роли Оренбурга в русско-индийской торговле в XVIII в.», — «История СССР», 1969, № 3, стр. 110—111 (со ссылкой на кн.: П. И. Небольсин, Очерки торговли России с Средней Азией, СПб., 1855, стр. 1, а также на «Русский архив», 1878, № 4, стр. 403). П. Е. Матвиевский приводит эти «мнения» и в другой работе: «Россия и среднеазиатские народы в годы войн с Наполеоном», — «Ученые записки государственного педагогического института им. Чкалова», вып. 8, Чкалов, 1956, стр. 105.

²⁷ Алексей Левшин, Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Часть третья: этнографические известия. СПб., 1832, стр. 238—240.

мышленных кругах. Она уступала место более реальному с политической точки зрения и легче достижимому практически району — Средней Азии. Об этом, кстати, свидетельствуют и приводимые П. Е. Матвиевским «мнения».

Единичные экспедиции, пытавшиеся нащупать тропы в далекую Индию, — Мехти Рафаилова, Семена Мададова, Рафаила Данибегова (Данибегашвили) и др. — постепенно теряли смысл в глазах руководящих деятелей России (хотя и сохранили, безусловно, научный интерес). Центр тяжести политики, теснейшим образом связанной с экономикой, перемещался в Среднюю Азию. Убедительные доводы в пользу такого утверждения приводит Е. В. Бунаков²⁸.

²⁸ «К истории сношений России с среднеазиатскими ханствами в XIX в.», — «Советское востоковедение», т. II, М. — Л., 1941, стр. 5—26.

Шихтмейстеры в Бухаре и Ташкенте

На рубеже XVIII и XIX вв. из России в Бухару, а через несколько лет и в Ташкент отправились не купцы и не дипломаты, а представители горного ведомства. Отправленные из далекой северной страны официальные лица впервые посетили Ташкентское владение.

Последнее утверждение требуется уточнить. Большой знаток среднеазиатских древностей Ю. А. Соколов в выпущенной им незадолго до своей кончины интересной книге «Ташкент, ташкентцы и Россия» упоминает о Д. Телятникове — «русском после, ездившем в Ташкент из Омска в 1796—1797 гг.»¹. К сожалению, автор не приводит источника этого сообщения, поэтому трудно установить, какие именно материалы явились результатом миссии Д. Теляникова.

Насколько известно, в печати не было опубликовано ничего, что было бы связано с этим посольством, тогда как посетившие Ташкент «горные чины» привезли любопытные сведения, которые вскоре стали достоянием науки и вообще читающей публики. Думается, что им, а не Телятникову принадлежит заслуга в ознакомлении российской общественности с Ташкентским владением в очень важный период его существования, им и одному из тех энтузиастов развития отечественной науки и образования в XIX в., самоотверженные труды которого на этом поприще оценены далеко еще не в полной мере. Речь идет о Григории Ивановиче Спасском.

Но начнем с участников экспедиции на Восток. Ее непосредственной целью было изучение положения в ханствах Средней Азии, прежде всего, как обоснованно считает Ю. А. Соколов, в Ташкенте и, в частности, в связи с тем, что «до западно-сибирской пограничной

¹ Ю. А. Соколов, Ташкент, ташкентцы и Россия, Ташкент, 1965, стр. 38.

линии России» в середине 90-х годов XVIII в. дошли известия об обнаружении там золотоносных земель². Это обстоятельство определило и состав миссии. В нее вошли горный чиновник Змеиногорского серебряного рудника унтер-шихтмейстер II класса Тимофей Степанович Бурнашев и сержант IV мушкетерского батальона Алексей Севастьянович Безносиков.

Начальник Сибирской линии генерал-лейтенант Г. Г. Штрандман, снаряжавший посольство по распоряжению из Петербурга, снабдил их письмами к бухарскому правителю Шамураду, «ходжанскому и ташкентскому владельцам» и казахскому султану Букею. Конечной задачей Бурнашева и Безносикова было добраться до Ташкента и установить контакт с его властителем Юнус-ходжей. Послы обязаны были договориться о развитии торговли, заверить Юнус-ходжу в строгом соблюдении принципов взаимности в отношении к местным купцам, какие будут приезжать в российские пределы, а также в готовности принять его представителей.

Но миссия Бурнашева и Безносикова не достигла основного места назначения. Власти Бухары, куда прежде всего приехали посланные из России, выразили недовольство по поводу наличия у них писем к тем лицам, которые считались бухарскими данниками или вассалами. Хотя эти утверждения были беспочвенны, Бурнашев и Безносиков силой были вынуждены отдать все документы, кроме спрятанного ими письма к Юнус-ходже. После нескольких бесед с местными сановниками (самого Шамурада им повидать не удалось), Бурнашев и Безносиков получили право свободного передвижения по Бухаре, которым и пользовались в течение двухмесячного пребывания в этом городе. Затем вернулись на родину, поскольку проезд в Ходжент и Ташкент был категорически воспрещен бухарцами.

Итогом поездки явился сбор важных сведений о Бухарском ханстве. Но царское правительство продолжало интересоваться перспективами политических и экономических связей с восточными государствами. Намерение «пробиться» к ташкентскому владельцу не было снято с повестки дня. В 1795—1796 гг. Бурнашев и Безносиков попытались добраться до него другой дорогой, через

² Там же, стр. 65.

город Туркестан, но из-за болезни Бурнашева эта попытка потерпела неудачу.

Наконец в 1796 г. русскому посольству удалось попасть в Ташкент. Эта миссия возглавлялась казачьим атаманом подпоручиком Дмитрием Телятниковым. В ее состав входили А. С. Безносиков, переводчик — казачий капрал Яков Быков и др. Миссия завершила Юнус-ходжу в стремлении России расширить торговые и политические отношения с его владением.

Прибытие в Ташкент посольства из России вызвало у правителя Юнус-ходжи желание отправить в Петербург ответную миссию. В нее вошли Мулладжан Махсум — «ближайший и первейший советник» правителя, как его аттестует сам Юнус-ходжа³, и «тысяцкий» Ашур Али Бахадур. Вместе с Телятниковым и Безносиковым в сентябре 1797 г. они прибыли в крепость Омскую.

Генерал-лейтенант Г. Г. Штрандман докладывал Павлу I, что его посланцы не обнаружили в Ташкентском владении золота или серебра, но нашли медь, свинец и железо. Начальник Сибирской линии подчеркивал стремление ташкентских купцов к торговле с Россией; он предлагал направить в Ташкент крупный русский караван с товарами, а для безопасности просил разрешить конвоировать его линейными казаками, которых «харчевали» бы купцы. «Торг же тот, — отмечал Штрандман, — заведенный пространно в Ташкентских пределах, может в предыдущее время (т. е. в дальнейшем. — Н. Х.) бесспорно привлечь (т. е. привлечь. — Н. Х.) к такому же сношению не только народ соседственных к Ташкентской области, как-то Коканской, Ходжанской и Бухарейской, но и других владений, даже и из Тибета; сверх же того получаемы там быть могут и китайские товары»⁴.

Царские власти придали большое значение посольству Юнус-ходжи. 22 сентября 1797 г. Телятников получил «ордер», т. е. приказ вместе с Безносиковым и толмачом Быковым сопровождать Мулладжана Махсума и Ашура Али Бахадур в Петербург. 13 декабря представители Ташкента были приняты при дворе, а 9 января 1798 г. встречались с канцлером кн. А. А. Безбород-

³ АВПР, ф. Ташкентские дела, 1797—1798, оп. 111/1, д. 2. л. 1. Перевод письма Юнус-ходжи Павлу I от 2 июня 1797 г.

⁴ Там же, д. 3, лл. 2—3. Всеподданнейший рапорт Г. Г. Штрандмана от 22 сентября 1797 г.

ко, который говорил с ними «как о купечестве и о обоюдном соотношении ташкентских земель в рассуждении торговли с Россией, так и о здравии их владетеля и о прочем»⁵.

Ташкентцы вручили Павлу I послание своего владыки Юнус-ходжи, «поколения Омерова» (потомка халифа Омара I, якобы сподвижника Мухаммеда. — Н. Х.). В нем содержалась просьба прислать двух человек, «искусных в металлургии, для апробации найденных в моем владении пяти рудников»⁶.

Незадолго до этого Мулладжан Махсум и Ашур Али Бахадур передали одному из руководителей Коллегии иностранных дел, Сергею Лашкареву, документ, который гласил, что Юнус-ходжа, отправляя их, велел передать следующее: «1. Как с древних времен мы производим торговлю, то, желая пользоваться ею по соседству с российским пограничным купечеством», глава Ташкента просит царя разрешить беспрепятственную торговлю с купцами — его подданными, а также чтобы русские предприниматели «взаимообразно могли производить торги свои в нашей области». 2. Ташкенту угрожают его непосредственные соседи. Поэтому если они нападут на это владение «и последует между ими и нами несогласие», то он, Юнус-ходжа, просит императора «в таком случае, приняв его в свое покровительство, не оставить сильным своим защищением и о том ныне же его уверить высочайшей его величества грамотою, что его, владельца нашего Хаджи Мугамед Юнуса в высокое свое покровительство и защищение приемлет»⁷.

Как видим, просьбы правителя Ташкента выходили далеко за рамки развития обычных торговых отношений. Их осуществление могло привести к установлению вассальной, если не полной зависимости этого владения от Российской империи. Естественно, что эти предложения нуждались в самом серьезном изучении. Их обсуждала Коллегия иностранных дел в составе канцлера кн. Безбородко, кн. А. Куракина, гр. С. Румянцева и обер-секретаря Н. Яблонского⁸. Итогом их совещания явилось

⁵ Там же, л. 7. Памятная записка без даты.

⁶ Там же, д. 2, л. 1. Письмо Юнус-ходжи от 2 июня 1797 г.; подлинники его грамот, — там же, лл. 2 и 3.

⁷ Там же, д. 6, лл. 1—2. Перевод записки Мулладжана Махсума от 29 ноября 1797 г.

⁸ Там же, д. 3, л. 18.

письмо канцлера Безбородко Юнус-ходже от 9 марта 1798 г.

В нем содержались заверения, что все пожелания ташкентского владыки будут удовлетворены: 1. К нему будут отправлены минералоги для осмотра открытых рудников. 2. Беспрепятственная торговля гарантирована — император обещает ташкентским купцам «всякую по границе империи его безопасность, свободу и другие свойственные тому удобства и выгоды, но и своему подданному пограничному купечеству позволяет ездить с товарами во владение ваше, когда в оном обнадежено будет оно от вас такою же безопасностью, свободою и другими удобствами и выгодами, какие его имп. величество со стороны своей выше сего даровать соизволяет ташкентскому купечеству». 3. Что касается опасений ташкентцев по поводу поведения своих соседей, то канцлер писал: «...снисходя и на сие ваше прошение — всемиловнейше принять вас и благонамеренных подданных ваших под высокое свое покровительство [царь] соизволяет...» Безбородко выражал надежду, что эта «милость» будет оценена должным образом, и добавлял, что по всем рассмотренным вопросам дается соответствующее указание главе сибирской администрации Г. Г. Штрандману⁹.

Действительно, в тот же день, 9 марта 1798 г., было подготовлено соответствующее письмо начальнику Сибирской линии¹⁰.

Таким образом, царские власти пошли навстречу просьбам Юнус-ходжи. Это, однако, не означает, что у них была физическая возможность оказать в те годы реальную помощь далекому Ташкенту, что проявилось через несколько лет, когда это владение было поглощено Кокандским ханством. Но торговля с Ташкентом развивалась. К тому же туда вскоре были посланы шихтмейстеры — уже известный нам Бурнашев и его коллега М. Поспелов. Их функции ограничивались геологическими изысканиями и сбором материалов; политические переговоры не входили в круг обязанностей шихтмейстеров. В мае 1800 г. они выехали из Омска, где к тому времени Штрандмана сменил кн. Горчаков, и че-

⁹ Там же, д. 2, лл. 9—14. Письмо Безбородко Юнус-ходже от 9 марта 1798 г.

¹⁰ Там же, д. 3, лл. 9—15. Письмо Безбородко — Штрандману от 9 марта 1798 г.

рез Ямышевскую крепость и город Туркестан добрались до Ташкента. Мулладжан Махсум и Ашур Али Бахадур уже вернулись и рассказали о теплом и дружественном приеме, какой был им оказан. Это немало способствовало тому, что Юнус-ходжа с большой торжественностью встретил российских геологов.

В течение трех месяцев они беспрепятственно разъезжали по ташкентским землям, знакомились с жизнью населения, государственным и политическим устройством страны, ее природными ископаемыми и т. д.

Завершив свои труды, Бурнашев и Пospelов после прощальной аудиенции, сопровождавшейся вручением им подарков, двинулись в Россию. 7 октября 1800 г. они выехали из Ташкента, 7 ноября добрались до Сибирской линии и остановились в Ямышевской крепости, оставив в наставление будущим путешественникам в Ташкент «замечания» об особенностях дороги в этот город «через Киргиз-кайсацкую степь».

Этими «замечаниями» не ограничивались собранные ими сведения, которые вызвали животрепещущий интерес в самых высокопоставленных кругах империи. 29 апреля 1802 г. гр. Н. П. Румянцев отправил письмо Д. А. Гурьеву с просьбой прислать ему подготовленное Бурнашевым «Описание о Бухарии», которое было представлено «в Кабинет от начальства Кольванских заводов вероятно в 1793 или 1794 году, и при том Пospelова описание пути его. Сочинения сии,— обосновывал свою просьбу Румянцев,— при настоящем положении в том краю торговых наших дел весьма для меня нужны. Доставлением их ваше превосходительство очень одолжить изволите...»¹¹ Д. А. Гурьев вскоре прислал требуемые бумаги, в том числе обширное описание поездки, составленное Пospelовым и состоящее из 14 разделов¹².

Активность, какую проявлял в развитии торговых и политических отношений с государствами Средней Азии авторитетнейший Н. П. Румянцев — в ближайшем будущем министр коммерции, министр иностранных дел, канцлер,— была достаточно серьезным залогом его внимательного отношения к заметкам и наблюдениям Т. С. Бурнашева и М. Пospelова. Но их бумаги имели не только практическое значение для правительства.

¹¹ АВГР, СПб. Главный архив, II—21, 1800—2, л. 14.

¹² Там же, л. 15. Письмо Д. А. Гурьева от 1 мая 1802 г., а также лл. 16а—41. Описание поездки Пospelова.

Они представляли и немалый научный интерес. Однако их могла бы постичь участь материалов неудавшейся второй поездки и миссии Д. Телятникова, пролежавших в архивах свыше полутора веков и лишь в 1960 г. введенных в научный оборот, если бы не энергичная деятельность Григория Ивановича Спасского — человека, вполне заслуживающего большого уважения и глубокого внимания потомков.

Обер-берггауптман, т. е. один из высших чинов горного ведомства, историк и археолог Сибири, действительный член Русского географического общества и Общества истории и древностей Российских, член-корреспондент Археолого-нумизматического общества, член Петербургского общества любителей наук, словесности и художеств и множества иных обществ и организаций, Г. И. Спасский внес колоссальный вклад в расширение знаний своих современников о странах и народах Азии. «Деятельность Спасского, как историка и археолога, является целой эпохой в истории изучения Сибири XIX в.»¹³ — читаем в биографическом словаре. Однако не только Сибири, а и соседних с ней стран и областей, можем добавить мы.

Выходец из духовной среды (дата его рождения не установлена), Спасский получил образование в Московском университете, но «по окончательному образованию» стал горным инженером. Он начал служебную деятельность в сентябре 1799 г. подканцеляристом Московского губернского правления, в 1800 г. перешел в бергколлегию; через три года уволился оттуда и был назначен в горные учреждения Томской губернии, а в следующем, 1804 г. направлен в Красноярский и Кузнецкий уезды для сбора сведений по экономике и топографии. В 1806 г. находился в свите посольства Головкина в Китай, в 1807 г. стал земским исправником в Кузнецке. Это поприще, видимо, не удовлетворяло пылкий ум молодого и энергичного человека, ибо в 1809 г. он был освобожден от своей должности и по «желанию своему и склонности» зачислен как горный инженер в штат одного из крупнейших в то время российских горных учреждений — Кольвано-Воскресенских заводов. Основную часть своей горной службы он провел на

¹³ «Русский биографический словарь», СПб., 1909, стр. 177—179.

Змеиногорском руднике на Алтае и на всю жизнь проникся любовью к этому чудесному краю, интересом к его истории и природным богатствам.

В 1817 г. Г. И. Спасский сопровождал направлявшийся в Петербург караван серебра и остался в столице. Продолжая состоять в штате Колывано-Воскресенских заводов и поддерживая тесную связь со своими друзьями и знакомыми в Сибири и на Алтае, он стал чиновником горной экспедиции «Кабинета его величества» вплоть до 1838 г., когда вышел в отставку. Петербургский период жизни Спасского связан с началом его широкой издательской и литературно-исследовательской деятельности.

Первым его детищем явился журнал «Сибирский вестник», в 1818—1819 гг. выходивший четыре раза в год, в 1820—1822 гг. — ежемесячно, а в 1823—1824 гг. — дважды в месяц. Это издание было заполнено интереснейшими материалами, как правило уникальными, освещавшими различные стороны и этапы истории Сибири, торгово-экономические и дипломатические связи с соседними государствами (например, о поездках в Китай в XVII в. Петлина, Байкова и др.), географическое изучение северной части Азиатского материка и т. д. Здесь же содержались любопытные этнографические зарисовки, памятники литературы народов этого района; ему принадлежит заслуга публикации отрывков из ряда летописей — Строгановской, Саввы Есипова, Черепанова, переводы с китайского и пр.

С 1825 г. вместо «Сибирского вестника» стал выходить ежемесячный «Азиатский вестник» (в 1825—1826 гг. — по 12 книг, в 1827 г. — 6 книг). Он содержал, как гласило предисловие, «избранные сочинения и переводы по части наук, искусства и словесности стран восточных, равно путешествия по сим странам и разные новейшие сведения».

Благодаря трудам Г. Спасского увидела свет рукопись знаменитого Юрия Крижанича¹⁴ и немало иных редкостей; его перу принадлежит также обширный «Горный словарь», ряд изысканий по археологии и нумизматике Причерноморья (заинтересовавшись этими вопросами, он переехал в Одессу). Умер Г. И. Спасский в

¹⁴ Юрий Крижанич, Повествование о Сибири. Латинская рукопись XVII столетия, изданная с российским переводом и примечаниями Григорием Спасским, СПб., 1822.

1864 г. и похоронен в московском Новодевичьем монастыре.

Именно Спасский впервые предал гласности бумаги о бухарской и ташкентской экспедициях. Уже во 2-й и 3-й частях «Сибирского вестника» за 1818 г., в разделе «Собрание сведений о Сибири и странах, сопредельных оной», содержится «Путешествие от Сибирской линии до города Бухары в 1794 г. и обратно в 1795 году»¹⁵. Оно сопровождается характерным примечанием: «Выбрано из записок г. Бурнашева, сообщенных издателю начальником Колывано-Воскресенских заводов г. оберберггауптманом и кавалером Петром Козмичем Фроловым; приведено в порядок, исправлено и из других источников пополнено. Г. С.»¹⁶.

Публикация трактует о пути в Бухарское ханство и приеме российских представителей местными властями, переговорах между ними. Особое внимание уделяется личности правителя «Шамрат Бека», с которым, как отмечалось, Бурнашеву и Безносикову не удалось повидаться. Его описание столь красочно, что заслуживает воспроизведения: «При дворе его (Шамурада. — Н. Х.)... не было ни малейшей пышности. Он имел только двух супруг, на содержание коих производилась весьма малая денежная сумма и потому оне должны беспрестанно упражняться в разных рукоделиях; чему Шамрат Бек в свободное от государственных дел время подавал и сам пример. Платье носил он простое, без всяких знаков отличия. Обыкновенная его пища состояла из хлеба и воды. Народ к сему владельцу сохранял особенное уважение, почитая его истинным последователем магометанского закона и даже за святого. Не менее искусен он был и в делах военных; ибо во время правления своего Бухарию имел войну с Индиею, Куканским, Ходжанским, Ташкентским и Хивинским владениями; из коих последние четыре, будучи побеждены, признали его своим протектором и обязались письменно в потребных случаях делать вспоможение; что, однако же, худо исполняют»¹⁷.

Эти наблюдения Т. Бурнашева, который провел в ханстве не очень много времени, подтверждаются другими источниками. Они свидетельствуют, что Шах-Му-

¹⁵ «Сибирский вестник», ч. 2 и 3, 1818, стр. 37—110.

¹⁶ Там же, ч. 2, стр. 37.

¹⁷ Там же, стр. 56—57.

рад (1785—1800 гг.), или «Шамрат Бек», оказавшийся у власти после восстания народных масс города Бухары, был вынужден несколько облегчить положение трудящихся. В частности, он отменил некоторые «нешариатские» налоги, демократизировал судопроизводство, организовал работы по орошению новых земель, расправился с наиболее скомпрометированными сановниками. И хотя с Индией он не воевал, его походы против кокандцев, хивинцев, афганцев и других соседей были в основном успешными¹⁸.

Публикация содержит данные по этнографии и топографии столицы ханства, о развитии в нем сельского хозяйства и торговли, о денежной системе. Особый раздел касается «состояния правления в Бухарии, государственных учреждений, законов, судопроизводства, государственных доходов, военного порядка». «Коран и воля владельца составляют законы бухарцев», — констатирует Т. Бурнашев. Он отмечает строгость полиции. Войско бухарское, по его утверждению, состоит лишь из конницы, которой насчитывается до 60 тыс. Оно не имеет единого обмундирования, вооружения и сильной артиллерии.

Но никаких выводов — ни военно-политических, ни торгово-экономических — путешественник не делает. Это не отражается, однако, на общей положительной оценке материалов Т. Бурнашева, в качестве источника по истории Средней Азии, представляющих определенный интерес и в наши дни, не говоря уже о том времени, когда их опубликовал Г. И. Спасский.

Еще большего внимания заслуживает уже упоминавшийся документ о Ташкенте, напечатанный Спасским в том же, 1818 г.¹⁹ По-видимому, это одно из первых, если не самое первое подробное описание Ташкентского владения в нашей отечественной историографии. Оно имеет аналогичное (почти дословно) примечание, что и предыдущий источник: «Выбрано из бумаг гг. шихтмейстеров Бурнашева и Пospelова, сообщенных издателю начальником Кольвано-Воскресенских заводов г. оберберггауптманом и кавалером Петром Козмичем Фроловым; приведено издателем в порядок и умножено собранными им самим сведениями. Г. С.»²⁰.

¹⁸ См.: «История Узбекской ССР», т. I, Ташкент, 1967, стр. 652—655.

¹⁹ «Сибирский вестник», ч. 4, 1818, стр. 111—180.

²⁰ Там же, стр. 111—112.

Спасский обосновывает организацию новой экспедиции в Среднюю Азию тем, что «неудачное покушение российских путешественников достигнуть города Ташкента в 1795 году не ослабило ревности российского правительства к познанию тамошней страны». Он добавляет, что на командированных туда Бурнашева и Пospelова помимо прочих заданий была возложена обязанность выяснить возможности добычи селитры и осмотреть открытые близ города Ташкента рудные месторождения²¹.

В публикации подчеркивается торжественность приема посланцев из России, немедленная аудиенция у правителя Юнус-ходжи. Попытка Бурнашева и Пospelова вскоре по приезде в Ташкент отправиться к местам разработки полезных ископаемых не увенчалась успехом: в течение июля — августа 1800 г. Юнус-ходжа воевал с Кокандом, и им пришлось ожидать его возвращения, знакомясь тем временем с городом.

В полном соответствии с истиной, прослеживающейся по другим каналам, в «Сибирском вестнике» характеризуется обстановка острой межфеодальной борьбы, которая развернулась из-за престола правителя Ташкента и наносила тяжелый урон экономике страны. Отмечается, что именно жители, «утомленные бедствиями раздора», решили положить этому конец и признали «владельцем» Юнус-ходжу. Авторы находят благотворной его деятельность по укреплению порядка в городе и усилению обороноспособности.

Наряду с собственно Ташкентом, его планировкой и архитектурой описывается и подчиненный ему город Туркестан. Много внимания уделено хозяйству оазиса и его ведущей отрасли — земледелию. Любопытно, что основными сельскохозяйственными культурами называются рожь и пшеница, «но довольно также сеют сарачинского пшена (риса. — Н. Х.), ячменя, проса и проч.»²², хлопок даже не упоминается.

В торговом отношении Ташкент рассматривается как узловой пункт между Россией, Китаем, Персией, Индией и среднеазиатскими ханствами. «Без сомнения, — подчеркивают авторы, — Ташкент ни с каким местом не мог бы производить столь выгодной торговли, как с Россией», если бы связывающие обе стороны пути были более

²¹ Там же.

²² Там же, стр. 143.

безопасны²³. Как и в описании Бухары, вторая публикация содержит много зарисовок из области этнографии, государственного и военного устройства владения, его финансовой системы и т. п.

Бурнашев и Пospelов рассказывают также о своей геологической разведке долины реки Чирчик: им не удалось обнаружить месторождений золота или богатых залежей руды. Юнус-ходжа был очень этим огорчен и заявил, что не откажется от надежды наладить собственную плавку железа. Зато путешественники выяснили, что селитру «вываривают там из земли, собираемой на прежних жилищах, и она идет единственно только на дело пороха»²⁴.

Поездка горных инженеров из Сибири в далекий среднеазиатский город между тем продолжала интересовать соотечественников. Через 33 года после обнаружения Г. И. Спасским известий о ней в печати появилось новое сообщение. Оно было подготовлено талантливым востоковедом Яковом Владимировичем Ханьковым. В первом же томе «Вестника имп. Русского географического общества» он поместил подписанную «берггешвореном 12 класса Михайлой Пospelовым» записку под заглавием: «Поездка Пospelова и Бурнашева в Ташкент, в 1800 году»²⁵, снабдив ее комментариями и примечаниями²⁶.

По непонятной причине Я. В. Ханьков не касается вопроса о соотношении между двумя публикациями. Более того, он нигде не упоминает о прежней, хотя и ссылается на «известного издателя „Сибирского вестника“ Г. И. Спасского» и обнародованные им «в начале 1820 годов» сведения о «киргиз-кайсаках» и «сибирских киргизах». Трудно предположить, что Я. В. Ханькову остались неизвестными материалы 1818 г. И тем не менее его первое примечание к статье гласит: «Ташкент был доселе только три раза посещаем европейскими путешественниками: Миллером и Кушелевым в 1739 г., Пospelовым и Бурнашевым в 1800 г., Назаровым в 1813 г. Сведения, сообщенные Миллером, вошли в

²³ Там же, стр. 150—151.

²⁴ Там же, стр. 174.

²⁵ «Вестник имп. Русского географического общества на 1851 год», часть первая, книжка первая. География историческая», СПб., 1851, VI, стр. 1—44.

²⁶ Там же, стр. 44—56.

примечания к „Оренбургской истории“ Рычкова, изданной в 1759 г.: но замечания Пospelова и Бурнашева не были еще обнародованы (разрядка наша.— Н. Х.); а потому считаем бесполезным для географии издать эти заметки в том самом виде, в каком они изложены составителями»²⁷.

Учитывая, что к первому изданию активно «приложил руки» Г. И. Спасский, «умноживший» его своими данными, нелегко проводить сравнение обоих документов. Можно предположить, что бумаги, появившиеся в «Сибирском вестнике», были составлены горными инженерами вскоре после их возвращения, так сказать по горячим следам. Тогда как «Вестник...» опубликовал более обширную, обстоятельную и продуманную записку. В пользу такой возможности свидетельствует фраза из вступления к публикации 1851 г.: «...в 1800 году, в Ташкенте хотя и сделано описание, но в такой краткости, какую можно было на тот раз сообразить»²⁸.

Сведения этих двух изданий, естественно, в какой-то степени дублируют друг друга, но в более позднем отличаются систематичностью и четкостью. Материал делится здесь на «Часть I. О местоположении и качестве земли, населяемой киргиз-кайсаками, с описанием пребывания их и способности проезда чрез всю оную степь» и «Часть II. О Ташкентском владении».

Практическое значение должны были иметь замечания об особенностях пути в Ташкент, наличии «удобных мест к заселению в Киргизской степи» и особенностях местных гор, как и «горного кряжа в Ташкентском владении». Сравнительно много внимания уделяется торговле и военному устройству Ташкента. Как и первая записка, второй вариант также говорит о межфеодальных раздорах, бедственно отражавшихся на жизни владения, и их прекращении с приходом к управлению Юнусходжи, о его успешных войнах с соседями. Кроме того, документ, изданный в 1851 г., содержит небольшой раздел о «российских пленных», находившихся в неволе в Ташкенте, Бухаре, Хиве, т. е. о том вопросе, который в течение длительного времени имел большое значение в отношениях между Россией и среднеазиатскими ханствами.

²⁷ Там же, стр. 44.

²⁸ Там же, стр. 1.

Примечания Я. В. Ханькова к этой публикации играют самостоятельную роль, ибо составлены одним из крупнейших в те годы знатоком истории и географии стран Средней Азии. Я. В. Ханьков приводит историческую справку о Ташкенте с начала XII в. до 30-х годов XIX в.²⁹ Он сопоставляет сведения, сообщаемые Бурнашевым и Поспеловым, с иными источниками, уточняет их в некоторых случаях, приводит более позднюю литературу и материалы, чем облегчает научное использование уникальных бумаг горных инженеров. Их путешествие в среднеазиатские владения явилось важной вехой в ознакомлении России с жизнью народов Бухары и Ташкента на рубеже XVIII и XIX вв.

Но эта же поездка имела и дипломатическое продолжение. Правитель Ташкента Юнус-ходжа стремился закрепить дружеские отношения с далекой северной державой и получить ее поддержку в борьбе с враждебными замыслами других государств. В октябре 1802 г. в крепость Омскую из Ташкента прибыл великий визир Мулладжан Магзум-дамулла (Маасум) со свитой из шести человек. Инспектор по инфантерии сибирской инспекции генерал-майор Лавров 14 октября 1802 г. рапортовал Александру I, что Мулладжан Магзум-дамулла предъявил письмо, в котором «ташкентский владетель изъявляет свое желание утвердить навсегда торговлю между российским и ташкентским купечеством»³⁰.

С царского разрешения посла отправили в Петербург, куда он прибыл в марте 1803 г. Действительно, Юнус-ходжа в официальном документе высказывал «сердечное желание, дабы высочайше приказано было впредь обоюдному купечеству свободно приезжать и отъезжать»³¹.

В ответной ноте, утвержденной 20 июля 1803 г. Александр I, кроме обычных приветствий, традиционных изъявлений радости по поводу сообщений о «спокойствии» в Ташкентском владении и здоровье его правителя было сказано, что Петербург разделяет мнение о целесообразности свободного доступа купцов в Россию и Ташкент. С этим ответом представитель Юнус-Ходжи вернулся в Ташкент.

²⁹ Там же, стр. 51—56.

³⁰ АВВР, СПб. Главный архив, I—8, оп. 7, 1802—1, л. 4.

³¹ Там же, л. 29 (перевод письма Юнус-ходжи) и л. 30 (оригинал письма).

Караван Я. П. Гавердовского

Неудачные попытки установить прочные торгово-политические отношения с государствами Средней Азии в XVIII в. не охладили стремлений царского правительства. В начале XIX в. оно делает новые шаги в этом направлении уже не только со стороны испытанного пункта для подобных мероприятий — Оренбурга, но и со стороны Кавказа.

Многие из них практически оказались безрезультатными. Тем не менее они оставили обширный материал, касающийся намерений Российской империи наладить экономические и политические сношения со среднеазиатскими странами и народами. Характерным примером может служить «караван поручика Гавердовского» (в документах Гавердовский именуется офицером «свиты его величества по квартирмейстерской части» или свитским обер-квартирмейстером). Беглые и отрывочные упоминания о нем иногда встречаются в исторических трудах. Возможность осветить этот вопрос более конкретно нам дают находящийся в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея РСФСР личный фонд Якова Петровича Гавердовского (несмотря на бессистемность и безусловную неполноту содержащихся там сведений), а главное — материалы Архива внешней политики России.

Пожалуй, в истории отечественной дипломатии нельзя найти ни одного посольства или миссии, которые были бы вызваны теми же причинами, какие ускорили отправку Гавердовского в Среднюю Азию. 2 сентября 1802 г. министр коммерции гр. Н. П. Румянцев сообщил Александру I неприятное известие. По сообщению ответственного чиновника Троицкой пограничной таможни, через Троицк «прокрался за границу преступник в делах фальшивых ассигнаций — некий Валит Хамитов, тептарь из деревни Иштеряповой, Уфимской округи».

Казанский татарин Ибрай Смайлов, торгующий под именем русского купца Ивана Ламатова, встретил его в Бухаре, где тот «публично» делал более 8 тыс. фальшивых ассигнаций в неделю. Свою «продукцию» Валит Хамитов дешево продавал в основном астраханским армянам и хивинцам. В докладе Румянцева было сказано, что Смайлов через «директора» тамошней торговли «Хазия» потребовал выдачи преступника, но правитель Бухары эмир Хайдар отказал в этом.

Однако министра коммерции заботила не только необходимость обезвредить беглого фальшивомонетчика, но и отправка в Бухарское ханство авторитетного представителя, «сколько во уважение сего предмета, столько и для лучшего разведания о торговле тамошнего края во всех ее отношениях»¹. Так тептярь Валит Хамитов, сам того не ведая, дал дополнительный толчок снаряжению в Бухару экспедиции, разговор о которой шел еще 12 августа 1802 г., когда по докладу Румянцева Александр I санкционировал создание комиссии для подготовки посольства в это ханство.

Как гласит «Краткое уведомление об отправлении посольства в азиатское владение, известное вообще под именем Большой Бухарии, и о всех обстоятельствах оно-го до выезда за российскую границу», его задача «кроме особых поручений (обезвреживание фальшивомонетчика. — Н. Х.) клонилась более к выгодам коммерции и к доставлению сведения о стране сей, Европе мало известной», а также к изучению ее «натуральных произведений» и т. п. Царские власти учли опасные последствия распространения в государстве фальшивых денег. 16 сентября 1802 г. на заседании Комитета министров в присутствии Александра I, когда Н. П. Румянцев сообщил неприятные вести об изготавливаемых в Бухарском ханстве фальшивых ассигнациях, члены комитета решили «употребить все меры, чтобы того человека, на которого падает подозрение, оттуда вывести». Было решено также «подтвердить таможенным директорам», чтобы они самым старательным образом осматривали и обыскивали всех приезжающих из Бухарского ханства, поступая по всей строгости закона с теми, кто пытается провезти фальшивые деньги. На министра коммерции возлагалась обязанность «приискать человека способно-

¹ АВПР, СПб. Главный архив, I—7, оп. 6, 1802—2, лл. 3—4.

го, которого бы послать можно было туда, как по сему предмету, так и вообще для собрания сведений по торговле с сим краем»².

Как видим, и Комитет министров находил нужным и целесообразным сочетать борьбу против завоза фальшивых ассигнаций с обеспечением лучших условий для развития российско-среднеазиатской торговли.

Наряду с Н. П. Румянцевым надзор за подготовкой и осуществлением посольства возлагался на министра внутренних дел гр. В. П. Кочубея, генерал-квартирмейстера П. К. фон-Сухтелена и оренбургского военного губернатора генерал-майора Н. Бахметьева³.

Уже перечень таких высокопоставленных государственных деятелей свидетельствует о том значении, какое придавали царские власти поездке в Бухару. Ведь перед нами — прообраз Азиатского комитета, созданного в 1819—1820 гг.

Руководство миссией было поручено Я. П. Гавердовскому. Поскольку поручик, числившийся по квартирмейстерской части (т. е. генштабист), не имел опыта путешествий в глубь Средней Азии (да и многие ли в России могли тогда этим похвастаться?), он старательно принялся готовиться к ответственной поездке.

Гавердовский штудировал материалы Бурнашева, посетившего Бухару и Ташкент. В бумагах личного фонда поручика хранятся «Объяснение бывшего в Бухарии в 1794 и 1795 годах Кольвано-Воскресенских заводов унтершхтмейстера Тимофея Бурнашева»⁴, а также информация обербергмейстера Чулкова о Ташкенте⁵, датированная 20 августа 1795 г., которая, вероятно, не была известна ни Г. Спасскому, ни Я. Ханькову, когда они публиковали сообщения Бурнашева и Поспелова. Поручик внимательно изучил также описание известного путешественника Фалька по Оренбургской степи и соседним районам Казахстана. В его делах имеется современное событиям «Описание Хивы и ее окрестностей»⁶.

Большой государственный смысл, какой придавался этой миссии, обнаружился еще и в том, что «господам

² «Журналы Комитета Министров. Царствование имп. Александра I, 1802—1826», т. I, 1802—1810 гг., СПб., 1888, стр. 11.

³ Отдел письменных источников Государственного Исторического музея РСФСР (ГИМ РСФСР ОПИ), ф. 260, д. 5, лл. 28—31.

⁴ Там же, д. 3, лл. 31—42.

⁵ Там же, лл. 42—44.

⁶ Там же, лл. 9—27.

членам императорской Академии наук и профессорам» было предложено снабдить Гавердовского соответствующими наставлениями, что они и выполнили.

Тимофей Смеловский разработал «Кратчайший дорожный памятник по части ботанической на случай путешествия в Бухарию». Он рекомендовал собрать сведения о посеве и сборе хлебов, употреблении лекарственных растений, особенностях бухарской флоры. Т. Смеловский подчеркивал необходимость установить, «деревья хлопчатой бумаги в большом ли находятся количестве, как смотрят за оными» и как вырабатывают «текстильные произведения из растений»⁷.

Александр Севастьянов указывал на целесообразность выяснения причин перемены течения Амударьи и Сырдарьи из Каспийского в Аральское море и наличия связи между этими морями. Его интересовал также самоуправляющийся «город Бадакшан, лежащий за Бухарами», и «лучший путь в Бухарию или удобнеее место, где бы с сими народами Россия торги производить могла» (к чему, как он напоминал, стремился еще Петр I). А. Севастьянов считал необходимым также изучить особенности местной торговли, землепользования, животноводства и месторождений полезных ископаемых — золота и драгоценных камней, находящихся, по его мнению, в горах, среди истоков Амударьи⁸.

Академик Севергин разработал инструкцию по минералогии. Его внимание привлекали «направления углублений и возвышений», состав провалов и осыпей, наличие и содержание соляных озер, полезных минеральных ключей, селитры, металлических руд, самородной серы или «нефтяных ключей» («показать с точностью»), месторождения редких пород и драгоценных камней. Кроме того, академик просил узнать, существуют ли в ханстве заводы — «металлические», купоросные, кирпичные и др.⁹.

Эти наставления приведены для иллюстрации того, какие сведения и представления имелись у крупнейших для тех лет российских специалистов (да и во всей европейской науке) по экономике, географии, минерало-

⁷ Там же, лл. 1—2. В этой рекомендации, по-видимому, нашли отражение бытовавшие представления, будто хлопок растет на деревьях.

⁸ Там же, лл. 5—8.

⁹ Там же, лл. 3—4.

гии, фауне и флоре, о промышленном развитии и т. п. Бухары и окрестных земель.

Правительство тщательно готовилось к отправке доверенного лица. 14 ноября 1802 г. «сошла от государя» утвержденная им инструкция «отправляющемуся в Бухарию поручику Гавердовскому от министра коммерции», за неделю до того подписанная Румянцевым¹⁰. Остановимся на ее основных положениях.

«Явный предмет посылки» посольства — обещание Ибрая Смаилова при наличии царской грамоты на имя эмира Хайдара вывезти «преступника (т. е. Хамитова. — Н. Х.) в Троицк». Поручику предписывалось двинуться в Оренбург, где его будут ждать сопровождающие, в том числе И. Смаилов, и необходимое снаряжение. Двинуться в ханство надлежит с соблюдением мер безопасности «от неблагонадежных покушений» во время перехода через «Киргизскую степь».

По дороге в Бухару предлагалось собирать материал о «положении мест, свойствах в родах киргизских и касательно средств к обеспечению нашего торга», о наличии рудных месторождений у Мугоджарских гор «при вершинах реки Ори и Эмбы», об истоках Сырдарьи. «...Словом, — подчеркивал составитель документа, — [полезно] всякое такое положение, которое открывает средства к распространению торговли».

По прибытии в ханство рекомендовалось, соблюдая местные обычаи, вручить царскую грамоту правителю и письмо министра коммерции — визирю, как и привезенные подарки. Надо изъяснить хану пользу взаимной выдачи преступников, после чего (как, вероятно, полагал Петербург) не встретится препятствий к тому, чтобы «взять преступника под стражу, искоренить заведение и станы, посредством коих фальшивые делаются ассигнации, или там торжественно уничтожить, или препроводить с преступником в Россию».

Пока будут вестись переговоры, необходимо продолжать изучение условий торговли, а также «предметы... внутреннего изобилия, промыслов и рукоделий». Этому придавалось тем большее значение, что «Бухария свя-

¹⁰ АВПР, СПб. Главный архив, I—7, оп. 6, 1802—2, лл. 102—111. Опубликовано в издании «Внешняя политика России XIX и начала XX века», серия первая, т. I, М., 1960, стр. 332—337, док. 133. Здесь и в комментариях 187, 189, 190 неточны инициалы Гавердовского — П. Я. вместо правильного — Я. П.

зывает так сказать все пути торговые в Индию, Персию и Китай».

Снова и снова вопрос касался проблем развития торговых отношений, о чем бы ни говорилось до того: предлагалось выяснить численность населения городов и местечек, образ правления и тут же опять особенности торговли, в каких товарах нужда, пошлины, пути сообщения (в частности, в Индию и Персию), их безопасность и удобства, «свойства и произведения Земли», «спокоен ли народ в свойстве своем, не утеснен ли податями, к рукоделиям ли более склонен, или земледелием отличается и проч.».

Гавердовскому поручалось добиваться предоставления российским подданным права свободного пребывания в ханстве, которым пользовались бухарцы в России. Он должен был передать, что царское правительство надеется на выдачу ханом охранительных листов тем русским купцам, какие завяжут торговлю с Кабулом, Кашмиром, Кандагаром, Тибетом и с различными индийскими и персидскими владениями, обещая, что «бухарцам, желающим ехать в Европу, тоже охранение даровано будет».

Если отечественное купечество проявит заинтересованность в создании в Бухаре российского гостинного или менового двора, то посланец должен добиваться его создания «с особыми правами и внутренней полицией, от тамошнего начальства независимой, под непосредственным покровительством самого хана». Видимо, учитывая дальнейшее развитие экономических связей, Гавердовскому предлагалось доказать бухарцам и хивинцам (а в его функции входило также посещение Хивы при благоприятных обстоятельствах) выгодность развития судоходства по Амударье и Сырдарье, впадающим в Аральское море, от которого «недалеко Каспийское море и Россия». «Вообще — входить в исследование духа торговли», изучать вкусы бухарцев, перспективность сбыта отдельных товаров — российских и иностранных, их оформления (поручик вез с собой образцы всевозможных шелковых и бумажных материй, различные тульские изделия), внушать жителям ханства, что, если бы «и они умножали рукодельные произведения посредством одобрений и машин, тогда взаимно возрастающая торговля умножала бы богатство их государства», особенно если обезопасить пути через «Киргиз-

скую степь», для чего надо было обсудить и принять соответствующие меры.

Гавердовскому предписывалось ознакомиться с международным положением Бухары, ее политическими и торговыми отношениями с Кабулом, Персией, Китаем и поставить перед местными властями весьма любопытный вопрос: поскольку в Китае по ученой части в уважении иезуиты, то нельзя ли, чтобы бухарцы пожелали «иметь в Самарканде белорусских иезуитов»? А может быть, хан проявит интерес к врачебному искусству и запросит докторов из России? Или горных инженеров для обнаружения и разработки месторождений полезных ископаемых?

Наконец, если удастся, поручик должен побывать в Ташкенте и в Хиве. В последнем пункте передать заготовленное письмо, выяснить наличие там русских пленных, «облегчить их участь», а еще лучше — освободить их.

Какой общий вывод напрашивается при ознакомлении с этой инструкцией? Если отвлечься от некоторых ее наивных положений, связанных как с «иезуитами», так и с представлением, будто промышленное развитие государства зависит от субъективного подхода и рекомендаций «сведущих людей», основной смысл этого документа (а стало быть, и миссии в целом) сводится к стимулированию развития русско-бухарских торговых связей. Экономические акценты явно доминируют над политическими.

Возможные сомнения в этом смысле рассеиваются другим документом — формально важнейшим для любого посольства. Речь идет о царской грамоте бухарскому эмиру Хайдар-хану. В ней подчеркивалась цель миссии: «Желая распространить торговлю наших подданных с областями вашего высокостепенства и с соседственными им землями и народами к взаимной всех пользе и ведаю, сколь ваши подданные рачительно и охотно сим промыслом занимаются...»¹¹.

И лишь в письме Н. П. Румянцева бухарскому визирию упоминался фальшивомонетчик «тептарь Валит Хамитов» и содержалась просьба о его выдаче «для сохранения общей тишины»¹².

¹¹ Там же, лл. 38—39.

¹² Там же, лл. 45—46.

Собственно говоря, поручик именно так и понимал основные задачи, которые ставились перед ним: расширение русско-среднеазиатских торговых отношений. 23 января 1803 г. он писал Н. П. Румянцеву, что прибыл в Москву, где получил от главного члена московской мануфактур-конторы Страхова образцы товаров для демонстрации в Бухаре.

При посредстве московского гражданского губернатора П. Я. Аршеневского он встретился со «знаменитыми купцами, торгующими в Оренбурге», и вел с ними «разговор, клонящийся к устройению общепользованных видов и к открытию способностей, общественно выгодных для торговли того края»¹³.

Эта беседа нашла отражение в личном фонде Я. П. Гавердовского. Здесь содержится «Краткая выписка из соглашений и разговоров в Москве с купечеством, торгующим в Оренбурге и Бухарии»¹⁴, вводящая нас (быть может, не полностью) в круг представлений поручика о его задачах. Остановимся на важнейших положениях «Краткой выписки...»

Они были сформулированы в виде вопросов, поставленных перед московскими предпринимателями, торгующими в Средней Азии и Оренбурге: «Как торговля успокоивается в Бухарии и что к обеспечению ее нужно?», намерены ли купцы снарядить туда караван во главе с Гавердовским, их мнение о целесообразности и необходимых мероприятиях для осуществления экономических связей с Кабулом и Кашмиром и, наконец, как «обратить к России» «Ост-Индскую торговлю»?

Первая проблема, которая беспокоила руководителя будущего каравана, была связана с развитием бухарской торговли. Главным препятствием для этого московские и оренбургские купцы, с которыми согласился и Гавердовский, считали необеспеченность путей сообщения через «Киргизскую степь». Поручик четко сформулировал смысл этого препятствия — «самые закоренелые вражды, или баранта», т. е. набег, связанный с грабежом. Несомненно, он не предполагал краха порученного ему дела именно из-за этого и не высказывал каких-либо опасений по данному поводу, хотя и подчеркивал, что «устройство родов киргизских и содержание их в страхе,

правосудии и равновесии положит преграду к злодеяниям».

Я. П. Гавердовский отмечал изрядную заинтересованность русского купечества в торговле с Бухарой («необходима!») и его пожелания, чтобы местный хан разрешил прибыть туда русскому чиновнику для защиты нужд и потребностей соотечественников и со своей стороны приложил усилия к обеспечению безопасности караванов, а также позволил предпринимателям из России строить дома «для всегдашнего пребывания их в Бухарии».

Поручик указывал, что предложение участвовать в подготовке к снаряжению каравана принято торговцами «охотно... и даже с наисильнейшей просьбой».

Более скептически собеседники Гавердовского отнеслись к установлению экономических связей «с Кабулом и Кашмиром». Они отметили, что плохо изучены вкусы и запросы местного населения; его продукция не обеспечивает достаточных прибылей; дорога в те края — дальняя, трудная и опасная. Однако эти и другие сложности отнюдь не мешали московским и оренбургским купцам стремиться к расширению своих предприятий на Востоке. Наоборот, они просили поручика отправиться в Кабул «и разведать внимательнее производство и обстоятельства тамошней торговли, а Хана сего города связать теснее с Бухарским и побудить их обоюдно защищать и обеспечивать дорогу, давать охранительные листы и предписать частным князькам, их подданным, о сохранении общего спокойствия. В Кабуле же для складки товаров, пошлин и разбирательства между купцами постановить миролюбивые учреждения».

При условии обеспечения безопасности и личного участия Гавердовского (так по крайней мере утверждал он сам) отечественные торговцы изъявили полную готовность отправить приказчиков с товарами не только в Бухарское ханство, но и в Кабул и Кашмир.

Особенно интересен ответ на последний вопрос — о слабом развитии «Ост-Индской торговли» с Бухарой и способах ее «обращения к России». Проявляя неплохое понимание политических и экономических проблем своего времени, поручик и беседовавшие с ним купцы объясняли первое обстоятельство деятельностью британской Ост-Индской компании, навязавшей «владельцам» Индостана кабальные трактаты. К тому же в данном случае

¹³ Там же, л. 231.

¹⁴ ГИМ РСФСР, ОПИ, ф. 260, д. 3, лл. 29—30.

играли важную роль налаженные торговые связи между отдельными индийскими городами, дальность пути в Бухару, а тем более в Россию.

Но все это преодолимо. Надо лишь заключить с Кабулом и зависящим от него Кашмиром «договор о спокойствии и... безмятежном пребывании», затем накопить там товаров, «дабы вдруг большое количество излить» их «на соседние части за умеренную сумму против английских цен и чрез то сделать начальный перелом в обороте непременно». По некоторым намекам Гавердовский понял, что и в этом начинании дельцы Москвы и Оренбурга не откажутся принимать участие.

Однако «первое должно разведать существенное сцепление и связь тамошней торговли».

Пока руководитель миссии вел эти переговоры, в Оренбурге шла подготовка экспедиции, доставлялись подарки хану и бухарским сановникам. 20 февраля 1803 г. туда прибыл Гавердовский, которому Н. П. Румянцев разрешил взять переводчиком помощника пакаузного инспектора Оренбургской таможни Мирсалима Бекчурина¹⁵, хорошо знакомого с языками и нравами Бухары.

Петербург продолжал придавать большое значение посольству в Бухару. За развитием событий внимательно следил министр коммерции. Он торопил Гавердовского, напоминал соответствующим властям о необходимости снабдить его деньгами и воинской командой. 20 июля 1803 г. Румянцев сообщил руководителю миссии, что ценит его усердие, рад «первым успехам». Бекчурина за обеспечение движения посольства благорасположенными «киргизскими старшинами» царь пожаловал золотые часы стоимостью в 250 руб. Кроме того, Александр I велел взыскать с участников каравана не более 2% стоимости товаров на содержание казачьей охраны¹⁶ — дополнительное свидетельство о заинтересованности государства в привлечении купцов к среднеазиатской торговле.

Перед выступлением в путь Я. П. Гавердовский был настроен весьма оптимистически. Духом радужных надежд пропитана отправленная им 23 июня 1803 г. Н. П. Румянцеву «Подробная выписка из происшествий,

¹⁵ АВПр, СПб. Гл. архив, I—7, оп. 6, 1802—2, л. 277. Рапорт Гавердовского Румянцеву от 24 февраля 1803 г.

¹⁶ Там же, лл. 319—320.

чрез приезд мой в Оренбург и от посылки в Степь Киргизскую губернского секретаря Бекчурина в сем крае происшедших»¹⁷.

Поручик рассказывал о ходе подготовки каравана, переговорах с различными казахскими родами об обеспечении его проезда и делал многозначительное заключение: «Я могу достоверно теперь ручаться, что спокойствие на линии и в степи Киргизской так же усовершенствуется, и безопасность хода каравана не сомнительна, как и самая мена будет велика».

И так примерно оживотворяется дух и польза здешней торговли милостивым вашего сиятельства попечением; но купечество наше, в Бухарии торгующее, без всякого пристрастия сказать можно, останется еще в младенчестве до учреждения Компании, которая платить может казне за препровождение караванов, равно и торг обратить в руки общей Российской торговли, а не частной».

Как видим, свитский обер-квартирмейстер, до того не имевший отношения к проблемам торговли и товарооборота, настолько вошел в курс дела, что стал даже давать рекомендации по этим не очень простым вопросам. Можно полагать, что на ход его мыслей о перспективах экономических связей оказал воздействие пример английской Ост-Индской компании и желание придать восточной торговле Российской империи более «государственный» характер.

14 июля 1803 г. поручик отправил новое послание министру коммерции. Он сообщал из Оренбурга, что торговля оживляется, хотя посещенный им меновой двор находится в запущенном состоянии, лавки выглядят плохо, полуразрушены. В город прибыл бухарский посол Мир Алауддин Мир Мухаммед Аминов, который «имеет дела по коммерции» и уверяет, что в степи спокойно. Сам Гавердовский стремится примирить враждующие казахские роды и привлечь их к товарообмену¹⁸.

21 июля караван был наконец собран и двинулся в путь. Отправившегося с женой Я. П. Гавердовского сопровождал доктор Большой, переводчики Биктяшев, Бекчурин и Ахун Фазиль Смайлов, свитские квартир-

¹⁷ Там же, лл. 322—328.

¹⁸ Там же, лл. 350—352.

мейстеры подпоручики Иванов и Богданович, писец Андриуков и «для особых поручений» (поймка тептяря) Ибрагим Смайлов (фамилии обоих Смайловых, так обозначенных в документах, правильнее читать Исмаиловы либо Измаиловы)¹⁹. Вся группа вместе с казаками, тептярями и слугами насчитывала около 50 человек. Перед выездом за границу, в Орске, она объединилась с караваном русских купцов, которые на 55 верблюдах везли товаров на 260 тыс. руб.²⁰. Среди посланных товары — ростовские купцы Савва и Андрей Кайдаловы, купец I гильдии коммерции советник Григорий Карелин и др.²¹.

Относительно безмятежное движение обоза продолжалось примерно два месяца. Но в 780 верстах от границы, в 70 верстах от Сырдарьи, в безводной степи Муз-Тиль урочища Ходжаберган, как именует это роковое место Гавердовский, на него напали казахи-чиклинцы, управляемые «назвавшимся самовольно ханом Салтан Аблазы с биями Джанназаром, Джанзаком и прочими», а также с частью каракалпаков, чумекейцев и дюрт-каринцев, «никогда к границе Российской не приближающихся».

Караван был разграблен почти полностью. Поручику удалось спасти лишь дипломатические документы вместе с «высочайшей грамотой», а некоторым торговцам — наиболее ценные легкие товары и деньги. Ущерб исчислялся в 300 тыс. руб. Доктор Большой был угнан в неволю.

В письме министру коммерции поручик высказывал уверенность, что напавших грабителей, которых было до тысячи человек, подстрекала Хива: ее правители опасались производимых им измерений и наблюдений²².

Директор Оренбургской пограничной таможни П. Величко, напротив, предполагал, что о готовившемся нападении знало (а возможно, и было заинтересовано в нем) прибывшее на восточный форпост империи бухарское посольство²³; эта мысль, однако, не нашла конкретного подтверждения.

¹⁹ Там же, л. 363.

²⁰ Там же, л. 380.

²¹ Там же, л. 401. Рапорт директора Оренбургской пограничной таможни Величко Румянцеву от 29 сентября 1803 г.

²² Там же, лл. 389—394. Рапорт Гавердовского Румянцеву от 27 сентября 1803 г.

²³ Там же, л. 401. Донесение от 29 сентября 1803 г.

Как бы то ни было, урочище, носящее не гармонирующее с событиями название Ходжаберган («данное богом»), явилось местом краха надежд царских властей установить более тесные связи с Бухарским ханством и способствовать развитию торговых отношений с ним. Провал готовившегося с большой тщательностью предприятия далеко выходил, конечно, за рамки потери каких-то денежных сумм, и дело было даже не в судьбе доктора Большого, который через некоторое время благополучно вернулся в родные края.

Происшедшее на какой-то срок отбило у Петербурга интерес к среднеазиатской торговле. Об этом свидетельствует отсутствие официальной реакции на многочисленные записки, замечания, рапорты Я. П. Гавердовского, стремившегося хоть как-то реабилитироваться в связи с неудачей, в которой он в общем-то и не был повинен²⁴.

На одном из этих документов есть смысл остановиться: он рисует образ мыслей и представления Я. П. Гавердовского, человека, волею судеб оказавшегося причастным к среднеазиатской и «казахской» политике царских властей. Записка от 10 января 1804 г. (без указания адресата и заглавия) рассматривает три вопроса: 1. Как вернуть похищенные товары, «не разоряя киргизцев и наказав их». 2. Как расширить азиатскую торговлю с пользой для России и «обезопасением прохода караванов». 3. Как ликвидировать волнения среди казахских племен, «привести их в повиновение, сделать полезными жителями, обезопасить линию и от богатого скотоводства киргизцев иметь те избытки и продовольствие, каковое в прошедших годах с пользою изливалось внутрь российского государства и вне его».

По первому вопросу Гавердовский полагал, что нападения «киргизцев» вызваны «безнаказанностью» и тем, что между ними не развиты понятия о клятвах и договорах. Особые трудности вызваны тем, что отказ от возвращения разграбленных товаров приведет к уничтожению оренбургской торговли, которая «со временем со-

²⁴ См., например, АВПР, Азиатский департамент, оп. 729, 1782—1805, д. 211, лл. 94—107. Записка Я. П. Гавердовского от 10 января 1804 г. о средствах «для успокоения в Оренбургском краю киргизского народа и к благосостоянию торговли при нынешних обстоятельствах...», а также ГИМ РСФСР, ОПИ, ф. 260, д. 2, лл. 78—99 и др.

вершено принадлежать будет чужим рукам», т. е. среднеазиатским торговцам. «Но и разорив киргизцев возвращением пограбленного, можно ли не предвидеть того великого ущерба государству: претензия со всеми убытками до 3 млн. рублей чем может заменить? — вопрошал поручик. — Ежели скотом как единственным богатством киргизцев, то сколько его надобно?».

Далее он писал, что такие действия могут оказаться губительными для казахских племен и вредными для России: «Что на будущее время останется для торговли и для прокормления столь многочисленного народу, каковы киргизцы, сколько будет купцов без пропитания, сколько честных людей без пищи, сколько фабрик без работ, да и самый отпуск сала уменьшится приметно». Зыскание в рассрочку тоже разорит многих. Поэтому автор предлагал двинуть в степь «легкоконную» пяти тысячную воинскую команду, которая захватит всех «главных начальников зла, управляющих отделениями, почтенных в народе за злодеяния батырей и прочих известных преступников, как всегда поджигающих народ», старейшин и т. п., отобрать у них имеющийся товар, а их самих отправить на работу в рудники или в казачью службу на дальние границы. Переводя это предложение на современную терминологию, можно сказать, что мысль Гавердовского заключалась в наказании феодальной верхушки; она в общем-то и была прежде всего и в основном инициатором «барымты», «баранты», «аламанов» и других аналогичных набегов, «доходами» от которых преимущественно и пользовалась. Главное наказание, гласила записка, надо «обратить и на главного преступника, от которого разлилось зло по степи киргизской». Гавердовский имел в виду Хивинское ханство; оно «с давнего времени вредило нашей коммерции и спокойствию на границе», подстрекая к нападению на караваны и наживаясь на этом.

Поручик возлагал на Хиву вину и за свою неудачу: «...самое приключение со мной есть плод хивинского злодейства; они же препятствуют увеличению торговли нашей через Мангышлак на Астрахань». Поэтому военный отряд должен двинуться и на ханство, армия которого малочисленна, народ угнетен и ждет освобождения!

«Сим образом, — предвкушая успех, указывал Гавердовский, — злодеи накажутся, казна не потерпит, купцы удовлетворятся, киргизцы не будут разорены, государ-

ство во всех его частях получит приращение, и пример сего правосудия останется памятен и для будущего времени».

При общей фантастичности предложенного плана интересна существенная деталь: автор всячески стремился избежать нанесения ущерба казахской бедноте, что внушает симпатии к нему.

Разрешение второй задачи — развитие азиатской торговли — представлялось поручику следующим образом. Возвращение захваченных товаров уже само по себе стимулирует торговлю. Но этого недостаточно. Необходимо предложить бухарскому правительству охранять часть пути, снабжать караваны «от России» небольшим конвоем (200—300 человек). Кроме того, нужно предложить российским купцам завести в Бухаре конторы со своими приказчиками, а также «вводить между бухарцами образ очищения шелка и бумаги по примеру европейскому, с употреблением удобных машин». Со временем для ведения торговых связей надлежит «учредить купеческую компанию».

Здесь в нескольких строчках изложена обширная и продуманная программа. Она не была принята во внимание, но на протяжении многих последующих лет в различных проектах улучшения и расширения экономических связей между Россией и среднеазиатскими ханствами высказывались соображения, которые перекликались с мнением Я. П. Гавердовского начала XIX в.

В дальнейшем, давая советы о методах «устройства» казахских родов (третий вопрос), поручик подчеркивал их большую экономическую пользу для России как рынка сбыта и источника необходимых для пограничных губерний товаров²⁵.

Все эти соображения были в какой-то степени углублением и конкретизацией содержания представленной Н. П. Румянцеву почти за год до того, 2 марта 1803 г., записки «Система к преобразованию и устройению Киргизского народа, для возвращения разграбленного капитала, успокоения караванных ходов и приведения в порядок киргизские роды (! — Н. Х.) и всей Оренбургской линии»²⁶. Гавердовский указывал в ней, что наказание

²⁵ АВПР, Азиатский департамент, оп. 729, 1782—1805, д. 211, лл. 94—107. Записка Я. П. Гавердовского от 10 января 1804 г.

²⁶ Там же, лл. 109—116. Записка, присланная при рапорте Н. П. Румянцеву от 2 марта 1803 г. из Оренбурга.

за грабежи не имеет какой-либо системы, превращаясь во взаимные набеги и ограбления, от которых страдают и правые и виноватые (для таких утверждений нужна была определенная гражданская смелость: тем самым автор признавал, что и царские войска замешаны в незаконных действиях!). Между тем, продолжал поручик, «не должно строгость ставить вместе с жестокостью и разорением: ибо спокойствие и богатство киргизцев для России довольно нужно. Они, будучи ее пастухами, прокармливают жителей до Арзамаса и частью до Владимира, обогащают купцов чрез многие свои произведения, принимают участие от провожания караванов в торге бухарском. Обосновывая же наказание на правосудии сделать можно из их добрых жителей и полезных для России».

Он предлагал срочно разобраться в том, кто повинен в нападении на караван, возместить убытки пострадавшим, чтобы «успокоить караванные ходы или пути, дабы торг не мог останавливаться без действия; сие единственное благо, от которого зависит весь поприщ (! — Н. Х.) важной прибыли не только от Бухарии, но даже и от оборота, чрез руки россиян, торга Индейского; сего-то только и ожидает купечество, дабы стремительнейше воспользоваться прибылью богатого сего источника». Казахские роды также должны содействовать караванной торговле.

Некоторые из этих мыслей свидетельствовали о детальной анализе Я. П. Гавердовским сущности сложных проблем среднеазиатской торговли. Но то ли потому, что сам он в какой-то мере был дискредитирован, не выполнив возложенного на него поручения, то ли из-за первоочередности вопросов европейской политики, поданные им записки не привлекли внимания начальства.

Впрочем, только единственная резолюция Н. П. Румянцева на одном из подобных документов настолько выразительна, что заслуживает внимания. Она содержится в деле, озаглавленном: «Замечания бывшего в 1803 г. в Бухарии (?! — Н. Х.) поручика Гавердовского о торговле России с этой страной и проекты его об улучшении торговых, политических и других сношений России с Бухарией и другими смежными с ней странами».

В апреле 1806 г., т. е. спустя два с половиной года после ходжаберганской неудачи, поручик писал мини-

стру, что для России очень нужна «тесная связь Бухарии» с коммерческой точки зрения: надо повернуть русских купцов к бухарской торговле, завести в ханстве поселения из подданных империи — нерусских по национальности, расширять транзитную торговлю, вывозить сырье, распространять коммерческие операции на Кабул, Кашгар, Кашмир, Тибет, вывозить туда товары, которые пока идут из Европы, направить экономические связи через Астрахань на Черное море, обезопасить ход караванов.

С политической точки зрения бывший руководитель миссии предлагал использовать Бухару: а) для «отвлечения» Персии и ее набегов на Грузию; б) для нейтрализации мусульман Российского государства при войне его с Турцией; в) чтобы в случае конфликта с Англией получить через ханство индийские товары.

С научной точки зрения изучение Бухары обогатит «естественную историю», позволит раздобыть «санскритские древности», расширит круг историко-географических сведений.

Я. П. Гавердовский предлагал свои услуги для осуществления намеченного, подчеркивая, что полученный им опыт позволяет надеяться на более успешный исход экспедиции, и это вознаградит «за первую недосмотрительность пограничного начальства»²⁷.

Эта обширная программа после недавнего провала первых начинаний в данном направлении не вызвала большого энтузиазма у руководителя российской коммерции. Тем более что общая международная обстановка настоятельно приковывала внимание руководящих кругов империи к Западу, где явственно вырисовывалась наполеоновская угроза.

И 10 апреля 1806 г. Н. П. Румянцева наложил недвусмысленную резолюцию на докладной Я. П. Гавердовского: «Оставить без уважения».

Таким образом, практические результаты не добравшегося до Бухары посольства оказались минимальными. Но эта миссия имела значение для Гавердовского. Добросовестный обер-квартирмейстер всячески старался пополнить имевшиеся сведения о тех странах, куда он был послан, в чем убеждает его письмо от 11 декабря 1806 г., адресованное «Логину Юрьичу» (?). Поручик

²⁷ АВПР, СПб. Главный архив, II—3, оп. 34, 1803—8, лл. 1—3.

напоминал ему, что во время отправления в 1802 г. в Бухару получил через него наставления от профессоров и членов Академии наук. «В пути моем по степи Киргизской... — отмечал Гавердовский, — старался исполнить и те предметы, которые во оных начертаны были. При возвращении в 1804 году успел я с другими в сотовариществе со мной бывшими чиновниками из сделанных нами примечаний сохранить некоторые отрывки. Давно желал все сие привести в известность, но разные занятия по должности, отлучки и другие обстоятельства сему мешали. Теперь, окончив первую часть, почитаю себя обязанным препроводить ее вам... [чтобы] доставить оную тем почтеннейшим членам Академии, которые снабжали меня своими наставлениями». Препровождая «Логину Юрьичу» «книгу и в особливой папке 14 рисунков», поручик просил сообщить ему «примечания» ученых по поводу своего труда²⁸.

Нам не удалось разыскать и идентифицировать эту рукопись, но можно предполагать, что часть ее вошла в статью, опубликованную Григорием Спасским в «Сибирском вестнике», — «Разграбление киргизами русского каравана, шедшего в Бухарию в 1803 году. (Отрывок из дневных Записок г. Гавердовского)»²⁹ и в помещенную там же публикацию этнографических материалов по Казахстану³⁰.

²⁸ ГИМ РСФСР ОПИ, ф. 260, д. 1, лл. 112—113. В дальнейшем Я. П. Гавердовский отошел от торгово-политических проблем, связанных со Средней Азией. В мае 1812 г. мы узнаем, что он, уже полковник и «кавалер», назначается обер-квартирмейстером III корпуса, а вместо него в III пехотную дивизию направляется дивизионным квартирмейстером Клаузевиц (ГИМ РСФСР, ОПИ, ф. 260, д. 2, л. 86).

²⁹ «Сибирский вестник», 1823, ч. 2, стр. 29—45. О пленении д-ра Большого см.: «Сын Отечества», 1822.

³⁰ «Сибирский вестник», 1823, ч. 3, стр. 43—60; см. также: «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках (сборник документов и материалов)», Алма-Ата, 1964, стр. 152—163 (публикация по данным ЦГВИА СССР, ВУА, д. 19208). Возможно, именно эта рукопись Я. П. Гавердовского под названием «Обозрение Киргиз-Кайсацких степей» хранится в фондах Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР.

Бухарские дипломаты в Петербурге

Интерес правящих кругов Российской империи к укреплению и развитию торгово-политических связей с крупнейшим среднеазиатским ханством — Бухарским, проявившийся в снаряжении миссии Я. П. Гавердовского, совпадал с аналогичными стремлениями властителей Бухары. Более того, заинтересованным лицом в данном вопросе, по-видимому, выступает именно это государство: на протяжении рассматриваемого периода оно отправило в Россию значительно больше посольств, чем последняя послала в Бухару.

Наряду с миссиями, которым поручались конкретные задания в области экономики и политики, из Бухары приезжали также делегации, сообщавшие царским властям о важных событиях. Первую из них в XIX в. возглавлял мулла Хаит Мухаммед. В конце мая 1801 г. он достиг Оренбурга, а осенью — столицы. Хаит Мухаммед привез «грамоту» нового эмира Хайдара о его вступлении на престол после смерти отца Шах-Мурада. Получив аудиенцию у Александра I, а также ответные документы с поздравлением в адрес Хайдар-хана и соболезнованиями по поводу кончины его отца, мулла Хаит Мухаммед в конце 1801 г. двинулся в обратный путь¹.

Еще до того как фальшивомонетчик Валит Хамитов привлек внимание царского правительства, послужив толчком к отправке в Среднюю Азию миссии поручика Гавердовского, 15 апреля 1802 г. оренбургский военный губернатор генерал-майор Бахметев докладывал царю, что в Оренбург прибыл новый посланник эмира Хайдара².

Посольство, которое возглавлял диванбеги Иш-Мухаммед Байкишиев, получив, как полагалось, соответ-

¹ АВПР, СПб. Главный архив, I—8, оп. 7, 1901—6, л. 101.

² АВПР, СПб. Главный архив, I—8, оп. 7, 1802—4, л. 3.

ствующее разрешение, в конце года прибыло в Петербург. Привезенная им грамота снова извещала о вступлении на бухарский престол эмира Хайдара; в ней новый правитель поздравлял также и Александра I с восшествием на трон³.

Этой информацией, однако, не ограничивались поручения, данные Байкишиеву. Они раскрылись более полно во время его свидания 22 декабря 1802 г. с государственным канцлером и министром иностранных дел гр. А. Р. Воронцовым, на котором присутствовал член Азиатского департамента тайный советник С. Лашкарев. Составленная последним «конфиденциальная записка» об этой аудиенции заслуживает внимания.

Объявив о смене правителя ханства, бухарский дипломат подчеркнул, что Бухара всегда дружила с Россией, «по соседству с оной производили торговлю, обеим державам полезную», и предлагал «возобновить прежние доброго соседства и полезной торговли связи». Когда канцлер подтвердил аналогичные стремления царских властей, посланец сообщил о сделанном в Оренбурге наблюдении, что «азиатцы гораздо уже свободнее стали иметь тут приезд с товарами, также в Троицкую крепость», и выразил надежду, что «ныне торговля паче прежнего процветать будет».

А. Р. Воронцов расспрашивал о местах и предметах торговли бухарского купечества, на что ему было отвечено (соблюдая текст документа): «...торгуют в Индию, Калкуте, Бассоре, Кашемире, Астрабате, Мазандеране и с прочими областями Персии принадлежащими. Товары же привозят разные индейские, персидские и собственно бухарские, как-то шали, и другие шерстяные также золотые материи, шелковые и бумажные разных сортов кисеи, каленкоры, хлопчатую бумагу, шелк, сухие фрукты, употребляемые в России, и прочее. А из России вывозят: сукны, сахар, канцелярное семя, краски, холсты и прочее, словом все нужное в Бухарии и их соседям. Канцлер, улыбаясь, примолвил к тому же „золото и серебро“. Посланник возразил на сие, что по кончине Шаха Тахмас-кули-хана несколько лет вывозили и они в Россию не малое количество золота и серебра; а когда уже все повывезли, то сия Империя должна пользоваться мелкие Государства ей приверженные.

³ Там же, л. 203 (перевод грамоты — лл. 198—201).

Канцлер потом спрашивал: где и кто те хищники, кои напад на него его ограбили и на какую сумму? Тот сказал, что с ним вместе пострадали русские подданные — казанские купцы, а ограбили их „киргизцы разных родов“ верстах в 25 от Орской крепости, ранили в руку и голову. Убытки описаны в переданной Лашкареву бумаге. На вопрос о причинах усиления „грабежей“ Иш-Мухаммед Байкишиев ответил, что местный правитель Айчувак-хан постарел и не в силах обуздать своих подданных; к тому же, „от покойных ханов и султанов“ осталось много детей, которые „шалют“ в погоне за улучшением своего положения, благо, прежде в Оренбурге сидели более опытные начальники⁴.

При дальнейших переговорах, а также в различных прошениях Байкишиев ходатайствовал о разрешении находящимся в Оренбурге бухарским купцам пасти скот на азиатской стороне реки Урал и освобождении их от постоя, а продаже ему для вывоза за границу 1 тыс. пудов стали, о запрете русскоподданным кочевникам продавать в пограничных городах России вещи, захваченные при разграблении караванов, о позволении ему выехать через российские земли в Константинополь, а бухарским паломникам — в Мекку. Он сообщал также о привозе для императорского двора в дар семи «арапов» и — для продажи — большого количества ляпис-лазури и бирюзы⁵.

Государственный канцлер в письме Хайдар-хану заверил, что бухарским купцам будут отведены лучшие пастбища, против грабителей караванов примут соответствующие меры, а захваченные у посланника вещи и товары возвратят ему «по отыскании оных». Байкишиеву разрешили отправиться в Константинополь, а его соотечественникам — совершить паломничество в Мекку⁶. Таким образом, если не считать просьбы об отмене постоя (она отклонялась, ибо постоя был общей для всей страны повинностью), все пожелания представителя Бухары были выполнены, и ему самому выданы крупные суммы денег (свыше 27 тыс. руб.) за «молодых арапов» и за ляпис-лазурь с бирюзой.

⁴ Там же, лл. 139—144.

⁵ Там же, лл. 197—353. Ляпис-лазури было привезено 40 пудов, а бирюзы — 3 пуда.

⁶ Там же, лл. 220—222.

С точки зрения бытовавших правил это посольство имело существенный изъян: наряду с имуществом собственно его участников были разграблены эмирские подарки царскому двору. Поэтому из ханства срочно отправились новые послы — диванбеги Мир Алауддин Мир Мухаммед Аминов (в документах — Аминев) и корчи-баши⁷ Мирза Мухаммед Юсуф Байкишиев. Им удалось благополучно достичь Оренбурга, хотя примерно в это время подвергся разгрому караван Я. П. Гавердовского.

В декабре 1803 г. оба бухарца уже находились в Петербурге, где были приняты Александром I и канцлером А. Р. Воронцовым. В отличие от царского приема встреча с Воронцовым носила не только протокольный, но и деловой характер. Обе стороны обсуждали ситуацию на торговых путях, учитывая потребности взаимовыгодной торговли⁸.

Дипломатические документы, доставленные Аминовым, как и его предшественником Иш-Мухаммедом Байкишиевым, содержали ходатайства о принятии мер против нападающих на караваны, а также о продаже Бухаре 15 тыс. пудов стали. Характеризуя данные Аминову поручения, Адам Чарторижский, который в это время (с 16 января 1804 по 17 июня 1806 г.) был министром иностранных дел, сообщал во «всеподданнейшей» записке от 11 февраля 1804 г., что бухарский визирь в послании бывшему вице-канцлеру кн. Куракину излагал желание эмира Хайдара об оказании «высочайшего покровительства» бухарским купцам, чтобы они могли беспрепятственно торговать в России.

По словам Чарторижского, на конференции у присутствующего в Государственной коллегии иностранных дел тайного советника Татищева посланец представил бумагу с записью устных поручений, в которой содержалась просьба о военной помощи для пресечения набегов на торговые караваны. «В сем домогательстве состоит предмет присылки сего посланца»⁹.

В ответном письме Хайдар-хану говорилось, что Россия готова участвовать в совместном походе против

⁷ Корчибаши (правильнее — курчи-баши) — один из высших военных чинов.

⁸ АВПР, СПб. Главный архив, I—8, 1803—3, лл. 191—194. Памятная записка от 16 декабря 1803 г.

⁹ Там же, лл. 272—281.

грабителей караванов и двинет войско в любое время, но хан должен открыть боевые действия если не этой (т. е. в 1803 г.), то по крайней мере будущей зимой; под ударом бухарских сарбазов виновники подадутся к русским границам «и там таким образом будут приняты и усмирены»¹⁰.

В ходе этих переговоров привлекает внимание особая заинтересованность бухарских правящих кругов в безопасности торговых дорог, ведущих в Россию: именно они выступили инициаторами совместных усилий по борьбе с ограблением караванов. Практически, однако, ни та, ни другая страна не предприняли конкретных шагов для реализации намеченного взаимодействия, и еще через сорок лет русская миссия К. Бутенева будет обсуждать с бухарским эмиром ту же тему.

Крайне любопытный вопрос затронул другой представитель Хайдар-хана — курчи-баши Мирза Мухаммед Юсуф Байкишиев. 2 декабря 1803 г. он обратился в Министерство иностранных дел с запиской «о данном ему от владельца его, бухарского хана, словесном поручении». Узнав о том, что царь хотел послать «через Туркистан в Индию и прочие места свое войско», эмир Хайдар, сообщалось в этом документе, велел готовить квартиры, провиант и сам хотел проводить войско «до пределов своего владения».

Однако бухарские жители, узнав о военном походе, могут прийти в беспокойство и неурядица. И хан просит не посылать войско в Индию, а при необходимости поручить сие ему, бухарскому владельцу. Он это сделает. «Торговля же обоюдных подданных чрез то более прежнего усугубится»¹¹.

В этом эпизоде, вне всякого сомнения, нашла отражение реакция господствующих кругов Бухары на печальной памяти «индийский поход», предпринятый отрядом донских казаков по велению Павла I. Слухи об этом «походе», прекратившемся далеко от пределов Бухары, вполне могли докатиться в преувеличенном и искаженном виде до ее населения, вызывая у него панику и «неурядица».

Курчи-баши Мирзу Мухаммед Юсуфа Байкишиева заверили, что Российская империя не намерена пред-

¹⁰ Там же, лл. 287—290. Копия письма А. Чарторижского Хайдар-хану от 23 июля 1804 г.

¹¹ Там же, лл. 238—239. Перевод записки.

принимать какого-либо наступления на Индию, и он, подобно своему однофамильцу Иш-Мухаммеду Байкишиеву, отправился в Константинополь. Что же касается его коллеги Мир Алауддина Мир Мухаммеда Аминова, то он еще в начале 1805 г. находился в пределах России. Царское правительство разрешило ему приобрести Астрахань была сорвана обострением бухарско-хивинских и русско-хивинских отношений¹². Но в этом Петербург не был повинен.

Теплый прием, оказанный всем приехавшим в начале XIX в. посланцам эмира Хайдара, удовлетворение почти всех их просьб и пожеланий свидетельствовали о стремлении правительства Российской империи укреплять дружественные связи с Бухарой, изыскивать средства и возможности расширять торговлю, которая приносила доход обеим сторонам.

¹² Источники не говорят о том, как же все-таки Аминов доставил по назначению свой в полном смысле тяжелый груз.

Проект Г. С. Волконского

Несмотря на неудачу миссии Я. П. Гавердовского, правящие круги Российской империи продолжали поддерживать торговые отношения с ханствами Средней Азии. Этим вопросом интересовались даже самые высокопоставленные лица страны. В том же, 1803 г., когда Гавердовский был вынужден вернуться в Оренбург, потеряв надежду добраться до Бухары, член еще не так давно едва ли не наиболее влиятельной в империи семьи екатерининских фаворитов Зубовых — граф Валериан Александрович Зубов обратился в правительство с запиской «Общее обозрение торговли с Азией»¹.

Демонстрируя хорошее знание предмета, он настаивал на активизации экономических отношений со странами Востока. «Трудолюбие и торговля, как единственные средства к удовлетворению нужд и к соделанию жизни приятной, составляют истинную силу и богатство народов, — подчеркивал В. А. Зубов. — Ободрение и свобода для них существенно необходимы». Особое значение, по его мнению, имела торговля с богатой Азией. В прошлом русские люди широко обменивались товарами с жителями полуденных областей. На этом взаимовыгодном процессе тяжело отразились арабские завоевания на Востоке, а также татаро-монгольское нашествие на Русь.

Вельможа напоминал о большом внимании, какое уделял торговле с Востоком Петр I, который всячески стимулировал русско-персидские торговые связи, пострадавшие затем от местных «мятежей и неурядиц»; аналогичные цели были «единственными» и для Екатерины II, двинувшей войска против шаха Мухаммеда Аги.

Граф Зубов предлагал стройную программу действий. Ее основой должно было быть максимальное со-

¹ АВГР, СПб. Главный архив, II—3, оп. 34, 1803—7, лл. 1—18.

действие оживлению торговли на Каспийском море. Порты Дербент и Баку предлагались в качестве опорных баз для экономических связей с Гилянном и Мазан-дераном и вывоза из этих персидских провинций шелка, «хлопчатой бумаги и шарачинского пшена», т. е. риса.

В записке упоминалось и об одном из важнейших условий успешного товарообмена, неизменно фигурировавших во всех документах о торговых связях со странами Востока, — об обеспечении безопасности «промышленных людей» и их собственности. При его соблюдении, с точки зрения автора, будущее Баку представлялось самым радужным. «Ежели Баку будет надлежащим образом устроена, — писал Зубов, переводя название города в женский род, — и всякий увидит себя обеспеченным полной уверенностью в личной безопасности и в спокойном обладании своей собственностью, тогда город сей.. сделается средоточием всей персидской торговли и привлечет к себе самых богатых промышленных людей». Далее говорилось, что Баку может стать даже «Меккой гебров из Индии»; его нужно использовать и для того, чтобы «обратить» торговлю Персии к Астрахани. Через Каспийское море возможен товарообмен с Индией и другими азиатскими областями. Здесь промежуточным пунктом послужит Астрабад.

В заключение гр. Зубов снова подчеркивал огромное значение затронутого вопроса и целесообразность его тщательного изучения. Впрочем, в данном случае не было особой надобности подталкивать правительство: оно вполне разделяло его точку зрения и принимало необходимые меры для изучения обстановки на Востоке, имея в виду экономические интересы Российской империи.

Но в первую очередь проблемы торгово-экономических связей беспокоили оренбургские власти, непосредственно заинтересованные в укреплении экономики пограничных районов. Именно на местном купечестве прежде всего отразилась неудача каравана Гавердовского. Моральный и тем более материальный ущерб, который оно понесло, неминуемо должен был подорвать веру в успех подобных мероприятий. Этого не следовало допускать.

Учитывая данное обстоятельство, оренбургский военный губернатор кн. Г. С. Волконский 24 декабря 1803 г. обратился с особым распоряжением к директору мест-

ной таможни П. Е. Величко: «По поданным мне просьбам от купечества разных городов, торгующего из Оренбурга за границей в Бухарии, Хивии и в других местах, замечаю я, что оные, понеся великие убытки от разграбления в степи киргизцами их с товарами караванов в продолжение пяти уже лет, теряют охоту производить оную торговлю и мало надеются в хорошем успехе и впредь прохода их караванов».

Губернатор выражал надежду, что ему удастся «понудить виновных киргизцов» возместить потери участников предприятия. Его тревожили, однако, опасения, что охотников снова рисковать капиталом не найдется. Поэтому, чтобы «в наступающем году торговля наша за границу, весьма прибыльная при благополучном успехе для купечества и полезная в государственном обороте, не остановилась и не ослабела», Волконский решил уведомить купечество о своей готовности снабдить караван конвоем, ничем не обременяя торговцев.

Он просил Величко, «как ближайше участвующего в торговле сего края», пригласить купцов «к будущему весеннему отправлению в Бухарию и Хивию караванов с товарами» под охраной войск империи. Губернаторское повеление завершалось знаменательными строками: «В возобновлении торговли и приведении ее в новое цветущее состояние... будет для меня особенное удовольствие, ибо тем выполню высочайше возложенную на меня доверенность, а вам сделает сие особенную честь и репутацию...»².

Директор Оренбургской таможни действительно играл немаловажную роль в организации торговых связей со среднеазиатскими ханствами и, как об этом свидетельствуют многие источники, проявлял достаточную энергию в данном направлении, чем, бесспорно, заслужил «особенную честь и репутацию». Тем не менее он учитывал, что в самодержавной России подобные «повеления», да еще влекущие передвижения войск, должны исходить от императора. И Величко тут же отправил копию документа своему начальству — министру коммерции Н. П. Румянцеву³.

Реакция Петербурга на явное превышение полномочий оренбургским военным губернатором неизвестна.

² Там же, 1803—12, л. 2.

³ Там же, л. 1. Рапорт П. Е. Величко Н. П. Румянцеву от 29 декабря 1803 г.

Судя по тому, что проект кн. Волконского был в какой-то степени реализован лишь через четыре с лишним года (в первой половине 1808 г.), можно предположить, что ему было предложено более четко и детально разработать свои наметки и представить на „высочайшее“ утверждение.

Тем временем проблемы расширения торговых отношений с Азией через Оренбург продолжали привлекать внимание самых различных политических деятелей России, направлявших тому же П. Е. Величко свои предложения. Это в немалой степени было связано с тем, что глава оренбургских таможенников решительно добивался объединения усилий отечественного купечества в развитии экономических связей с Востоком. В многочисленных записках он предлагал, чтобы государство не вмешивалось в операции торговцев, а они сами отправляли бы в ханства караваны и создали бы специальную страховую контору. Именно через эту контору следовало, по его мнению, нанимать вооруженный конвой для охраны караванов, ибо посылка с ними правительственных войск «имела бы вид каких-то военных действий против народов и государств, с которыми Россия собственно находится в мире»⁴. Рассылаемые Величко разным сановникам сведения о Средней Азии вызывали отклики, которые свидетельствовали о широком интересе к „восточной“ торговле среди дворянской знати и в правительственных сферах.

Два симптоматичных примера. 13 февраля 1804 г. кн. Г. П. Гагарин отправил письмо П. Величко. Предшественник Н. П. Румянцева на посту министра коммерции (1800—1802 гг.), ушедший в отставку Г. П. Гагарин благодарил директора Оренбургской таможни за присылку описания Хивы и выражал уважение к его достоинствам, обусловившим желание бывшего министра коммерции «иметь вас помощником в доставлении оренбургской торговле всех тех выгод, которые я, для блага отечества, в виду имел и о которых я с вами говорил».

По всей вероятности, Величко считал целесообразным оказать военный нажим на Хиву за все ее «прегрешения» против России. Об этом можно судить по вы-

⁴ Пав. С. Усов, Вооруженные караваны для торговли с Ост-Индией, — «Исторический вестник», 1884, июль, стр. 147.

сказываниям Г. П. Гагарина: «...топографическое описание ваше внимания достойно и ныне и на предбудущие времена; но мщение Хиве, в теперешних политических обстоятельствах, едва ли возможно. Зажжем мы пожар на Востоке, но опасаться надобно, чтобы не воспользовались им на Западе — в такую эпоху времени, где весь политический состав не только Европы, но и других частей света, угрожается сильным потрясением».

Отставной вельможа противопоставлял военным намерениям выгоды от развития мирных торговых сношений. «Азиатская торговля, — указывал он, — для нас весьма важна; в десять лет прилежной над ней работы, с потребным, но не весьма важным изживением, может она для нас быть несколько раз важнее европейской»⁵.

Вывод, сделанный бывшим руководителем российской коммерции, очень показателен. Рассматривая последующие десятилетия, мы еще не раз столкнемся с исключительно высокой оценкой перспектив имперской торговли с Востоком по сравнению с Западом, данной еще тогда, когда цифры товарооборота в Азии неизмеримо отставали от аналогичных «европейских» показателей.

Быть может, Гагарин пришел к такому заключению под впечатлением действий британских колонизаторов в Индии, получавших колоссальные доходы для метрополии за счет неэквивалентного обмена. Во всяком случае, именно с Индией связан второй пример интереса к среднеазиатской торговле, который хотелось бы привести. Он краток. В июне того же 1804 г. член коммерц-коллегии камергер Васильчиков запрашивал П. Е. Величко: «Имеет ли правительство право надеяться, что наши торговые связи могут достигать чрез Хиву и Бахру до Ост-Индии. Есть ли сие возможно, то объявите мне, какие бы преимущественно средства могли быть употреблены к достижению нами сего всеми европейцами почитаемого золотого дна»⁶.

Но при всех обстоятельствах решающим фактором в рассматриваемое время была политическая обстановка на Западе. Вплоть до 1807 г. все внимание Петербур-

⁵ «Виды на торговлю с Азией в начале XIX в. Письмо кн. Г. П. Гагарина к П. Е. Величко», — «Русская старина», март 1904 г., стр. 631—633.

⁶ Пав. С. Усов, Вооруженные караваны..., — «Исторический вестник», июль 1884 г., стр. 147.

га было приковано к Европе, где победно шествовали полки Наполеона, неуклонно приближавшиеся к границам России. И если оренбургские власти еще могли относительно спокойно заниматься разрешением региональных задач, то центральному правительству было не до второстепенных в государственном масштабе проблем азиатской (тем более среднеазиатской) торговли.

Но как только напряжение спало и ситуация несколько изменилась, торговля со Средней Азией снова попала в поле зрения правительства. Сигналом для этого послужило подписание 7 июля 1807 г. Тильзитского мира. С наиболее опасным противником был заключен союз, хотя и оказавшийся недолговечным. Можно было вернуться к вопросам азиатской торговли, не потерявшим за истекшие годы значения для государства.

Их обсуждение шло по двум направлениям — с одной стороны, правительство определяло методы осуществления экономических связей с ханствами Средней Азии, с другой — пыталось создать частную организацию для их претворения в жизнь.

Начнем со второго. Речь идет о попытках создания Российско-Азиатской компании. Ее „крестными отцами“ выступали те же Г. С. Волконский и П. Е. Величко. В конце 1807 — начале 1808 г. они обратились к торговавшим в Оренбурге московским, ростовским, казанским, тульским и другим купцам с предложением объединить усилия для развития торговли со Средней Азией, а затем и с далекой и богатой Индией.

Воодушевляемые оренбургским начальством, восемнадцать купцов (среди них — Кайдаловы, Куманины, Карелин, Ахтямов, Крестовников и пр.) представили проект учреждения Российско-Азиатской компании с капиталом в 1 млн. рублей. В проекте было сказано, что участники получают право торговли в Азии, в частности переброски туда товаров из Оренбурга и других городов, начиная от Астрахани и до китайской границы, где только существуют пункты таможенной оплаты. Места назначения товаров — Бухара, Хива, Кашгар, Ташкент, Бадахшан, Индия и другие города и страны Азии, кроме Китая и Персии.

Главная контора компании с одним «первенствующим директором» должна была находиться в Оренбурге; где-то в другом пункте России размещался второй директор, а третий — в Бухаре. Учредители ходатайство-

вали о праве монопольной торговли, по которому в течение срока существования компании на всем пространстве от Астрахани до границ Китая любому российскому подданному, не являющемуся ее членом, запрещался вывоз в Азию товаров (кроме Китая и Персии) водой или сушей.

Купцы просили правительство организовать в Оренбурге казенную страховую контору, заключить с Бухарским ханством торговый трактат и назначить туда русского консула, а также предоставить им право вывоза помимо товаров золотой и серебряной иностранной монеты (на сумму до полумиллиона рублей), даже если экспорт монеты будет запрещен. Просьба мотивировалась стремлением компании развернуть торговые сношения с Ост-Индией, где местные предприниматели продают европейцам товары лишь на серебряные и золотые монеты, поэтому, чтобы получить необходимые изделия из первых рук, без переплаты посредникам-европейцам, их нужно иметь, а также их следует иметь для путевых и других расходов. Авторы проекта настаивали также на предоставлении им монопольного права сбыта в Азии железа и меди («не в деле») и запрете остальным торговать медью и железом даже на самой границе.

Короче говоря, как справедливо констатирует опубликованный впервые сведения о планах формирования Российско-Азиатской компании П. С. Усов, она «имела все признаки крайней монополии»⁷.

Между тем правительственные органы со своей стороны готовились к развертыванию торговых отношений с «верхней Азией» (т. е. с Бухарой и окружающими странами). 24 июля 1807 г. Г. С. Волконский прислал в столицу согласованные с П. Е. Величко «Предложения... об улучшении оренбургской торговли с верхней Азией»⁸.

Этот документ содержал положение о вооруженном караване для оренбургской торговли, который мыслился как группа из нескольких людей, «соединившихся в общество, чтобы отправиться с своими товарами в Бухарию под прикрытием достаточного числа воинской команды, снабженной пушками». Караван собирался раз в год в Оренбурге, и желающие принять в нем участие должны были за четыре месяца до выхода в путь

⁷ Там же, стр. 157.

⁸ АВГР, ф. Сношения России с Бухарой, 1808 г., оп. 1091, д. 1, лл. 1—6.

сообщить таможене о стоимости посылаемых товаров (караван мог двинуться, если их было не меньше чем на 1 млн. рублей), а затем внести 2,5% с их цены и столько же с цены товаров, вывезенных из Бухары.

Эти деньги не считались страховыми процентами: они шли на содержание конвоя. Казна отвечала лишь за воинскую охрану. «Путевые расходы, издержки по надобностям вообще для каравана, равно убытки и несчастия, могущие случиться в пути, как то: грабеж, похищение товаров и проч., должны раскладываться на весь вообще капитал каравана».

Руководителем торговой экспедиции должен быть выборный старшина, или караванный голова. Он обязан следить, «чтоб участники в Бухарии, или в другом месте, куда караван для торговли назначен, не подрывали своих товарищей понижением на свои и возвышением цены на иностранные товары, для чего продавал товары». Виновные в таких действиях наказывались «по общему приговору» коллег денежной пеней в пользу «Местного приказа общественного призрения».

Караванному голове также надлежало не допускать под угрозой различных наказаний «отлучек» купцов из его состава с товарами либо деньгами. «...Как первое лицо в сословии участников, [он] должен вести себя в глазах азиатцев с крайним благоразумием и пристойностью, в чем и товарищи его должны ему последовать: дабы азиатцам не подать причин к заключению о худой их нравственности».

Наконец, в обязанности руководителя каравана входил контроль над тем, чтобы в Россию не ввозились и не вывозились «запрещенные вещи, а особливо деньги», чтобы «каждый путешественник имел достаточное вооружение, как-то: саблю, ружье, пару пистолетов и нужное количество пороху и свинцу». Последний пункт красочно характеризует условия торговли. Можно представить, какое впечатление он производил на купечество, занимающееся отнюдь не воинственными делами. И какова была доходность торговли со Средней Азией, если она все же привлекала капиталы предпринимателей, порой отваживавшихся даже принимать в ней личное участие.

«Предположения об улучшении оренбургской торговли...» предусматривали сопровождение крупного ка-

равана конвоем из 300 казаков с двумя полевыми пушками «и с пристойным числом артиллеристов». Если конвой допускал разграбление торговой экспедиции, правительство брало на себя его содержание, а купцам возвращались внесенные ими для этого деньги.

Начальник охраны не имел права вмешиваться в дела торговли и даже в распорядок движения каравана: «В поведении конвоя особенно наблюдать, — вменялось в его обязанности, — чтобы нижние чины не вдавались в буйство, а паче пьянство, которым азиатцы мерзят и за которое в Бухарии положено строгое наказание...», чтобы конвойные «вели себя всемерно тихо и пристойно», а споры между ними и «обывателями» разбирались в присутствии караванного головы «по всей справедливости, с некоторым однакож снисхождением для жителей».

Эти детали свидетельствуют, что российские власти стремились привлечь внимание воинских чинов, да и купечества, к уважению законов и обычаев среднеазиатских ханств, понимая, что в этом заключается один из залогов успеха расширения торговых связей.

В 1808 г. этот документ был напечатан в уфимской типографии Оренбургского губернского правления. Хотя его автором был известный оренбургский военный губернатор генерал-от-кавалерии кн. Волконский, он был подписан министром коммерции гр. Румянцевым, а на обложке подчеркивалось, что «Предположения...» рассматривались в его ведомстве и «высочайше одобрены». Данные обстоятельства, вне сомнения, должны были придать особую авторитетность начинаниям Волконского.

С этой точки зрения интересно адресованное оренбургскому начальнику «высочайшее повеление», которое опубликовано в том же документе и характеризует позицию верховных властей империи: «Из представленного нам через министра коммерции положения о вооруженном караване, видя с удовольствием попечение ваше к восстановлению оренбургской торговли и что купечество по вашему вызову принимает военное охранение караванов на свое содержание добровольным внесом процентов с отправляемых товаров, не требуя от казны никаких ответственностей, мы изъявляем вам нашу признательность и поручаем вам ныне же приступить к отправлению каравана на основании правил,

вами представленных, дабы увидеть, какой будет иметь успех или неудобства сей первый опыт»⁹.

«Высочайшее повеление» датировано 27 апреля 1808 г., однако, как свидетельствует автор интересного сообщения «Вооруженные караваны для торговли с Ост-Индией» П. С. Усов, еще за месяц до того, 19 марта 1808 г., Н. П. Румянцев уведомил Г. С. Волконского, что Александр I санкционировал отправку в Бухару П. Е. Величко¹⁰. Визит директора Оренбургской таможни к эмиру Хайдар-хану должен был явиться ответом на посольство во главе с Муминджановым Азимджаном.

Величко получил для передачи хану царское письмо «с малой государственной печатью», а также значительные денежные суммы, в том числе для выкупа русских пленных, и подарки для повелителя Бухары и «ханши» (любопытно, что царские власти подходили к среднеазиатскому владению с европейской меркой, не учитывая мусульманское многоженство). Стоимость подарков исчислялась солидной цифрой — около 14 тыс. руб.¹¹.

Министр коммерции снабдил своего подчиненного подробной инструкцией. В ней почти дословно повторялся доклад Н. П. Румянцева членам Непременного совета в апреле 1802 г. и раскрывались экономические и политические мотивы целесообразности развития торговых сношений с народами Востока. Румянцев ссылаясь на обогащение Англии доходной торговлей в Азии. Он считал, что теперь настало удобное время «дать восчувствовать соседним азиатцам, что ближайший и выгоднейший путь для их торговли ведет к России». Н. П. Румянцев пояснял далее специфику обстановки. Британская империя находится в разрыве с Россией, да и почти со всей Европой: большая часть континентальных портов закрыта для нее и ей пришлось сократить товарооборот. «Знатный торг, какой она обращала в Индии, — переходил министр к проблемам Азии, — должен естественно сократиться по недостатку средств сбывать товары с рук, следовательно, индийские товары должны накапливаться в их отечестве. Бухария собственным положением связывает азиатские торговые богатства. Она сама собой составляет попри-

⁹ Там же, лл. 2—3.

¹⁰ «Исторический вестник», 1884, июль, стр. 148.

¹¹ АВПР, СПб. Главный архив, I—7, оп. 6, 1808—1.

ще торговли собственными продуктами», так как ее соседями являются Кабул и Лахор, через которые лежат пути в Персию и Северную Индию, а также в Тибет, Кашгар, Кашмир и далее — в Китай. Это особенно важно для оренбургской торговли: «Естественное стремление торга требует как-будто водворения индийских товаров в Оренбурге: поелику не токмо из соседственных губерний», но также из Москвы и городов центральной России, несмотря на дорожные трудности и материальные затраты, «торговые предприятия наши в Бухарию и Индию неизменно стремились».

П. Е. Величко мог судить, «не очевидная ли представляется возможность обратить ныне индийский торг к нашим пределам, когда азиатские товары, кроме России, по настоящим политическим обстоятельствам изобильнейших истоков не имеют? Когда держава, индийским торгом владычествующая, занята ныне войной, и когда соседственная азиатцам Россия предлагает охранительные и миролюбивые средства по путям торговли и дает ей надежное пристанище...?»¹².

Что касается конкретных поручений, то директору Оренбургской таможни предлагалось решить те проблемы, которые царское правительство настойчиво и упорно выдвигало перед бухарскими властями: добиться уравнивания прав российских купцов в Бухаре с правами, какими пользовались бухарские торговцы в России, «внушить» местным властям, чтобы те давали охранные листы русским предпринимателям, которые захотят отправиться «в Кабул, Кашемир, Кандахар, Тибет», а главное — всемерно способствовать расширению русско-бухарских экономических связей и договориться о допуске в ханство российского консула.

Другие задания касались изучения тамошнего рынка и особенностей производства, дорог Бухары, «ибо известно, что сия нация связывает... все торговые пути, в Индию, Персию и Китай ведущие»¹³.

Казалось бы, вся подготовительная работа была проведена. В какой-то степени по почину правительства возникла Российско-Азиатская компания, была обеспечена вооруженная охрана и назначен караванный голова — авторитетное официальное лицо, получившее и

¹² «Исторический вестник», 1884, июль, стр. 148—149.

¹³ Там же, стр. 150—151.

важные государственные задания. Больше того, Волконский не пожалел усилий, чтобы вовлечь в предприятие и других российских купцов.

С этой целью он отправил послание московскому главнокомандующему Т. И. Тутолмину: «Междоусобные вражды начальников киргиз-кайсацкого народа, врожденная склонность самих ордынцев к хищениям, многократные среди таковых орудейств грабежи купеческих караванов в недре степей киргизских так ослабили отечественную нашу торговлю с Верхней Азией, что она ощущительным образом преклоняется к упадку». Для восстановления оренбургской торговли с народами Азии, продолжал Волконский, он обратился к министру коммерции и получил «высочайшее одобрение» своим «предположениям», которые предусматривают движение караванов под вооруженным эскортом.

Тутолмину препровождалось десять экземпляров известного нам «Предположения...» с просьбой оповестить торговцев первопрестольной и напечатать их в «Московских ведомостях», «дабы более могло явиться желающих для отправления в Бухарию товаров». Московский главнокомандующий сообщил о полученных бумагах Городской шестигласной думе, а она, в свою очередь, 1 июля 1808 г. известила об этом Дом градского купеческого общества¹⁴.

Царская администрация, таким образом, проявляла настойчивость в стремлении наладить экономические связи со среднеазиатскими ханствами. Ее стимулировал в этом отношении и внешнеполитический фактор. С юга все более настойчивое внимание проявляла к Средней Азии соперница России — Британская империя. Уже в 1811 г. посетивший ханства царский офицер Субханкулов констатировал попытки англичан при помощи демпинга утвердиться на бухарских рынках. «Из достоверных известий наведаясь я, — отмечал Субханкулов Абдулнасыр, — отмечал англичане водяным путем, истощая знатное число своей казны, с немалым своим коварным умыслом, во-первых, покупают якобы разные вещи и хлеб для себя высокою ценою, а продают оные в наро-

¹⁴ История Московского Купеческого Общества. 1863—1913, под ред. В. Н. Сторожева, т. 2, вып. 1, М., 1916, стр. 110—111. К сожалению, в книге нет указаний на результаты обращения Г. С. Волконского и Т. И. Тутолмина к московскому купечеству.

де с значительным для себя убытком»¹⁵. Подобный прием — неоднократно практиковался британскими предпринимателями, с чем нам придется еще много раз столкнуться.

Наряду с этим английские власти в Индии вели широкую военно-политическую разведку в Средней Азии. Высокоставленный чиновник Ост-Индской компании Уильям Муркрофт в 1812 г. направил туда группу подготовленных разведчиков во главе с Мир Иззетуллоем. Они посетили Восточный Туркестан, Афганистан, узбекские и таджикские княжества левобережья Амударьи, а также Кокандское и Бухарское ханства, собирая сведения об экономике и торговле, политическом устройстве и транспортных возможностях этих стран, снимали планы населенных пунктов и укреплений, устанавливали связи с правящими кругами, вели проанглийскую пропаганду¹⁶.

Однако подготавливавшийся царским правительством с такой старательностью торговый караван так и не удалось отправить из России в Бухару. Это важное мероприятие постигла та же участь, что и многие аналогичные караваны, терпевшие неудачу на различных этапах и по различным причинам: уже на «оренбургской» стадии оно не получило практического осуществления.

Автор обширной записки «Замечание насчет азиатского торгового Оренбургского края, с разными предположениями...» от 6 августа 1815 г.¹⁷, надворный советник Чекалов, работавший ряд лет в местной таможне, не мог точно указать, почему заглохло предприятие, вызвавшее такой повышенный интерес у российской администрации на разных уровнях, вплоть до самого высшего. Он высказывал предположение, что не успели со-

¹⁵ Госархив Оренбургской области, ф. 6, д. 291, п. 155; цит. по: П. Е. Матвиевский, Россия и среднеазиатские народы в годы войн с Наполеоном, — «Ученые записки государственного педагогического института им. Чкалова», вып. 8, Чкалов, 1956, стр. 115—116.

¹⁶ См.: «Travels in Central Asia by Meer Izzut Oollah in the Years 1812—1813», Calcutta, 1872. «О поездке Мир Иззетуллы: Ю. А. Соколов, Бухара, Самарканд, Келиф в 1813 году, — «Труды Среднеазиатского государственного университета», Ташкент, 1957, вып. 90, кн. 14, стр. 193—217.

¹⁷ АВГР, Азиатский департамент, оп. 729, 1782—1805, д. 211, лл. 46—91.

брать товары за четыре месяца, да к тому же большой конвой обеспокоил бухарского хана.

Более определенно высказался по этому поводу П. С. Усов: «...не могли набрать товаров на миллион рублей, известный процент с которого в состоянии был бы покрыть расходы по этой экспедиции, военнопольнической и коммерческой. И Волконский советовал Величко убедить русских купцов собрать для каравана товары на 1 миллион рублей»¹⁸. По-видимому, директору Оренбургской таможни не удалось выполнить задание военного губернатора, ибо заготовленные для посылки дары, пролежав длительное время на складах форпоста Российской империи на Востоке, были там же реализованы.

Оба автора, таким образом, возлагали вину на купечество, игнорировавшее, по их мнению, стремления правительства способствовать расширению азиатской торговли. В какой-то мере позицию торговцев можно объяснить: даже при вооруженной охране, оплаченной за их счет, они не были гарантированы от разграбления; недаром положение о караване особо отмечало, что оплата конvoja не является «страховым процентом».

Дело было, однако, не только, а может быть, и не столько в этом. Краткое, но четкое разъяснение происшедшего дается в официальном издании «Министерство финансов 1802—1902»: «Караван был сформирован, но не состоялся: купечество отказалось от участия в нем, узнав о разрыве с Англией и о повышении цен на товары, которое делало для него выгодной расторжку и без дальней экспедиции»¹⁹.

Аналогичным образом не нашла развития деятельность связанной с планами Г. С. Волконского Российско-Азиатской компании. Более того, судя по отсутствию предусмотренного в те годы «высочайше» утвержденного устава этого сообщества, оно, вероятно, не получило официального признания. А поскольку инициатива в его создании исходила от властей, российские купцы, не привыкшие к подобным формам «кооперации», видимо, не очень горевали в связи с тем, что она не была осуществлена. Во всяком случае, в архивных материалах

¹⁸ «Исторический вестник», 1884, июль, стр. 154—155.

¹⁹ «Министерство финансов 1802—1902», часть первая, СПб., 1902, стр. 135.

лах не удалось обнаружить ни дополнительных ходатайств о надлежащем оформлении компании, ни свидетельств о ее конкретной деятельности.

Хотя проект оренбургского военного губернатора не был реализован, все связанные с ним обстоятельства характеризуют живой интерес правящих кругов Российской империи к проблемам, касающимся экономических связей с ханствами Средней Азии и лежащими за ними государствами Востока. Они показывают также влияние политических факторов на методы и способы реализации этих стремлений. Дополнительным штрихом является послание, с которым Волконский обратился к эмиру Бухары Хайдар-хану, чтобы сообщить ему «об изгнании из России Наполеона — с целью оживить этим торговлю с Бухарой», как гласит современный событиям заголовок архивного дела²⁰.

В письме от 12 марта 1813 г., вскоре после того как остатки «великой армии» покинули пределы Российской империи, оренбургский военный губернатор обращал внимание правителя ханства на дело, которое «по великим выгодам» для бухарцев требовало его «благожелательного внимания и благочестивых распоряжений».

Г. С. Волконский высказывал предположение, что двинувшиеся из Троицка на родину в 1812 г. с торговым караваном бухарские купцы донесли эмиру «о вторжении злокозненного и кровожадного неприятеля с французскими войсками в Россию и о занятии ими столичного города Москвы». Он подтверждал, что враг был «с многочисленной толпой варварских полчищ в Российском государстве», но был изгнан, а его силы — истреблены.

Затем губернатор перешел к основной части послания: «Теперь благоденствие и цветущая торговля восстановлены на прежнем основании не токмо в городах, где был неприятель, но и в самой столице Москве». Поэтому он просил, чтобы Хайдар-хан «повелел» своим купцам «отправляться из Бухарии с караванами в Россию без всякого опасения и недоумения насчет благополучия торговых обстоятельств...»

Для вящей убедительности Волконский завершал призыв к отправке бухарских торговцев в Оренбург радостным известием, что он надеется добиться воз-

²⁰ АВПр, СПб. Главный архив, I—13, д. 1803—12.

вращения товаров из разграбленного в 1812 г. кочевниками купеческого каравана²¹. Он не забыл, естественно, информировать Петербург о предпринятой акции. Получивший «список» с письма губернатора министр финансов Д. А. Гурьев по просьбе Волконского 11 апреля 1813 г. запрашивал Н. П. Румянцева: «не угодно ли будет правительству» для поддержки оренбургского правителя и со своей стороны снести с Хайдар-ханом?²²

Этот эпизод является характерной иллюстрацией настойчивости и активности оренбургских властей в их стремлении превратить свою резиденцию в опорную базу торгово-экономических связей Российской империи со странами Востока.

Послание Г. С. Волконского вызвало у эмира Бухары живейший интерес, свидетельствовавший, что правитель далекого среднеазиатского государства, насколько ему позволяли обстоятельства, внимательно следил за европейскими событиями.

А. А. Семенов сообщает об отправке эмиром письма в Петербург: «Судя по содержанию, письмо написано после изгнания Наполеона из России и, следовательно, ко времени после 1815 г., когда Александр I вернулся из Парижа в Россию после полугодового отсутствия. Несомненно, о победе русского народа стало известно и в Средней Азии»²³. Мы теперь знаем один из источников этих известий — сообщение Г. С. Волконского. Послание эмира можно считать ответным. Хайдар-хан сочетал в нем поздравления в адрес русского оружия с пожеланиями возместить потери бухарских купцов в результате нападений на караваны. «Слышно, — писал он, — что француз, поднявши голову сопротивления, дерзко двинулся вперед и вступил в войну с тем высокородным домом (т. е. Российской империей. — Н. Х.), [но] случившееся от нападения русской армии постыдное поражение всех его опор [заставило] его предпочесть [всему] бегство, и он ушел сбившимся с пути и отверженным. И то убежище величия, очистивши подол платья богохранимого русского государства

²¹ Там же, лл. 51—54.

²² Там же, л. 50.

²³ А. А. Семенов, К истории дипломатических сношений между Россией и Бухарой в начале XIX века, — «Известия АН УзССР», [Ташкент], 1951, № 1, стр. 87.

от пыли восстания и мятежа того сборища негодяев, изволили захватить множество добычи. На основании исконных уз дружбы, коими соединены два [наших] высоких государства, [у нас от сего] получилось полное удовлетворение».

Хайдар-хан выражал надежду, что виновные в разграблении каравана будут наказаны, а купцам возвратят похищенные товары: «Это обстоятельство станет способствовать распространению [вашей] доброй славы и явится причиной [взаимной] пользы и близкого единения [России и Бухары]»²⁴.

Но курчи-баши, который привез это письмо, нельзя рассматривать в качестве официального представителя эмира: в России он оказался проездом, направляясь к «святым местам» — в Мекку и Медину; сведений о том, что его принимал кто-либо из русских государственных деятелей, — нет. И тем не менее в привезенном письме привлекает особое внимание то место, где Хайдар-хан настойчиво подчеркнул необходимость возмещения убытков торговцев — его подданных, не удовлетворяясь заверениями и обещаниями оренбургских властей.

Но эти власти и сами продолжали проявлять немалое беспокойство в связи с ослаблением активности российских предпринимателей в торговле со среднеазиатскими ханствами. Об этом свидетельствует обширная записка надворного советника Чекалова, игравшего важную роль в таможенной службе Оренбурга. Проведя немало лет на границах Российской империи, Чекалов 6 августа 1815 г. адресовал Азиатскому департаменту «Замечания насчет азиатского торгового Оренбургского края, с разными предположениями...»²⁵.

Знаток проблем, касавшихся экономических связей с государствами Средней Азии, предлагал прежде всего обезопасить путь от России до Бухары, для чего необходимо договориться с эмиром Хайдаром, чтобы часть дороги караваны охранялись его войсками. В результате — «последует свободное отправление торговли по всей азиатской границе», а расширение торговли «доставит как частные, так и государственные пользы и богатство...» Средства на конвоирование — брать у

²⁴ Там же, стр. 88—89 (пер. А. А. Семенова).

²⁵ АВПР, Азиатский департамент, оп. 729, 1782—1805, д. 211, лл. 46—91.

российских и бухарских купцов в размере 5—10% стоимости их товаров.

Если бухарское правительство откажется участвовать в охране торговых обозов, то это должна делать Россия вплоть до пределов ханства. Тут есть свои выгоды: не нужно передавать караван из рук в руки, что сохранит время; лучше удастся организовать охрану. Дорога должна идти через опорные пункты («устроенные кордоны»).

Но окупятся ли такие затраты, пойдут ли на них предприниматели? Обосновывая положительный ответ, Чекалов приволил пример доходности среднеазиатской торговли: Кушалов Галибай, бухарский купец, торгует в России около 20 лет, от грабежей в степи дважды лишился товаров более чем на 100 тыс. руб. («как сам удостоверяет»). Тем не менее имеет теперь капитала почти на 1 млн. руб., записался в московские купцы I гильдии и живет в России, где у него два богатых магазина («кроме московского»). Галибай Кушалов согласен вносить деньги для содержания конвоя.

Если российские и бухарские купцы делают оборот «хотя на 10 млн. руб.», подсчитывал Чекалов, то и тогда будет собрана крупная сумма на организацию охраны и «умножится отправление в Бухару купеческих товаров». Это ханство стремится расширять экономические связи с Персией, Индией, Кокандом, Ташкентом, «Кашемиром» и др., «но за всем тем более обращает свое внимание на Россию, отколь преимущественнее прочих владений получает в знатном количестве разные товары, червонцы, талеры и ефимки, всякого сорту медь и железо...»

Расширение товарооборотов с Россией обогатило многих бухарских купцов — «из последнего состояния [они] сделались большими капиталистами [в отличие от русских купцов, которые не всегда удачливы], пользуясь правом ехать на внутренние ярмарки и в глубь страны». Попытки же отечественных предпринимателей увеличить торговлю с Бухарой наталкиваются на степные грабежи. Поэтому «лудчия капиталисты из российских купцов совсем оставили свой оборот в торговле при Оренбургском меновом дворе, яко главном пункте, видя совершенную потерю капиталов безвозвратно»; некоторые купцы I гильдии обанкротились, другие перешли в III гильдию, перебрались на троицкий мено-

вой двор²⁶, привыкнув к торговле с ханствами и казахскими племенами, которая «изливалась для государства источник богатств в большом количестве».

Ныне только в Троицк ежегодно приезжает свыше двухсот купцов из Средней Азии, тогда как их отечественные коллеги «отстали» от торга. К тому же бухарское правительство поступает с последними «не слишком уважительно», взимая повышенные пошлины и т. п.

Чекалов предлагал поставить перед Хайдар-ханом вопрос об укреплении отношений, в частности, о создании в ханстве «коммерческой конторы» — резиденции консула — для «поддержания взаимной торговли», а также организовать при оренбургской и троицкой таможенных страховые конторы, перестроить пришедший в ветхость троицкий меновой двор. Далее он сетовал, что все выгоды от азиатской торговли достаются бухарским предпринимателям, особенно с того времени, когда разрешен вывоз иностранной монеты, «всякого сорту меди и проч.». С печалью констатировал автор записки, что меньше берут «российских фабрик товары», пришел в упадок и «киргизский торг», который издавна имел широкий размах: в летне-осенний период выменивалось более 350 тыс. баранов с большой выгодой для России. В обмен на обеспечение многих губерний империи «мясом, овчинами и салом» (причем этих продуктов хватало и на вывоз «в европейские державы») кочевникам сбывались фабричные изделия — различные сукна, шелка, юфть, опорки, выделанные кожи, меха и т. п.

Таким образом, налаживание и развитие торговых связей признавалось важным и целесообразным как правителями Бухарского ханства, так и представителями чиновничьей России, хорошо осведомленными в их обоюдной пользе и выгоды.

Данное обстоятельство придавало первостепенное значение урегулированию отношений с Хивой, поскольку царское правительство продолжало считать ее «корнем зла» в ситуации, которая сложилась на караванных путях, соединявших Российскую империю со Средней Азией.

²⁶ Дорога из Троицка в Бухару проходила по местностям, более отдаленным от района действия хивинцев, чем путь из Оренбурга в Бухару, а потому была более безопасной для торговых караванов.

Экспедиция Н. Н. Муравьева в Туркмению и Хиву

В первые десятилетия XIX в. туркменские оазисы и пустыни, как и Хивинское ханство, были неведомыми землями не только для интересующихся «частных лиц», но и для правительственных кругов. Находившиеся в архивах донесения о состоявшихся в прошлом экспедициях в эти края или просто к восточным берегам Каспия изрядно устарели.

Между тем к началу XIX в. в отличие, скажем, от петровских времен царские власти располагали великолепным плацдармом не только для изучения, но и для проникновения в туркменские селения и в Хорезмский оазис. Таким плацдармом являлся Кавказ, большая часть которого уже вошла в состав Российской империи, а непосредственными опорными пунктами — порты Баку, Петровск (ныне — Махачкала) и Дербент, что и прослеживается достаточно наглядно на примере экспедиции Н. Н. Муравьева в Туркмению и Хиву.

Почти вся литература об этой экспедиции связывает ее с именем главнокомандующего в Грузии знаменитого «кавказского проконсула» Алексея Петровича Ермолова¹. Это верно лишь отчасти: А. П. Ермолов был непосредственным организатором и «направителем» миссии и ее участников. Между тем, по свидетельству самого Ермолова, мысль о необходимости попытаться утвердить влияние России на восточных берегах Каспия для стимулирования ее экономических связей со среднеазиатскими ханствами принадлежала не ему, а «господину адмиралу Мордвинову».

Упоминание Н. С. Мордвинова придает всему мероприятию значительно более широкое звучание. Видный

¹ См., например: В. Бартольд, История изучения Востока в Европе и в России, СПб., 1911; Н. И. Задонский, Горы и звезды, М., 1965; Н. П. Глиноецкий, История русского генерального штаба, т. I, СПб., 1883, стр. 347—348 и др.

государственный и общественный деятель, занимавший одно время пост морского министра, Мордвинов был вместе с тем крупным экономистом, сотрудником М. М. Сперанского, намечавшим вместе с ним проекты улучшения финансово-экономической системы Российского государства. С 1810 по 1818 г. Мордвинов последовательно возглавлял департаменты Государственного совета — государственной экономики, затем экономики, а потом гражданских и духовных дел. В 1823—1840 гг. он был президентом Вольного экономического общества — первого отечественного экономического общества, созданного еще в 1765 г. и уделявшего огромное внимание рациональному (по мнению его членов) развитию сельского хозяйства. Крупный помещик, Мордвинов тем не менее был сторонником буржуазных реформ в области экономики, но полагал, что осуществить их должно самодержавное правительство. Вольнодумцем этого сановника нельзя назвать, хотя именно он (и только он) из всех членов Верховного уголовного суда наотрез отклонил предложение подписать смертный приговор осужденным на казнь декабристам.

Интерес Н. С. Мордвинова к снаряжению среднеазиатской экспедиции, который, как мы увидим из дальнейшего, он хотел привить Комитету министров, далеко выводит миссию Муравьева за рамки региональных, местных, собственно «кавказских» дел. Выдающийся экономист своего времени имел в виду комплексное решение важных для России торгово-политических вопросов, когда 19 июня 1816 г. представил Комитету министров записку «Покорение кавказских жителей», позднее названную «Мнением о способах, коими России удобнее можно привязать к себе постепенно кавказских жителей, чем покорять их силой оружия»².

Этот документ был подготовлен в связи с обсуждавшейся за три дня до того в Комитете министров записки главноуправляющего в Грузии генерал-лейтенанта А. П. Ермолова (близкого друга и любимца Н. С. Мордвинова)³, озаглавленной: «О разных недо-

² «Архив графов Мордвиновых», т. V, СПб., 1902, стр. 148—155.

³ См., в частности: «Рассказы А. П. Ермолова», — «Чтения в императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском Университете», М., 1863, стр. 229—230.

статках, до вверенного ему управления Грузией и губерниями Астраханской и Кавказской относящихся».

Общая направленность записки Мордвинова заключалась в призыве мирными средствами, доброжелательной политикой, экономическими выгодами привлекать народы Кавказа к сближению с империей — снабжать их солью, железом и другими необходимыми товарами, проявлять всемерную благожелательность и т. п. Применительно к нашей теме адмирал предложил большую, продуманную программу, которую целесообразно изложить, максимально отражая выразительный стиль и характер подлинника.

Мордвинов подчеркивал, что Россия должна иметь в виду «не одновременную токмо безопасность и ограждение соседних своих нив и пастбищ. Пред нею лежат Персия и Индия. К оным проложить должно дороги из внутренности России и соделать их отверстыми и безопасными. Европа устарела и требует мало от избытков наших, — говорил он, отмечая необходимость переориентации внешней торговли страны, — Азия юная необразованная, теснее может соединиться с Россией, и все, что изящное в превосходстве просвещения и труда заключается, послужит к увеличению могущества России над сею пространнейшей и важнейшей частью света. Нашему рукоделию, промышленности и торговле предлежат более богатые истоки на юг, нежели на север. Каспийское и Черное моря прилежат к плодороднейшим пределам России...»

Автор отрицал решающее значение воздействия силы. «Чтобы покорить народы, кои ближе к дикому, нежели к образованному состоянию, должно приучить их к тому, что Россия производит и чем может их всегда снабжать». Надо развивать экономические связи с этими народами, «сблизить их к нам понятиями, вкусами, нуждами и требованием от нас домашней утвари, одежды и всяких прихотливых вещей. Тогда не только сдружимся мы с ними на границах их, но достигнем до ущелий сокровеннейших их гор, куда ядра и штыки наши достигнуть никогда не возмогут и коими токмо вечную вражду питать возможно».

В утверждении влияния на Кавказе Мордвинов видел предпосылки установления прочных экономических сношений с крупными азиатскими государствами. «...Соединенные нравственно с жителями гор Кавказских, —

отмечал он, — взаимными обменами введенной внутрь их торговли, обеспеченные на путях, лежащих чрез горы Кавказские, надежно возможем основать сообщения наши с сопредельными великими державами Азии»

Особое место занимало в этих планах Бухарское ханство. «К стороне Бухарии полезно бы было поставить себя на твердой ноге, дабы привести в зависимость народы хищные, отделяющие Россию от сей богатой части Азии. Нужно соделать сильную колонию на Каспийском море, при заливе, называемом Красноводский, или Огурчинский, смежном с Хорасанской провинцией. Занятие сего места в видах военных и торговых представляется важнейшим на Каспийском море. Из оного места владычествовать можно на север против туркменов и на восток против хивинцев. В оном соединиться может торговля сухим путем из богатейшей восточной части Персии, Бухарии и северной Индии, а морем из Астрахани и Баку».

Высказанные Мордвиновым мысли поддержали высшие сановники империи — временный председатель Комитета министров С. К. Вязмитинов, министры: внутренних дел — О. П. Козодавлев, морской — И. И. де Траверсе, финансов — Д. А. Гурьев, военный — П. П. Коновницын, народного просвещения — А. К. Разумовский, председатель департамента военных дел Государственного совета, назначенный «состоять для доклада и надзора» по делам Комитета министров — А. А. Аракчеев, «присутствующий в первом департаменте Правительствующего Сената» В. П. Кочубей, неоднократно занимавший пост министра внутренних дел, будущий председатель Государственного совета и Комитета министров и др.

Граф Кочубей в специальном письме сообщил управляющему делами Комитета министров, что находит в «Мнении...» Н. С. Мордвинова «правильные основания, ибо сомнения нет, что моральное действие над полудикими азиатскими народами может иметь сильное влияние и на политические с ними сношения»⁴.

30 июня 1816 г. записка адмирала была доведена до сведения Александра I. Ее результатом явился царский указ Комитету министров от 20 июля 1816 г.: «Находя полезными правила в мнении, поданном в Ко-

⁴ «Архив графов Мордвиновых», т. V, стр. 148.

митет адмиралом Мордвиновым, предписываю сообщить оное генерал-лейтенанту Ермолову для рассмотрения и соображения на месте»⁵. Это означало «высочайшее» одобрение. Кавказскому начальству надлежало претворить мордвиновский проект в жизнь, чем оно и занялось.

15 января 1818 г. Ермолов подписал письмо А. А. Аракчееву за № 1. «При отъезде моем из Санкт-Петербурга в 1816 году, — гласило оно, — предпровождено было ко мне для местного соображения поданное в Комитет гг. Министров мнение г-на адмирала Мордвинова о способах, коими удобнее привязать к себе постепенно кавказских жителей, в котором между прочим поставляет он на вид, сколько полезно было бы утвердиться на восточном берегу Каспийского моря, где, приходя со временем в зависимость хищные народы, отделяющие нас от Бухарии, обратить к себе богатую сей страны торговлю. Как о сем рассуждаемо было в Комитете гг. Министров, то и почел я обязанным обратиться к вашему сиятельству».

Далее Ермолов предлагал «употребить на обозрение берегов Каспийского моря часть эскадры, зависящей от распоряжения моего, которая остается теперь праздною». Он отмечал, что еще в 1805 г. в результате предписания царя министру коммерции и инспектору инженерного департамента генералу фон-Сухтелену к восточному побережью Каспия был отправлен инженер-генерал-майор Фелькерзам, который обозрел «устье реки Ембы и Тюп-Караганский угол». Материалы этого обозрения были представлены министру коммерции графу Румянцеву⁶.

Главнокомандующий в Грузии считал, что нужно держаться гораздо ближе к Хиве, и испрашивал у всесильного фактического главы Государственного совета и Комитета министров разрешение снарядить в указанные края летом 1819 г. эскадру.

Не прошло и месяца, как Аракчеев откликнулся: он докладывал царю предложение Ермолова. Оно было одобрено⁷.

⁵ Там же, стр. 148—149.

⁶ ЦГВИА СССР, ВУА, ф. 483, д. 1, лл. 1—2.

⁷ Там же, л. 1. Ответное письмо Аракчеева № 125 от 12 февраля 1819 г.

Несколько месяцев ушло на разработку программы миссии. 13 июня 1819 г. Ермолов утвердил инструкцию руководителю морской части экспедиции «г-ну майору и кавалеру» Пономареву и наставление главному действующему лицу ее сухопутной части — «гвардейского генерального штаба г-ну капитану» Николаю Николаевичу Муравьеву.

Пономареву разъяснялось: «Торговля с Хивой по возможности своей и многообразию редких произведений сей земли издавна обращает на себя особенное внимание русского правительства... Хивинские караваны достигают пределы империи лишь одной дорогой — к Астрахани, минуя обширные степи». Но путь этот очень далек, а главное, караваны подвергаются на нем опасности нападений со стороны кочевников, что «останавливает свободный ход торговли и крайне при том повышает цену товаров».

Ермолов предлагал участникам поездки изучить иную возможную дорогу для торговцев: Хива — туркменские земли — восточный берег Каспия — Баку и Астрахань. С этой целью отправлялись военное и купеческое судна. Следовало обнаружить удобные, закрытые пристани, обеспеченные пресной водой, «ибо важнейшее предположение правительства заключается в том, чтобы для привлечения из Хивы торговли завести на Трухменском берегу близ избранной нами пристани магазины для складки товаров, обеспечения их прикрытием устроенной для сего крепости».

Инструкция предусматривала ознакомление с тем, как «управляется трухменский народ», какова его численность и в чем заключаются его нужды, «дабы чрез снабжения их теми потребностями со стороны нашей можно было утвердить навсегда связь нашу с сим народом и сделаться для них необходимыми». Ермолов поручал также Пономареву выяснить природные ресурсы Туркмении, туркмено-хивинские отношения, наиболее безопасную дорогу в ханство и необходимые меры для развития торговли.

Главнокомандующий в Грузии исходил из предположения, что «трухменский народ согласится на сие (т. е. создание торговых складов. — Н. Х.) беспрепятственно и с доброю к нам верою». Даже если правители Хивы не согласятся развивать торговые связи, миссия принесет пользу, внушив туркменам доверие к России. Этому,

должен был содействовать во время переговоров с старшинами туркмен отправленный с экспедицией астраханский купец Иван Муратов, который уже бывал там и в 1813 г. вернулся на Кавказ в сопровождении туркменских представителей, посетивших предшественника Ермолова — генерала Ртищева.

При благоприятной и безопасной обстановке в туркменские кочевья, а затем и дальше — в хивинскую столицу может быть отправлен с подарками капитан Муравьев. В случае «сомнительной обстановки» в Хиву поедет лишь Муратов. Цель переговоров в обоих случаях одна и та же: развитие русско-хивинской торговли⁸. Переговоры следовало вести не от имени правительства, а от имени Ермолова, «как российского генерала, командующего в Астрахани и всеми землями, лежащими от Черного до пределов Каспийского моря».

В наставлении Муравьеву от 13 июня 1819 г. повторялись основные положения инструкции Пономареву. В нем выражалась надежда, что успеху должно «много способствовать... знание ваше в татарском языке»⁹.

Наконец, письмо генерала Ермолова хивинскому хану кроме обычных пожеланий здоровья и «всех радостей», декларировало стремление «войти в ближайшее с вашим высокостепенством знакомство и восстановить дружественные сношения и открыть счастливый путь для ваших подвластных к ближайшему достижению преимущественных выгод по торговле с Россией и к вашему утверждению взаимной приязни, основанной на доброй вере»¹⁰.

18 июля 1819 г. Пономарев и Муравьев отправились в сложную и трудную поездку, из которой вернулись только через полгода — в январе 1820 г. За это время Ермолов обменялся весьма важными письмами с министром иностранных дел К. В. Нессельроде. 31 августа 1819 г. командир Отдельного Грузинского корпуса из лагеря у крепости Внезапной сообщил К. В. Нессельроде, что приступил к осуществлению поручения Комитета министров «об открытии с Тухменскими народами сношений», подчеркнув, что это поручение было возло-

⁸ Там же, лл. 2—8.

⁹ Там же, лл. 9—10 (см. также «Записки Н. Н. Муравьева», — «Русский архив», 1886, т. 3, стр. 449).

¹⁰ Там же, лл. 10—11 (см. также «Русский архив», 1886, т. 3, стр. 488).

жено на него «на основании мнения г-на адмирала Мордвинова».

К восточным берегам Каспия были снаряжены два корабля, поскольку имеющиеся сведения об этом районе «неудовлетворительны и ни к каким с нашей стороны предприятиям не могут служить руководством». Если туркмены, продолжал Ермолов, «покорствуют какой-либо власти» и «по образу многих азиатцев не развлечены они на разные независимые общества», то «с кротостью и терпением и ежегодно их посещая», можно установить с ними прочные связи, «удовлетворяя посредством торговых сношений недостаток их в первых потребностях жизни», прежде всего в хлебе.

Кавказский наместник видел выгоды от установления дружественных отношений с туркменами в создании удобной пристани и склада товаров на кратчайшем расстоянии от Хивы, считая, что со временем к этой пристани «обратятся» бухарские караваны, идущие через Хивинское ханство. Таким образом наполовину сократится дорога до Астрахани и ликвидируется угроза нападений, от которых «иногда погибают целые караваны».

Ермолов выражал надежду, что впоследствии русское купечество сможет поддерживать торговлю непосредственно с Хивой, получая ее товары из первых рук. «Выгоды, от того происходящие, оживят торговлю нашу на Каспийском море», пока еще находящуюся под контролем чужеземных предпринимателей¹¹.

Ответ Нессельроде Ермолову не заставил себя ждать. Он писал, что петербургские власти и кавказское начальство были единодушны в настойчивом стремлении открыть новые торговые пути в Среднюю Азию. Управляющий министерством иностранных дел сообщил генералу, что его письмо было получено «в то самое время, когда по высочайшему повелению, занимаясь избранием мер и способов к улучшению политических и торговых сношений со Средней и Верхней Азией, — остановился я над связями нашими с племенами, обитающими между восточными берегами Каспийского моря и Бухарой».

¹¹ АВПР, СПб. Гл. архив, II—18, оп. 62, 1819—1, лл. 5—6; см. также: «Русско-туркменские отношения в XVIII—XIX вв. (до присоединения Туркмении к России)», Сборник архивных документов, Ашхабад, 1963, стр. 204—205.

Нессельроде подчеркивал также, что в Петербурге ощущается недостаток сведений об этом районе и там будут с нетерпением ждать завершения экспедиции. Он отмечал совпадение своих и Ермолова представлений о выгодах «от нового направления торговли нашей с Бухарой». Правительство давно имело в виду такие меры, но обстоятельства мешали их проведению в жизнь. Однако время были опасения, что развитие «одной отрасли Азиатской нашей торговли» (т. е. со стороны Кавказа. — Н. Х.) приведет «в скудость весь край, прилегающий к Оренбургской и Сибирской линиям».

Между тем поворот торговых дорог «из Хивы, Бухары и от окрестностей Инда к Мангишлаку или другому удобнейшему там месту и оттуда в Астрахань морем или сухим путем через Эмбу и Урал» явится «надежнейшим средством» избежать набегов грабителей, которые «для купечествующих опаснее маловодных степей Туркменских и бурь Каспийского моря», поскольку их не удалось пресечь ни «щедростью правительства», ни «мерами деятельной строгости».

Нессельроде подчеркивал особую целесообразность изучения вопроса о древнем русле и устье Амударьи и возможности их восстановления — вопроса, издавна занимавшего ученых и «стоившего Петру Великому знатного числа войск»¹².

Вскоре он получил обнадеживающие сведения. Ермолов передавал, что его посланцы встречены дружелюбно иомудами, насчитывающими более тридцати тысяч кибиток и занимающими обширную территорию. «Есть надежда», что они «прибегнут под покровительство» царя, а тем временем капитан Муравьев двинется к Хиве. В зависимости от приема, оказанного ему ханом, будут развиваться русско-хивинские отношения и решится задача «обращения караванов прямым путем чрез приятных нам тухменцев к берегам Каспийского моря». Кавказский наместник выражал уверенность, что в случае успеха «торговля наша приобретет большие выгоды»¹³.

Нелегкая поездка Н. Муравьева уже освещалась в

¹² АВПР, СПб. Гл. архив, II—18, оп. 62, 1819—1, лл. 9—10. Письмо Нессельроде от 27 сентября 1819 г.

¹³ Там же, л. 11. Письмо Ермолова Нессельроде от 18 октября 1819 г.

литературе¹⁴. Останавливаться на ней подробно нет необходимости. Достаточно напомнить, что после радужного приема у туркмен капитан с их караваном направился в ханство. По дороге он ознакомился с высохшим руслом крупной реки, определенным им как прежнее течение Амударьи.

На протяжении сорока дней офицер гвардейского генерального штаба Российской империи находился на положении узника в расположенной неподалеку от Хивы крепостце Иль-Гельды, размышляя над тем, не ожидает ли его участь злополучного А. Бековича-Черкасского. Однако все обошлось благополучно. Он был принят ханом Мухаммедом Рахимом. После беседы с ним капитан Муравьев передал хивинскому правителю письмо и подарки Ермолова и 13 декабря 1819 г. благополучно вернулся на побережье к своим спутникам, которые уже потеряли надежду увидеть его живым. Ермолов высоко оценил деятельность Муравьева.

В рапорте от 25 января 1820 г. майор М. И. Пономарев с большим одобрением отзывался об одном из туркменских старшин, Кият-хане (Кият-ага), который оказал большие услуги участникам поездки, хотя и подвергался «мести со стороны персиян», претендовавших на господство над туркменами юго-восточного побережья Каспия. Пономарев свидетельствовал, что влиятельные представители туркмен «подтвердили гургинских и атрекских старшин желание беспрекословно содействовать экспедиции и сближению с Россией».

Он указывал предположительную численность местных туркмен (80—120 тыс. семей) и дал любопытную характеристику политического устройства этого населения: «Народ Йомутский безначальный в полном смысле сего значения. Никто ими не управляет и нет ни государя и никакой власти, которая означала [бы] какое-либо правление, следовательно и сношений политических со стороны ни с кем не имеется». Майор констатировал экономическую зависимость туркмен от Хивы и считал, что все изделия российской промышленности могли бы иметь среди них «выгодный изворот». Для устройства «складочного пункта» он наметил места при

¹⁴ Наиболее интересное и полное среди описаний миссии Муравьева (кроме его собственного труда) принадлежит перу Н. М. Дружинина: «В страну туркмен и узбеков», Л., 1927.

Серебряном бугре (Гюмиш-тепе), у впадения в Каспийское море реки Гурген, и «у Красноводки»¹⁵.

Возвратившись в Тифлис, Муравьев также отправил Ермолову объемистый рапорт. Он докладывал о поездке на корвете «Казань» к «Трухменским берегам»; сообщал «замечания о народах Трухменском и Хивинском» и «Мысли об устройении крепостцы на восточном берегу Каспийского моря и о распространении нашей торговли с Хивой». Муравьев перечислял «11 главных поколений» туркмен: «Човдур-Ессен-или, Йомуд, Кеклен, Теке, Салыр, Иемремо, Ер Саре, Ата, Саакар, Саррык, Уа Аймак», описывал их земли, население и города Хивинского ханства, личность «Магмед-Рагим-хана», отношения между туркменами, Ираном и Хивой, промыслы нефти и соли на острове Челекене, обсуждал способы укрепления влияния России на восточном побережье Каспия. Муравьев высказывал надежду, что, хотя местная торговля будет иметь и не очень большие размеры, она позволит развить торговые сношения с Хивинским ханством, Бухарой, Кашмиром и Кабулом. Начало этому лежит в повороте торгового пути Хивы к Красноводску¹⁶.

Может быть, такое суждение являлось справедливым. Но как раз с этим «началом» ничего и не получилось. Хан Мухаммед Рахим то ли по собственному разумению, то ли под воздействием местных купцов, опасавшихся, что новый торговый путь даст преимущества их российским конкурентам, отклонил предложение о перераспределении караванов с товарами, которые отправлялись из их ханства. Рассказывая о переговорах с Мухаммедом Рахимом по этому вопросу, Н. Н. Муравьев приводит следующий диалог: «Я. — Главнокомандующий наш, желая вступить в тесную дружбу с вашим высокостепенством, хочет войти в частые сношения с вами. Для сего должно сперва утвердить торговлю между нашим и вашим народами в пользу обеих держав. Теперь карваны ваши, ходящие через Мангышлак, должны итти 30 дней почти безводной степью, трудная дорога сия причиною, что торговые сношения наши до сих пор еще очень малозначительны. Главнокомандующий желал бы, чтобы карваны сии ходили к Красноводской пристани, что в Балканском заливе; по сей новой доро-

¹⁵ ЦГВИА СССР, ВУА, ф. 483, д. 2, лл. 1—12.

¹⁶ Там же, д. 3, лл. 1—22. Рапорт Муравьева от 12 апреля 1820 г.

ге только 17 дней езды, и купцы ваши всегда найдут в предполагаемой новой пристани Красноводской несколько купеческих судов из Астрахани, с теми товарами и изделиями, за которыми они к нам ездят.

Хан. — Хотя справедливо, что Мангышлакская дорога гораздо долее Красноводской, но народ Мангышлакской мне предан и поддан; прибрежные же иомуды, живущие к Астрабаду, по большей части служат каджарам, и потому карваны мои подвергаться будут опасности быть ими разграбленными. — я не могу согласиться на сию перемену»¹⁷.

Заверения российского посла, что хану будет оказана поддержка против тех, кто будет препятствовать осуществлению плана перемены торговых путей, не произвели впечатления на Мухаммеда Рахима: он фактически отклонил предложение о военной помощи. Разговор был окончен.

Кроме этого живописного рассказа Н. Н. Муравьева о беседе с хивинским владыкой имеется и официальное свидетельство отрицательного отношения Мухаммеда Рахим-хана к предложению Ермолова: ответное письмо хана кавказскому главнокомандующему. Помеченное декабрем 1819 г., оно гласит, что и ныне торговые караваны и отдельные купцы «безопасно и спокойно ездят в сторону крепости Янгийской и астраханского владения»¹⁸.

О возможностях изменения путей торговли правитель Хивы отзывался достаточно туманно, и трудно было понять, принимает ли он новые предложения. «А как иомудские и гокленские народы некоторые служат нам, а другие каджару, то когда по воле божьей поступят и они под власть нашу, тогда может исполниться то, что угодно богу», — писал он, добавляя, что его «доверенные» — юзбаши Хак Назар и Якуб-бек «перескажут... словесные поручения».

Препроводительная записка к этой бумаге характеризовала позицию Абдул-Гази Мухаммеда Рахим-хана

¹⁷ [Н. Н. Муравьев], Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров, часть первая, М., 1822, стр. 133—134.

¹⁸ Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК), т. VI, ч. II, Тифлис, 1875, стр. 710—711; см. также: «Русско-туркменские отношения...», стр. 210—211.

вполне четко и недвусмысленно: «он [извещает], что ни в какие особенно дружественные связи входить не желает»¹⁹.

Тем не менее Ермолов продолжал делеять надежду на осуществление намеченного проекта. Он сообщал Нессельроде, что собранные Муравьевым сведения свидетельствуют о выгодах от укрепления России на восточном берегу Каспийского моря, «согласно с мнением г-на адмирала Мордвинова», — продолжал ссылаться генерал на авторитетного сановника, поддерживая его суждения и развивая высказанные им мысли.

«Торговля с Хивой, Бухарой и далее, как говорит г-н адмирал Мордвинов, с северной частью Индии, есть беспрекословно главнейшая цель устройства заведения на восточном берегу Каспийского моря и для того почитаю необходимым в обеспечение привозимых нами товаров и хлеба устроить в Красноводском заливе крепостцу с достаточным гарнизоном и артиллерией».

Опасность, которая угрожает туркменским племенам этого района со стороны хивинцев и соседней Персии, а также нехватка хлеба будут стимулировать стремление туркмен заручиться «могучим покровительством» России. Ермолов готов был даже пойти на определенные материальные затраты для достижения этого: «Правительство должно решиться на некоторые пожертвования, и привозимому хлебу должна быть цена умеренная», Поскольку к тому же надежды на большие доходы от товарообмена с кочевыми племенами были невелики, а «торговля Хивы и Бухарии, щедро могущая вознаграждать труды купечества», «не вдруг» должна была «обратиться» к России, Ермолов считал необходимым «на первый случай, чтобы правительство, или ободлив некоторых из купцов — людей предприимчивых, или вспоможествуя даже некоторой частью издержек, приняло меры к доставлению хлеба [пшеницы] туркменцам».

Далее. Создание опорного пункта на более коротком и удобном для караванов пути в Хиву и Бухару будет преградой для расхищения товаров, а также явится выигрышным моментом в соперничестве отечественных дельцов с британскими конкурентами. Можно будет от-

¹⁹ ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. I, д. 31, л. 70.

крыть в Бухаре «купеческие наши конторы для непосредственного торгу с северной частью Индии и в тех странах, где еще доселе остерегаются пронырливости и постоянных домогательств Индейской Компании».

Освоение восточного побережья Каспия, на взгляд Ермолова, обещало и определенную военно-политическую пользу в случае внутренних осложнений в Персии, Хиве или Бухаре и обострения отношений с ними. Он считал, что «при урочище Тюп-Караган, осмотренном в 1806 г. инженер-генерал-майором Фелькерзамом, необходимо воздвигнуть другое укрепление; хотя для торговых караванов дорога оттуда в Хиву менее удобна и длиннее, чем от Красноводского залива, но создание там базы поможет контролировать весь восточный берег моря»²⁰.

Настойчивость, с которой маститый генерал ставил перед Петербургом проблемы, связанные прежде всего с улучшением условий торговли России со странами Средней Азии, весьма симптоматична и показательна.

А. П. Ермолов, человек незаурядного государственного ума, понимал, что эти операции перспективны и занимают отнюдь не последнее место в экономике страны. Он снова и снова проявлял инициативу в деле развития товарообмена со среднеазиатскими ханствами и поддерживал мероприятия Петербурга в этом направлении — лишнее доказательство того, что в начале прошлого века эти вопросы привлекали внимание правительственных кругов гораздо более, чем кажется некоторым исследователям спустя полтора столетия.

²⁰ АВПР, СПб. Главный архив, II—18, оп. 62, 1819—1, лл. 16—19. Письмо Ермолова Нессельроде от 18 октября 1819 г. См. также: «Русско-туркменские отношения...», стр. 226—228.

*Проект Г. С. Винского.
Вторая поездка Н. Н. Муравьева*

Стремление к расширению экономических связей со Средней Азией отчетливо проявлялось и не в таких высоких сферах, какие представляли А. П. Ермолов и его коллеги. Эти тенденции легко прослеживаются и в чиновничьей среде «столицы азиатских степей» Оренбурга, связанных с «восточной» торговлей. Именно в этой среде возник чрезвычайно показательный «Проект о усилении Российской с Верхнею Азиею торговли, чрез Хиву и Бухарию».

Его автор Г. С. Винский был близок к руководителям оренбургских и астраханских таможенников и хорошо знал существо предмета. Григорий Семенович Винский, каптенармус лейб-гвардии Измайловского полка, по какому-то навету был «лишен прав состояния» и сослан в Оренбургскую губернию. С 1801 по 1806 г. он был наставником сына директора оренбургской пограничной таможни и начальника местного таможенного округа Павла Елисеевича Величко. Затем он был помилован и с 1808 по 1818 г. жил в Бузулуке, откуда часто ездил по семейным делам в Астрахань, неизменно навещая тамошнего начальника пограничного таможенного округа Александра Михайловича Тургенева.

Подготовленный им в 1819 г. «Проект» не был частной инициативой Винского. Как пишет автор, он был составлен «во исполнение... предписания» П. Е. Величко, который 4 декабря 1818 г. отправил оренбургскому военному губернатору отношение «О мерах по охранению караванов и вообще о торговле нашей, при тщательнейшем рассмотрении предположений, в оном помещенных, как и важности прочного и на будущее время твердого установления Российской с Верхнею Азиею, чрез Хиву и Бухарию, торговли».

О том, что документ не носил личного характера, свидетельствует и посылка его Павлом Величко «по на-

чальству» — министру финансов. Г. С. Винский подчеркивал, что в течение длительного времени старался через русских и азиатских купцов и «через посылаемых нарочных» изучить помехи, препятствующие развитию российской торговли с соседними странами Востока, и причины неудач предпринимавшихся для их устранения мер. Он обвинял в некомпетентности оренбургских администраторов Тевкелева, Рычкова и Волкова, которые предлагали построить укрепления близ устья реки Эмбы, не дав себе труда глубоко и всесторонне изучить этот вопрос. С большим основанием, считает автор, в начале XIX в. призывал Н. П. Румянцев к созданию «на устье Эмбы и на угле Тюп-Караганском укреплении» и к «утверждению на Мангышлаке складки товаров».

Однако, полагал Винский, «сии патриотические старания, подкрепляемые донесениями и обнадеживаниями г. Фелькерзама... истинной своей мечтой, т. е. обеспечения купеческих караванов от грабежей в степях никак бы не достигли», поскольку обозы из Бухары и Хивы на Оренбург, Орск или Троицк проходили бы далеко от этих крепостей, воздвигнутых на берегах Каспия.

Более действенным было бы утверждение русского поста на берегах Сырдарьи («при урочище Учургинске») и проведение от него до границ Российской империи «военного кордона». Но это потребовало бы отправки «в степь» большого военного отряда и крупных денежных затрат. И Винский возвращался к поддержанному царем, как он указывал, предложению военного губернатора Г. С. Волконского о снаряжении военной экспедиции против Хивинского ханства, которая попутно добилась бы примирения враждующих казахских племен и улучшения условий караванной торговли. Осуществлению этого предложения помешали «смутные для любезного отечества нашего времена» (нашествие Наполеона), но «при восстановлении ныне повсюду спокойствия и благоденствия необходимо вернуться к этой мере, — как к единственному средству восстановить, усилить и навсегда утвердить нашу отечественную с Верхнею Азиею торговлю».

Вместе с тем Г. С. Винский резко осуждал практиковавшуюся администрацией Оренбурга высылку «в степь» воинских команд, которые не столько способствовали наказанию виновных в грабежах, сколько сами грабили местное население, возбуждая возмущение среди ни в

чем не повинных жителей. Занятие же Хивы должно было быть не временным, а постоянным. Автор видел в этом значительный стимул именно для развития экономических связей. «...Воздвигнувши, так сказать, у ворот Бухарии и в виду Верхней Азии твердый... оплот, содержа сии народы в почтительном уважении благодетельных Российского правительства мер, обнародованный вольною для всех торгующих складкою товаров, как в порто-франко, возродит во всех купечествующих азиатцах рвение участвовать в нашей торговле. Сами хивинцы, обнадеженные в полном и твердом владении своими собственностями, покровительствуемые в свободном отправлении своей веры, нимало не стесняемые в нравах и обычаях, скоро мнимое покорение свое сочтут истинным для себя благодеянием и, предавшись безбоязненно своим занятиям, промышленности, торговле, почувствуют в полной мере свое благоденствие».

К тому же в ханстве будут освобождены российские невольники, которые, быть может, станут там первыми поселенцами. В итоге, по мнению Винского, Хива превратится в «Российский в Великой Татарии Гибралтар, послужит для торгующих всех земель мирной пристанью, к коей поспешит всяк во уверенности найти тут успокоение, пособие и обнадеженный путь к дальнейшим предприятиям. Для нашего же купечества да соделается она вратами, имеющими со временем богатые индейские товары препровождать в недры нашего любезного Отечества»¹.

Хотя этот план, носивший явно общий и «глобальный» характер, не соответствовал намерениям правительства и не был принят, само его появление было достаточно симптоматичным. В различных кругах Российской империи изыскивали средства расширения торговли со Средней Азией, укрепления политических отношений с местными ханствами. Эти стремления привели ко второй поездке Н. Н. Муравьева к восточным берегам Каспийского моря. Хотя тотчас же после возвращения из неимоверно трудной экспедиции Муравьев получил письмо Ермолова с весьма лестной оценкой его действий², при личной встрече главнокомандующий в Грузии про-

¹ «Русский архив», 1878, № 4, стр. 400—403. Проект о усилении Российской с Верхнею Азиею торговли чрез Хиву и Бухарию.

² «Записки Н. Н. Муравьева», — «Русский архив», 1887, т. 3, стр. 393.

явил к нему «крайнюю холодность». Не зная всех предпосылок своей поездки, Муравьев предполагал, что Ермолов «получил от государя неприятные бумаги, может быть и выговор за послание нашей экспедиции, которую он устроил без воли царской и которая нанесла много беспокойства персиянам, с коими государь хотел быть в ладах»³.

В дальнейшем, однако, «холодность» рассеялась. Ермолов одобрил отчет Муравьева о результатах поездки, его предложение «об учреждении крепости в Красноводском заливе и мысли о распространении торговли нашей в Хиве и Бухарии» и велел готовиться к поездке в Петербург «ходатаем по сим делам»⁴.

В мае 1820 г. Муравьев приехал в столицу и неоднократно посещал министерство иностранных дел, где шел разговор о назначении его послом в Бухару. В его дневнике можно прочесть немало колких слов в адрес этого ведомства, формально относившегося к предложениям Муравьева о развитии отношений с государствами Средней Азии, в адрес царя, полагавшего, что посланный им фельдъегерь может добиться освобождения хивинским ханом русских пленных.

Но если понятна ироничность человека, побывавшего «на месте» и видевшего все собственными глазами, по отношению к вельможам, пытавшимся судить о деталях на расстоянии многих тысяч верст, то в общей оценке подхода Петербурга к проблеме Муравьев несколько ошибался. В правительственных сферах отнюдь не были намерены недооценивать значения налаживавшихся связей с народами Средней Азии, и прежде всего с туркменами.

Об этом убедительно свидетельствует «всеподданнейшая» записка внешнеполитического ведомства «О предположении основать между тухменами российское военное заведение». Несмотря на то что в заголовок документа вынесено слово «военное» (а какое другое «заведение» могло быть основано в отдаленном краю среди народов и племен, на абсолютно миролюбивый подход которых не очень рассчитывали, да еще при весьма ненадежных средствах связи с «заведением»?!), в нем речь шла преимущественно о задачах развития торговли.

³ Там же, стр. 398.

⁴ Там же, стр. 404.

Министерство иностранных дел подчеркивало, что местное население — туркмены-иомуды Балханского залива — никому не подвластны, управляясь старшинами по своим обычаям, отделены от Хивы и Персии другими «трухменскими поколениями, с коими не всегда бывают в мире». Поэтому, вступив в переговоры с иомудами и основав по их желанию «торговое заведение», Россия не задевает интересов Персии: политических препятствий для этого нет.

Какую же пользу можно ожидать от такого «заведения» с торговой точки зрения? Авторы записки отмечали, что первоначальная мысль о его создании принадлежит «царствованию императора Петра Великого». Хотя с того времени большого успеха достигнуто не было, но при всяком удобном случае не переставали стараться, чтобы «привести сию мысль в исполнение». В 1813 г. туркмены настаивали перед главнокомандующим в Грузии генералом Ртищевым о вступлении «в сношения» с ними, а теперь они, хорошо приняв посланца генерала Ермолова, «просят о заведении прочного на берегах их поселения». Это пожелание и частые обоюдные предложения свидетельствуют о взаимовыгодности такого мероприятия.

«Впрочем известно, — старалось подвести материально-психологическую базу под свою трактовку вопроса ведомство Нессельроде, — что трухменцы побуждаются к сему нуждою, а в политике самые искренние и надежнейшие связи суть те именно, кои основаны на сей причине, если она постоянная».

Никогда еще обстановка не была столь благоприятна для осуществления такого предприятия. «Почетнейшие люди» туркмен ходатайствовали о нем перед майором Пономаревым на восточном побережье Каспия, их представители подтверждали эти взгляды, прибыв к русским властям на Кавказе. Нужно, чтобы генерал Ермолов предложил им обратиться к нему с письменным прошением, «в коем изложили бы свои желания именем их верителей, а ген. Ермолов отвечал бы им грамотой в приличном виде, по принятому обыкновению с азиатами. Из сих бумаг составился бы род некоторого постановления, основанного на письменном доказательстве, которое со стороны Российского двора могло бы быть предъявлено при всяком случае». Это даст двойную выгоду: туркмены примут на себя «гласное и торжествен-

ное обязательство», а правительство Российской империи получит «право опровержения против всякого требования и притязания» любой державы.

Министерство иностранных дел считало нужным решить Ермолову немедленно принять необходимые меры «для удостоверения трухменцев в твердом намерении с нашей стороны удовлетворить их желаниям», а также потребовать от него конкретной документации для создания опорного пункта⁵.

«Высочайших» пометок на «всеподданнейшей» записке не имеется. Однако, судя по дальнейшему развитию событий, по-видимому, ее было решено рассмотреть в Азиатском комитете. 29 июня 1820 г. комитет собрался на «осьмое» заседание. В нем приняли участие руководители министерств внутренних дел, финансов, иностранных дел — В. Кочубей, Д. Гурьев, К. Нессельроде, начальник Главного штаба П. Волконский и статс-секретарь И. Каподистрия.

Собравшиеся одобрили «благоразумное усердие» и инициативу, проявленные генералом Ермоловым, который стремился к «учреждению теснейших сношений между Россией и трухменцами», и предложили кавказскому главнокомандующему принять благосклонно представителей иомудов, добываясь установления с ними «твердых и постоянных сношений, как дружественных, так и торговых». По определению комитета, надлежало обменяться с туркменами письменными актами, которые должны были заменить договор и «служить доказательствами совершенного равенства выгод, обоюдными сторонами ожидаемых».

Азиатский комитет придавал немалое значение закреплению позиций Российской империи на туркменской стороне Каспия. Он постановил выделить необходимые средства для «укрепления на восточном берегу Каспийского моря того места, которое признано будет удобным к установлению торгового сношения с трухменцами и которое предоставляло бы судам нашим безопасное и выгодное пристанище».

Для определения этого места было решено отправить вторую морскую экспедицию к туркменским берегам, особенно для более внимательного изучения Красновод-

⁵ АВПР, СПб. Главный архив, II—18, оп. 62, 1819—1, лл. 55—61. Недатированная «всеподданнейшая» записка без подписи.

ского и Киндерлинского заливов. Ермолову выделялось 25 тыс. руб. для закупки хлеба и перевозочных средств (хлеб надлежало «по умеренной цене» продать туркменским племенам, поскольку они «терпели нужду» в нем)⁶.

Мнение Азиатского комитета легло в основу директивы, направленной Ермолову. В ней подчеркивалось, что «намерение стать твердой ногою на восточном берегу Каспийского моря, издавна занимавшее правительство, ныне еще более обращает на себя особенное внимание его... Успешное окончание сего предприятия без сомнения подаст возможность торговле нашей с Азией достигнуть высочайшую степень расширения. Кроме таковой важной для государства пользы, приобретается и та, что существование крепости на восточном берегу Каспийского моря, при небольшом гарнизоне, обуздывает самовольство кочующих окрестных народов и ближайших владельцев, а наипаче хивинского», который как раз в это время разгромил кочевья султана Арунгазы из «Меньшой Киргизской орды, России подвластной».

Учитывая последнее обстоятельство, в письме высказывалось сомнение в целесообразности отправки подарков хивинскому хану. Для сведения Ермолова сообщалось, что полковник Муравьев предназначался на пост главы посольства к бухарскому эмиру. «Отстали от сей мысли», лишь полагая, что он окажется более необходимым «по тухменским делам»⁷.

Новая поездка Н. Н. Муравьева в восточные районы Прикаспия была намечена на 1821 г. На этот раз программа была более ограниченной. В какой-то степени она повторяла первую часть программы 1819 г.

По инструкции начальника штаба кавказских войск генерала Вельяминова Н. Муравьеву (уже полковнику) поручалось выехать летом к туркменским берегам «как для приобретения яснейших понятий об их положении и удобствах к каким-либо заведениям, так и в особенности для отыскивания выгодного места к построению крепости, которая тухменским народам, ищущим покровительства России, могла бы служить защитой от их соседей и вместе обеспечивать складку российских товаров, по случаю предполагаемого привлечения к сему месту хивинской торговли и открытия наших торговых сноше-

⁶ ЦГВИА СССР, ф. 483, д. 5, лл. 2—3. Журнал Комитета по азиатским делам, утвержденный 3 июля 1820 г.

⁷ Там же, лл. 1—2. Письмо ген. Ермолову от 13 июля 1820 г.

ний с разными обитателями восточных берегов Каспийского моря».

Вместе с офицером и 50 пехотинцами бакинского гарнизона Муравьев должен был провести съемку Красноводской косы, северного берега и островов Балханского залива и «обозреть Балханские горы», определить место для строительства крепости и по возможности ознакомиться с Киндерлинским заливом, заливом Александр-Бай, Мангышлаком и устьем Эмбы. Кроме того, следовало доставить домой туркменского старшину Кият-хана и «поселить» в туркменском народе «добрую к вам веру, искренность и чистосердечное расположение к Российскому правительству», не уклоняться от принятия присяги на верность царю, если кто-нибудь из влиятельных туркмен захочет ее принести. В то же время полковнику запрещалось приближаться к Астрабадскому заливу, чтобы не вызвать нареканий персидских властей, а также вступать в сношения с хивинским ханом, ограничившись отправкой туда «верного и скромного туркмена»⁸.

25 июня 1821 г. на транспорте «Кура» Муравьев снялся с якоря в Баку и 28 июня приплыл к острову Нефтяному (Челекен), где кочевали родственники Кият-аги. Обследование острова показало, что «там нет места для строительства крепости: пресная вода отсутствует». Зато особое внимание привлекли богатые нефтяные и соляные промыслы⁹.

Муравьев произвел съемку Красноводской косы и установил, что место «при выезде из Балханского залива в Красноводском култуке, против остатков укрепления, построенного в царствование Петра Великого», является «единственным по всему заливу, где бы возможно иметь заведение». Из-за нехватки провианта и наступления зимы нельзя было идти к Киндерлинскому заливу, поэтому экспедиция вернулась в Баку¹⁰. Вскоре Муравьев оформил картографические материалы, связанные с новой поездкой.

Общие итоги оказались неутешительными. Именно так расценил их Ермолов в собственноручном, написан-

⁸ Там же, д. 6, лл. 1—5.

⁹ Там же, лл. 11—13. Рапорт Муравьева Вельяминову от 27 июля 1821 г.

¹⁰ Там же, лл. 7—10. Рапорт Муравьева Вельяминову от 22 ноября 1821 г.

ном характерным бисерным почерком обширном и обстоятельном послании к Нессельроде от 27 апреля 1822 г. Одобрив действия Муравьева, особенно инструментальную съемку Балханского залива, лежащего на прямом пути в Хиву, выбор удобного места для укрепления со стоянкой для судов и пресной водой, генерал полагал, что создание укрепления на Балханских горах возможно и вокруг него соберутся кочевья иомудов.

На первых порах этого было бы достаточно. «Под покровительством войск наших... могли туркмены найти выгоды оседлой жизни или по крайней мере некоторых хозяйственных заведений. Впоследствии для препровождения чрез степи караванов можно бы составить из них конницу». Это сплотило бы весь туркменский народ. Тем более что туркменам следовало бы разъяснить, что их «безопасность и твердость» зависят от «прочной между собой связи». Если это будет достигнуто, «кратчайший и верный путь доставил бы торговле большие выгоды против теперешнего образа сообщения».

Все было бы хорошо... но «все удобства занятия Балханских гор уничтожают препятствия неодолимые»: эти горы находятся на расстоянии четырех дней пути от того места, где находится безопасная якорная стоянка. Их разделяет безводная степь, да к тому же на дороге находится «переправа через Амударью» (по-видимому, через так называемое бывшее русло реки), которую «нельзя оставить без защиты и где защиту сию расположить нет никакой возможности».

Возникли трудности и другого рода: исчезновение местного населения. «Полковник Муравьев нашел совершенно опустевшими те места, на коих в 1819 г. видел он многочисленные кочевья. Оные удалились, избегая разбоев и грабежа прочих племен туркменов, с некоторого времени с ожесточением разоряющих их по приказанию хивинского хана, и крайность заставила их или подчиниться власти его, или переселиться ближе к границам персидским».

Правда, некоторые туркменские старшины, собравшись, «изъявили желание, чтобы прибыли войска наши», но они вместе с тем предостерегли Муравьева от поездки в Хиву, «ибо хан не скрывает озлобления своего против русских и может решиться на крайность». Письмо и подарки, пересланные Ермоловым Мухаммеду Рахимхану через находившихся в Тифлисе хивинцев, остались

без ответа, поэтому генерал не решился направить полковника в ханство, хотя изучение пути туда в летнее время имело несомненное значение.

Ермолов объяснял разрыв сношений с ним повелителя Хивы «происшествиями со стороны Киргизской наместной Орды» и высказывал сомнения в возможности наладить взаимоотношения. Он считал целесообразным продолжать изучение восточного берега Каспия, особенно Карабугазского и Киндерлинского заливов, хотя от их побережья «пути к Хиве предлежать будут трудные... Немало протечет время, пока некоторая степень образованности сообщится туркменам, кои снискивая безопасность», соберутся под защиту России, тогда как религиозные догмы будут подрывать такое доверие. «Но как нельзя не согласиться, что торговые сношения с Хивой или паче еще посредством оной с Бухарой могут представлять большие выгоды и, оными не ограничиваясь, можно сильному государству... распространить их и до севера Индии (в письме Ермолова проскальзывают мысли Мордвинова. — Н. Х.), то в таком смысле нет затруднений, кои бы недостаточны были испытания».

Учитывая огромное значение развития торговли с Бухарой, Хивой, Северной Индией, генерал рассматривал дороги, по которым могут направляться товары. Пока были известны две: от Астрахани и от Оренбурга. Первая удобнее, поскольку при недостатке отечественных изделий они будут заменены иноземными, чему «способствовать будут водные сообщения Астрахани и не менее области соизвленной стороны Кавказа, где по высочайшему соизволению основывается иностранное торговое общество».

Существенную роль играло исследование Аральского моря. Если оно судоходно, то можно заложить укрепление на реке Амударье «и сим сближением с Хивой иметь решительное влияние на торговлю той страны и в самих владетелей оной внушить полезное для нас внимание». Но осуществить изучение этого моря не просто. Требуются деньги, надлежащая подготовка, хорошее руководство, хотя некоторый опыт был накоплен: Ермолов информировал Нессельроде о результатах ознакомления своих подчиненных с Балханским заливом, Красноводской косой, островом Челекеном и т. д.¹¹

¹¹ АВПР, СПб. Главный архив, II—18, оп. 62, 1819—1, лл. 81—84.

Однако время для реализации этих обширных замыслов еще не наступило. Военно-политическая и экономическая обстановка препятствовала проведению в жизнь планов Мордвинова — Ермолова. Царское правительство продвигалось к этому исподволь, и лишь почти через полвека, в 1869 г., в Красноводском заливе высадились царские войска, заложив прочные основы для овладения восточным побережьем Каспийского моря и продвижения в глубь Туркмении. Именно тогда, 19 декабря 1869 г., Главный штаб запросил в Азиатском департаменте дело об экспедициях Н. Н. Муравьева 1819—1821 гг.¹² «по встретившейся надобности».

Но в 1822 г. царское правительство на какое-то время потеряло интерес к развитию связей с Хивинским ханством со стороны Кавказа. Видимо, слишком велики были оказавшиеся несостоятельными первоначальные надежды на то, что через Ермолова удастся более легко наладить отношения с суровым и враждебно настроенным хивинским ханом Мухаммедом Рахимом.

Конкретные, практические результаты посольства Н. Н. Муравьева были, таким образом, незначительны. Но его научные итоги должны быть оценены чрезвычайно высоко. По объему и качеству собранных сведений о туркменских землях и Хиве, охвату различных сюжетов и связности изложения материалов об этих районах Средней Азии экспедиция Муравьева занимала уникальное место в отечественном востоковедении вплоть до второй половины XIX в., тем более что собранные ею данные не остались лежать на полках архивов. Вскоре с ними познакомился весь ученый мир. В 1822 г. в Москве «в типографии Августа Семена» была напечатана интереснейшая книга: «Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах, гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров». Этот труд состоял из двух частей.

Первой, по сути дела, было извлечение из дневника, который Муравьев вел на протяжении всей жизни. Не прерывал он его и в трудных условиях поездки к среднеазиатским народам. Об этих условиях свидетельствовал сам автор: «Во время поездки моей в Хиву я продолжал записки сии в особой тетради, мешая оные на трех иностранных языках, дабы в случае, если бы я был

ограблен и бумаги мои попались к хивинскому хану, то бы он посредством имеющихся в Хиве русских не мог разобрать оных. Но и те самые записки я мог только вести до половины дороги в Хиву; остальное время, видя подозрение, которое на меня имели, я принужден был иметь лист бумаги с карандашом в шапке своей для записывания виденного мною и происшествий самым простым образом, основывая все почти на памяти. С сих-то записок я буду теперь стараться сделать подробное описание моему путешествию»¹³.

В первой части, занимающей 179 страниц большого формата, описывается путь «в прибрежную Туркмению», а затем — в Хивинское ханство, пребывание в этом государстве и обратная дорога. Сам Муравьев не был в восторге от выпущенной книги. Долголетний издатель «Русского архива» П. Бартнев, с 1886 г. публиковавший полученный от дочери Муравьева дневник, сопровождает рассказ о хивинском вояже и вышедшем труде следующим примечанием: «Будучи уже старцем, Н. Н. Муравьев выражал недовольство этой книгой. Неоднократно говорил он нам о том, прибавляя, что книга печаталась заглазно, и на издание ее в свет он согласился только для того, чтобы доставить удовольствие своему родителю (работа посвящена „Его превосходительству Н. Н. Муравьеву. Основателю московского учебного заведения для юношества. Господину генерал-майору и кавалеру“. — Н. Х.). В „Русском архиве“ достопамятное странствование молодого офицера печатается и будет продолжаться печатанием с подлинной рукописи»¹⁴.

Сверка обоих вариантов текста, однако, показывает, что между ними нет существенных, принципиальных расхождений. Из публикации 1822 г. в основном исключены негативные характеристики лиц, с которыми сталкивался автор на различных этапах путешествия. Среди них встречаются и отрицательные высказывания об А. П. Ермолове, М. И. Пономареве, командире корвета «Казань» Басаргине и др.

Вторая часть книги посвящена «Запискам о Хиве». Как и первая, она насыщена колоссальным количеством фактов и является первоклассным источником по истории, экономике, этнографии, политическом и военном

¹³ «Записки Н. Н. Муравьева (корвет «Казань», сентябрь 1819)», — «Русский архив», 1886, т. 3, стр. 492—493.

¹⁴ Там же, стр. 496.

¹² Там же, л. 127.

устройстве посещенных Муравьевым земель в начале XIX в. Остается лишь поражаться тому, как Муравьеву удалось в относительно короткий срок собрать, осмыслить, изложить такое обилие сведений. Все это тем более вызывает восхищение, что «гвардейского генерального штаба капитан», как отмечалось, лишен был возможности открыто фиксировать наблюдения и делал записи тайком. В данном смысле на пользу пошло сорокадневное «сидение в Иль-Гельды», когда Муравьев жадно, как губка, впитывал в себя рассказы о ханстве немногочисленных посетителей, в том числе прокрадывавшихся к нему русских невольников, беседы с его «недоброжелателем» Ат-Чапаром Алла-верди и «благожелателем» — юзбаши (т. е. сотником) Иш-Назаром и другими саванниками или просто хивинскими жителями.

Превосходным дополнением к вышедшему тому явился атлас карт, планов и таблиц, составленных по самым последним для того времени требованиям и описывавших местности и дороги, многие из которых не посещались до Муравьева западными путешественниками. Опубликованный труд немедленно привлек внимание зарубежных ученых. Уже через три года он был переведен на французский язык и напечатан в Париже.

Интерес к этой книге, ставшей по справедливому суждению Н. И. Веселовского «главным источником для событий начала XIX столетия в Хиве»¹⁵, усиливался благодаря острому, наблюдательному взгляду Н. Н. Муравьева. Фактически он первый привлек внимание к старому руслу Амударьи — Узбою¹⁶. Умело пользуясь сообщениями своих не очень подготовленных собеседников, он за внешней «восточной экзотикой» разглядел бедственное положение народа, тяжелый гнет деспотической власти, феодальные бесчинства, нечеловеческие условия жизни рабов, сущность деятельности хана Мухаммеда Рахима, который свое ханство «основал на многих тысячах невинных жертвах и токах крови»¹⁷ и т. д.

¹⁵ Н. И. Веселовский, Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящих, СПб., 1877, стр. 285.

¹⁶ См., например: [М. Богданов], Обзор экспедиций и естественноисторических исследований в Арало-Каспийской области с 1720 по 1874 г., — «Труды Арало-Каспийской экспедиции», вып. 1, СПб., 1875, стр. 50; Н. П. Глиноецкий, История русского Генерального штаба, т. I, 1698—1825, СПб., 1883, стр. 347—348.

¹⁷ [Н. Муравьев], Путешествие в Туркмению и Хиву..., ч. II, стр. 44.

И если мы не во всем можем согласиться с характеристиками и оценками, подчас огульно даваемыми автором целым народам на основе знакомства с их отдельными представителями, с его идеалистической трактовкой исторического процесса, то было бы смешно предъявлять этому офицеру какие-либо претензии с высоты отделившихся нас почти полутора веков истории и революционных изменений в мышлении.

В связи с этим сцена в интересной «документальной исторической хронике» писателя Н. И. Задонского «Горы и звезды», где Никита Муравьев советует Николаю Муравьеву включить в описание путешествия обличие хивинского деспотизма для удара по деспотизму российскому, выглядит, к сожалению, надуманной. Не хочется огорчать писателя, но во многих статьях и книгах о поездках в Среднюю Азию их авторы, включая махровых реакционеров и монархистов, типа Н. П. Игнатьева, свирепо обличали местных деспотов, не опасаясь, что это будет воспринято как намек на действительность Российской империи; так это не воспринималось даже самими самодержцами и их окружением.

Вторая экспедиция (1821 г.) к восточным берегам Каспийского моря, более скромная по масштабам и конечным результатам (хотя с нею связывались достаточно широкие замыслы и цели), не дала Муравьеву материалов для новой книги. Но и ее плоды не остались втуне. Она нашла отражение в его дневнике, немалая часть которого была опубликована в журнале «Русский архив». Свыше семидесяти страниц журнала¹⁸ было посвящено материалам, рассказывающим о посещенных местностях, быте и нравах их населения, отношению Муравьева к участникам экспедиции. Эти сведения, насыщенные любопытными этнографическими и социально-политическими наблюдениями и зарисовками автора, не потеряли значения для историка и по сей день. Небезынтересны и соображения Муравьева о планах и перспективах строительства укрепления в районе Красноводского залива, об эксплуатации богатых природных ресурсов острова Челекен и т. п.

В целом же мероприятия 1816—1821 гг., как намечавшиеся, так и осуществленные, безусловно свидетельствуют о большом внимании царских властей к развитию

¹⁸ «Русский архив», 1888, кн. 1—3.

торгово-экономических и политических связей с туркменами восточного побережья Каспия, а через него — со среднеазиатскими ханствами и дальше — с Северной Индией. И если они не увенчались успехом по сложившимся многообразным обстоятельствам, то, во всяком случае, убедительно рисуют тенденции деятельности правящих кругов Российской империи.

При всех обстоятельствах добытые и обработанные Н. Н. Муравьевым в ходе поездок материалы о посещенных им местностях представляют существенный вклад в представления о странах и народах Востока начала XIX в.

Налаживание русско-хивинских отношений через Оренбург: планы П. К. Эссена

Попытки царского правительства наладить связи с Хивинским ханством, используя кавказский плацдарм, как мы видели выше, не принесли крупного успеха. Надежды, вызванные приемом Н. Н. Муравьева Мухаммедом Рахим-ханом, в дальнейшем угасли.

Перспективы Оренбурга в этом смысле оказались не более радужными. П. К. Эссен, заменивший местного военного губернатора Г. С. Волконского, почти сразу же после приезда на далекую окраину, слал в столицу одну тревожную вест за другой. Летом 1817 г. он сообщил, что купеческий караван, который осенью 1816 г. отправился из Троицка в Бухару, был разграблен хивинскими войсками при местечке Букан, в 500 верстах от места назначения. При нападении погибли четыре бухарских купца, трое татар — русских приказчиков и сорок казахских возчиков. Убытки торговцев из Бухары — 40 тыс. руб., российских — неизвестны, но екатеринбургские купцы Якушев и Лазарев уже «объявили убыток» — на 127 тыс. руб. Ушедших с караваном казахов отбито 30 тыс. баранов и все верблюды.

Все это должно «навлечь весьма важные последствия на торговые наши сношения с Азией», — констатировал губернатор¹.

Вскоре о том же информировал министерство иностранных дел министр финансов Д. А. Гурьев, извещенный о происшедшем оренбургскими таможенниками. Он приводил другие цифры потерь отечественных купцов (Рас-торгуев — на 127 тыс. руб., Баязитов — на 74 тыс. руб., Утямышев — на 94 тыс. руб.) и интересовался, нет ли соглашения с хивинским ханом о взаимной охране торговли и можно ли потребовать от него возмещения убытков².

¹ АВПР, СПб. Главный архив, I—13, 1817—3, л. 1. Отношение П. К. Эссена — К. В. Нессельроде от 6 июня 1817 г.

² Там же, лл. 2—3. Отношение от 6 августа 1817 г.

Министерство иностранных дел ничем не могло порадовать своих корреспондентов: по наведенным справкам подтвердилось, собственно, то, что в общем уже было известно: «...особенных условий о взаимном охранении торговли с тамошними ханами постановлено не было». Коллегия иностранных дел обещала «при случае» поставить вопрос о «происшествии» и возмещении потерь³.

Это, понятно, не устраивало ни оренбургское начальство, ни пострадавших купцов. В результате их хлопот Эссен получил «высочайшее повеление» об «удовлетворении» Лазарева и Якушева. В июне 1818 г. он снарядил к Мухаммеду Рахим-хану поручика башкирского войска Абдулнасыра Субханкулова, которому поручалось добиваться возмещения убытков этих екатеринбургских купцов.

Посланец, облеченный подобной щекотливой миссией, не мог надеяться на радостный прием. Так и получилось: как рассказывал Субханкулов, его допрашивали в присутствии палача, выясняя, «из татар ли он», т. е. принадлежит ли к «правоверным» мусульманам. Поручику было сказано, чтобы он больше в Хиву не ездил и объявил «другим», что въезд в ханство христиан карается смертью.

В этих условиях не без насмешки звучал официальный ответ хивинского сановника Бахадур-Аталыка оренбургскому военному губернатору: 1. Ханское войско нане присланным бухарским чиновникам. 3. Если русские купцы. 2. Отнятые «в сражении с бухарскими купцами и киргизскими возчиками товары» полностью возвращены присланным бухарским чиновникам. 3. Если русские торговцы пожалуют в Хиву, их удовлетворят «по хивинским законам».

Информируя об этом письме ханских властей Петербург, Эссен с полным основанием указывал, что последняя фраза очень двусмысленна, ибо после сделанных Субханкулову «разъяснений» в Хиву не поедут ни российские купцы, ни их поверенные. К тому же, добавлял он, возврат имущества бухарских торговцев в действительности выглядит не таким уж добровольным поступком, каким его подает Бахадур-Аталык. Находившийся

³ Там же, лл. 6 и 7. Отношения П. Убри к П. К. Эссену и Д. А. Гурьеву от 15 октября 1817 г.

в Оренбурге посланник Бухары сообщил Эссену, что бухарские чиновники прибыли в Хиву «под вооруженным прикрытием», что за ними следовало крупное войско, а Мухаммед Рахим-хан перед этим потерпел серьезное поражение на границах Персии. Только такой ситуации и обяваны эмирские купцы возмещением убытков. Но как только бухарские сарбазы двинулись в обратный путь, хивинский хан велел готовиться к новым набегам и грабежам.

Короче говоря, губернатор не видел в полумерах никакого толку и проповедовал решительность в отношениях с Мухаммедом Рахим-ханом, который уступит лишь серьезному нажиму. И П. К. Эссен выдвинул свой план достижения цели. Он состоял из трех пунктов: 1. Ежегодно хивинские подданные ввозят в Оренбург и Астрахань примерно на 1 млн. руб. товаров. Большая часть из них принадлежит хану и крупным сановникам. Необходимо наложить арест на товары стоимостью до 400 тыс. руб. (на такую сумму был разграблен караван) и держать их на таможнях. 2. Арестовать и прибывших хивинцев, чтобы они послали к хану гонцов с просьбой о вырубке. Выпустить их лишь после возмещения убытков. 3. Если посланные не вернуться, продать товары в счет восполнения убытков, а хивинцев отправить «во своясы»⁴.

Оренбургский губернатор действовал настойчиво и в разных направлениях. Обращаясь со своим проектом к Нессельроде, он в тот же день, 3 ноября 1818 г., информировал Александра I об «угрожающих» поступках правителя Хивы, который назначил мятежного султана Каипова «киргизским ханом» и продолжает грабить торговые караваны. Эссен просил отменить запрет на «вывод в степь» военных отрядов с артиллерией.

Дело грозило принять самый серьезный оборот. «Вывод в степь» вооруженной экспедиции мог привести к войне. На этой крайней мере в 1814 г., а затем и в 1815 г. настаивал предшественник Эссена — Волконский, который видел лишь в этом возможность «наведения порядка» среди кочевников и на торговых путях. Оба раза (26 сентября 1814 г. и 4 сентября 1815 г.) его предложение рассматривалось Комитетом министров и было

⁴ Там же, лл. 8—10.

отвергнуто как вредное и для казахского населения и «для нашей торговли».

19 ноября 1818 г. комитет министров обсудил новые настояния оренбургского губернатора и подтвердил запрет, наложенный на военный поход в Казахстан (а может быть, и против Хивы?). Он предложил министру финансов, в чьем ведении находилась внешняя торговля, изучить «постоянные и решительные меры к охранению мирных киргизцев, проходящих через степь караванов и вообще нашей торговли и к отвращению тех злоупотреблений, какие прежде на Оренбургской линии существовали»⁵. При этом надлежало учесть мнение местных властей.

Полмесяца понадобилось финансовому ведомству для реализации решения комитета министров. Зато подготовленная и отправленная министром финансов Д. А. Гурьевым 4 декабря 1818 г. Эссену бумага «О мерах к охранению караванов и вообще торговли нашей»⁶ носила характер развернутой программы в этом отношении. Она интересна историческим экскурсом и представлениями ответственного за торговые связи России органа об их состоянии на Востоке и перспективах развития.

Узел богатств азиатской торговли — Бухара, напоминал Д. А. Гурьев; вблизи нее — Кабул и Лахор — врата в Северную Индию, Персию, Тибет, Кашмир и Кашгар, сопредельные Китаю. «По сему положению Бухарии всегда возрождались и стремились предприятия России проложить чрез оную торговые пути в Азию».

Кроме того, Бухара щедро одарена природными богатствами и сама представляет «предмет выгодной торговли». Торговля с населением ханства и другими азиатскими народами была «причиной основания Оренбурга. Но выгоды сей торговли, к сожалению, поныне весьма ограничены и нимало не способствуют к распространению оной. «Виною тому набеги на караваны, которые внезапною и неотвратимостью для тамошней торговли гораздо бедственнее морских бурь и кораблекрушений».

Правительство стремилось восстановить и обезопасить экономические связи. В 1759 г. генерал-майор Тев-

⁵ Там же, лл. 32—34. Выписка из журнала Комитета министров от 19 ноября 1818 г.

⁶ Там же, лл. 44—51. Письмо Д. А. Гурьева к П. К. Эссену от 4 декабря 1818 г.

келев и коллежский советник Рычков предложили воздвигнуть крепость у реки Эмбы для распространения торговли «в Азию и Индию».

Через несколько лет, в 1763 г., оренбургский губернатор Волков наметил для расширения торговых отношений создать укрепления на той же Эмбе и реке Илек, а также в других местах; а затем астраханский гражданский губернатор П. Я. Аршеневский указал на целесообразность воздвигнуть крепость на Мангышлаке.

Однако только в 1803 г. министр коммерции Румянцев добился царского указа о строительстве укрепления «на Тюп-Караганском угле и при устье реки Эмбы». Целью этого было «лучшее основание Мангышлакской торговли», которая не имела на берегу «ни безопасности для бухарских караванов, ни заведений для складки товаров».

Проблемы Мангышлака изучал на месте инженер-генерал-майор Фелькерзам, который сообщил много интересных сведений о местной торговле и считал, что со строительством укреплений «Бухарии, Хиве и Персии откроется новый и кратчайший торговый путь», безопасный от набегов и «непостоянства Каспийского моря», на котором плавание пресекается с октября по март». Он указывал, что новая дорога к «складочным магазинам» на Эмбе перспективна еще и тем, что связывает этот пункт по суше с Гурьевом и Астраханью и предоставляет возможность товарообмена с каракалпаками, что будет обоюдно выгодно.

Министр финансов говорил также об имевшемся предположении продвинуть на юг границу на 500 верст от Оренбурга и создать крепость на правом берегу Сырдарьи, чтобы пресечь возможность грабежа караванов. В эту крепость смогут переселиться несколько тысяч русских подданных, захваченных в неволю и находившихся в Бухаре и Хиве; в ней можно «учредить меновой двор, таможенную и суд для разбору дел киргизцев и других народов, а к Оренбургу... назначить редуты и кордоны», которые будут сопровождать торговые обозы и собирать деньги за их охрану.

Каракалпаков «удобно будет привести в российское подданство, поселить около той крепости и со временем обратить в земледельцев». Бухарский хан из расположения к России и «для пользы общей торговли охотно согласится учредить в своих владениях временные сбе-

режения караванов» для прикрытия их от грабительских набегов и конвоирования до Сырдарьи.

«От восстановления в сих богатых и прекрасных странах тишины, спокойствия и безопасности вся Бухария, Кабульское королевство, Бодокшан, Индия и Кашемир, часть Персии и вверх по Сырдарье расположенные народы и города могут обратить свою торговлю к сему месту. Россия доходами от сей знаменитой торговли не токмо в состоянии будет содержать войска, но приобретет великие богатства».

«Вот... предположения, известные мне о том, каким образом со стороны Оренбурга и Астрахани можно сблизить торговлю с Бухариею и прочими азиатскими народами, далее подвинуть наши границы так, чтобы торговые пути находились в собственной нашей непреодолимой власти». Это убедит среднеазиатские ханства в могуществе России — так кончал записку Д. А. Гурьев, спрашивая мнение П. К. Эссена по поводу изложенного.

При исследовании этого вопроса нам остался неизвестен ответ губернатора, но каков бы он ни был, можно не сомневаться, что большого удовольствия это письмо П. К. Эсену не доставило. В самом деле, несмотря на громкие фразы о значении среднеазиатской (или «оренбургской») торговли для России, министр финансов, по существу, не выдвинул реальных предложений по поводу ликвидации помех на пути ее развития. Практическое значение могло иметь лишь строительство укрепления к югу от Оренбурга, но будут ли его воздвигать, кто, когда, при каких обстоятельствах, было неизвестно.

Рассуждения Гурьева повисали в воздухе, а некоторые вообще носили характер предположений. Каким способом, например, удастся российским невольникам в среднеазиатских ханствах устроить массовый побег и переселиться в созданную крепость? Короче, на данном этапе местные власти не получили реальной помощи (даже советом) от петербургского начальства. Но П. К. Эссена это не остановило, он продолжал действовать.

3 февраля 1819 г. был издан царский рескрипт об отправке в Хиву чиновника для переговоров. В связи с этим оренбургский военный губернатор 17 марта 1819 г. докладывал Александру I, что: 1. Вскоре после вступления на свой пост он обращался к Мухаммеду Рахим-

хану через хивинских купцов с «дружественным письмом о взаимной приязни». Ответ не получил. 2. По царскому повелению о возмещении убытков русских торговцев после разграбления отправлял в ханство Субханкулова. Того вернули с дерзким ответом. 3. В связи с этим новые переговоры и объяснения удобны лишь под флагом «силы и справедливой твердости». 4. В Хиву будет отправлен адъютант губернатора Горман, который в течение двух лет управлял местной дипломатической канцелярией, опытен и усерден. Испрашиваются указания об эскорте⁷.

Указания об эскорте не последовало. Первые три пункта рапорта Эссена настолько контрастировали с четвертым, доказывая его бесцельность, что поездка Гормана не состоялась.

Это не означало, понятно, что в столице вообще отказались от попыток решения сложной проблемы. 8 мая 1819 г. К. В. Нессельроде «поднес» Александру I три записки «о предприятиях хивинского хана и о разграбленном караване», которые было велено рассмотреть в Комитете министров⁸.

Первая из них была посвящена вопросу «о задержании хивинских товаров взамен российских, тем народом разграбленных». Руководитель внешнеполитического ведомства считал такую меру невыгодной, так как будут вознаграждены только ограбленные купцы. Торговля же России в целом со Средней Азией «неминуемо приостановится» по крайней мере на год, «от чего и казна и торгующие потерпят важный ущерб, поскольку предъявляемые ханству претензии исчисляются лишь в 127 тыс. руб., тогда как общий товарооборот в этих краях простирается всегда на несколько миллионов». Вывод: лучше все же написать письмо хивинскому визирю и ожидать ответа⁹.

Вторая записка касалась «неприятных видов хивинского хана» и средств их преодоления. Министр иностранных дел напомнил, что Мухаммед Рахим-хан возвел в ханское достоинство своего приверженца султана Каипова, враждебного России, грозит нападением на казахские роды, которые его не признают, и допускает

⁷ Там же, лл. 52—53.

⁸ Там же, л. 59. Памятная записка от 8 мая 1819 г.

⁹ Там же, лл. 60—61.

иные недружелюбные акты. Эссен просил разрешить ему двинуть «в степь» военный отряд¹⁰.

Для установления дружественных отношений с правителем Хивы Нессельроде наметил хитроумный план. Он предложил выбрать среди живущих в Оренбурге хивинцев предприимчивых и сообразительных людей, «известных по склонности к нашему правительству» и пользующихся доверием соотечественников в ханстве по размаху товарооборота. Одного из них снабдить соответствующими денежными суммами и отправить на родину «в виде частного лица», но предварительно разъяснить ему все выгоды развития русско-хивинской торговли и заинтересовать в ее успехах.

По прибытии домой это «доверенное частное лицо» должно было приобрести расположение придворных, чтобы через них разъяснить Мухаммеду Рахим-хану, «что Россия ничего не теряет от препятствий, противопоставляемых им торговле с Хивой, но его же подданные много терпят, теряя свои выгоды от пресечения с Россией свободных торговых сношений», Северные соседи «не подали с своей стороны никаких причин хану хивинскому к нарушению безопасности торговых сношений» и готовы развивать их. Для этого требуется лишь, чтобы хивинский правитель был согласен расширить взаимовыгодную торговлю, наподобие той, какую Россия ведет с Османской империей, Китаем и Персией (как видим, в качестве примера подбирались специальные страны Востока!).

Если намеченный ход произведет на хана желаемое действие, то можно будет через тех же его «любимцев» ходатайствовать о ликвидации преград и притеснений во взаимной торговле и «сближении дворов Российского и Хивинского». А это, в свою очередь, хорошо бы «запечатлеть дружественным и торговым договором [трактатом], на обоюдных пользах основанным»¹¹.

Уже беглое ознакомление с подготовленными Министерством иностранных дел документами свидетельствует, что по продуманности сложной проблемы они вряд ли отличались в лучшую сторону от представлений и предложений финансового ведомства... Те же общие соображения о перспективности и выгоды для России экономических связей со Средней Азией и та

¹⁰ Там же, лл. 62—66.

¹¹ Там же, лл. 67—69. Записка от 4 мая 1819 г.

же явная беспомощность при разработке методов и способов их обеспечения!

Подобная растерянность отражала общую неподготовленность правящих кругов Российской империи к выработке четкой и целеустремленной линии в своей политике по отношению к среднеазиатским ханствам. Привыкшие к относительной последовательности в действиях европейских государств, они недоумевали по поводу того, что Мухаммед Рахим-хан, с одной стороны, в какой-то мере проявлял готовность к переговорам с представителями Петербурга на Кавказе, а с другой — в то же время его отряды бесчинствовали на подступах к Оренбургскому краю.

Не исключено, что царские власти и сами ощущали необходимость более внимательного, конкретного и сосредоточенного подхода к решению задач, возникавших на юго-восточных окраинах империи. Во всяком случае, на заседании Комитета министров 20 мая 1819 г., где обсуждались записки министерства иностранных дел, была намечена важная административная мера.

Комитет министров начал с того, что вернулся к ходатайству П. К. Эссена от 3 ноября 1818 г. о снаряжении военной экспедиции «в степь», но констатировал, что и его предшественник — Г. С. Волконский добивался отправки туда воинских команд, но последствия всегда были вредными «и для торговли и для киргизцов». Именно это обстоятельство обусловило постановление Комитета от 19 ноября 1818 г. — отклонить предложение Эссена и информировать его о запрете «командировки в степь». Другой пункт постановления привлекает особое внимание, он гласит: «А как приведение торговли нашей в тамошнем крае в безопасное состояние, охранение караванных путей и самих мирных киргизцев требует действительно ближайшего (т. е. самого пристального. — Н. Х.) рассмотрения, которое по существу относиться должно до министерств: иностранного, финансов и военного, то... составить особый Комитет азиатских дел, который бы, вникнув в настоящее положение дел тамошнего края и сообразуя все бывшие прежде о нем предположения, представил виды к принятию мер, сообразных с государственной пользой». Этот комитет должен был обсудить и предложения П. К. Эссена¹².

¹² АВПР, СПб. Главный архив, I—13, 1817—3, лл. 75—76.

Пока же царское правительство пыталось использовать в отношениях с Хивой «еще миролюбное средство» — письмо Нессельроде к визирю, о котором говорилось выше¹³. 17 мая 1819 г. оно было утверждено Александром I и через два месяца отправлено в Оренбург. Министр иностранных дел напоминал хивинскому сановнику, что оренбургский военный губернатор, просивший вернуть похищенные у российских подданных товары, получил ответ, что грабители не знали о наличии в караване собственности купцов России, которые «получат удовлетворение» по приезде в ханство.

Вы знаете, писал Нессельроде мехтеру¹⁴, какие товары принадлежат российским торговцам и на какую сумму. Нужно вернуть то либо другое с чиновником, присланным оренбургскими властями, или отправить на границы империи, чтобы купцы не входили в новые расходы. Далее содержался многозначительный намек: мол, император всероссийский «поставил правилом» прибегать к крайним мерам, лишь исчерпав все средства для достижения доброго согласия и торговых сношений «с соседними владельцами». Если ханство пришлет представителя, он будет принят «с благосклонностью», с какой всегда принимали в России подданных хивинского хана.

Доставка послания мехтеру была поручена Эссеном хорошо владевшему восточными языками коллежскому советнику Мендиару Бекчуруну, мусульманину по вероисповеданию, что создавало некоторые гарантии его безопасности. Хотя губернатор заверял министра, что Бекчурин отправился в Хиву в июле, фактически он двинулся в путь только 12 октября¹⁵ и добрался до ханства 24 декабря 1819 г. Вернулся Бекчурин в конце июля 1820 г.

За время его поездки «в степи» произошли важные события. В конце 1819 — начале 1820 г. Мухаммед Рахим-хан во главе многочисленного войска напал на «мирные улусы» казахов Младшего жуза, расположенные между Сырдарьей и Кувандарьей, и по выражению

¹³ Там же, I—1, оп. 781, д. 489, лл. 10—11.

¹⁴ Мехтер — второе после хана лицо в хивинской иерархии; заведовал иностранными сношениями и управлял южными районами Хивы.

¹⁵ Там же, лл. 123—144. Записи, которые вел М. Бекчурин во время поездки в Хиву.

П. К. Эссена, произвел там «разные жестокости, опустошения и убийства». Хивинский хан захватил немало жен и детей русскоподданных — казахов, угнал значительные табуны лошадей и стада скота. Особое беспокойство оренбургского губернатора вызвало то обстоятельство, что ограбив одну часть жуза, Мухаммед Рахим-хан «возмушал» другую, утверждая там в качестве правителя своего ставленника — «сына умершего султана Ширгази Каипова». Опасность угрожала готовившемуся летнему бухарскому каравану¹⁶.

Для иллюстрации масштабов случившегося губернатор прислал во внешнеполитическое ведомство копии письма главы ограбленного жуза Арунгазы Абдулганиева и реестр награбленного имущества. Даже если исходить из того, что Арунгазы преувеличил масштабы постигшего его соплеменников бедствия, реестр производит впечатляющее действие: разорению подверглось более восьмисот аулов. Кроме убитых и плененных людей, они потеряли свыше 7 тыс. лошадей, 6 тыс. верблюдов, 2 тыс. голов рогатого скота и 63 тыс. баранов¹⁷.

Поведение хивинского владыки вызвало недоумение Нессельроде: «В то же время, как грабил подданных России киргизцев, он принимал с другой стороны благосклонно полковника Муравьева... и отпустил обратно со взаимными от себя посланцами, — откликнулся министр на горестное сообщение Эссена. — Одно непросвещение и легкомыслие хивинцев могут согласовать подобную противоположность, которая заставляет меня теперь беспокоиться о чиновнике, отправленном с письмом моим в Хиву. От него нет вестей, хотя ему давно пора было вернуться»¹⁸.

Действия Мухаммеда Рахим-хана явно продолжали нарушать сложившиеся у царского дипломата представления о межгосударственных отношениях и вызывали растерянность. Мало того, что Нессельроде и на этот раз не предлагал губернатору какого-либо конкретного плана действия, он еще и дезориентировал Эссена чрезмерно оптимистичной оценкой результатов по-

¹⁶ АВПр, СПб. Главный архив, I—13, 1817—3, лл. 95—96. Отношение Эссена к Нессельроде от 21 апреля 1820 г.

¹⁷ Там же, лл. 97—100.

¹⁸ Там же, лл. 106—107. Нессельроде — Эссену от 15 июня 1820 г.

сещени Хивы Муравьевым, чья миссия завершилась не таким уж крупным успехом.

Однако беспокойство о судьбе Мендияра Бекчурина было хотя и обоснованным, но запоздалым. Когда министр отправлял письмо в Оренбург, посланец Эссена уже находился на обратном пути и приближался к городу. Он не привез никаких утешительных вестей. Рассказ Бекчурина был краток. Когда он прибыл в ханство, у него «вытребовали» привезенные бумаги и посадили под стражу, допрашивая, почему письмо от «высочайшего двора» подписано не царем. Содержали «под крепчайшим присмотром в унижительном месте четыре месяца», — сокрушенно сообщал военный губернатор Нессельроде. Сам Бекчурин пояснил: «на скотном дворе».

24 апреля 1820 г. посланца Эссена отправили домой без официального ответа. Хивинский мехтер лишь напомнил ему, что по существу ответ уже был дан: пусть русские купцы приезжают за возмещением убытков в ханство. Губернатор с негодованием отмечал, что «привезенные Бекчуриным письма хан хивинский признает, по его (т. е. мехтера. — Н. Х.) выражению, детской игрой».

Естественно, что, когда стала достаточно ясна неудача попытки «письменно» воздействовать на правящие круги Хивы, во что, по-видимому, Эссен не верил с самого начала, он вновь вернулся к своим планам и заботам: как удовлетворить «наших купцов», от которых идут беспрерывно «жалобы на причиненное им хивинским ханом разорение». Положение осложнялось еще и тем, что претензии предъявлялись и бухарскими властями: караванные дороги были блокированы, купцов грабили, и бухарский сановник Азимджан Муминджанов даже заявил, что «торговля их угрожается всеконечным пресечением».

Считая, вероятно, что время дипломатических переговоров и переписки истекло, Эссен настойчиво подчеркивал, что ждет ответа¹⁹, но не дожидаясь его, отправил Нессельроде новое послание, в котором обстановка изображалась с еще большей тревогой. «...Оживленная в течение трех последних лет торговля здешняя, —

¹⁹ Там же, лл. 117—118. Эссен — Нессельроде от 30 июня 1820 г.

подчеркивал губернатор, — учреждавшееся в Орде благоустройство, безопасность караванных дорог, прекращение хищничества между киргизцами взаимных: все сие к крайнему моему прискорбию возвращается ныне в то самое, и может быть еще худшее положение, в каком находились сии предметы в начале 1817 и предшествовавших годах. Грабежи хивинского владельца и восстановленного им в Киргизской Орде султана Джангази Ширгазиева подрывают и уничтожают торговлю. Бухарское купечество не осмеливается отправить товары, останавливая вовсе свои операции. Российское купечество, претерпев разорение от хивинцев, не получив от них должные удовлетворения и потеряв на это надежду, тоже прекращает торговлю. Ограбленные «киргизцы» не приходят на Линию для меновых операций. Ширгазиев снова ограбил на крупную сумму бухарский караван». Далее Эссен возвращался к своим предложениям от 3 ноября 1818 г., просил обратить на них внимание и выдвигал с этой точки зрения еще один аргумент. «Упадок торговли и расстройство торговли в Орде... отражается с весьма невыгодной стороны лично на мое управление в здешнем крае»²⁰, — писал он и обещал с благодарностью принять любую помощь в выполнении возложенных на него обязанностей.

Но помощь не шла. В Петербурге размышляли над печальным состоянием русско-хивинских отношений и никак не могли найти действенного средства для их налаживания. А оренбургский военный губернатор продолжал проявлять настойчивость, вновь и вновь привлекая внимание верховных властей к волновавшим его проблемам.

28 июля 1820 г., отвечая на письмо Нессельроде от 15 мая, в котором высказывалось несколько натянутое недоумение по поводу непоследовательности хана в его поведении, Эссен указывал, что он «объяснялся со здешними хивинскими караванными начальниками». Предметом объяснений служила загадка, почему присланный им чиновник был принят в Хиве неблагоприятно, а Муравьев — «лучше». Трактровка была совершенно неожиданной. Оказывается, по представлению торговцев из ханства, Муравьев «привозил дань хивинскому владельцу и обещал прислать еще более даров».

²⁰ Там же, лл. 148—149.

«Ответ сей обнаруживает необузданные понятия хивинцев, — горестно констатировал губернатор и предавался тягостным размышлениям, — торговые сношения здешние от часу приходят в затруднительнейшее положение. Хан Ширгази Айчуваков, как никогда прежде, так и ныне не предпринимает никаких мер в пользу оных; султан Арунгази, обессиленный в средствах и униженный в достоинстве, утратил свое влияние; киргизцы, боясь нападения, уклоняются от перевозки товаров, и бухарское купечество отправило на сих днях представление к владельцу своему, прося его защиты, помощи и наставления»²¹.

В поисках ответа на беспокоившие его вопросы П. К. Эссен поручил даже отправлявшемуся с официальным посольством в Бухару А. Ф. Негри (о его миссии см. ниже) выяснить причины враждебного отношения хивинского хана к торговым предприятиям России, к ее политическим шагам²². Напряженность на степных дорогах не ослабевала. Реакцией казахских кочевников на непрерывные удары войск Хивы явилось нападение на небольшой хивинский караван, возвращавшийся домой из Оренбурга, а также на группу торговцев из этого ханства, направлявшуюся в Сарайчиковскую крепость²³. Хивинцы не остались в долгу, хотя и поживились на этот раз не за счет казахов, а за счет русских купцов, ограбив часть караванов, которые следовали из Оренбурга и Троицка в Бухару²⁴.

В качестве фактора, противодействующего политике Сеида Мухаммеда Рахим-хана, царское министерство иностранных дел пыталось выдвинуть более крупное Бухарское ханство, чьи интересы также весьма страдали от нарушения торговых связей с Россией. В частности, А. Ф. Негри поручалось привлечь местного эмира к совместным операциям по обеспечению нормального движения караванов. Этот план не получил реализации, как представляли в Петербурге, по недалновидности правителя Бухары.

²¹ Там же,

²² Там же, лл. 156—157.

²³ Там же, лл. 171—174. Отношение П. К. Эссена П. Г. Дивову от 23 февраля 1821 г.

²⁴ Там же, лл. 185—186. Выписка из «всеподаннейшего» рапорта П. К. Эссена от 24 марта 1821 г.

Когда сведения о дальнейших враждебных актах Сеида Мухаммеда Рахим-хана подтвердились, П. К. Эссен отправил директору Азиатского департамента недогодующее письмо, в котором не скупился на резкие выражения: «Теперь вновь получены, к сожалению, достоверные сведения о нападении хивинцев на ту часть большого бухарского каравана, которая по невероятной беспечности не соединилась с главной частью, следовавшей под прикрытием наших войск, и подпала грабежу в безводной пустыне Кызыл-Кум восемь дней спустя» после прохода через нее русского посольства А. Ф. Негри, охранявшегося царским военным отрядом.

«Таким образом, — негодовал Эссен, — хивинцы расхищают ежегодно — систематически то наших подданных-киргизов, то караваны купцов природных русских, то тех, кои с нами торгуют», убивая возчиков и проводников и делая это «в виду посольства и войск государя. Дерзость примерная!». Он объяснял подобную «дерзость» безнаказанностью и «великодушием, с каким могущественная империя взирает на злодеяния и оскорбления, более ста лет совершаемые в разных видах возмутительным гнездом разбойников. Но не время ли уже смирить неистового хана? Не время ли разрушить ничтожную силу, погубляющую плоды промышленности и торговли мирных граждан, истребляющую улусы кочевых племен, требующих защиты Скипетра, принявшего их в подданство? Можно ли обвинять родоначальников сих орд, когда они, тщетно вопияв о пустошении стад и табунов, единственных сокровищ своих, решаются на самоуправство и взаимные хищения, сообразные народному их свойству?».

Далее оренбургский военный губернатор указывал на тщетность надежд, будто Бухарское ханство окажет воздействие на своего воинственного соседа. Он ссылался на отправленные министерству иностранных дел еще 17 октября 1820 г. письма визиря Бухары, в которых сообщалось, что местный владыка объявил войну Хиве. «Но, — продолжал Эссен, — донесения г. Негри объясняют, что сей владделец равнодушно видит разорения своих подданных, что он возбудил ропот в своем народе и ненависть в киргизах, просивших его помощи, и что, наконец, он сам питает дух хищничества своего врага (т. е. способствует активности Сеида Мухаммеда

Рахим-хана. — *Н. Х.*), не заботясь о происходящем подрыве и истреблении торговли и будучи занят одними своими удовольствиями или изучением алкорана».

Ссылаясь на информацию, полученную от одного из членов миссии Негри, Эссен с возмущением отмечал: «...когда визир за две недели пред тем донес ему (бухарскому эмиру. — *Н. Х.*) о расхищении хивинцами двух богатых караванов, шедших из Персии, то получил в ответ: „Пока нет опасности на Регистане (площадь пред его Дворцом), мне ни до чего дела нет“». Бухарский хан не принял никаких оборонительных, «а тем менее — наступательных мер в оной войне», о которой сообщалось, как о чем-то реальном.

Военный губернатор Оренбурга в связи со всем этим сетовал: «Какими мерами могу я теперь оградить движение торговли и что должен отвечать на жалобы купцов, которые вступить не умеют? Я решился возражать им обвинением в собственной их беспечности. Но торговцы этим не удовлетворятся и будут требовать возмещения убытков».

Эссен продолжал доискиваться причин непримиримой позиции правителя Хивы. В связи с этим были опрошены прибывшие на линию участники ограбленного по пути туда хивинского каравана. Из их разъяснений вытекало, что эта позиция вызвана, с одной стороны, личной враждой Сеида Мухаммеда Рахим-хана к бухарскому владыке «за умерщвление, когда-то случившееся», его брата — Ильтузара, а с другой — «алчностью добычи и завистью к возрастающей силе Бухарии». Находившиеся в Оренбурге выходцы из Хивы утверждали, что местный хан будет и впредь «расхищать бухарские караваны, а ежели случится быть при них российским войскам, то стараться и им нанести вред, дабы прервать сношения Бухары с Россией».

Эти объяснения вряд ли способствовали успокоению военного губернатора. Он снова запросил «соображений Министерства иностранных дел, которые помогли бы ему выйти из затруднительного положения»²⁵.

Но и это ведомство отнюдь не имело четкого представления о дальнейших действиях. Оно решило привлечь для обсуждения восточных проблем Азиатский комитет. Хотя и он не смог рекомендовать достаточно

²⁵ Там же, лл. 187—193. Эссен — Родофиникину от 24 мая 1821 г.

реальный, обоснованный и перспективный план урегулирования русско-хивинских отношений и обеспечения нормального движения караванов, но в ходе совещаний, по крайней мере, был найден «стрелочник», человек, который, по мнению петербургских сановников, был повинен в создавшейся сложной ситуации. Этим лицом оказался казахский султан Арунгазы Абдулгазиев. Он сопровождал миссию А. Ф. Негри в Бухару. По его инициативе и под его руководством отряды казахов нанесли удар по торговцам из Хивы.

Подходя таким образом к решению вопроса, царские вельможи умышленно закрывали глаза на предшествующие враждебные акции Сеида Мухаммеда Рахим-хана и по отношению к российской торговле, и по отношению к русскоподанным казахским племенам и родам. Еще 6 мая 1821 г. управляющий делами Азиатского комитета докладывал его членам сообщение генерала Эссена о нападении в Младшем жузе на хивинский караван, о ходе посольства в Бухару и о расхищении хивинцами части крупного бухарского каравана, возвращавшегося из России.

Особенно беспокоило военного губернатора то, что он не знал, какими мерами может теперь обеспечить развитие торговли и что «ответствовать купцам хивинским и бухарским, которых товары находились в разграбленных караванах и которые обращаются теперь» с жалобами.

Участники заседания нашли, что «главной причиной всему злу» является вражда между Арунгазы и хивинским ханом, «ибо сие возродило нападение» султана на покорившиеся Сеиду Мухаммеду Рахим-хану киргизские аулы и грабеж хивинских караванов, «наконец, мщение хана, обращенное на бухарские караваны». Эти откровенно неприязненные отношения могут иметь «последствия неприятнейшие» с политической и торговой точек зрения. Решительные меры несвоевременны до возвращения миссии Негри из Средней Азии. Задержанных в Оренбурге в связи с враждебными действиями Хивы выходцев из этого ханства надо освободить, но такой шаг, предпринятый сразу же за разграблением войсками Сеида Мухаммеда Рахим-хана бухарских купцов может быть приписан им «слабости и страху»; поэтому задержанных следует при посредстве генерала Ермолова и с его письмом отправить на родину через Грузию

(«что могло бы послужить к вящему утверждению дружественных связей, которым положил начало сей генерал с упомянутым ханом»).

Комитет решил предложить оренбургскому военному губернатору немедленно отправить султана Арунгазы в Петербург; что касается купеческих жалоб, то на них имеют право лишь хивинцы, на которых напали русские подданные внутри границ империи, а бухарцы, ограбленные хивинцами, да еще за пределами государства, не имеют оснований на возмещение убытков²⁶.

К этим вопросам Азиатский комитет вернулся лишь через два с лишним месяца. 16 июня 1821 г. его члены собрались на своего рода «расширенное» заседание: на нем присутствовал А. П. Ермолов и незадолго до того возвратившийся в Петербург с поста генерал-губернатора Сибири М. М. Сперанский. По ходатайству министерства иностранных дел Александр I разрешил участвовать в обсуждении исполнявшему должность председателя Оренбургской пограничной комиссии Тимковскому, специально приехавшему «для ближайших объяснений неурядиц» в комиссии и по управлению «Малой Киргиз-кайсацкой Ордой». По приезде Тимковский подал три записки (о грабеже торговых караванов «в степи», о переписке с хивинским ханом, о положении в Младшем жузе и Оренбургской пограничной комиссии), из которых явствовало, что он расходился с Эссеном во взглядах на политическую линию, которую надлежало проводить оренбургским властям. Об этом конкретно свидетельствуют решения Азиатского комитета.

Рассмотрев поставленные перед его членами проблемы, комитет подтвердил уже высказанную им позицию: «...ближайшей причиной беспорядков в Меньшой Киргизской Орде было то, что оренбургское главное начальство отступило от правил, данных ему Комитетом в 1820 г.», назначив султана Арунгазы сопровождать русскую миссию в Бухару, хотя «известна была законенная вражда, существовавшая между им и хивинским ханом».

Во-вторых, гласил журнал Азиатского комитета, оренбургские власти неправильно оценили политическую ситуацию. Местное начальство, «по предубеждени-

ям своим, не переставало видеть в хане хивинском непримиримого врага России, готовящегося на покорение Малой Орды и угрожающего даже границам нашим». Поэтому оно, руководствуясь таким «неосновательным понятием», смотрело равнодушно на действия султана Арунгазы и даже одобряло их. Поскольку Сеид Мухамед Рахим-хан, раздраженный нападением на его подданных и хивинские торговые караваны, «не перестанет затруднять торговлю нашу, чему и положил начало, повелев разграбить шедший из России бухарский караван», то целесообразно объяснить ему непричастность царского правительства к нанесенной ему обиде.

Для этого надо, чтобы посланный в Оренбург особый нарочный отвез задержанных там нескольких хивинцев к генералу Ермолову на Кавказ; одарив этих подданных хана, Ермолов должен был отправить их к Сеиду Мухаммеду Рахим-хану «при письме от себя». Такое послание должно отражать недовольство царского правительства действиями султана Арунгазы, которые подлежат «должному взысканию», а главное — нужно предложить хану предать случившееся забвению, чтобы он «воздержал бы своих подданных от всякого притеснения русских купцов», а «во взаимство и хивинское [купечество] будет принято в России попрежнему и [будет] пользоваться всеми преимуществами, кои издавна доставляют оному знатные выгоды»²⁷.

Решения Азиатского комитета были доведены до сведения П. К. Эссена. Однако его попытки разыскать нападавших на хивинских подданных и караваны «ордынцев», взыскать с них убытки и вернуть захваченные товары не дали результатов. Казахские беки единодушно доказывали, что Хива неоднократно разоряла «Малую орду»²⁸.

Материалы обсуждения проблемы членами Азиатского комитета свидетельствуют, что высшие власти не имели четкого представления о местных событиях, не разработали твердой политической линии, подчас искали поверхностных путей для объяснения происходящего. Трудно предположить, чтобы при отсутствии «козла отпущения», каким оказался султан Арунгазы, целеустремленный и волевой правитель Хивы Сеид Мухам-

²⁷ Там же, лл. 246—249. Выписка из журнала Азиатского комитета от 16 июня 1821 г.

²⁸ Там же, лл. 231—234. Эссен—Нессельроде.

²⁶ Там же, лл. 198—200.

мед Рахим-хан не искал средств к расширению своего владычества, к подчинению русскоподданных казахских племен и родов, к легкой наживе за счет ограбления беззащитных обозов с товарами. Такие действия хивинских правящих кругов стимулировало также и соперничество с Хивой экономически более развитой Бухары.

В результате все шло обычным чередом. Министерство иностранных дел писало бумаги, намечая способы урегулирования наболевших вопросов, а из Оренбурга поступали новые сообщения о нападениях хивинских отрядов на караваны. Одно из таких сообщений содержалось в письме Эссена Нессельроде от 21 февраля 1822 г.: разграблению на этот раз подверглись товары русских купцов, следовавших в Бухару²⁹.

Ведомство Нессельроде представило Азиатскому комитету особую записку «По предмету восстановления спокойствия в Малой Киргизской Орде»³⁰. Выработав определенную точку зрения, Министерство иностранных дел продолжало настойчиво придерживаться ее. Так, «важнейшие причины расстройств в Орде» оно видело «...во-первых, во врожденной склонности киргизцев и хивинцев к грабежу, а потом в личных распрях султана Арунгазы с султанами — управляющими отделением киргизцев, прибегнувших к покровительству хивинского хана». В записке выдвигалось предложение, чтобы в Оренбурге собрались представители правительств России, Бухары и Хивы, а также казахских племен для обсуждения взаимных претензий, причем Российская империя должна дать какое-то количество денег «для удовлетворения справедливых требований», если «некоторые из азиатцев» не смогут по бедности отыскать у себя соответствующие суммы.

Последнее положение очень любопытно и симптоматично. Оно свидетельствует о большом интересе Петербурга к урегулированию отношений со среднеазиатскими ханствами и развитию торговли с ними даже ценой материальных затрат и оплаты «чужих счетов».

Азиатский комитет в составе Кочубея, Гурьева, Волконского, Сперанского и Нессельроде 24 февраля 1822 г. одобрил представленную записку. Принятое комитетом решение гласило: если всеобщее примирение

²⁹ Там же, л. 266.

³⁰ Там же, лл. 257—263.

состоится, то необходимо «положить твердые правила для безопасного хода купеческих караванов и наказания грабителей, кои бы решились сделать на оные нападения или злочинствовать в Орде». Практические мероприятия по реализации этого решения возлагались на оренбургского военного губернатора³¹.

30 марта 1822 г. К. В. Нессельроде информировал П. К. Эссена о постановлении Азиатского комитета. Словно до того не было многочисленных посланий губернатора Оренбурга, призывавших учесть бедственное положение этого торгового центра, министр подчеркивал, что усилившаяся в последнее время вражда между султаном Арунгазы Абдулгазиевым и хивинским ханом, «равно как проистекшее от того расстройство торговли нашей с Азией, — заставили еще больше почувствовать повелительную необходимость заняться (наконец-то! — Н. Х.) изысканием ближайших средств к восстановлению тишины и порядка в степях Зауральских».

Поручая Эссену созвать представителей Бухары, Хивы и казахов на «мирное урегулирование», Нессельроде отмечал, что если какая-либо из сторон «по бедности» не сумеет удовлетворить требования истцов, то «для преодоления сего рода препятствий к водворению прочного мира между киргизцами Малой Орды и сопредельными им азиатскими народами, а равно к восстановлению безопасности для столь полезной торговли нашей с ними правительство Российское могло бы даже пожертвовать на тот конец некоторую сумму денег»³².

Оренбургский губернатор разослал послания в соответствующие адреса. Царские власти связывали с этим большие надежды. В Министерстве иностранных дел даже завели специальную папку под заголовком «О приезде на Оренбургскую линию депутатов от Хивинского и Бухарского ханств и киргизов Меньшой Орды для разбора совокупно с русскими взаимных претензий по грабежам, захватам и насилиям...» Но радужные планы оказались построенными на песке. Никто из адресатов не откликнулся на призыв. А в столицу летели тревожные вести о новых ударах хивинцев по караванам. 8 августа 1823 г. управляющий Оренбургской таможней Чекалов доносил шефу — министру

³¹ Там же, лл. 270—271.

³² Там же, II-25, 1822—1, лл. 1—6.

финансов Е. Ф. Канкрину, что хивинский хан «расположился вредить бухарской торговле с Россией». Из Бухары готовился отправиться в Оренбург крупный караван — тысяча верблюдов. Казахские возчики с сотней навьюченных верблюдов ушли вперед, когда близ бухарских границ на них напал отряд хивинцев. Более сорока человек — вожаков, проводников и хозяев товара — бухарцев, российских татар и казахов было убито. Остальные участники каравана, напуганные случившимся, отказались двинуться в путь³³.

Более подробные сведения об этом получил от оренбургского военного губернатора Нессельроде. Как выяснилось, авангард каравана, разграбленный войсками Сеида Мухаммеда Рахим-хана, был нагружен дорогими шелковыми тканями и другим товаром, стоимостью свыше 2 млн. руб. Письмо министру иностранных дел завершалось горестной констатацией: «...следование караванов через степи более и более затрудняется; на каждом шагу в Киргизской степи угрожают им грабежи; а меры, доселе употребляемые к охранению их в пути от расхищения, остаются тщетными, и купцы за усилия свои производить заграничную торговлю лишаются знатных капиталов и самой жизни... По таковым причинам торговля Оренбургского края с Азиатскими областями не имеет успеха и почти вовсе пресекается...»³⁴.

Оренбургские власти, с которыми молчаливо солидаризировалось внешнеполитическое ведомство, расписывались в несостоятельности обеспечить нормальные условия для экономических связей России со Средней Азией.

³³ Там же, I-13, 1817—3, л. 273.

³⁴ Там же, лл. 274—275. Отношение от 12 сентября 1823 г.

Миссия А. Ф. Негри

Когда Н. Н. Муравьев, вернувшись из опасного путешествия в Хиву, готовился к новой поездке через Кавказ к восточным берегам Каспия, царские власти разрабатывали проект отправки дипломатического агента в Бухару. Эта мера намечалась давно и была всецело связана с торговыми интересами обеих стран. Инициатива в ее осуществлении принадлежала бухарским правящим кругам, которые встречали полное понимание в Петербурге. Еще в 1815 г. посетивший столицу Российской империи представитель эмира Хайдар-хана диванбеги Азимджан Муминджанов ходатайствовал о посылке в Бухару царского посланника для заключения торгового трактата.

По рассмотрении ходатайства А. Муминджанова управляющий Министерством иностранных дел К. В. Нессельроде 5 июля 1816 г. заявил ему, что царское правительство охотно пошлет в ханство чиновника для «постановлений, касательно обеспечения хода караванов, освобождения пленников — российских подданных» и назначения консула России¹.

Однако большой спешки в этом деле проявлено не было, и диванбеги А. Муминджанов, снова прибывший в Петербург в августе 1819 г., опять поднял этот вопрос. А. А. Семенов высказал предположение, что с таким поручением эмира Хайдар-хана в 1820 г. выступил курчи-баши Мирза-Мухаммед-Юсуф, приезжавший в царскую столицу в 1816 г.² Это предположение не подтверждается документами; в них нет данных о его вторичном визите, но есть указания на повторное по-

¹ АВПР, СПб. Главный архив, I—7, оп. 6, 1820—I, папка I, л. 1, Недатированная памятная записка.

² А. А. Семенов, К истории дипломатических сношений..., стр. 89.

сещение Петербурга Азимджаном Муминджановым. Цели и задачи, поставленные бухарским правительством перед своим агентом, в исторической литературе не рассматривались, хотя безусловно заслуживают внимания. Они отражены в записке «Некоторые примечания о нынешнем бухарском посольстве», составленной в Министерстве иностранных дел³.

В этом документе сказано, что дипломат из Средней Азии выдвигал три вопроса: 1. Обеспечение хода караванов из России в Бухару и обратно. 2. Освобождение находящихся в ханстве русских пленных. 3. Назначение в Бухару российского консула. Но сущность миссии Хайдар-хана была весьма своеобразно интерпретирована в царском внешнеполитическом ведомстве. Судя по этому документу, Азимджан Муминджанов специально приехал, чтобы удовлетворить в основном интересы Петербурга, а не своего государства. Лишь в дальнейшем почти мимоходом отмечено, что посланник пытался также добиться отмены незадолго до того повышенного азиатского торгового тарифа.

В указанной записке констатировалось, что тремя годами ранее тому же Муминджанову управляющий министерством сообщил о готовности царя отправить в ханство «чиновника с доверенностью для условных постановлений о всем том, что до предметов обоюдной торговли и иных взаимных польз относиться может и проч.». Но прошло три года, и бухарское правительство снова ходатайствовало «о исполнении обещанного посольства в Бухарию».

Кроме того, по-видимому, посланец имел «изустное поручение» хана добиваться, чтобы пошлины с бухарских купцов брались по прежнему тарифу, а таможенная часть была подчинена не Министерству финансов, а местному начальству.

Определяя позиции по первому вопросу, автор документа напомнил, что еще в 1808 г. был выдвинут проект отправки в Бухару вооруженных караванов. Оренбургский военный губернатор поручил осуществление проекта директору Оренбургской таможни Величко, который «делал предварительные извещения в Макарьевской

³ АВПр, СПб. Главный архив, I—8, оп. 7, 1818—1, лл. 366—377. Можно предположить, что ее автором был директор Оренбургской таможни надворный советник Чекалов, сопровождавший посольство А. Муминджанова из Оренбурга в Петербург.

ярмонке и в Москве с купечеством, торгующим в тамошнем крае; но как согласия их на сие, видно, не последовало, то и осталась сия мера без действия. Разговаривая с некоторыми значительными торговцами, — продолжал автор⁴, — я мог заметить, что они находили для себя то предположение неудобным».

Почему? В чем же видели неудобства «значительные торговцы»? Во-первых, в том, что для участия в вооруженном караване купец должен был за четыре месяца до выступления указать, на какую сумму намерен послать товаров, хотя зачастую не располагал сведениями об этом и за несколько дней. Во-вторых, правительство не гарантировало сохранности груза. Но купцы, соглашаясь выплатить 5% стоимости товаров, взамен хотели иметь твердую правительственную гарантию (в случае разграбления каравана) всего капитала. Для изыскания надежных и целесообразных мер было нужно, чтобы оренбургский военный губернатор выработал их вместе с купечеством и представителями «сильных родов киргизских».

По вопросу о русских пленных — необходимо было добиться от бухарского правительства запрета своим поданным покупать их, а также принимать беженцев из России; освобождения имеющихся невольников за умеренный выкуп и оказания давления на Хиву в этом направлении.

Третья, «консульская» тема, якобы интересовавшая Азимджана Муминджанова, рассматривалась под тем углом зрения, что для развития торговли надо иметь подробнейшие сведения о ханстве. Поэтому целесообразен был бы созыв оренбургским военным губернатором торгового совета из опытных людей для установления, «на каком основании» должно быть учреждено в Бухаре российское консульство, и разработки для него инструкции.

Констатируя пересмотр правительством тарифа 1778 г., по которому с бухарских товаров взималась самая низкая пошлина, составитель записки отмечал: «...Возвысившиеся на все цены, поддержание наших фабрик, ограничение ввоза ненужных и к единой роскоши служащих товаров, как-то шалей, и, наконец умноже-

⁴ Свидетельство, дающее возможность предположить, что записка принадлежит перу Чекалова.

ние государственных доходов, — были, конечно, побудительными причинами к перемене тарифа. Бухарское правительство старается выказать народ свой и купечество убогим и недостаточным, дабы тем убедить к снисхождению. Но, напротив, известно, что оно не только не убого, но при всем своем еще невежестве и необразованности, довольно богато, ведя обширную торговлю с Россией, Персией, Восточной Индией, Куканом, Хожаном, Ташкентом и Кашемиром. По какому праву может оно требовать снисхождения к своим подданным, тогда как российское купечество, в Бухарии торгующее, обременено там, противу прочих, тяжелейшей пошлиной и налогами»⁵.

На предложение подчинить таможи местному начальству министерство иностранных дел еще в 1816 г. ответило решительным отказом «по общему в государстве о торговых делах положению».

25 февраля 1820 г. Азиатский комитет рассмотрел проблемы, связанные с бухарским посольством. Характерно, что здесь обсуждались два вопроса, из которых ни один не был выделен как ведущий в посвященной прибытию Азимджана Муминджанова записке, а именно: просьба посланца об отмене нового тарифа для азиатской торговли и о возврате ему 10 460 руб., взысканных с него лично за провезенные товары. Азиатский комитет постановил оставить тариф без изменения как выгодный для государства, а взысканные средства вернуть (учитывая, видимо, что товары представляли собой своего рода «дипломатический багаж») ⁶.

Через четыре месяца, в июне 1820 г., представителю эмира Хайдара была вручена ответная нота. Она гласила, что «посланство, имевшее главной целью утверждение дружественных связей и распространение торговли», было «весьма благоприятно» царю, который в ближайшее время отправит в Бухару дипломатического чиновника. «Домогательство» о возврате к старому тарифу было внимательно рассмотрено, но его удовлетворение сопряжено со многими неудобствами. Снаряжаемый в ханство чиновник объяснится по этому поводу с

бухарским правительством, на обратном пути изучит влияние нового тарифа на торговлю на границе, а затем доложит министерству иностранных дел свои соображения для принятия необходимых мер.

Что касается ходатайства Бухары о разрешении ее подданным ввозить «безвозбранно» товары в Москву, то и его трудно удовлетворить, ибо даже не все российские торговцы пользуются подобным правом. Кроме того, возникает прецедент: о том же попросят и другие иностранцы, что нанесет, несомненно, немалый урон отечественной торговле⁷.

Чтобы у Азимджана Муминджанова не оставалось каких-либо неясностей, ему была вручена подписанная К. В. Нессельроде 5 июля 1820 г. записка «в ответ на все статьи его представления»⁸. В ней упоминалось о многих льготах, гарантированных в России бухарским купцам, но подтверждалось, что окончательное суждение по ряду поднятых проблем будет зависеть от результатов ответной миссии, которая уже готовится к отправке в ханство.

Действительно, за два дня до того, 3 июля 1820 г., Александр I утвердил руководителем русского посольства ко двору эмира Хайдар-хана сотрудника Министерства иностранных дел действительного статского советника А. Ф. Негри⁹.

Александр Федорович Негри (1784—1854) в 1806 г. переселился из Греции в Россию и с тех пор работал во внешнеполитическом ведомстве. Он владел турецким и персидским языками и в 1818 г. исполнял обязанности старшего советника царского посольства в Персии. Приобретенный на Востоке опыт, по-видимому, был учтен при назначении Негри главой миссии. Ее секретарем стал коллежский ассесор П. Яковлев.

8 июля 1820 г. была утверждена подготовленная Азиатским департаментом инструкция для руководителя миссии. Основная задача — расширение торговли. В частности, Негри поручалось заверить Хайдар-хана в «непременном желании» России «не только утвердить, но и распространить торговые связи» с Бухарой, изыскать все возможные для этого средства.

⁵ АВПР, СПб. Главный архив, I—8, оп. 7, 1818—1, лл. 373—376.

⁶ Там же, I—1, оп. 781, д. 489, лл. 96—98. Журнал Азиатского комитета от 25 февраля 1820 г.

⁷ АВПР, СПб. Главный архив, I—8, оп. 7, 1818—1, лл. 389—390.

⁸ Там же, лл. 395—398.

⁹ Там же, I—7, оп. 6, 1820—1, папка 2, лл. 1—2.

Острый вопрос о новом тарифе, менее выгодном для азиатских купцов, надлежало обойти, заверив бухарцев, что на обратном пути миссия соберет все сведения об этом и вместе с данными о переговорах доложит в столице. А в действительности А. Ф. Негри предлагалось детально ознакомиться с сутью дела, «вникнув тщательно в состояние народной в Бухарии промышленности» и важнейших отраслей торговли, а также выяснить, «нужны ли какие распоряжения со стороны нашей, дабы дать сей торговле с теми краями большее расширение и прочность».

Другой важнейший предмет, волновавший царские власти, — «обеспечение караванов, идущих от нас в Бухарию и обратно», как гласит инструкция, «с давнего времени занимал нас...» Негри надлежало добиться, чтобы правители ханства приняли «самые наилучшие меры для устранения всякой опасности» торговым обозам на пути от их государства до реки Сырдарьи, и подчеркнуть, что грабежи «хивинских и киргизских хищников» всегда мешали расцвету торговли. Хан Хивы, мол, уважает правительство своего юго-восточного соседа, и Бухаре неплохо было бы «изыскать способ к убеждению хивинцев воздержаться от грабежей», что было бы полезно и для нее самой.

Но и Негри не должен был чураться дерзкой Хивы. Ему предоставлялось выяснить отношения между ней и казаками, причины нападения хивинских войск на «улус султана Арунгазы», изучить личные качества и образ правления Мухаммеда Рахим-хана, а при возможности и обменяться с ним толмачами, сообщив, что миссия едет в Бухару для развития торговли, тогда как в Хиву с этой целью был направлен полковник Муравьев¹⁰.

Наряду с «высочайше утвержденной» директивой Министерство иностранных дел снабдило главу миссии двумя инструкциями от 25 июля 1820 г. Одна из них предусматривала сбор материалов о территории, природных ресурсах, личностях правителей Коканда, Туркестана и Ташкента, взаимоотношениях Бухары с Османской империей, Хивой, Персией, Афганистаном, о «нынешнем положении сих последних», об обстановке

¹⁰ Там же, папка 11, лл. 1—8.

в Кабуле, Кандагаре, Кашмире, Пенджабе, Ладаке, на линии судоходства на Сырдарье и Амударье, «наконец, в каких наиболее товарах европейских имеют там нужду» и откуда их получают¹¹.

Другое задание сводилось к сбору сведений о российских невольниках в Хиве и Бухаре, возможной стоимости их выкупа, а также к изучению способов пресечения похищения людей¹².

Вместе с дипломатической миссией отправлялись и военные: гвардейского генерального штаба капитан Е. К. Мейендорф и поручик В. Д. Вольховский, по квартирмейстерской части поручик Тимофеев, инженеры Отдельного Оренбургского корпуса подпоручики Тафаев и Артюхов. Их задачи были определены полученным Мейендорфом наставлением и сводились к «обозрению Киргизской степи» — от Троицка до Сырдарьи и далее, определению мест, удобных для создания крепостей, между Троицком, Орском и Сырдарьей. Постройка укрепления на этой реке должна была «обезопасить караванные пути в Бухарию и Хиву».

Наряду с выявлением подходящих для заселения степных участков военным участникам посольства предлагалось составить маршруты путей и общую генеральную карту дороги в Бухару и обратно¹³.

В качестве эскорта оренбургский военный губернатор выделил 200 казаков, 2 орудия конной артиллерии и 100 стрелков местного гарнизонного полка под общим командованием капитана С. Циолковского¹⁴.

От себя П. К. Эссен 18 сентября 1820 г. снабдил А. Ф. Негри особой инструкцией. Отражая конкретные взгляды и интересы местного начальства, она заслуживает пристального внимания. Эссен требовал, чтобы русским купцам было разрешено свободное пребывание в Бухаре (этим правом торговцы из ханства пользовались в России) и чтобы там был построен каравансарай, подобно «пространному Меновому двору» в Оренбурге, «устроенному для бухарской торговли», и аналогичным учреждениям, намеченным в Троицке и Орской крепости.

¹¹ Там же, лл. 9—10.

¹² Там же, лл. 11—12.

¹³ Там же, папка 5, лл. 2—3.

¹⁴ Там же, папка 12, лл. 11—12. В дальнейшем в конвой было включено еще 100 солдат.

Посол должен был ходатайствовать перед эмиром о выдаче отечественным предпринимателям «охранных листов», если они захотят отправиться через бухарские владения далее на Восток, тогда как купцы из Бухары смогут «обзавестись» аналогичными документами при желании двинуться через Россию в Европу. За счет специально выделенных пограничной комиссией средств Негри мог попытаться выкупить некоторых похищенных с границы людей.

Эссен специально рекомендовал главе миссии информировать бухарцев о «выгоде судоходства и пользе от того купечеству», о преимуществах водных путей сообщения, «примечая им», что Амударья и Сырдарья «текут в море Аральское, от которого и российские границы не в дальнем расстоянии».

Снова и снова в наставлении оренбургского губернатора звучали мотивы расширения экономических связей со среднеазиатскими ханствами, от развития которых зависела находившаяся под его управлением территория. Он просил Негри детально изучить вкусы населения Бухарского эмирата, его потребность в металлических изделиях, а также высказывал весьма любопытное пожелание: «Равномерным образом, не оставьте внушать им о умножении собственного рукоделья посредством машин и удобрения, дабы взаимно возрастающая торговля и усовершенствование продуктов умножили богатства их государства».

Нет большой беды в том, что П. К. Эссен наивно и примитивно понимал законы общественно-экономического развития, считая, что возникновение в средневековой Бухаре машинного производства зависит от красноречия заезжего дипломата. Для нас интересны и важны цели и пожелания этого важного и ответственного представителя царского правительства на азиатских рубежах. Наряду с изложенным военный губернатор считал целесообразным ознакомиться со «способами правления» ханством, числом городов, состоянием дорог и производительных сил, политической обстановкой и отношениями с соседними странами, возможностями открытия российского консульства¹⁵. Его внимание привлекало также наличие месторождений полезных ископаемых, характер монетной системы, создание пред-

¹⁵ Там же, папка 13, лл. 23—34.

посылок для приглашения в Бухару геологов и врачей из Российской империи.

В процессе подготовки миссии Негри выяснилась целесообразность включения в ее состав еще одного человека, участие которого в посольстве имело существенное значение с историографической точки зрения, а поэтому заслуживает быть отмеченным. Речь идет о крупном натуралисте Эдуарде Александровиче Эверсмане (1794—1860).

Еще 6 января 1820 г. Эссен обратился к Нессельроде с «особой запиской о докторе Эверсмане». В 1819 г. он, Эссен, «обозревая» Оренбургскую губернию, познакомился на златоустовском казенном заводе с доктором Эверсманом, служившим по контракту главным медицинским чиновником при тамошней оружейной фабрике. Этот врач решил отправиться из Троицка или Оренбурга с купеческим караваном в Бухару и, «проникнув любопытнейшие области независимой Татарии, возвратиться в Европу чрез владения английской Ост-Индской компании».

Узнав об этом, губернатор предложил ему принять поручения к «местным владельцам», а сам собрал у начальника златоустовских заводов обер-бергмейстера Фурмана сведения о личности Эверсмана. Они были вполне благоприятны. Выяснилось, что Эдуард Эверсман, уроженец и подданный Пруссии, сын обер-бергмейстера и «кавалера» Александра Эверсмана, долго служившего на родине, а затем в России по горной части, холост, двадцати четырех лет. Живет в Российской империи с 1814 г., обучался в различных немецких университетах и в Дерптском, очень образован, особенно в медицине и других естественных науках, что доказал за два года пребывания в должности главного врача златоустовской оружейной фабрики. Похвальной нравственности, честен, справедлив и добросовестен, а значит — сохранит «вверенные ему тайны». Характер имеет твердый и решительный.

Когда заинтересовавшийся генерал познакомился с Эверсманом, тот сообщил, что решил поехать из Берлина в Россию, и в частности в Оренбургский край, где находится уже три года, чтобы проникнуть с бухарским караваном в «малоизвестные земли верхней Азии». В течение первого года он изучал Уральские горы и Башкирию «в естественном отношении» и отправил в Берлин

два транспорта различных «естественных произведений», старательно овладевал русским и татарским языками и уже говорит на них.

Цель задуманного им путешествия сугубо научная. Еще Эверсман-отец обращался к министру внутренних дел за содействием в отправке сына в путешествие, но тот отклонил просьбу и намеревался послать в «Кашемир г-на Сальватори», который, однако, не выехал за границу. Стремления Эдуарда Эверсмана поддержали члены Петербургской Академии наук, но и их ходатайство не имело успеха. Между тем он ждал поручений правительства, а если их не будет, то, по его словам, пойдет с караваном «под видом русского или польского татарина и [будет] производить во время путешествия торговлю на небольшой капитал, который у себя имеет». Эверсман сказал, что окончательный маршрут зависит от обстоятельств и от пожеланий властей. При недостаточности капитала он нуждается в соответствующем пособии. Эссен закончил свою записку достаточно ясно: он предлагал «обратить сей случай на пользу торговых наших сношений с соседственными нам азиатскими областями»¹⁶. По «всепоподаннейшему» докладу Нессельроде 2 марта 1820 г. поездка Эверсмана в «азиатские области» была одобрена.

9 марта 1820 г. Александр I одобрил и словесную инструкцию внешнеполитического ведомства для путешественника. Ему вменялось в обязанность уделить время статистическим и политическим проблемам. Поскольку выбор конкретных мест и предметов изучения зависел от обстоятельств, «начальство ограничивается на том только, чтоб объяснить, какие части Азии наиболее заслуживают наше внимание по торговым выгодам, кои представляют для России, и какие сведения могут быть для нас полезны».

А именно: 1. Экономическое и политическое состояние Кокандского ханства, его естественные богатства, торговля, отношения с соседями. 2. Положение Туркестана и Ташкента. 3. «Известия о Бухарии, преимущественно торговля сего государства и его внешние отношения, между прочим к Хиве, Персии, авганцам и к Порте Оттоманской», личные качества эмира Хайдархана, наследника и министров, их расположение к Рос-

¹⁶ Там же, II—21, 66, 1820—2, лл. 1—7.

сии и пр. 4. Сведения о Сырдарье и Амударье, их источниках, направлении течения, судоходных возможностях, наличии окрестных лесов. «Сличение мест из древних писателей Страбона, Плиния и др... с новейшими сведениями о сплаве в свое время индейских товаров по р. Джигуну (т. е. Джейхуну, или Амударье. — Н. Х.) в Каспийское море, оттуда до устьев реки Куры и далее. Которую из рек, впадающих с левой стороны в Аму или Джигун, должно признать за древний Икар, реку, на которую нагружались на суда товары, шедшие из Индии в Европу; разрешение или по крайней мере ближайшая развязка известной проблемы о прежнем впадении Аму в Каспийское море и о последовавших переворотах, естественных или искусственных в направлении рукавов ее и устьев. 5. Древнейшие и новейшие известия, относящиеся до торговых караванных путей, идущих от берегов Каспийского моря в Индию и в сопредельные оной земли. 6. Обозрение известных в Бадагшане богатством своих рудников. 7. Положение, занятия, «особенно торговля», населения Афганистана, Северной Индии, Пенджаба, взаимоотношения народов этих стран, а также их отношение к британской Ост-Индской компании, к Китаю. 8. «Наблюдение, где в каких российских и вообще европейских произведениях имеют большую надобность».

Эти пункты, в которых с четкостью прослеживается первостепенное внимание царских властей к расширению экономических связей с государствами Востока, наметили направление деятельности Эверсмана. Помимо того, доктору надлежало осторожно распространять повсюду «справедливое мнение о терпимости русского правительства, о покровительстве, которым пользуются в России торгующие чужестранцы, и о важных выгодах, кои наипаче азиатцы от торговли с нашим отечеством всегда с верностью получить могут».

Путешественнику была обещана признательность властей за хорошее выполнение задания. «Если же сверх сих наблюдений успеет открыть новые, на здоровых заключениях основанные виды для укрепления связей наших по торговле с разными азиатскими народами и для споспешествования видам оной, наипаче с Верхней Азией, сие возвысит цену его заслуги»¹⁷.

¹⁷ Там же, лл. 11—15.

И дух и «буква» этого полусекретного наставления, которое Эверсману запретили брать с собой, «дабы не подвергнуться опасности»¹⁸, едины: они убедительно свидетельствуют о том, что развитие торговых отношений имело в этом мероприятии первостепенное значение для Петербурга и Оренбурга, т. е. тех пунктов Российской империи, в которых формировалась и формулировалась ее политика на Востоке. Именно этим целям — прежде всего им и на данном этапе только им — подчинялись и задачи, носившие своего рода разведывательный, осведомительный характер. Но сам Эверсман видел в своей поездке возможность послужить интересам науки.

Согласовав вопрос с Министерством иностранных дел и получив санкцию Александра I, оренбургский военный губернатор вызвал доктора к себе из златоустовских заводов, сообщил об одобрении его планов и познакомил со столичной инструкцией. Эссен с удовлетворением извещал Нессельроде, что Эверсман «проявил ревность, с какой желает... посвятить себя на пользу поручаемого дела и совершить путешествие, которого плоды могут быть немаловажны для видов нашей торговли и в особенности для успехов наук»¹⁹.

Из соображений безопасности генерал предлагал отправить его в путь вместе с дипломатической миссией в Бухару, чтобы оттуда Эверсман поехал дальше самостоятельно. Такая же мысль одновременно пришла в голову и Нессельроде, который полагал, что, с одной стороны, посольство получит врача, а с другой — Эверсман лучше справится с поручением, «когда он первоначально, под прикрытием конвоя, ознакомится с ближайшими к нам азиатскими народами и узнает ближе нравы и обычай их»²⁰.

10 октября 1820 г. А. Ф. Негри вместе с Э. А. Эверсманом, Е. Мейендорфом и другими спутниками, к которым присоединился еще один крупный натуралист — Х. Пандер, покинули Оренбург. Обоз миссии составляли 30 фур и 473 навьюченных верблюда. Здесь находились и обычные подарки эмиру и сановникам. Негри решил отправиться совместно с бухарским посланником диван-

¹⁸ Там же, л. 19. Письмо Нессельроде Эссену от 8 апреля 1820 г.

¹⁹ Там же, лл. 21—22. Отношение Эссена Нессельроде от 23 июня 1820 г.

²⁰ Там же, л. 23. Отношение Нессельроде Эссену от 19 июля 1820 г.

беги Азимджаном Муминджановым, но отдельно от какого-либо купеческого каравана, хотя несколько местных купцов и «мещан» присоединились к миссии.

Уже первые шаги посольства, если можно так выразиться, вызвали одобрительную реакцию оренбургского начальства: в 100 верстах от Оренбурга Эверсман открыл месторождения «земляного» и каменного угля. «Таким образом, — ликуя, информировал Эссен Нессельроде, — польза отправления миссии в Бухарию уже ощутительна при самом начале»²¹.

Это сообщение вызвало немедленную реакцию в столице. Министр финансов Д. Гурьев и директор Департамента горных и соляных дел Мечников уведомили военного губернатора, что они разделяют его мнение о большом значении открытия таких залежей для безлесного Оренбургского края и отправляют на дополнительную разведку сведущего офицера²².

Эссен не мог нарадоваться и доктором Эверсманом, который вместе с Мейендорфом и Пандером осмотрел устье Сырдарьи в 50 верстах от пути посольства. «...Я открываю в нем, — писал генерал директору Азиатского департамента К. К. Родофиникину, — человека с трудолюбивым, наблюдательным и просвещенным умом. Он... намерен прежде еще, нежели посольство выедет из Бухарии, отправиться с первым купеческим караваном чрез Кокан и Кашкар, а оттуда или проникнет в Тибет или возвратится в Россию через Семипалатинск, смотря по обстоятельствам»²³.

Тем временем посольство продвигалось вперед. 17 декабря 1820 г. в 44 верстах от г. Бухары оно было встречено визирем эмира и несколькими сотнями бухарской кавалерии. После обсуждения церемониала приема, 20 декабря, миссия вступила в столицу. А. Ф. Негри был принят во дворце эмиром Хайдар-ханом, которого он приветствовал по-персидски, представил членов посольства и вручил императорскую грамоту. Через десять дней руководитель миссии имел две продолжительные беседы с визирем. По первому впечатлению, дипломатическое путешествие имело полный успех. Хайдархан заявил: «Неприменно нужно, чтобы с той и другой стороны торговцы и караваны часто приезжали».

²¹ Там же, л. 26. Письмо от 10 ноября 1820 г.

²² Там же, л. 32. Отношение от 27 ноября 1820 г.

²³ Там же, л. 33. Отношение от 24 марта 1821 г.

И эмир, и его приближенные подчеркнули взаимную заинтересованность в безопасном движении караванов, обещая, что будут охранять своими войсками до Сырдарьи выходящие из ханства торговые обозы, а оттуда до Сибирской линии их должен сопровождать русский конвой. Они — без большой охоты — приняли предложение и о прибытии в Бухару консула Российской империи, считая излишним пребывание в России своего представителя (Негри приписывал это нежеланию расходовать на консула денежные средства).

Обсуждение вопроса о новом азиатском тарифе прошло относительно спокойно: посланник разъяснил, что этот тариф обязателен не только для бухарских, но и для русских и всех иностранных купцов, не забыв подчеркнуть, что царские власти оказывают всемерное содействие расширению торговых связей с ханством.

Негри удалось выкупить из неволи семь российских пленных, восемь человек прибежали скрытно сами²⁴. Бухарское правительство обещало запретить покупку похищенных в России людей.

Что касается общей обстановки в Бухаре и положения миссии, Негри сообщал Эссену, что там царит возмущение против Хайдар-хана, который не в состоянии защитить своих торговцев: пришло известие, что хивинцы разграбили два бухарских каравана, которые возвращались из Орска и Троицка. Члены посольства не пользуются полной свободой передвижения, их постоянно сопровождают местные чиновники. Хан и визирь жалуются, что «такая блестящая миссия привезла такие мелкие подарки и безделки», и выражают пожелание, чтобы Хайдар-хану подарили орудия²⁵.

В правительственных кругах России сложилось впечатление, что дипломатический вояж удался полностью. 24 марта 1821 г. Эссен подписал рапорт Александру I, отношения Нессельроде и Родофиникину, в которых восторженно отзывался о достигнутых результатах²⁶. Адресованное Родофиникину послание содержало даже

²⁴ Ко времени отправления миссии в Министерстве иностранных дел был составлен список русских невольников в Средней Азии, насчитывавший 242 человека. См. АВПР, СПб. Главный архив, 1—7, оп. 6, 1820—1, лл. 35—43.

²⁵ Там же, лл. 30—34, 93—94. Письма Негри Эссену от 15 января и 15 июля 1821 г.

²⁶ Там же, лл. 56—64.

пробный шар, пущенный оренбургским военным губернатором в столь радостной обстановке: а не пора ли силой унять хивинского правителя, набеги войск которого разрушают торговлю и нарушают «спокойствие» российских подданных?!

Однако такая оценка миссии Негри выглядит не совсем обоснованной. Да, бухарское правительство приняло все его предложения. Но эта позиция ничем не была ни закреплена, ни подтверждена. Никаких документов — договоров, соглашений, конвенций заключено не было. Правда, вначале предполагалось, что вместе с Негри и его коллегами двинется в Россию ответное посольство эмира. Но оно было снаряжено не скоро.

После трехмесячного пребывания в Бухаре, 23 марта 1821 г., миссия отправилась домой, 19 апреля переправилась через Сырдарью, и Негри писал Эссену: «Цель миссии — узнать Бухарию и изъяснить бухарцам благодетельные виды России, надеюсь, исполнена»²⁷. В середине мая дипломаты вернулись на родину, Негри известил оренбургского военного губернатора, что письменное подтверждение достигнутой договоренности вскоре доставит бухарский посланник²⁸. Отметим, насколько осторожно и неполно определял руководитель миссии поставленные перед ней задачи. Опытный дипломат, он, по всей вероятности, понял, что бухарское правительство, с относительной легкостью соглашавшееся с его предложениями, отнюдь не намерено быстро и энергично проводить их в жизнь.

Это было характерно для взаимоотношений России со среднеазиатскими ханствами и до посольства Негри, и после него. Местные феодальные правители, мало знакомые с буржуазным правом, не всегда придавали существенное значение итогам переговоров даже тогда, когда они были документально зафиксированы. И уж, во всяком случае, старались избегать письменного оформления достигнутых соглашений. А при оформлении не торопились осуществлять их.

Как бы то ни было, ожидавшийся представитель Хайдар-хана прибыл в Оренбург с соответствующим документом лишь через несколько лет, и разговор о нем будет вестись далее.

²⁷ Там же, л. 77. Письмо от 20 апреля 1821 г.

²⁸ Там же, лл. 93—94. Письмо Негри Эссену от 15 июля 1821 г.

Но мы на какой-то срок выпустили из поля зрения еще одного участника дипломатической поездки в Бухару, на которого возлагали столь большие надежды, — доктора Эверсмана. Что же он, направился ли в свое широко задуманное путешествие по загадочным и таинственным странам? Увы, нет.

Находясь в Бухаре, Эверсман уже готовил товары, чтобы с местным караваном отправиться в Кашгар, когда начальнику конвоя миссии капитану Циолковскому стало известно, что доктор «опознан». Его узнал видный бухарский купец и дипломат Назарбай Байкишиев, который с начала XIX в. не раз бывал в России и даже имел чин титулярного советника. Он якобы известил власти, что Эверсман не торговец, а лазутчик, и те распорядились умертвить его на границе ханства.

Дальнейшие размышления доктора по этому поводу хорошо излагает оренбургский военный губернатор: «Эверсман, рассудивши, что жизнь его бесполезно погибнет на сем пути, решился возвратиться с миссией в Россию, но поелику купцы всех соседственных с Бухарой стран в Бухаре его видели и могут всегда узнать, то те же самые обстоятельства ожидают его, если бы предпринял он новое путешествие с Сибирской линии на Ташкент, Туркестан и т. п.»

Все это приводило Эссена к горестному заключению: «Таким образом разрушился план сего предприимчивого молодого человека, которого нынешнее путешествие в Бухарию, конечно, не приносит всех ожидаемых плодов, потому что при миссии и кроме его были путешественники наблюдательные и ученые и те же самые сведения, какие сообщил Эверсман, вероятно, собраны и другими чиновниками миссии. Но когда я представлял о вспомоществовании ему, тогда я не имел в виду отправления в Бухарию нашего посольства...», — сообщал губернатор Нессельроде, прося «не поставить ему в обвинение» случившегося²⁹. Во всяком случае, выплата Эверсману экспедиционных расходов на 1821 г. была «остановлена до указаний».

Генерал зря оправдывался. Если доктору и не повезло и он по каким-то причинам не смог двинуться дальше, его участие в миссии не прошло бесследно.

²⁹ Там же, II—21, оп. 66, 1820—2, лл. 35—36. Отношение Эссена Нессельроде от 31 августа 1821 г.

И здесь мы подходим к результатам посольства, не имеющим прямого и непосредственного отношения к его торгово-политическим задачам.

Пожалуй, ни одно российское посольство, побывавшее до миссии А. Негри в Бухарском ханстве, не обогатило науку таким обилием разнообразных материалов об этом среднеазиатском государстве. Наличие среди посетивших Бухару специалистов различного профиля немало способствовало всестороннему изучению положения ханства в начале XIX в. и его истории. В течение пяти лет после возвращения дипломатов в Россию выходили в свет статьи и книги, рассказывающие об их впечатлениях и наблюдениях.

Одним из первых, как обычно, откликнулся на эту поездку оперативный Г. Спасский. Уже в 1821 г. он опубликовал в своем «Сибирском вестнике» «Известия о возвращении императорской российской миссии в 1820 году из Бухарии»³⁰. Под характерным заголовком «Новое путешествие россиян в Бухарию по делам, торговли касающимся», отозвался по этому поводу «Исторический, статистический и географический журнал»³¹. Большую «выписку из партикулярного письма» под названием «Вести от русских из Бухары» поместил «Вестник Европы»³². В нескольких номерах «Отечественных записок» печатались «Некоторые сведения о Бухарии. (Получены из достоверных источников)»³³.

Словно стремясь оправдаться в неудаче своих экспедиционных планов, очень быстро написал книгу о поездке в ханство Э. Эверсман. Изданная в Берлине на немецком языке³⁴, она состояла из двух разделов. Первый был посвящен в основном пути в Бухару и имел «естественный» уклон: здесь содержится множество ботанико-геологических сведений; но автор приводит также этнографический и археологический материалы, рассказывает о быте и нравах казахских племен и родов, остатках разрушенных городов и т. п.

³⁰ «Сибирский вестник», 1821, ч. 15, стр. 52—54.

³¹ «Исторический, статистический и географический журнал», 1821, стр. 138—140.

³² «Вестник Европы», т. CXVII, 1821, № 7—8, стр. 257—270.

³³ «Отечественные записки», 1821, 6, кн. XII, стр. 40—49; кн. XVI, стр. 295—318; кн. XVII, стр. 202—212.

³⁴ E. E. Eversman, Reise von Orenburg nach Buchara, Berlin, 1823, стр. 150+40.

Второй раздел — история (не очень подробно) и современное состояние Бухары: ее планировка и архитектура, духовные и торговые учреждения, особенности торговли (Э. Эверсман рассматривает наличие товаров различного происхождения: английских, российских, персидских, казахских и др.). Внимание ученого привлекают флора и фауна, занятия населения, санитарные условия его жизни (отмечается изрядное количество больных и нищих). Небезынтересны лингвистические заметки Эверсмана, подчеркивающего, что основным языком жителей является таджикский (по его терминологии — персидский).

В 1822 г. другой член миссии А. Негри, Егор (или Георгий, как иногда пишется) Мейендорф, передал в журнал «Северный архив» заметку «Краткое начертание путешествия Российского посольства из Оренбурга в Бухару в 1820 году»³⁵. В течение последующих лет он трудился над монографией на эту тему, напечатанной на французском языке в Париже³⁶. Весьма объемистая, она лишь на три пятых принадлежит перу Мейендорфа, остальное составляют приложения, которые имеют самостоятельное значение.

Авторский текст делится на три части. Как и в работе Э. Эверсмана, первая касается Казахстана, его родов и племен, их административного устройства, обычаев, образа жизни и пр. Вторая часть — изложение географических данных о Средней Азии, ее рельефе и климатических условиях, водных ресурсах. На основании бесед с различными людьми Е. Мейендорф рассказывает о многих городах Средней Азии, Афганистана и Восточного Туркестана, о связывающих их дорогах.

Бухарскому ханству посвящена третья часть книги. Находящийся здесь материал во многом переключается с тем, какой был сообщен Э. Эверсманом, но отличается определенной детализацией, живостью изложения, вниманием к отдельным мелочам, не лишенным научного и практического интереса. Автор с увлечением излагает сведения о различных городах и селениях — Самарканде и Мерве, Катта-Кургане и Вабкенте, Чарджуе,

Каракуле и других, уделяя особенное внимание главному городу ханства — Бухоро-и-Шериф (Благородной Бухаре), его истории и планировке, национальному составу населения, его промыслам, сельскохозяйственным занятиям окрестных жителей.

Если натуралиста Э. Эверсмана интересуют прежде всего природные ресурсы, растительный и животный мир посещенных земель и т. п., то Е. Мейендорф останавливается на административном устройстве Бухарского ханства, сложной системе придворных чинов и званий, состоянии войска, внешней и внутренней торговле. Он отмечает развитие экономических связей этого среднеазиатского государства, называя в качестве его партнеров как Россию, так и различные страны Востока, в том числе Индию, Афганистан, Персию, Кашгарию, соседние ханства и др.

Быт и нравы бухарцев так же не выпали из поля зрения Мейендорфа, как и окружающие их природно-географические условия.

Ценность рассматриваемого издания, являющегося во многом одним из первых подробных источников по различным сторонам жизни Бухары, увеличивается четырьмя «прибавлениями». Три из них сравнительно невелики. Это — «Описание бухарских монет» и «Заметка о торговых путях из Семипалатинска в Кашмир, через город Аксу, Яркент и Тибет» известного востоковеда первой половины XIX в. О. И. Сенковского («Заметка...» представляет собой публикацию персидского текста и комментарии к нему) и «Описание медальона, привезенного из Бухары бароном Г. Мейендорфом», принадлежащее перу М. Кёлера.

Четвертое «прибавление» составляет почти треть всей книги (более 160 стр.). Это — труд второго натуралиста, сопровождавшего посольство, — Х. Пандера «Естественно-историческая (натуральная) история Бухары. Описание страны, заключенной между Оренбургом и Бухарой». Исследователь рассматривает геологические особенности местности и приводит ботанические и зоологические данные.

Труд Г. Мейендорфа вызвал столь большой резонанс в научном мире, что в том же, 1826 году в Йене вышло и его немецкое издание.

К огромному сожалению, на русском языке он в полном виде так и не появлялся, хотя в некоторых журна-

³⁵ «Северный архив», 1822, № 2, стр. 184—193.

³⁶ G. Meyendorff, Voyage d'Orenburg a Boukhara fait en 1820, Paris, 1826, стр. 508.

лах печатались отдельные отрывки из этой книги, подчас довольно обширные³⁷.

Работы Э. Эверсмана и Е. Мейендорфа вызвали высокую оценку специалистов естественнонаучного направления, в частности И. В. Мушкетова³⁸, но подробному анализу со стороны востоковедов не подвергались.

Чтобы завершить краткий обзор результатов миссии А. Негри с точки зрения пополнения сведений о Бухарском ханстве, необходимо отметить, что кроме публикации еще некоторых не упомянутых заметок ее участников ученый мир обязан ей ознакомлением с интереснейшей восточной рукописью «Тарих-и Мукими-хани» («Мукимханская история»). Эта рукопись была издана в переводе на французский язык О. И. Сенковским и «долгое время, — по словам В. В. Бартольда, — оставалась для европейцев единственным источником для истории Бухарского ханства»³⁹.

Политико-экономические итоги экспедиции А. Ф. Негри и связанное с ней развитие русско-бухарских отношений отражены в письме К. В. Нессельроде министру финансов Е. Ф. Канкрину. 10 июня 1824 г. Канкрин запросил у своего коллеги торговый договор с Бухарой «или особые о торговле постановления, заключенные в недавнее время или в 1820 г.»⁴⁰ (т. е. при поездке в ханство Негри).

Ответ гласил, что торговые отношения с Бухарой «не имеют иного основания и обеспечения, кроме дружественных связей, существующих издавна между Россией и сим владением». Ханские власти согласились при-

³⁷ См., например: «Северный архив», 1825, ч. 24, стр. 395—401; 1826, ч. 23, стр. 161—162, ч. 24, стр. 72—75, ч. 25, стр. 178—194; «Московский телеграф», 1826, ч. X, № 15, стр. 231—239, ч. XI, № 16, стр. 48—62; «Журнал мануфактур и торговли», 1832, № 6, стр. 83—105; «Казанский вестник», ч. 18, 1826, кн. 12, стр. 233—259. Много места отвел материалам посольства «Азиатский вестник» (1825, кн. 1, стр. 3—15, кн. 2, стр. 75—80, кн. 4, стр. 231—240, кн. 5, стр. 304—311, кн. 6, стр. 374—380).

³⁸ И. В. Мушкетов, Туркестан, т. I, ч. I, СПб., 1886, стр. 82—85; В. И. Липский, Флора Средней Азии, ч. II, СПб., 1903, стр. 249—337.

³⁹ В. В. Бартольд, История изучения Востока в Европе и в России, СПб., 1911, стр. 222. В 1957 г. в Ташкенте эта книга вышла на русском языке в переводе А. А. Семенова: «Мукимханская история (Тарих-и Мукими-хани Мухаммед Юсуфа Мунши, пер. с тадж., с предисловием, примечаниями и указателями).

⁴⁰ АВПР, СПб. Главный архив, II—3, оп. 34, 1824—3, л. 1.

нять русского консула, который «будет ослаблять, сколько возможно, самопроизвольность правительства бухарского против торговцев наших». Однако отправка туда чиновника «замедлилась... по возникшим обстоятельствам». Вражда между Бухарой, Хивой и «Малой Ордой» продолжает препятствовать развитию торговли. Чтобы урегулировать вопрос, предпринимаются некоторые шаги. В частности, вызов на границу представителей всех заинтересованных сторон для установления мирных отношений⁴¹.

Министр иностранных дел в своем ответе выходил за рамки запроса руководителя российских финансов и, как бы ощущая вину за недостаточное политическое обеспечение расширения экономических связей, стремился подчеркнуть свою активность в этом направлении (проектируется «отправка чиновника» в Бухару, на границу «вызываются делегаты»). Но все это было явно недостаточным. Это понимали и в Петербурге, и особенно в Оренбурге. Требовались более энергичные меры. Одной из них стало снаряжение нового торгового каравана.

⁴¹ Там же, лл. 2—4. Отношение от 21 июня 1824 г.

Караван С. Циолковского

Относительный успех поездки миссии А. Негри в Бухарское ханство, а также препятствия на пути расширения выгодных для Оренбургского края торговых связей со среднеазиатскими ханствами привели местное начальство к необходимости разработки специальных мер для их обеспечения. Военный губернатор П. К. Эссен запросил у центральных властей санкции на осуществление намеченных им планов.

«Вашему сиятельству известно,— жаловался он 6 июня 1823 г. К. В. Нессельроде,— сколько в продолжение нахождения моего в Оренбургском крае употреблено мною старания к распространению торговых связей с областями Средней Азии. Не могу достаточно изобразить Вам... колико после приведения торговли здешней в должное ей движение, огорчительно мне было видеть оное ослабевающим... Я непрестанно изыскивал средства к утверждению торговли нашей с азиатскими областями на прочном основании».

Наконец Эссен, торжествуя, сообщал, что нашел «верные способы отвратить все препоны, доселе торговле полагаемые, и возвести ее в цветущее состояние». Генерал просил «признать... усердие», проявленное им «для произведения государственной и частной пользы от упрочения здесь внешней торговли...»¹.

Что же это был за план, представленный в ведомства иностранных дел и финансов и названный: «Мнение оренбургского военного губернатора генерала-от-инфантерии Эссена 1-го о устройстве заграничной торговли в Оренбургском крае на прочном основании»?²

Эссен подчеркивал, что развитие внешней торговли Оренбургского края всегда было для него «предметом

особенных забот и попечений», и «надеялся усилиями своими постепенно вести ее к состоянию цветущему». Серьезнейшей помехой, однако, явилось отсутствие безопасности на караванных путях. Губернатор внимательно изучил вопрос и пришел к следующим выводам. Оренбургская «заграничная торговля» имеет две отрасли. Первая — торговля «с киргизцами»: обмен хлеба и товаров на их скот. Российские купцы в ней мало активны из-за ее «непостоянности», малой доходности в связи с большим числом «мелочных» участников и серьезной конкуренцией хивинских предпринимателей. Вторая отрасль — торговля с оседлыми народами Средней Азии, а через них — с афганцами, индийцами, персами, китайцами. Она тоже недостаточно развита. Среди причин этого — «совместничество (т. е. соперничество. — Н. Х.) российских купцов и лишние расходы их в сравнении с азиатцами, именно: подати с капиталов, двойная пошлина, взимаемая в землях азиатских, и условия займа составляют важные для них невыгоды, увеличиваемые преимуществами, предоставляемыми азиатцам в России, из которых важнейшее есть позволение им торговать внутри Империи».

Военный губернатор считал целесообразным обеспечить безопасность движения караванов и «по крайней мере» уравнивать выгоды российского купечества с «выгодами азиатцев». Он приводил убедительные свидетельства прибыльности для государства внешней торговли Оренбурга. В 1818 г., когда на торговых дорогах царил покойствие, казна «с таможен Оренбургской и Троицкой получила доход 667 тыс. руб.»; в 1822 г., когда положение «в степи» обострилось, этот доход составлял лишь 212 тыс. руб. Казна теряет ежегодно 455 тыс. руб. — делал вывод Эссен.

Отправление в Бухару и обратно 282 военных обойдется не дороже 125 тыс. руб. Если правительство решит охранять таким количеством караваны, то казна ежегодно выиграет более 300 тыс. руб. Но этим воспользуется прежде всего азиатское купечество, с товаров которого можно взыскать 6% в интересах российских купцов. Добиться от бухарского хана уравнивания по взимаемым пошлинам русских торговцев с мусульманскими не удастся. Надо завести собственных верблюдов с обслуживающим персоналом из вооруженных казаков или калмыков. А главное — надо, чтобы купцы

¹ АВРП, СПб. Главный архив, II—3, оп. 34, 1823—3, лл. 1—2.

² Там же, лл. 3—10.

объединились в торговую компанию в Оренбурге. Это даст большие выгоды.

Судоходство по Сырдарье, Амударье и Аральскому морю откроет удобный путь в Коканд, Хиву, Бухару и даже в Индию. «Колония (т. е. укрепленный пункт.— Н. Х.) при Сырдарье, обнесенная глиняной стеной, умножит количество ввозимой в Россию и нужной ей хлопчатой бумаги, положит основание цветущему городу, и со временем торговля здешняя, не подчиненная политическим обстоятельствам и влиянию иностранных держав, будет снабжать отечество наше большей частью колониальных товаров, сделавшихся для нас необходимыми».

Каковы же задачи правительства? Они невелики. Следует лишь разрешить основать компанию и наряжать конвой для караванов. Если оно к тому же позволит «завести несколько укрепленных селений» между Сырдарьей и Оренбургом, то «устройство торговли» получит последовательность, П. К. Эссен сообщал о составлении им правил для Оренбургской Азиатской компании, в основе которых лежали утвержденные царем незадолго до того — 13 сентября 1821 г. — правила Российско-Американской компании (не исключено, что это утверждение серьезно стимулировало работу оренбургских властей над своим проектом). Одну из задач предполагаемой компании губернатор сформулировал достаточно четко: «Обратить Индейский торг к нашим пределам».

Представленный в Петербург проект организации компании был весьма любопытен. Она учреждается в Оренбурге для торговли со Средней Азией с первоначальным капиталом в 6 млн. руб. ассигнациями. Ее участниками должны были быть прежде всего российские купцы, потерпевшие убыток во внешней торговле. Весь капитал делился на 12 тыс. акций по 500 руб. Право голоса получал имеющий не менее 10 акций.

Правление компании ежегодно отчитывается перед оренбургским военным губернатором, который публикует отчет для общего сведения. Компания должна стремиться «к общей государственной пользе»; она информирует военного губернатора о своих делах, знакомит народы Азии «с достоинством Российской нации, предлагающей им дружбу и связи соседства». Оренбургское на-

чальство обеспечивает караваны компании военным прикрытием, а она платит жалованье конвойной команде и доставляет ей провиант и фураж. Контроль за действиями компании и выполнением ее обязанностей перед правительством возлагается на военного губернатора³.

Опасаясь, видимо, что купечество может не прельститься этими не очень большими выгодами, П. К. Эссен прилагал к изложенному плану «Проект привилегий Оренбургской Азиатской компании на 30 лет»⁴. Основное место занимало в них исключительное право заграничной торговли по Оренбургской линии — от крепости Звериноголовской до Каспийского моря. Для прикрытия караванов местные власти наряжают конвойные команды (300—400 человек) с двумя орудиями (на содержании и довольствии компании), причем пользующиеся прикрытием азиатские торговцы вносят ей определенный процент со своих товаров на издержки.

Компания обязана заботиться о расширении сбыта российских товаров и должна создавать фабрики и заводы для развития нынешних торговых связей; она может завести близ Сырдарьи «посевы хлопчатой бумаги», караван-сарай и другие службы и предприятия «на всем пространстве киргизских степей», между Сырдарьей и Уралом.

Для Оренбургского края, благосостояние которого, как не раз подчеркивалось, зависело от экономических связей с Казахстаном и Средней Азией, обеспечение этих связей имело жизненное значение. Отнюдь не случайно проекты их улучшения возникали почти одновременно и во многом были сходны между собой. Так, примерно через три недели вслед за П. Эссенем, 18 июля 1823 г., член Оренбургской пограничной таможни В. Звенигородский представил свои «Замечания о торговле с азиатцами»⁵.

Начинались «Замечания...» достаточно многозначительно: «Торговля с Средней Азией составляла всегда одну из важных и полезных ветвей российской промышленности». Звенигородский опровергал появившиеся в печати утверждения, будто стоимость привозимых товаров никогда не превышала 10 млн. руб. Кто-то из авторитетных членов Министерства иностранных дел (мел-

³ Там же, лл. 18—29.

⁴ Там же, лл. 31—38.

⁵ Там же, лл. 3—16.

кая сошка не могла бы себе этого позволить) отметил на полях документа: «Но 10 миллионов—хорошее дело».

Автор считал нецелесообразным строительство укреплений на Сырдарье, Мангышлаке или Тюп-Карагане. Единственное средство обеспечения торговли, утверждал он, организация вооруженных караванов. «Мера сия,— подчеркивал Звенигородский,— предпринята была еще в 1808 году» (новая помета: «Я и прежде сказал»). В такие караваны следует привлекать всех купцов и взимать с них соответствующие проценты на содержание охраны.

Как видим, проекты оренбургского военного губернатора и таможенного чиновника были весьма сходны.

29 декабря 1823 г. предложения генерала Эссена рассматривались Азиатским комитетом в его обычном составе: начальник Главного штаба И. Дибич, К. Нессельроде, Е. Канкрин, В. Ланской, М. Сперанский. Кроме материалов губернатора комитет ознакомился с мнением о среднеазиатской торговле полковника Берга, посланного в Оренбург с военно-политическими заданиями, и члена Оренбургской таможни Звенигородского.

Берг поддерживал проект Эссена, а Звенигородский, как отмечалось, возражал против создания укреплений на Эмбе, Мангышлаке и Тюп-Карагане, «как равно на Сырдарье и Кувандарье». Работник таможни высказывался за обеспечение караванов конвоем из тысячи человек, собирая за это с «отвозных» товаров по 3% и с привозных по 2%.

Решение комитета начиналось весьма внушительно: «Комитет по важности вышеизложенных представлений имел по оным внимательное суждение...» Исходными позициями для решения проблемы, судя по «Журналу» комитета, были следующие: «... торговля с Бухарией, во многих отношениях и особенно для сбыту произведений Уральского хребта весьма выгодная, в разные времена от хищения хивинцев и киргизов подвергалась на пути в Бухарию опасности и разорительным убыткам»; эти трудности в последние годы увеличились, «и ход караванов от одного года к другому терпит более затруднений»; собственно, одной из главных причин отправки миссии А. Негри было «именно изыскание способов к удостоверению и подкреплению торговых связей», и со стороны бухарских властей «получены обнадеживания в благосклонном приеме караванов», хотя это правитель-

ство не взяло на себя обеспечение их передвижения, предоставив России задачи сопровождения и защиты торговых обозов.

Для выхода из затруднительного положения имеется два способа. Один из них предложен генералом Эссеном: создать «правильную торговую компанию». Она будет избирать начальника каравана и содержать на свой счет военный отряд на пути в Бухару и обратно. Такой подход был бы наилучшим, но неизвестно, согласятся ли с ним купцы. К тому же для его реализации необходимо продолжительное время, тогда как «ежегодное движение караванов не терпит отлагательства и требует настоятельных мер».

Поэтому сначала надо испробовать другой способ: снабдить обычные караваны военным конвоем на казенный счет, а расходы возместить некоторым увеличением пошлины на вывозимые товары.

Окончательное решение гласило: предписать оренбургскому военному губернатору предложить торговцам (в виде проекта) сформировать соответствующую компанию и, если окажется достаточное количество желающих, сообщить об этом в столицу для утверждения. А пока, не дожидаясь полного разрешения вопроса, раз в год обеспечивать торговые караваны вооруженным конвоем в оба конца, причем военный отряд не должен входить в Бухару, а обязан в течение 10—13 дней ожидать поблизости, когда сформируется и выйдет оттуда караван. Эссеноу поручалась разработка правил для действия конвоя⁶.

Бюрократическая машина раскручивалась чрезвычайно долго. Между первоначальным письмом генерала и заседанием Азиатского комитета прошло более полугода. Понадобилось еще три месяца, чтобы Нессельроде сообщил в Оренбург о постановлении комитета, утвержденном Александром I (царь увеличил на первый раз до 30 дней сроки ожидания конвоем «обратного выхода» каравана). Министр иностранных дел призывал безотлагательно оповестить купцов о предоставлении им вооруженной охраны и о заблаговременном назначении места сбора⁷.

⁶ Там же, I—1, оп. 781, д. 489, лл. 304—313.

⁷ Там же, II—3, оп. 34, 1823—3, лл. 41—44. Письмо Нессельроде Эссеноу от 31 марта 1824 г.

Хотя царские власти не торопились, их отношение к делу явно свидетельствовало о большой заинтересованности в его исходе. Значительную активность развил Эссен. Он немедленно оповестил российских и среднеазиатских купцов о предоставлении каравану вооруженной охраны до Бухары и обратно, сообщив об этом даже военным генерал-губернаторам Петербурга и Москвы, а также гражданским губернаторам соседних с Оренбургом провинций. Особые оповещения были посланы бухарскому эмиру Хайдар-хану и его кушбеги для сведения местных торговцев. Пунктом сбора был назначен Оренбург, сроком отправления — октябрь 1824 г.

Для разработки правил снаряжения и действия военного отряда Эссен организовал Особый комитет. В него вошли состоявший при губернаторе для особых поручений полковник Циолковский, командир конвоя недавней миссии в Бухару, управляющий Оренбургской таможней Молчанов, начальник инженеров Отдельного Оренбургского корпуса инженер-подполковник Генс (будущий многолетний председатель Оренбургской пограничной комиссии) и управляющий пограничной канцелярией Оводов.

Особый комитет предложил составить охрану каравана из роты пехоты и двух с половиной сотен казаков при одном единороге и двух пушках. Начальник конвоя не должен вмешиваться в торговые дела каравана; для этого выбираются два караванных начальника — один от русских купцов, другой — от чужеземных; каждый обязан следить за поведением «своих» торговцев. Расходы на содержание военного отряда намечалось покрыть, получая 5,5% пошлин с вывозимых товаров сверх взимаемого по тарифу 1% и с вымениваемых по Линии баранов. Участие в торговой операции предполагалось разрешить не только купцам I гильдии, но и оренбургским купцам II и III гильдии.

Эссен полностью согласился с этими предложениями⁹. Он возлагал немалые надежды на успех задуманного предприятия. Об этом убедительно свидетельствует текст распространявшегося от его имени официального оповещения, которое вполне заслуживает подробного изложения: «К отвращению препятствий и грабежей,

⁹ Там же, лл. 47—52. Письмо Эссена Нессельроде от 11 июня 1824 г.

коим доселе подвергались купеческие караваны в степи, признано необходимым принять надежные средства защиты для заграничной торговли здешнего края собственной нашей воинской силой.

Вследствие того высочайше повелено давать из войск, состоящих в моем распоряжении, конвой единожды в году караванам, отходящим с линии и, сопроводив оный до Бухары, принимать идущий в Россию и с сим уже возвращаться».

Губернатор сообщал далее, что конвой будет сформирован из такого числа войск с артиллерийскими орудиями, «какое может служить купеческим караванам в следовании их защитой непреодолимой». Находившиеся в Оренбурге российские и азиатские купцы призывались «благовременно... заготовить товары и изделия для отправления в Бухарию при настоящих благоприятных обстоятельствах, когда движению караванов через степи ничто препятствовать не будет под охраной царских войск». Залинейным торговцам предлагалось известить соотечественников «о сей особенной милости, оказываемой купечеству, чтоб они приготовили караваны, назначенные для отправления на линию нашу, к тому времени, когда прибудет конвой в Бухарию»⁹.

Не все в Петербурге разделяли оптимизм оренбургского начальства. Так, министр финансов Е. Ф. Канкрин, от которого, разумеется, многое зависело в осуществлении намеченного плана, вернул в Министерство иностранных дел «бумаги о караване» вместе с «некоторыми сведениями, полученными от г. Бибикова»¹⁰.

Д. Бибилов, исполнявший обязанности директора Департамента внешней торговли, скептически расценивал подготавливавшееся мероприятие. «Мне кажется, — писал он, — что вся посылка каравана будет в пользу бухарских купцов, и можно почти быть уверенным, что российское купечество, не предвидя себе никакой выгоды, не отправит своих товаров».

В специальной «Записке о препровождении караванов воинским отрядом» от 28 июня 1824 г. Бибилов вы-

⁹ [Е. Кайдалов], Караван-записки во время похода в Бухарию российского каравана, под воинским прикрытием, в 1824 и 1825 годах, веденные начальником оного каравана над купечеством Евграфом Кайдаловым, ч. I, М., 1827, стр. VII—XIV.

¹⁰ АВПр, СПб. Главный архив, II—3, оп. 34, 1823—3, л. 182. Письмо Е. Ф. Канкрин в Министерство иностранных дел от 28 июня 1824 г.

«сказывал сомнения в том, что отправленный в Бухару Негри «домогался» от местных властей обеспечения вооруженной охраны торговцев до Сырдарьи. Он указывал, что созданный в Оренбурге комитет планирует сопровождение караванов до самой Бухары, т. е. больше половины дороги от Сырдарьи (или 20 дней езды на верблюдах). Но хватит ли корма для лошадей и верблюдов?»

Кроме того, бухарцы, располагая правом торговли наравне с русскими в пределах империи, узнали цены «своим и нашим товарам» и пользуются преимуществом перед отечественными предпринимателями, продавая ост-индские и прочие изделия в городах России «из первых рук». Поэтому бухарское правительство «всегда будет находить пользу в том, чтобы не допускать российское купечество производить торг в самой Бухарии. В сем положении торговли, к чему и для чего нужен вооруженный караван?» — вопрошал руководитель Департамента внешней торговли.

Он не ограничивался скептическими замечаниями, а выдвигал и конструктивные предложения. «По нынешнему упадку оренбургской торговли не вооруженный караван способен оную восстановить, но прочное вновь образование азиатской торговли, начав с деятельных мер к уничтожению сильного влияния Хивы». Это ханство за последние годы очень расширилось и усилилось. «Сии значительные покорения произвели на торговлю столь великое влияние», что хан Мухаммед Рахим контролирует все пути из Бухары в Оренбург. Он «основал из земли новое государство, владычествующее над торговлей, угрожающее Бухарии падением, а многим племенам киргизов совершенным покорением»¹¹.

Бибиков не делал каких-либо выводов, но было ясно, что он считал преждевременным план генерала Эссена, пока хивинские войска угрожают развитию среднеазиатской торговли России. Отсутствие четких выводов и категорических возражений, впрочем, легко объяснимо: ведь намеченные оренбургским военным губернатором шаги были апробированы Азиатским комитетом и получили «высочайшее одобрение».

Шла вперед подготовка к их осуществлению. Департамент Государственного казначейства известил дирек-

тора Азиатского департамента, что необходимые для содержания караванного конвоя 10 тыс. «червонных» отпустит главное казначейство, а 112 тыс. руб. ассигнациями — оренбургская казенная палата, но для выдачи этих средств необходим «высочайший указ»¹².

1 августа 1824 г. вопрос опять рассматривался Азиатским комитетом. Поскольку он считался в принципе решенным, члены комитета занялись изучением способов действия. Пунктом соединения караванов, как и начал Эссен, был окончательно определен Оренбург — «средоточие тамошней линии» и «местонахождение главного начальства»; сроком отправления — начало ноября, чтобы прибыть под Бухару в начале января, к 1 марта двинуться назад и весной достичь Оренбургской линии. Во время двухмесячной стоянки лагерь конвоя должен находиться на указанном местными властями расстоянии от Бухары, соблюдая «самую строжайшую дисциплину, как в военном отношении, так и в обращении с жителями».

Предписывая генералу Эсену снабдить командира отряда подробной инструкцией, Азиатский комитет подчеркивал: «Сохранение согласия и благоустройства в караванах и сопровождающем оные конвое, справедливое и ласковое обращение с киргизами и, наконец, осторожное поведение и единодушное производство торгового дела с иностранцами в Бухарии — должны быть главнейшими предметами означенной инструкции».

Смета расходов была утверждена в размере 223 532 руб. 47,5 коп. (в том числе — 10 тыс. «червонных»). Комитет отверг мнение оренбургского начальства о возврате издержек за счет увеличения до 5,5% пошлины на вывозимые товары. «Судя по нынешнему упадку торговли на Оренбургской линии, — гласит журнал заседания, — купечество найдет такое возвышение пошлины обременительным» и откажется от охраны или вовсе прекратит торговлю «по степям».

Поэтому было решено увеличить пошлину на привозимые и отпускаемые товары лишь до 2,5% с тем, чтобы военный губернатор через директора Оренбургской таможни внушил купцам, что военное прикрытие караванов «предприимается единственно для ограждения частных оборотов купечества, а потому оно не должно

¹¹ Там же, лл. 185—189.

¹² Там же, л. 196. Письмо от 14 июля 1824 г.

вменять себе в какой-либо ущерб, за такое обеспечение их капиталов, разделять издержки, употребляемые казной на снаряжение отряда».

Комитет нашел «неудобным» и мнение генерала Эссена о пополнении казенных затрат путем сбора по 10 коп. с каждого обмениваемого казаками барана, поскольку это даст лишь небольшую сумму, а пошлина будет «затруднительна для киргизов». В то же время «усиление на линии торговли баранами понизит цену на оных и, следовательно, доставит большие выгоды для купеческих оборотов и для казенных сборов в другом направлении».

Поэтому участники заседания сочли целесообразным разрешить купцам Оренбургской губернии II и III гильдий торг с «азиатскими областями». Этому было дано характерное обоснование: «Дозволение сие, поощрив низшие классы купечества к торговым предприятиям, усилит количество отпускаемых товаров, а с тем вместе умножит сумму полагаемого ныне процентного сбора на содержание караванного конвоя». Но такое разрешение ограничивалось пятилетним сроком, чтобы не пострадало купечество I гильдии.

Журнал Азиатского комитета убедительно свидетельствует о большой заинтересованности правящих кругов Российской империи в развитии экономических связей со Средней Азией, об их готовности идти на определенные материальные затраты для достижения этой цели. Несравненно живее заработала и бюрократическая машина. 7 августа 1824 г. Александр I издал указ об ассигновании 223,5 тыс. руб., 9 августа Канкрин уже сообщал Нессельроде, что он немедленно предписал главному казначейству отпустить средства, а 12 августа главное казначейство информировало Азиатский департамент, что валюта, в том числе 10 тыс. голландских червонцев весом около двух с половиной пудов, выдана фельдъегерю Поповичу для доставки в Оренбург¹³.

На следующий день, 13 августа, министр иностранных дел подготовил послание Эссену о решениях Азиатского комитета и об отправке денег. Нессельроде особо подчеркивал значение предпринятых шагов. «Таковые меры, приемлемые правительством для возвышения оренбургской торговли с Верхней Азией, и ваши мест-

ные распоряжения к успешнейшему исполнению оных, должны возбудить в российском и иностранном купечестве предприимчивость, собственными их выгодами внушаемую, воспользоваться сим случаем и не допустить, чтобы настоящие предположения остались втуне подобно тому, как сие случилось в 1809 году. Нынешнее отправление каравана из Оренбурга в Бухарию и обратно в сопровождении военного конвоя, а равно счастливые последствия сего распорядка для торговли и самых сношений наших с народами Средней Азии — должны послужить опытом в рассуждении дальнейших предприятий сего рода».

Нессельроде просил уведомить его о выступлении каравана, переходе через «киргизские степи» и возвращении на Линию. Он считал необходимым сообщить обо всем этом правителю Бухарского ханства, «представляя ему меру сию в виде нового знака попечительства Российского правительства о поддержании успехов торговли, производимой бухарским купечеством, и об ограждении собственности оного от грабительства хищников в степях».

По мнению дипломата, надлежало ходатайствовать перед эмиром Хайдар-ханом, чтобы «равное покровительство было от него оказано нашему купечеству и сопровождающему оное конвою в пределах Бухарии и чтобы в сем случае подданные российские пользовались защитой и пособиями, соответственно взаимной дружбе и согласию, существующим между Россией и Бухарским владением»¹⁴.

Оренбургский военный губернатор, получив это письмо и деньги, поблагодарил министра за содействие и обещал использовать все возможности для оживления оренбургской торговли с Верхней Азией. Он сообщал также, что купечество губернии, соседних областей, Москвы и Нижнего Новгорода извещено о предоставлении ему «срочного права» активно участвовать во внешней торговле, и многие торговцы Оренбурга и Троицка заинтересовались этим, так что есть надежда собрать большой караван, вполне заслуживающий воинского прикрытия. С Линии уже вызваны казахские возчики и проводники¹⁵.

¹³ Там же, лл. 206, 211, 216.

¹⁴ Там же, лл. 220—225.

¹⁵ Там же, лл. 230—231. Письмо от 26 августа 1824 г.

28 октября 1824 г. Эссен утвердил инструкцию караванному начальнику. Ему поручалось следить, чтобы российские купцы сохраняли единодушие в торговых операциях в Бухаре, вели себя осторожно и честно и не допускали каких-либо «беспорядков». «В особенности поставляю вам на вид, — отмечалось далее, — что успех в настоящем предприятии и в будущих сего рода зависит от благонравного и честного поведения там купцов наших, приказчиков и работников их. Хотя оное везде должно отличать купечество, но в стране чужой и отдаленной благонравные и честные поступки купцов необходимы для собственной их пользы и для приобретения им и соотечественникам их выгодного мнения у азиатцев, с коими они по торговле будут иметь дело.

Посему на вашу заботливость и попечение возлагаю иметь за сим наблюдение; не допускать со стороны наших купцов никакого обмана в счете, весе и мере и вообще стараться, чтобы сохранение доброго согласия с жителями было первым правилом каждого русского торговца»¹⁶.

На первых порах формирование каравана встретило некоторые трудности. С Нижегородской ярмарки купцы успели разъехаться, не ознакомившись как следует с извещением оренбургского военного губернатора, тогда как местные торговцы, прекратившие в последние годы отправку товаров в ханства Средней Азии, как жаловался Эссен Нессельроде, еще не осознали по-настоящему, каких результатов можно ожидать от попечения властей. К тому же казахи, занимавшиеся «извозом караванов», откочевали далеко от Линии.

Тем не менее караван составил изрядный: по предварительным данным, из Оренбурга товары должны были пойти на 370 верблюдах (66 из них принадлежали бухарским и ташкентским торговцам, которые намеревались отделиться в пути от общего каравана и направиться в Хиву), из Троицка — на 580 верблюдах, из Орской крепости — на 150. У озера Аксакал-Барби намечалось соединение выступающих из этих трех пунктов и вооруженного конвоя, после чего общее количество верблюдов должно было возрасти до 1648. Цифра весьма солидная!

¹⁶ См.: [Е. Кайдалов], Караван-записки..., стр. 57—66.

2 ноября 1824 г. оренбургские торговцы двинулись в дорогу, охраняемые военным отрядом с двумя орудиями конной артиллерии. Командиром конвоя был назначен состоявший для особых поручений при генерале Эссене полковник Циолковский; он вез письма военного губернатора бухарскому эмиру и кушбеги, сформулированные в духе соответствующих указаний Министерства иностранных дел, а также всевозможные подарки «для раздачи в Бухарию».

Сообщая об этом Нессельроде, Эссен снова высказал надежду, что «первый, счастливый опыт» охраны караванов «поощрит предприимчивость купечества и доставит производству торговли с Верхней Азией желаемую деятельность»¹⁷.

Проходившие в Оренбурге приготовления не ускользнули от внимания энтузиаста развития торгово-политических связей между Россией и странами Востока — Г. Спасского. Он напечатал в «Азиатском вестнике» восторженный гимн намечавшейся экспедиции, упрекая тех предпринимателей, которые не понимали выгод этих связей или пугались связанных с ними трудностей. Это была своего рода корреспонденция с места, датированная 24 ноября 1824 г. (к сожалению, не подписанная, так что трудно судить, не сам ли Спасский находился тогда в Оренбурге).

«Нельзя не заметить, что купечество наше стало равнодушно к важным выгодам, какие оно с давнего времени получало здесь от заграничной торговли», — сетовал автор, стараясь если не оправдать, то хотя бы понять этих «равнодушных»: трудности сообщения, дальний путь, непомерные проезжие пошлины, грабежи и гибель караванов, даже уже почти добравшихся до цели. Затем он переходил на мажорные тона. «Спешим известить почтенное купечество, что отныне ни одно из сих неприятных обстоятельств не потревожит караванов российских и иноземных»: царь предоставил им военное прикрытие, а генерал Эссен «уже поощрил желающих к составлению караванов на Оренбургской линии в текущем году...» И автор возносил хвалу генералу и «заботливости... каковую он обратил на оживление нашей азиатской торговли».

¹⁷ АВПР, СПб. Главный архив, II—3, оп. 34, 1823—3, лл. 239—246. Письмо от 5 ноября 1824 г.

«Азиатский вестник» писал также об инструкции, полученной караванным начальником Кайдаловым от Эссена, в которой приказчики и купцы призывались блюсти честность и стремиться к «сохранению доброго согласия с жителями».

Корреспондент журнала с большим удовлетворением сообщал, что отправление каравана прошло очень торжественно. На его проводы явился военный губернатор со штабом. «Долго были устремлены взоры всех присутствующих на стройное шествие каравана, и желание всех было одно: чтобы он с успехом возвратился»¹⁸.

Вскоре в столицу поступили некоторые уточнения: 3 ноября из крепости Орской двинулись на 169 верблюдах оренбургские и троицкие предприниматели, а с 1 по 12 ноября на 690 животных направились из Троицка другие торговцы; вместе с транспортом конвоя караван сей довольно значителен»¹⁹, — торопился доложить в Петербург ликующий генерал. Он не сомневался, что там его донесения будут встречены с живым интересом. О степени этого интереса может свидетельствовать хотя бы то обстоятельство, что с ними знакомился Александр I²⁰.

Когда грандиозный обоз покинул пределы Оренбургской линии, на первых порах ничто не предвещало беды. Торговцев окружал военный отряд полковника С. Т. Циолковского из 250 пехотинцев и такого же числа казаков, снабженный двумя конными орудиями. Караванным начальником, т. е. «гражданским» его руководителем, был избран брат и доверенное лицо крупного московского купца I гильдии Андрея Кайдалова — Евграф Кайдалов.

Спокойное шествие продолжалось до 13 января 1825 г. В этот день, через пять дней после того как оренбургский караван встретился и соединился с троицким, близ горы Биш-Тюбе, на полпути от реки Сырдарьи до Бухары, на них напал значительный отряд хивинских войск (по некоторым сведениям, насчиты-

вавший четыре тысячи человек). Он был встречен артиллерийским и ружейным огнем. Сдержав на какое-то время натиск атаковавших, Циолковский вместе с торговцами отошел к горе и создал легкое укрепление. Оно было окружено хивинцами, к которым вскоре подошло двухтысячное подкрепление. Положение осажденных стало критическим: не было воды, дров, корма для бесчисленных верблюдов.

Хивинские начальники добивались встречи с командиром отряда. На свидании, состоявшемся под укреплением, они потребовали, чтобы караван вместо Бухары отправился в Хиву, а купцы с товарами были представлены их «покровительству». Это требование было отвергнуто. Атаки на лагерь возобновились. Стали проявлять недовольство «киргизские вожаки верблюдов», начался падеж транспортных животных.

Циолковский созвал военный совет, на котором присутствовали и купцы. Верблюдовожатые требовали возвратиться на Линию, угрожая в противном случае уйти к хивинцам. Было решено вернуться. Число вьючных верблюдов было сокращено до 469, сохранены лишь наиболее дорогие товары — остальные закопаны. Военный отряд построился в каре, поместив караван внутри него. Под непрерывными наскоками врага весь отряд двинулся в обратном направлении²¹, за исключением Е. Кайдалова и еще троих русских предпринимателей, решивших отправиться в Ташкент. Судя по письму Кайдалова командиру отряда, Циолковский пытался отправить его в этот город с какими-то поручениями и снабдил его деньгами²². Однако после долгих странствий Кайдалов отказался от своих планов и 16 апреля добрался до Троицка.

В то же время 17 апреля на Линии показались и остатки купеческого каравана, шедшего под уже не нужной охраной отряда Циолковского. Не исключено, что провал экспедиции в какой-то мере лежал на совести полковника. Он не проявил должной настойчивости и распорядительности в организации военных действий, зато выказал изрядные стремления к личной наживе.

Прямой намек на это содержится в письме финансового ведомства директору Азиатского департамента

¹⁸ «Азиатский вестник», январь—июнь 1825 г., стр. 57—61.

¹⁹ АВРП, СПб. Главный архив, II—3, оп. 34, 1823—3, л. 250. Письмо Эссена Нессельроде от 25 ноября 1824 г.

²⁰ См., например: АВРП, СПб. Главный архив, II—3, оп. 34, 1823—3, лл. 257, 288—289 и др. «Выписки, возвращенные от е. и. вел-ва».

²¹ Там же, лл. 293—304. Отношение Эссена к начальнику Главного штаба И. И. Дибичу от 15 апреля 1825 г.

²² Там же, лл. 309—310. Письмо от 17 февраля 1826 г.

К. К. Родофиникину от 10 августа 1825 г. В нем сообщалось, что начальник отправленного за границу каравана полковник Циолковский «присоединил в степи 50 тыс. киргизских баранов к каравану (для продажи в Бухаре. — Н. Х.), отчего произошла вся неудача в охране одного от нападений хивинцев»²³.

Военная сторона дела выглядела следующим образом. Все потери конвоя после нападения, осады, штурма, преследования, выразились в трех убитых и шестнадцати раненых: явное свидетельство исключительно плохой вооруженности и обученности хивинских войск. По данным, исшедшим по всей вероятности от Циолковского, у них было убито до 600 человек²⁴. Вряд ли последние сведения достоверны, поскольку точность этого подсчета весьма сомнительна. Но даже примерное соотношение жертв с обеих сторон приводит к мысли о том, что полковник не использовал всех возможностей для борьбы.

В некоторых бумагах Циолковского число нападавших хивинцев возросло до 8 тыс., что вызвало ироничeskую реплику автора известной «Истории завоевания Средней Азии» М. А. Терентьева. Он заявил, что Циолковскому верить нельзя: как можно обеспечить водой такое количество народа? Терентьев называл полковника недобросовестным человеком, который «просто струсил»²⁵.

Как бы то ни было караван, снаряжавшийся с такими большими хлопотами, в которые были вовлечены высшие круги империи, потерпел полный крах. Трудно было установить убытки в полном объеме. По отдельным данным, они составляли около двух тысяч верблюдов, сорок тысяч баранов, две тысячи вьюков с товарами²⁶, т. е. многие сотни тысяч рублей.

Но дело далеко не определялось конкретными материальными потерями, к которым, разумеется, надлежит прибавить расходы на содержание отряда и др. Был нанесен новый удар по планам развития оренбургской торговли со Средней Азией, по доверию купечества к

²³ Там же, лл. 364.

²⁴ Там же, лл. 290—291. «Выписка из отношения оренбургского военного губернатора к начальнику Главного штаба, от 15 апреля 1825 г.».

²⁵ М. А. Терентьев, История завоевания Средней Азии, т. I. Спб., 1906, стр. 98.

²⁶ [Е. Кайдалов], Караван-записки..., ч. II, стр. 96—97.

возможностям государства для защиты их интересов.

Правда, на первых порах Эссен пытался искать утешения в успехах, якобы достигнутых с военной точки зрения. «...Дерзость и силы неприятеля превзошли всякое ожидание... храбрость войск е. и. вел-ва, удачное действие конной артиллерии нашей, благоразумие и мужество конвойного командира и прочих офицеров не только уничтожили все продолжительные усилия неприятеля, но при всей его многочисленности показали на деле, сколь пагубно для него покушаться на славное российское оружие»²⁷.

Однако по существу эти фанфары и литавры не имели никакого значения, и вскоре губернатор от победного марша перешел к заупокойной молитве. Всего неделя отделяла одно от другого. Отдав должное в письме начальнику Главного штаба от 8 апреля 1825 г. «мужеству конвойного командира», 15 апреля Эссен в горести сообщал Дибичу и Нессельроде, что не может «без душевного сокрушения помыслить о том расстройстве, которое купечество наше претерпевает с давнего времени от хищничества хивинцев, о тех вредных следствиях для здешней торговли, кои настоящее поведение соседственного нам владения Хивинского повлечет за собой, и о той власти над подданными России киргиз-кайсаками, каковую Хивинская область дерзновенно возымела, поставив над ними особого хана, руководствуя их собственным примером к грабежу мирных купеческих караванов и поощряя к увлечению с Линии наших людей, кои она содержит у себя в тяжкой неволе и строго запрещает своим подданным вывозить их обратно в Россию». Далее Эссен сетовал, что хивинцы пользуются в России покровительством: до него не доходило ни малейшей жалобы на «притязания» к ним²⁸.

Еще через некоторое время, разобравшись в происшедшем, губернатор констатировал, что отечественная торговля «с Бухарами, приносившая неисчислимые выгоды для здешнего края», может считаться уничтоженной. Хивинский хан Мухаммед Рахим закрыл дорогу караванам. Его цель — «поработить киргизов Малой Орды, опустошить Бухарию и пресечь торговлю с Рос-

²⁷ АВПР, СПб. Главный архив, II—3, оп. 34, 1823—3, лл. 286—287.

²⁸ Там же, л. 34.

сией». Русское купечество понесло убытки на миллионы рублей и просит о «вознаграждении» за потери²⁹.

Министерство иностранных дел в полной мере разделяло скорбь оренбургского правителя. Родофиникин выразил ему «истинное сожаление» по поводу «бедствия», постигшего вооруженный караван. «Весьма при-
скорбно видеть,— продолжал шеф Азиатского департамента,— что попечения правительства о пользах оренбургской торговли должны были в дерзости хивинцев встретить препятствие, неожиданное и довольно тягостное по его последствиям»³⁰.

Итак, новая попытка оживить экономические связи со среднеазиатскими ханствами потерпела полный крах, несмотря на все внимание, какое было уделено ей в верхах Российской империи. Министерство финансов полагало, что ее удастся повторить через некоторое время. Во всяком случае, оно пропагандировало записку, автор которой предлагал внести определенные изменения в систему охраны выезжающего за Линию купечества: увеличить состав конвоя до полутора тысяч человек при шести орудиях и вооружить всех участников каравана. К нему следовало прикомандировать «благонадежного таможенного чиновника», который соблюдал бы интересы купцов (не допуская «операций», подобных той, какую проделал Циолковский, «загрузив» обоз «своими» баранами) и возил подарки для «бухарских и киргизских начальников»³¹.

Но царским властям было не до нового каравана. Надлежало подготовить для этого соответствующую почву: возместить торговцам понесенные потери. Вскоре выяснилось, что потерпевшие материальные утраты участники разграбленного каравана «уповают» на финансовую помощь государства. Андрей Кайдалов обратился с прошением на имя Николая I. Он ссылался на то, что с давних времен ведет на Оренбургской линии торговлю «с азиатскими народами, ревнуя к выгоде отечества», трижды еще до 1804 г. его имущество подвергалось разграблению «в степи», и в 1804 г. Александр I распорядился под свое поручительство выдать

²⁹ Там же, лл. 326—327. Отношение Эссена в Министерство иностранных дел от 28 апреля 1825 г.

³⁰ Там же, л. 337. Письмо Родофиникина Эссену от 1 мая 1825 г.

³¹ Там же, лл. 365—366. Недатированная записка без подписи.

ему из заемного банка 15 тыс. руб. заимообразно на 20 лет без налога. Это дало возможность купцу «поправиться в делах», выполнить «обязанность свою казне» и следующие два десятка лет быть «в благополучном состоянии». Изложив события 1824—1825 гг., Андрей Кайдалов попросил «даровать ссуду» 100 тыс. руб.³².

В архиве министерства иностранных дел сохранилась анонимная «Записка о разграблении хивинцами товаров московского I гильдии купца Кайдалова (к этому времени он уже был вынужден, разорившись, перейти в III гильдию.— Н. Х.), отправленных в Бухарию при вооруженном караване». Она была составлена, по-видимому, в связи с его «всеподданнейшем» прошением. В ней говорилось о правительственной инициативе для вовлечения российского купечества в «заграничную торговлю с Бухарией» под вооруженной охраной.

«Купец Кайдалов,— значилось дальше в „Записке“,— желая оказаться достойным покровительства, предлагаемого начальством заграничной торговли, и полагаясь на непреодолимую защиту воинства, не взирая на великую потерю капитала своего, понесенного прежде от четырехкратного разграбления киргизцами и хивинцами в степях товаров его, решился отправить в Бухарию при вооруженном караване товаров на 300 верблюдах, суммой с расходами на перевозку и пошлинами на 308 033 руб.». На это он потратил весь свой капитал и часть средств, полученных в кредит. При разгроме каравана была спасена лишь десятая часть его грузов. Общий убыток А. С. Кайдалова (с учетом прошлых потерь) составил 425 тыс. руб.³³.

Просьба купца рассматривалась Азиатским комитетом. 17 января 1827 г. он принял решение предоставить А. С. Кайдалову права купца II гильдии на 5 лет без оплаты гильдейских повинностей и выдать ему «в уважение» убытков беспроцентный заем в 20 тыс. руб. на 10 лет³⁴.

Но и этим дело для казны не кончилось. О помощи запросили и другие участники каравана (а на Кайдалова набросились кредиторы, вскоре растащившие всю полученную им ссуду). Потребовалось выработать об-

³² Там же, I—13, 1817—3, лл. 363—364. «Всеподданнейшее» прошение А. С. Кайдалова от 1 сентября 1826 г.

³³ Там же, I—13, 1817—3, л. 321.

³⁴ Там же, л. 368.

щий подход к «жертвам» каравана Циолковского. Азиатский комитет определил: возместить торговцам из государственного казначейства четвертую часть их потерь, «а возврат сей издержки казначейству учинить по получении от хивинцев» соответствующей суммы, которую было предположено истребовать от ханства.

На основании этого решения Министерство финансов выдало предпринимателям около 23 тыс. руб. серебром (80 тыс. руб. ассигнациями), которые считались своего рода «начетом» на Хиву, подлежащим возврату³⁵.

Теперь следовало выяснить сложившуюся политическую обстановку, тем более что из Хивы пришло важное сообщение: энергичный и решительный, в полном смысле этого слова самовластный правитель Мухаммед Рахимхан, с которым царскому правительству никак не удавалось наладить мало-мальски дружественные отношения, умер. На престол вступил его сын Аллакули-хан. Еще было неизвестно, как он решит вести себя по отношению к России. Инцидент с караваном Циолковского уходил в прошлое.

Рассказ об этом эпизоде будет не полон, если не коснуться с ним связанного любопытного литературно-исторического памятника. В 1827—1828 гг. в Университетской типографии в Москве были напечатаны три небольших томика — три части произведения с длинным названием: «Караван-записки, во время похода в Бухарию российского каравана, под воинским прикрытием, в 1824 и 1825 годах, веденные начальником одного каравана над купечеством, Евграфом Кайдаловым» — объемом примерно 425 стр.

Этот труд имел характерный эпиграф и не менее интересное посвящение. Первый был взят из стихов Нелединского-Мелецкого:

Пловец, беды избегший,
Как у пристани стоит,
Об опасности прошедшей
С услаждением говорит.

Посвящена же была книга оренбургскому военному губернатору П. К. Эссену «как знаменитому начальнику — благотворителю Оренбургского края и покровителю караванной торговли залинейной». Е. Кайдалов, по-

³⁵ Там же, лл. 434—435. К. В. Нессельроде — Е. Ф. Канкрину от 10 февраля 1841 г.

нятно, мыслил со своей купеческой колокольни, ибо мы знаем Эссена не только (а может быть, и не столько) как покровителя торговли, но и как царского сатрапа, угнетавшего трудовой народ — русский, башкирский, казахский и пр.— и добившегося верной службой царю важного поста петербургского генерал-губернатора.

Но публикация привлекает внимание, естественно, не посвящением (хотя оно дает представление об авторе). Фактически она составлена по горячим следам и является единственным полным повествованием о неудачном караване. В других изданиях ему уделяется всего несколько кратких строк, беглых упоминаний. Е. Кайдалов же не только приводит цитировавшиеся нами важные документы, но и последовательно излагает впечатления от посещенных мест на пути в Оренбург, а также после выступления. Его книга содержит ценные сведения о быте и нравах местного населения, условиях передвижения «в степи», человеческих взаимоотношениях.

Цепким, опытным взглядом предпринимателя подмечает он торговую специфику в этом районе, красочную картину меновой торговли: кочевники предлагали лошадей, верблюдов, баранов, кошму, войлок, «армячины», тулупы, арканы, ремни, шкуры, и т. п., получая в обмен юфть, сукно, китайку, нанку, ситец, платки и др. Е. Кайдалов именует этот товарообмен «выгодным для нас торгом», который продолжался «и далее по пути с киргизцами до самой реки Кувана, в течение почти целого месяца»³⁶.

И если бы ежегодно шли караваны в Бухару, горюет понаторевший купец, «то сколько бы оно полезно быть могло для российского купечества...» По дороге можно производить «обмен на то, что потребно для Бухары... а на возвратном пути товары, в Бухарии вымененные, променивать на то, что для России требуется». Вывод Е. Кайдалова был таков: «Столько к меновой торговле удобств на самом караванов переходе умножило бы в несколько крат коммерческие обороты, и баланс торговой всегда склонился бы к пользе отечественной, по тем выгодам, какие были бы почерпнуты в самой глубине степей диких». Эти выгоды увеличались бы, когда «киргизцы», ознакомившись с караванами,

³⁶ [Е. Кайдалов], Караван-записки..., ч. II, стр. 94—95.

стали бы стекаться к ним, торговать, привыкать, а не испытывать страха и убегать от них³⁷.

Подробно и обстоятельно описывает Е. Кайдалов невзгоды участников поездки, когда до вожделенной Бухары осталось не более 300 верст, нападение хивинских войск, приезд парламентаря, который доставил «письмо от неприятелей», извещавших, что они «посланы своим ханом звать нас в Хиву и что в случае несогласия нашего они должны будут силой оружия, живых или мертвых, туда нас доставить»³⁸.

С захватывающим интересом изложен ход осады, странствования автора и нескольких примкнувших к нему торговцев с намерением добраться до Ташкента, трудности в осуществлении замысла, отказ от него и, наконец, возвращение их в Троицк в апреле 1825 г.

В целом «Караван-записки...» (не правда ли, меткое и удачное название?!) Евграфа Кайдалова — ценный и полезный источник по большому кругу вопросов, связанных со стремлением Российской империи развивать через Оренбург среднеазиатскую торговлю. И в этой связи они вполне заслуживают внимания исследователей.

³⁷ Там же, стр. 95—97.

³⁸ Там же, стр. 44.

Россия, среднеазиатские ханства и Англия в 20-х — начале 30-х годов XIX в.

Караван Циолковского стал печальным символом неудавшегося предприятия, на подготовку которого было затрачено немало усилий и средств. Понятно, что верховные власти империи не могли не откликнуться на его провал. 27 июня 1826 г. нападение хивинских войск на отряд Циолковского обсуждал Азиатский комитет. Его участники подчеркнули, что «доселе дерзость хивинцев простиралась на караваны бухарские или на частные отделения киргизов», т. е. когда вспыхивала вражда между Хивой и Бухарой или между казахскими племенами, подвластными России либо ханству.

Но нападение на русский торговый караван, направленное непосредственно против России, является «оскорблением [ее] достоинства»; оно выходит за «пределы снисходительного равнодушия». Если его оставить безнаказанным, «наглое своеволие хивинцев... возрастет до высшей степени; торговля наша в тех краях придет в совершенный упадок и, наконец, как Бухара, так и другие соседственные владения Азиатские оставят решительно всякое к нам уважение».

Члены комитета, обсудив предложение П. К. Эссена и русских купцов в качестве возмездия «остановить товары и имущество хивинских подданных на всей азиатской таможенной черте», решили, что это слабая и «весьма неудобная» мера наказания. К тому же, по мнению министра финансов, она причинит ущерб и российской торговле.

Единственное плодотворное средство — «вооруженный разбой хивинцев поставить навсегда в границы мирного состояния». Только это позволит «утвердить тишину не только в Хивинской области, но что еще важнее», — ликвидировать волнения в Казахстане, провоцируемые Хивой. Успешный поход на ханство заставит хивинцев «сохранять мирные связи с Россией, со стороны коей

предоставлена им свобода торговли и верное покровительство». Это положит конец и разбоям на торговых путях, и работоторговле. Но для удачного проведения такого похода необходимо детально изучить местность между Каспийским и Аральским морями¹.

Пока Военное министерство и начальник Главного штаба И. И. Дибич разрабатывали детали экспедиции в степи Казахстана, в июле 1825 г. в столицу поступили важные сообщения председателя Оренбургской пограничной комиссии инженер-полковника Г. Ф. Генса о смерти Сеида Мухаммеда Рахим-хана, причинявшего столько лет огромные хлопоты и беспокойство царским властям (и не только пограничным), и воцарении его старшего сына Аллакули-хана.

Особое внимание Азиатского комитета привлекло известие из Оренбурга, что в Бухару приехал из Индии английский посланник «с пятьюстами купцами», которые привезли много кошенили и голландских червонцев, закупая на них аргамаков.

Донесения Генса дополнил министр финансов Е. Ф. Канкрин, получивший сведения о появлении в Троицке 8 июля 1825 г. бухарского посланника «к высочайшему двору» с целью «отвратить войну с Хивой за разграбление российского каравана». Министр подтвердил справедливость сообщений о смерти Сеида Мухаммеда Рахим-хана и о приезде в Бухару «английских чиновников под предлогом покупки лошадей, с разными товарами — шерстяными, бумажными и стальными».

Члены комитета нашли, что смена правителей Хивы может внести изменения в ее отношения с Россией. Однако до тех пор, пока Аллакули-хан не докажет свои «мирные расположения», намеченные «меры обуздания» и «ныне представляются нужными». Программа действий была определена: осенью исследовать район между Каспием и Аралом, а на Аральском море — залив Мертвый Култук и его побережье, чтобы со временем создать там небольшое укрепление; довести до сведения нового хивинского владыки, что Российская империя «не может... оставить без внимания насильственное поведение хивинского правительства». Чтобы дополнительно воздействовать на Аллакули, предписать оренбургскому военному губернатору благосклонно принять изгнанно-

¹ АВПР, СПб. Главный архив, I—1, оп. 781, д. 490, лл. 137—140. Журнал Азиатского комитета от 27 июня 1825 г.

го из ханства дядю Аллакули и дать ему «от местного начальства» приличное содержание.

Бухарского посланника решено было допустить в Петербург, чтобы выяснить бухарско-хивинские отношения и передать через него эмиру, что независимо от «дел с Хивой», Бухара может рассчитывать на покровительство России и извлечет лишь выгоды, если возникнет необходимость «привести Хиву к миру вооруженной рукой».

Что же касается слухов о прибывших в Бухару англичанам, то их вероятность — существенный довод в пользу необходимости уделять большое внимание («твердое и непрерывное», по выражению журнала комитета) азиатским странам².

На долгие годы проникновение в Среднюю Азию опасных в политическом и экономическом отношении конкурентов — англичан, овладевших Индией и превративших ее в плацдарм экспансии на Востоке, — станет одним из ведущих и наиболее тревожных вопросов для правительства Российской империи, определявших отношения со среднеазиатскими ханствами.

Характерно, что, сообщая царю об итогах заседания Азиатского комитета, К. В. Нессельроде передал известия, которые именовались «слухами», как реальные факты, требующие определенной реакции. «Приезд англичан в Бухарию, — гласит его «всеподаннейшая» записка, — [необходимо] иметь в виду как обстоятельство особой важности и доказывающее необходимость ныне принимаемых мер к утверждению влияния России на дела Средней Азии»³.

Ну а в действительности — имелось ли какое-либо основание для этих слухов? Или они относились к ряду досужих вымыслов, при помощи которых торговые партнеры России на Востоке стремились набить себе цену? В данном случае поступавшие из Оренбурга сообщения отражали реальную действительность, хотя и несколько преувеличенную (так, число добравшихся до Бухары «английских купцов» было незначительно). Что-

² Там же, лл. 149—152. Журнал Азиатского комитета от 5 августа 1825 г. Дядя Аллакули — 80-летний Мухаммед Пина-бек был в октябре 1825 г. найден в «Киргизской степи», приехал в Оренбург, где его «облакали», и уехал в Мекку (там же, I—8, д. 1825—1, лл. 2—4).

³ Там же, л. 148.

бы несколько разобраться в этом вопросе, нужно проанализировать отношения между Россией и Бухарой, ставшей объектом проникновения британских агентов.

О том, что правители Бухары не придали большого значения юридическому оформлению итогов переговоров с А. Ф. Негри и его спутниками, свидетельствовала длительная задержка с подготовкой обещанного ответного посольства. Без малого пять лет понадобилось бухарским властям, чтобы снарядить его. Лишь в конце 1825 г. в Оренбург прибыл представитель эмира Хайдар-хана Абдулкеримов Бекназар «для представлений по предметам торговли Бухарии с Россией». По предварительным данным, доложенным К. В. Нессельроде 15 января 1826 г. Азиатскому комитету, целью его приезда были: сообщение о примирении Бухарского и Кокандского ханств и о «готовности к сему же со стороны Хивы»; объяснение причины «молчания бухарского хана на грамоту» Александра I, доставленную А. Ф. Негри в 1820 г.; просьба вернуть в Младший жуз султана Арунгазы; ходатайство об уменьшении таможенных пошлин; поздравление с открытием в империи новых золотых рудников и просьба дать «в подарок хану кусок самородного золота, дабы можно было видеть оное в первобытном состоянии»⁴.

Таковы вопросы, которые Хайдар-хан велел Бекназару Абдулкеримову поставить в Петербурге. Их круг был конкретизирован и расширен за счет тех, о которых посланцу поручалось лично доложить царю. Вряд ли Николай I выслушал различные подробности из жизни среднеазиатских ханств, но все эти детали бухарский посланец изложил в очень интересной памятной записке — небольшом по объему, но ценном историческом источнике. В нем сказано, что кокандский хан прекратил враждебные действия против Бухары и даже изъявил готовность чеканить монету с изображением эмира и упоминать его в молитвах (как известно, подобные действия по существовавшим в Азии традициям должны были означать признание суверенитета одного государства над другим, в данном случае — Бухары над Кокандом).

Правитель Хивы Мухаммед Рахим, по свидетельству Бекназара Абдулкеримова, «раскаялся в неистовствах

своих» и направил посла к эмиру Хайдар-хану, потребовавшему возмещения убытков участников разграбленного при «урочище Кызыл-Кум российского вооруженного каравана» (Циолковского. — Н. Х.).

«Подданные нашего эмира, именуемые Хитай-кипчаками, числом до 100 тысяч семейств, около четырех лет отклонявшиеся от подданства, — говорилось в памятной записке Абдулкеримова о крупнейшем восстании одного из узбекских племен — „китай-кипчаков“ против феодального гнета и эксплуатации, — покорены ныне силой оружия. Большая часть из них подверглась смерти, а остальные, по совершенном раскаянии в заблуждениях своих, прощены и оставлены на прежних правах с приведением [присяги] на верность». Все это отвлекло внимание бухарского правительства, отразившись на сроках отправки ответной миссии в Россию.

Чрезвычайно важным было следующее сообщение: «В прошлом году (трудно установить — в 1825 или 1824 г., поскольку на записке указана лишь дата ее получения — 28 января 1826 г.) в Бухару приехали 70 английских купцов с предложением начать дружеские торговые сношения». Они привезли 80 сундуков образцов различных товаров, которые демонстрировались великому визирию — кушбегу. Эти торговцы обязались доставлять желаемые товары «с уступкой по 30 коп. с рубля противу получаемых из России» и заявляли, что некоторые товары имеются только у них, например, «канцелярское семя, лучшие сукна, белая кисея, коленкор, гвоздика и пр.».

Хайдар-хан будто бы обещал дать ответ лишь после переговоров с российским императором. Указывая на это, Абдулкеримов тут же изложил жалобы на ежегодное увеличение торговых пошлин и отмену оренбургской таможенной поручительств караванбашей за их соотечественников-купцов, гарантируя выплату ими всех налоговых обложений⁵.

Сведения о значительной активности британских купцов на рынках Средней Азии в этот период поступали и из других источников, однако не исключено, что бухарский дипломат несколько сгустил краски для того, чтобы добиться определенных уступок со стороны Рос-

⁵ АВПР, СПб. Главный архив, I—8, оп. 7, 1821—2, лл. 90—94. Памятная записка в переводе с «татарского».

⁴ АВПР, СПб. Главный архив, I—1, оп. 781, д. 490, лл. 158—159. Журнал Азиатского комитета от 15 января 1826 г.

сни в налоговом обложении доставлявшихся из ханства товаров.

20 марта 1826 г. представления эмира были рассмотрены Азиатским комитетом в составе К. Нессельроде, И. Дибича, Е. Канкрина, В. Ланского и М. Сперанского. Участники заседания приняли к сведению известия о примирении Бухары с Кокандом и Хивой и объяснения о причинах задержки ответного посольства. Как и следовало ожидать, они нашли, что уведомление о посещении англичанами Бухары заслуживает «особенного внимания правительства», тем более что оно подтверждается и другими материалами, в том числе обсуждавшимися 5 августа 1825 г. Члены комитета, однако, нашли, что вопрос об уменьшении таможенных пошлин может быть решен только после завершения поездки Е. К. Мейендорфа, которого Министерство финансов отпустило «для обозрения всей границы российской с азиатскими владениями в отношении взаимной торговли и для исследования на месте новых предположений в пользу оной».

На заседании была также отклонена просьба Бекназара Абдулкеримова о восстановлении поручительства за бухарских купцов со стороны караванбашей — начальников караванов. Отказ мотивировался тем, что поручители в любую минуту могли уехать за границу.

Решения комитета были отражены Азиатским департаментом во врученном посланнику документе для передачи эмиру Хайдар-хану. Они свидетельствовали о настороженности царских властей к поступающим из Средней Азии сообщениям об энергичных действиях там торговых соперников — англичан. Однако Петербург еще не видел в этом прямой, непосредственной угрозы позициям Российской империи. Между тем она постепенно начинала приобретать все более реальные черты.

Со второго десятилетия XIX в. среднеазиатское ханство подвергаются тщательному и систематическому изучению специальными экспедициями, отправлявшимися из Британской Индии. Эти миссии, во главе которых стояли видные английские офицеры и чиновники, знакомились с путями, ведущими в Среднюю Азию, стремились установить связи с местными влиятельными кругами.

Важное место в цепи этих мероприятий занимала поездка в Бухару в 1820—1825 гг. группы У. Муркрофта

и Д. Требека. Ее руководитель Уильям Муркрофт был управляющим военным коннозаводством Ост-Индской компании в Бенгале. Формальным предлогом путешествия были поиски чистокровных лошадей для нужд кавалерии компании. В действительности же его интересовали перспективы закрепления за Англией среднеазиатских рынков.

Уже после смерти Муркрофта издатель его бумаг Гораций Вильсон призывал совет директоров Ост-Индской компании оценить усилия участников этой поездки, заботившихся «о торговом и политическом процветании Великобритании и ее индийских владений». Развивая и конкретизируя свою мысль, Г. Вильсон без обиняков признавал, что целью поездки Муркрофта «являлась частичная, если не полная ликвидация» торговли России с ханствами⁶.

Заручившись поддержкой двух крупных английских торговых компаний в Калькутте — Палмера и Краттендера, Муркрофт повез с собой товаров на огромную по тем временам сумму — 5 тыс. ф. ст., добиваясь «установления торговых отношений с загималайскими областями, что должно было быть чрезвычайно выгодным для Великобритании»⁷. С политической точки зрения, заявлял Муркрофт, наиболее эффективной мерой «для установления свободных сношений между Индостаном и Верхней Татарией станет присутствие британского агента в торговых пунктах» Азии и установление «взаимопонимания» с представителями стран Востока. Такой агент должен иметь обширные политические полномочия и большой ассортимент английских товаров⁸. Отряд Муркрофта был хорошо вооружен и даже располагал двумя пушками⁹, производя впечатление военной экспедиции, а не торговой миссии.

В функции Джорджа Требека входили разведывательные операции, изучение местности, составление карт. Выступив из британских владений в Индии на север в

⁶ «Travels in the Himalayan Provinces of Hindustan and Pandjab in Ladakh and Kashmir, in Peshavar, Kabul, Kunduz and Bokhara by Mr. William Moorcroft and Mr. George Trebeck from 1819 to 1825». Prepared for the Press, from Original Journals and Correspondence by Horace Hayman Wilson, vol. I, London, 1841, стр. III—V.

⁷ Там же, стр. XXIII.

⁸ Там же, стр. XXVIII—XXXV.

⁹ А. Борнс, Путешествие в Бухару, пер. с англ., ч. 2, М., 1848, стр. 305.

конце 1819 г., Муркрофт и Требек через Лахор и Шринагар добрались до Леха, центра области Ладак, где находились с сентября 1820 по сентябрь 1822 г., превратив этот небольшой городок в базу изучения Кашмира, Синьцзяна и Тибета.

В Ладаке, пишет индийский историк Н. К. Синха, Муркрофт «вначале толковал о лошадях и шальях», но вскоре подкупом и уговорами добился того, что местные власти готовы были признать над собой суверенитет Англии. Лишь отдаленность Ладака и занятость британского правительства более важными мероприятиями отсрочили установление его владычества в Ладаке. «Так,— заключает Н. К. Синха,— поездка Муркрофта для открытия Ладака едва не привела к тому же процессу экспансии Великобритании, какой происходил в Синде»¹⁰.

После годичного пребывания в главном городе Кашмира — Шринагаре, также связанного со сбором важной военно-политической и экономической информации, англичане переехали в Кабул, а оттуда 16 августа 1824 г. отправились в Бухарское ханство. Пройдя Бамиан и Сейган, они вступили во владения узбекского правителя Кундузского ханства — Мурад-бека. Здесь был им оказан очень холодный прием. «Англичане никогда не вступают в какую-либо часть Азии без особых целей, а в конце концов становятся ее хозяевами», — записал Муркрофт услышанные им в Кундузе высказывания¹¹. На его заявление, что он купец, правитель Ташкургана Баба-бек заметил, что Кундуз — «плохая страна для торговли».

Один из местных жителей — Мулла Мухаммед-Амин, состоявший ранее на службе у М. Эльфинстона, главы английского посольства к афганскому шаху Шудже уль-Мульку (1808—1809 гг.), открыто заявлял, что Муркрофт не торговец, а разведчик. Он говорил: «Этот человек, где бы он ни был, делает съемки гор, рек, городов, укреплений... каждого пункта между Сейганом и Ташкурганом». Мулла Мухаммед-Амин подчеркнул, что английское правительство содержит многих шпионов в каждом крупном городе между Индией и Средней Азией, и назвал некоторых из них. По признанию Мурк-

рофта, они действительно являлись агентами британских властей¹².

Затратив крупные суммы на взятки различным влиятельным лицам, в том числе духовному наставнику Мурад-бека пиру Касым-ходже, принимавшему активное участие в торговых операциях, Муркрофт и Требек без трудностей добились пропуска через Кундуз далее на север. Особый интерес — это отражено в бумагах Муркрофта — вызвала у них Амударья. Переправившись через нее у Ходжа-Сале, англичане собрали подробные сведения о ширине и глубине реки, ее течении и особенностях судоходства.

25 февраля 1825 г. Муркрофт и его коллеги достигли Бухары. Дальнейшие действия развивались по уже обычной программе: раздача «подарков» эмиру и его приближенным, открытый подкуп бухарских сановников, тщательное изучение ханства в экономическом и политическом отношении, политическая пропаганда среди правящих кругов и т. п. Сведениями об этом заполнены оба тома изданных записок Муркрофта и Требека. Можно, однако, не сомневаться, что значительная часть собранных ими материалов не попала в печать, поскольку представляла специальный интерес для британского правительства.

Пробыв около полугода в Бухарском ханстве, английские путешественники направились в обратный путь, в Индию, но не добрались до нее: оба умерли от лихорадки на левобережье Амударьи, недалеко от Балха.

Между тем царское правительство осуществляло намеченную программу. Реализуя решения Азиатского комитета, в начале 1826 г. на Устюрт двинулась военно-топографическая экспедиция полковника Ф. Берга. Комитет занялся рассмотрением обширной записки отставного генерал-майора М. Веригина от 4 февраля 1826 г. «Краткое изложение о необходимости занять Хиву, как единственное средство для распространения и приведения в безопасность нашей торговли в средней части Азии».

Предложения М. Веригина сводились к следующему. Россия нуждается в новых торговых путях. При «несовершенстве выделки» (т. е. отделки, качества) ее товары не только нельзя отправлять в Европу, но и на внутреннем рынке они с трудом преодолевают конкуренцию

¹⁰ Narendra Krishna Sinha, Ranjit Singh, Calcutta, 1945, p. 122.

¹¹ «Travels...», vol. II, pp. 408—409.

¹² Там же, стр. 472.

европейских. Соседние области Средней Азии могут стать рынком для российской продукции. Этому служит пометой «хищничество кочевых народов» (в качестве примера приводилось нападение хивинцев на караван Циолковского). Если «покорить Хиву», будет открыт путь к богатейшим областям и отвращено «вредное совместничество англичан». Хивинское ханство станет «средоточием и хранилищем богатств Востока». Его хлопчатая бумага, пряности, лекарственные растения, по мнению автора, принесут немалую пользу России.

При осуществлении этих мер среднеазиатская торговля, которая идет через Персию в Константинополь, «примет тогда кратчайшее направление в Астрахань и посредством предполагаемого соединения Волги с Доном обратится к берегам Черного моря и разольется по всей южной части Европы». В качестве предварительных шагов Веригин предлагал: 1. Удостовериться в преданности «киргизов». 2. Отправить в Бухарское ханство поверенного для вступления в «дружеские отношения, основанные на выгодах торговли и безопасности, скрывая от правителей Бухарии и Хивы приготовление военной экспедиции». 3. Тщательно подготовиться к походу¹³.

Обсуждение записки Веригина в Азиатском комитете показало, что его члены разделяют взгляды генерала, хотя и не находят в них чего-либо нового, а реализацию считают преждевременной. «Комитет рассуждал, — гласил журнал заседания, — что торговля с владениями Средней Азии издавна обращает на себя внимание Российского правительства». Этим интересовался еще Петр I. Помехой в ее развитии являются «необразованность и закоренелость понятий киргизов и хивинцев». В результате «все миролюбивые распоряжения нашего правительства в пользу торговых сношений с Бухариею, Хивой, Кабулом, Тибетом и проч. доселе остаются почти бесплодными». Хивинцы практически одобряют действия степных грабителей, помогая им «сбывать добычу свою на торжищах Хивы». Ханство надо обуздать, считал комитет.

¹³ Записка М. Веригина опубликована в составленном А. Г. Се-ребренниковым «Сборнике материалов для истории завоевания Туркестанского края» (т. II, Ташкент, 1912, стр. 4—14), где отмечается, что она рассматривалась И. Дибичем в Главном штабе и была признана правильной, но несвоевременной.

Определенные шаги в этом направлении уже делались. В 1825 г. было принято решение об отправлении к восточным берегам Каспийского моря военного отряда. В результате этого похода «можно ожидать, что тишина и благоустройство в Киргизских Ордах утвердятся навсегда, а торговля наша как с ними, так равно с Бухарией и Хивой, производима будет безопасно, в большем пространстве и с значительнейшими выгодами». Комитет решил ждать донесений полковника Берга, при рассмотрении которых учесть и соображения Веригина¹⁴.

Потребность в определенных сведениях о восточных соседях ощущалась не только в правительственных кругах, но и среди представителей торгового сословия и просто образованных людей. Эту тягу к получению известий о среднеазиатских странах хорошо отразил Григорий Спасский, как всегда великолепно улавливавший веяния эпохи. В предисловии к статье «О нынешнем состоянии некоторых областей и городов в Средней Азии» он писал «Хотя политическое состояние Средней Азии от бессилия и враждебного духа владетелей ее и самых подвластных им народов подвержено почти непрерывным переменам, но географические наши сведения в отношении к ней сохраняют удивительное постоянство, перепечатываясь большей частью без всякой критики и местных соображений. Можно сказать, что ни один народ не имеет более нужды в точных и положительных сведениях о странах Азии и более средств к получению их, как мы, по соседству нашему и торговым связям со многими областями и городами Средней Азии»¹⁵.

Существенный вклад в представления о подступах к Средней Азии со стороны Урала дала завершившаяся к тому времени экспедиция полковника Ф. Берга. В ее состав входили участник миссии А. Ф. Негри в Бухару Э. А. Эверсман, топограф и астроном Б. Ф. Лемм и др. В течение января — апреля 1826 г. она провела топографическое изучение Аральского перешейка (от Уральской линии до г. Кунграда в низовьях Амударьи) и барометрическую нивелировку, определившую уровень Каспия и Арала. Члены экспедиции установили расстоя-

¹⁴ АВПР, СПб. Главный архив, II—3, оп. 34, д. 1826—3, л. 20. Журнал Азиатского комитета от 17 марта 1826 г.

¹⁵ «Азиатский вестник», издаваемый Гр. Спасским, СПб., 1826, стр. 51.

ние между заливом Аральского моря и Мертвым Култуком, астрономическое положение ряда пунктов, а также провели геологическое исследование Устюрта¹⁶.

Царское правительство, однако, интересовалось не столько научными, сколько военно-политическими, практическими результатами похода Берга. 6 июля 1826 г. Азиатский комитет, в частности, «усмотрел» в доставленных Бергом материалах «желаемую подробность в описании всего Аральского перешейка и вместе возможность пройти отряду войск в Хивинское ханство для положения преграды неприязненным действиям тамошнего правительства, наносящего издавна вред торговле нашей и связям со Средней Азией и дающего убежище непокорным киргизам».

Но проведенная экспедиция убедилась в больших трудностях перехода через пустынный Устюрт. Поэтому комитет решил не спешить с дальнейшими мерами до внимательного ознакомления с восточным берегом Каспийского моря и возможностями его использования для прокладки более удобного и короткого пути.

Азиатский комитет постановил отправить еще в 1826 г. два судна из Астрахани (одно — к заливу Мертвый Култук, другое — к Карабугазской губе) для исследования вопроса о постройке на берегу укрепления, о пути в Хиву и о старом русле Амударьи.

Политическое значение экспедиции Ф. Берга, вышедшей двумя колоннами — из Сарайчиковской крепости и Гурьева — и насчитывавшей более 2300 солдат и казаков при 6 орудиях, сводилось к угрожающей демонстрации против враждебного ханства. «Носились слухи, — пишет по этому поводу М. А. Терентьев, — что в Хиве распространилась такая паника, что уже отлиты были золотые ключи» (от «ворот». — *Н. Х.*)¹⁷. Цитируемый автор обычно склонен к преувеличениям. Вряд ли основательно его утверждение об отливке ключей, но то, что известия об экспедиции Берга обеспокоили хивинские правящие круги, — несомненно. Подтверждением этого послужило их стремление возобновить дипломатические сношения с Россией.

¹⁶ См. об этом более детально: Ф. С. Берг, Аральское море, СПб., 1908, стр. 68—89.

¹⁷ М. А. Терентьев, История завоевания Средней Азии, т. I, СПб., 1906, стр. 99—100.

10 ноября 1826 г. оренбургский военный губернатор П. К. Эссен подписал отношение министру иностранных дел о прибытии в Сарайчиковскую крепость посланника Бердыниязова Ваис Нияза от хана Аллакули к «высочайшему двору». Целью поездки было поздравление с восшествием на престол Николая I, в дар которому везли двух слонов и семь аргамаков. Ваис Нияз Бердыниязов отказался передать Эссену свидетельство об аккредитовании, намереваясь отправиться в Петербург через Астрахань. В сложившейся обстановке отправка ханом представителя в Петербург могла рассматриваться как стремление наладить отношения с Россией. Но царские власти не видели в этом склонности Аллакули-хана признать вину Хивы во враждебных действиях против российских подданных и компенсировать их убытки.

Именно с таких позиций и подошел Азиатский комитет к жесту хивинского хана. Он расценил его как попытку «вступить в объяснение и загладить неудовольствия, возбужденные поступками предместника». Однако, подчеркивали члены комитета, достоинство империи требует, чтобы перед допуском посланника Аллакули в столицу был возмещен ущерб, нанесенный русской торговле и возвращены на родину удерживаемые в неволе подданные России. Исходя из этого, оренбургскому военному губернатору было предложено направить в Сарайчиковскую крепость «благонадежного чиновника для личных объяснений» с гостем из Средней Азии. От последнего не ожидалось какие-либо свидетельства об аккредитации. Предполагалось лишь объявить Бердыниязову, что ни он, ни отправленные через него ханские дары не будут приняты в России до возмещения убытков купцов разграбленного каравана, возврата русских невольников (по крайней мере находящихся в личном распоряжении хана) и введения в Хиве запрета на покупку пленных¹⁸.

В Оренбурге серьезно отнеслись к переговорам с представителем Аллакули. В них участвовал председатель оренбургской пограничной комиссии Генс и управляющий пограничными делами при военном губернаторе Оводов. В январе 1827 г. Бердыниязову в Сарай-

¹⁸ АВПР, СПб. Главный архив, I—1, оп. 781, д. 490, лл. 271—272. Журнал Азиатского комитета от 10 декабря 1826 г.

чиковской крепости была вручена нота, которая определяла нанесенный российским торговцам ущерб в 548 600 руб. Посланник заявил, что не уполномочен обсуждать эти вопросы, а поскольку его не пропускают в Петербург, то с открытием «весеннего пути» он возвратится в Хиву¹⁹. Переговоры не привели ни к каким результатам. 15 марта 1827 г. Ваис Нияз Бердыниязов со свитой и дарами отправился в ханство²⁰.

В ожидании дальнейших шагов хана Аллакули царская администрация решила подвести юридическую базу под финансовую сторону русско-хивинских отношений. К. В. Нессельроде подал Николаю I докладную записку «О деньгах, следующих ко взъясанию с Хивинского ханства». Он напомнил, что согласно утвержденному 5 января 1827 г. положению Азиатского комитета отечественным купцам, участвовавшим в караване 1824 г., решено выдать из государственного казначейства в вознаграждение 25% потерянной ими суммы в товарах. «Полное же их удовлетворение» и возмещение издержек казначейства намечалось осуществить при получении от Хивинского ханства денег, которые предполагалось истребовать у него. Поэтому Министерство финансов выдало торговцам около 23 тыс. руб. серебром, которые считались подлежащими возврату. При сложившихся с ханством отношениях неудобно было включать требование об уплате этих денег в число условий, выработанных для предъявления Хиве, и Нессельроде просил об указании Министерству финансов не считать эту сумму «в долгу на Хивинском ханстве», и «из счетов вовсе исключить»²¹. Такое распоряжение было сделано.

Этот добровольный отказ царских властей от материальных претензий к Хиве и отмена намеченного решения продолжить военную экспедицию Берга были вызваны серьезными обстоятельствами. В эти годы резко обострилась обстановка на более беспокойших Петербург участках восточной границы Российской империи. В 1826 г. в результате вторжения иранских войск во

¹⁹ Там же, д. 491, лл. 30—31. Журнал Азиатского комитета от 24 февраля 1827 г.

²⁰ АВПР, СПб. Главный архив, I—8, д. 1826—4, л. 46. Письмо Эссена Нессельроде от 30 марта 1827 г.

²¹ Там же, I—1, оп. 781, д. 491, лл. 103—106. Недатированная докладная записка Нессельроде, утвержденная Николаем I 15 января 1828 г.

главе с Аббасом Мирзой в Закавказье началась русско-иранская война, продолжавшаяся до 1829 г. В 1828 г. вспыхнула русско-турецкая война, которая завершилась лишь 14 сентября 1829 г. Адрианопольским миром. Начинать в подобной ситуации поход, который мог вылиться в третью войну, царское правительство считало несвоевременным.

В рассматриваемый период резко сократилась российская торговля в Иране. Вывоз в Среднюю Азию почти не расширялся²². Царские власти высказывали все более серьезные опасения по поводу острого интереса заморских соперников к среднеазиатским государствам и сокращения вывоза товаров Российской империи на их рынки. В начале 30-х годов эта проблема обсуждалась Азиатским комитетом. 25 апреля 1830 г. его члены (в их число теперь был включен директор Азиатского департамента К. К. Родофиникин) рассматривали записку флигель-адъютанта Игнатьева «Об упадке торгового нашего на Оренбургской линии и преимуществах в России для торгового азиатцев».

Игнатьев считал, что многие беды для русской торговли в этом районе происходили от того, что в 1807 г. купцы из Средней Азии получили свободный доступ внутрь страны, где они узнавали «подлинные цены», а это наносило урон отечественным предпринимателям. Против положений записки Игнатьева возражал Е. Ф. Канкрин, который ссылаясь на материалы, собранные чиновником Министерства финансов Е. К. Мейендорфом.

Комитет пришел к выводу, что предоставленные для среднеазиатских торговцев льготы могут невыгодно отразиться лишь на деятельности некоторых оренбургских купцов, поскольку до 1807 г., когда таких льгот не существовало, российская торговля в Оренбурге не расширялась. «Напротив того,— записано в журнале Азиатского комитета,— со времени впуска азиатцев внутрь России [эта торговля] получила приметное значительное приращение; сбыт наших мануфактурных изделий распространился весьма удовлетворительным образом.

²² См. об этом подробно: М. К. Рожкова, Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия, М.—Л., 1949, стр. 180 и след.

а вывоз звонкой монеты соответственно тому уменьшился».

Участники заседания высказывали опасение, что отмена предоставленных привилегий, очень способствовавших укреплению экономических связей с ханствами Средней Азии, подорвет эти связи. Они отвергли предложение об отмене льгот, «дарованных азиатцам, на Сибирскую и Оренбургскую линию приезжающим».

Наряду с этим оренбургскому военному губернатору с 1830 г. П. П. Сухтелену было предложено обратить «особенное свое внимание на торговые наши связи со Средней Азией», изучить их и высказать затем соображения «о средствах, могущих улучшить состояние оренбургского купечества»²³.

Тем временем на политическом горизонте Бухары произошли изменения. В 1826 г. умер эмир Хайдар-хан. После непродолжительной, но кровавой борьбы в 1827 г. к власти пришел один из его сыновей — Насрулла. Это был жестокий, своенравный деспот, но ему нельзя было отказать в дальновидности и государственном чутье. За сравнительно долгое правление (до 1860 г.) Насрулла вел несколько успешных войн с Кокандом, предпринимал походы против Хивы, т. е. настойчиво стремился укрепить свое господство в Средней Азии. С Россией он старался жить в мире и поддерживал тесные дипломатические связи.

После прихода к власти бухарский эмир в августе 1830 г. отправил в Петербург посольство Рахметбекова Балтакули Чагатайбека с неизменными дарами в виде аргамаков, верблюдов и др. Извещая Нессельроде о прибытии в Оренбург этого посланника, П. П. Сухтелен считал целесообразным пригласить его в столицу «к вящему укреплению связей наших с Бухарией, столь полезных для торгового и даже политического влияния России на Среднюю Азию»²⁴.

Информировав царское правительство о «восшествии хана Насруллы», Балтакули Рахметбеков ходатайствовал о сокращении таможенных пошлин, которыми облагались бухарские товары, а также о предоставлении хан-

ству пушек и литейных мастеров и т. п.²⁵. Для подобных просьб был выбран неудачный момент. Окончившиеся незадолго до того войны с Ираном и Турцией, хотя и принесли победу России, но привели к износу артиллерийского парка ее армии, в связи с чем правительство не располагало излишком орудий. Что же касалось сокращения пошлин, то Азиатский комитет и соответствующие учреждения, хотя и стремились повысить доходность среднеазиатской торговли, но, подвергаясь серьезному давлению отечественного купечества и связанной с ним части дворян, пытавшихся урезать права среднеазиатских торговцев, не могли достичь своей цели.

В этих условиях, как и следовало ожидать, Петербург высказался за «продолжение дружбы», но отклонил ходатайства представителя Насруллы²⁶. Проведя в России почти год, Рахметбеков в августе 1831 г. выехал из Орской крепости в ханство.

Но уже в начале 1832 г. Азиатский комитет при участии П. П. Сухтелена вернулся к записке Игнатьева и к вопросам оренбургской торговли. 28 февраля 1832 г. он обсуждал различные проблемы Оренбургского края, в том числе «средства усмирения Хивинского ханства» и возвращение угнанных в неволю пленных (их к тому моменту насчитывалось 2—3 тыс., причем это количество ежегодно возрастало почти на 200 человек).

Генерал-лейтенант Сухтелен считал самой эффективной и экономной мерой организацию военной экспедиции, на подготовку которой понадобилось бы один-два года. Если она почему-либо неосуществима, то необходимо лишить хивинских купцов привилегий, предоставленных азиатским торговцам, а при неудаче экспедиции — объявить властям Хивы о полном прекращении торговли с ханством до возвращения пленных. Можно также, продолжал военный губернатор, задержать в виде аманатов (т. е. заложников) всех приехавших с товарами хивинцев, объявив хану причины этого; а спустя какой-то срок взять товары в казну, а прибывших купцов сослать на поселение.

²⁵ Там же, I—8, 1830—1, лл. 352—375.

²⁶ Там же, лл. 371—372. Министр иностранных дел К. В. Нессельроде — оренбургскому военному губернатору П. П. Сухтелену от 16 марта 1831 г.; там же, I—1, 1831, д. 79, лл. 13—16. Ответная нота бухарскому посланнику, утвержденная 24 февраля 1831 г.

²³ АВПр, СПб. Главный архив, I—1, оп. 781, д. 491, лл. 184—185. Журнал Азиатского комитета от 25 апреля 1830 г.

²⁴ Там же, лл. 202—203. Журнал Азиатского комитета от 12 октября 1830 г.

Иными словами, Сухтелен предлагал отвечать беззаконием на беззаконие, грабежом и насилием на грабеж и насилие. Он резюмировал свои предложения категорично и не очень разумно: «Вообще нужно бы на время пресечь всякую торговлю с ханствами, ибо они почти не могут обойтись без наших произведений».

Члены комитета отказались принять рекомендации генерала. Но они не нашли никаких альтернатив. Азиатский комитет напомнил, что уже обсуждал все эти набравшие вопросы в марте и июле 1826 г. и признал необходимой посылку военной экспедиции. Однако она была отложена до более благоприятных времен, пока верховное правительство «не соизволит признать сие удобным»²⁷, так как была связана со значительными материальными затратами и чревата военно-политическими осложнениями.

Перейдя к проблемам торговли, военный губернатор подчеркнул, что интересы российских и среднеазиатских купцов антагонистичны: «Принятие особенного участия в одном из торговых сословий (в азиатцах или русских) нанесет неминуемый вред другому: предоставление азиатцам новых привилегий довершит подрыв торговли русских» и отразится на передвижении их караванов. Поэтому он настаивал на льготах для Оренбургского края.

Члены комитета снова нашли нецелесообразным отмену допуска купцов из Средней Азии в глубь страны, но для облегчения «соперничества с азиатцами» отечественных предпринимателей решили продлить до начала 1842 г. предоставленное оренбургским купцам II и III гильдий «срочное» право первогильдейных купцов.

В качестве практических мер для обеспечения торговли со среднеазиатскими ханствами Сухтелен наметил программу из трех пунктов: «1. Привести Оренбургскую Орду в должное послушание. 2. Учредить от Орска и Троицка до Сырдарьи военные поселения, под защитой которых устроить в степи караван-сарай и 3. При удобном времени силой оружия заставить хивинцев свободно пропускать караваны, не нарушая до тех пор коммерческих сношений с сим ханством, но и не домогаясь сближения с оным».

²⁷ Там же, I—1, оп. 781, д. 491, лл. 234—235. Журнал Азиатского комитета от 28 февраля 1832 г.

«Предмет сей самый важный», — подчеркнули свой единодушный вывод члены Азиатского комитета. Вместе с тем они нашли, что предложенные оренбургским военным губернатором шаги практически мало целесообразны, так как сами собой разумеются. Губернское начальство должно постоянно заботиться о надлежащем порядке среди подчиненного ему казахского населения, постепенно вводя «по частям устройство». Участники заседания отклонили предложение о создании военных поселений до Сырдарьи и подчеркнули, что «всякие решительные меры не достигнут... желаемой цели». Рассмотрение вопроса о Хиве было отложено.

Результаты обсуждения показали неподготовленность комитета и оренбургского начальства к разрешению сложной проблемы, важность которой была достаточно осознана всеми государственными деятелями. Единственный вопрос, по поводу которого было принято определенное постановление, носил частный характер. Сухтелен уведомил Азиатский комитет, что в Сеитовском посаде и Троицке находится много бухарцев и хивинцев, «с давнего времени торгующих без видов и не неся повинностей». Его интересовало, сколько это еще продлится и какие границы для свободной торговли должны иметь таможенная черта в Оренбурге.

По этому поводу министр финансов сослался на выработанное комитетом положение, утвержденное 28 июля 1825 г., по которому все среднеазиатские купцы на Оренбургской линии имели право только оптовой торговли в таможенной черте и на меновых дворах без платежа гильдейских повинностей в течение одного года, после чего были обязаны «брать торговые свойства» (т. е. юридически определять свой статус). Там же, где нет таможен, им вообще нельзя торговать без купеческих свидетельств. Для Оренбурга пределы таможенной черты были определены пределами таможни и находящегося при ней менового двора.

Азиатский комитет согласился с разъяснением Е. Ф. Канкрина²⁸.

Все это ни в малейшей степени не помогало, однако, выяснить условия увеличения товарооборота со среднеазиатскими ханствами и обеспечить безопасное следо-

²⁸ Там же, лл. 224—248. Журнал Азиатского комитета от 28 февраля 1832 г.

вание караванов. Складывавшаяся политическая обстановка требовала быстрее решения этого вопроса. Царское правительство отдавало себе отчет, что может отстать от своего напористого соперника на Востоке.

Трагическая судьба У. Муркрофта и Д. Требека не отразилась, естественно, на активности британской экономической и политической разведки на Среднем Востоке. Экономика собственно Англии во второй половине 20-х и в 30-х годах XIX в. систематически оказывалась в затруднительном положении. В 1825 г. важнейшие отрасли английской промышленности охватил первый циклический кризис общего перепроизводства, который тяжело отразился на всей экономике Англии. Но в начале 1827 г. она вышла из него. На какое-то время наступил период некоторого расширения производства и торговли. Но в 1830 г. рынки снова оказались переполненными. В 1833 г., после двухлетней депрессии Англия вступила в фазу подъема, но в 1836 г. она снова пережила очередной кризис. 1825—1833 годы характеризовались чрезвычайно неустойчивым положением британской промышленности, испытывавшей возраставшие трудности в сбыте своей продукции²⁹.

Перед ведущей промышленной отраслью страны — хлопчатобумажной — со всей остротой возникла проблема поиска новых рынков сбыта: внутри Англии реализовывалось всего около трети отечественных хлопчатобумажных изделий. Стараясь решить задачу расширения внешних рынков, британские правящие и предпринимательские круги организуют широкое военно-политическое и торговое наступление в Индии, Иране, Афганистане, Средней Азии. Уже в 1829 г., как отмечал К. Маркс, «вывоз, особенно в Индию, превосходит все прежние годы»³⁰.

Для глубокой разведки Средней Азии британское правительство снарядило в Бухару новую экспедицию. Ее возглавил английский лейтенант на службе Ост-Индской компании Александр Бернс. В конце декабря 1831 г. сопровождаемый врачом Жерардом, писцом-переводчиком Мохан-Лалем и топографом Мухаммедом

²⁹ См. об этом подробно: Л. А. Мендельсон, Экономические кризисы и циклы XIX века, М., 1949, а также: «Мировые экономические кризисы. 1848—1935», т. 1—3, М., 1937—1939.

³⁰ К. Маркс, Капитал, т. I, — К. Маркс, Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2-е, т. 23, стр. 465.

Али, он направился из Дели в Бухару. По существу, группа А. Бернса повторила маршрут У. Муркрофта и Д. Требека. Она прошла через Кабул и Кундуз (причем Бернс выдавал себя за странствующего армянского купца), переправилась у Ходжа-Сале через Амударью и во второй половине июня 1832 г. прибыла в Карши, а 27 июня 1832 г. — в г. Бухару.

А. Бернс запаса рекомандательными письмами индийских и афганских купцов к бухарским торговцам и смог даже установить связи с кушбеги. Пользуясь тем, что в столицу ханства съезжались купцы из разных стран, он настойчиво собирал всевозможные сведения о положении в соседних государствах, рискуя вызвать подозрение собеседников. «Многие из посещавших нас изъявляли сомнение насчет нашего звания, — вспоминал впоследствии Бернс, — но это не препятствовало им открыто говорить с нами обо всем, начиная с политики их государя до состояния базаров. Простаки! Они думают, что лазутчикам необходимо только вымеривать их крепости и стены, а того не понимают, как важны разговоры»³¹.

Во время бесед с кушбеги обсуждался вопрос о развитии торговли между Англией и Бухарой. По утверждению Бернса, кушбеги просил его приехать опять — уже в качестве торгового посланника. Бернс подробно расспрашивал местных купцов об экономике ханства, его пределах и военной силе. А на обратном пути (разведчики покинули Бухару в конце июля 1832 г.) его внимание привлекли топография местности, ее природные условия, продовольственные и фуражные ресурсы, речные переправы и т. п.

Например, описывая Амударью, Бернс указывает, что ниже Хазрет-Имама в течение шести месяцев ее можно переходить вброд, «так что даже переправа артиллерии незатруднительна», что близ Келифа и Чарджоу Амударья несколько шире. «Подробное описание этой реки при двух упомянутых местах дает лучшее понятие о представляемых ею выгодах как в отношении военном,

³¹ [Бернс А.], Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду от моря до Лагора с подарками великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию, предпринятом по предписанию высшего правительства Индии в 1831, 1832 и 1833 годах лейтенантом Ост-Индской компанией службы Александром Борнсом, пер. с англ., ч. II, М., 1848, стр. 400.

так и торговом... она может служить как путем для торговли, так и для военных экспедиций... В обоих случаях Окс[ус] представляет самые приманчивые виды, ибо он служит самым прямым путем и удобнейшей связью между народами Европы и отдаленнейшими народами Средней Азии»³².

Вернувшись через Туркмению и Иран в Индию, А. Бернс представил генерал-губернатору Уильяму Бентинку подробный отчет о результатах поездки. Она, вне всякого сомнения, способствовала дальнейшей активизации британской торговли в Северной Индии, Афганистане, среднеазиатских ханствах, вызвав большое внимание английских предпринимателей. В 1834 г. в Лондоне Бернс издал описание своего путешествия. Весь тираж немедленно разошелся и через год вышло второе издание. В том же, 1835 г. книга «Путешествие в Бухару» была опубликована на французском и немецком языках.

Подготавливая рукопись к выходу в свет, автор тщательно изъяс находившиеся в ней специфические данные, предназначенные для военно-политических кругов Британской империи. Он достаточно прозрачно намекал на это обстоятельство: «Этот отдел моего сочинения, так же как и другие, сокращен, вследствие причин, объяснять которые я не считаю нужным»³³. В наши функции не входит рассмотрение зарубежных публикаций, посвященных Средней Азии, тем не менее, поскольку речь зашла о труде А. Бернса, следует отметить, что он сыграл важную роль в деле изучения Востока в Европе и в России; в 1848 г. на средства крупного предпринимателя П. В. Голубкова книга была издана на русском языке.

Настойчивое проникновение английских агентов и товаров в Среднюю Азию вызвало в начале 30-х годов беспокойство царских властей. В это время вместо скончавшегося престарелого Сухтелена 15 апреля 1833 г. должность оренбургского генерал-губернатора занял относительно молодой (38-летний), энергичный приближенный Николая I флигель-адъютант и генерал-майор (ставший вскоре генерал-адъютантом и генерал-лейтенантом) В. А. Перовский. 17 августа 1833 г. он послал

тревожное письмо директору Азиатского департамента К. К. Родофиникину. Ссылаясь на поступившие из Бухары сведения, он сообщал, что местный рынок завален привезенными из Бенареса английскими товарами, которые продаются по ценам в шесть—девять раз ниже, чем в России. Все это заслуживает большого внимания, сокрушался губернатор, «ибо как скоро заведутся постоянные торговые сношения англичан с областями Средней Азии, то... требования туда наших произведений прекратятся. Тогда Хива и Бухария английскими товарами будут снабжаемы из Персии, в которую привоз их усилятся посредством недавно учредившейся в Трапезонте Английской торговой компании»³⁴.

Но министр финансов Е. Ф. Канкрин, которому Родофиникин передал тревожные вести, отнесся к ним с философским спокойствием. Он нашел опасения преувеличенными, названные цены — неправдоподобными, трапезундскую компанию — еще не окрепшей и вряд ли перспективной. Канкрин выразил надежду, что с развитием отечественных бумагопрядилен российские ткани будут продаваться в Азии дешевле³⁵.

Эти заверения, однако, не успокоили оренбургского военного губернатора, практически ответственного за политику Российской империи в Казахстане и Средней Азии. Его появление в Оренбурге означало, без сомнения, что царское правительство не намерено больше играть в этом районе пассивную роль; особенно в обстановке серьезной активизации английских конкурентов.

³⁴ АВПр, СПб. Главный архив, II—3, оп. 34, 1833—6, лл. 16—2.

³⁵ Там же, лл. 6—7. Письмо Е. Ф. Канкринина от 5 сентября 1833 г.

³² Там же, ч. III, стр. 273—286.

³³ Там же, стр. 210.

Россия и Коканд

Пожалуй, наименее интенсивно развивались торгово-политические отношения России с третьим из крупных государственных образований Средней Азии — Кокандским ханством. Сначала это объяснялось его отдаленностью и тем, что оно было отделено от России Ташкентским владением, уже проложившим дорогу в Петербург. Эти отношения стали налаживаться во втором десятилетии XIX в. К тому времени Ташкент был уже поглощен Кокандом, пределы которого распространились, таким образом, на север. Интересы ханства вошли в столкновение с интересами царских властей: развернулась борьба за влияние среди казахских племен. Затем, в 30—50-х годах Кокандское государство переживало острейший кризис, вызванный, с одной стороны, систематическими нашествиями бухарских войск, нередко добивавшихся успеха, а с другой — классовой борьбой, осложнявшейся межплеменными и межнациональными раздорами.

Взаимоотношения между Россией и Кокандом, в которых обе страны проявляли заинтересованность, вначале носили мирный, дружественный характер, который постепенно — к 50—60-м годам XIX в. — сменился враждебностью, так как именно это ханство стало первым объектом военного давления царизма.

Еще в 1805 г. до Петербурга дошло «представление» казахского султана Букея о стремлении кокандского хана Алима вступить в торговлю с русскими купцами. Министр коммерции гр. Н. П. Румянцев, поразмыслив над «желанием куканского бека завести с нашими купцами торговую связь и впускать караваны их в его город Кукан», счел его приемлемым «по торговым видам». Тем более, рассуждал министр, что Коканд дальше Ташкента и движение к нему караванов поможет попол-

нить сведения об азиатской экономике «и далее расширит торговое наше поле»¹.

Учитывая эту позицию руководителя ведомства коммерции, Коллегия иностранных дел информировала инспектора сибирской инспекции (сношения с Кокандом входили в основном в его ведение и развивались через Сибирь, прежде всего через «крепость Омскую», впоследствии — город Омск) генерал-майора Лаврова, что правительство одобряет установление торговых связей с ханством, поручая Румянцеву соответствующее руководство².

13 января 1806 г. Лавров сообщил министру коммерции, что купец Нерпин отправил приказчика с торговым караваном в Коканд «и далее, если возможно будет». Однако раздоры между местными правителями помешали успеху предприятия. Приказчик Нерпина добрался лишь до Туркестана³, последнего крупного населенного пункта перед Ташкентом. До Ферганской долины, где располагалось собственно Кокандское ханство, было еще далеко.

Более удачными оказались калужские купцы Иван и Аким Свешниковы. Их караван под руководством приказчика Семена Алейникова в 1811 г. добрался до ханства. Прибывшие в 1812 г. в Россию кокандские посланцы ходатайствовали о награждении смелых предпринимателей. Иван и Аким Свешниковы, специализировавшиеся на торговле через Петропавловск со Средней Азией, «за первоначальное открытие ими торга с Кокандом» по представлению генерал-губернатора Западной Сибири Г. Глазенапа были награждены «золотыми медалями на алой ленте для ношения на шее». Семен Алейников также не был обойден: он получил «бриллиантовый перстень в 400 рублей ценою»⁴.

Видимо, воодушевленные благоприятным исходом предприятия купцов Свешниковых, представители правителя Коканда Омар-хана обратились от его имени к русским властям с просьбой об «открытии из Сибири свободной торговли с его подданными». Это соответство-

¹ АВПр, СПб. Главный архив, II—3, оп. 34, 1805—5, л. 4. Записка Н. П. Румянцева от 18 мая 1805 г.

² Там же, л. 6. Выписка из отношения Коллегии иностранных дел.

³ Там же, л. 9.

⁴ Там же, 1811—2, л. 6. Недатированная памятная записка.

вало намерениям Петербурга. Министерство иностранных дел сообщило министерству финансов, которое тогда возглавлял Д. А. Гурьев, что Александр I, «соизволил», указать прием и отпуск товаров «чинить в крепости св. Петра и на форпосте Коряковском по Иртышской линии, с наблюдением обыкновенных таможенных правил»⁵.

Узбекский историк Х. Зияев, специально изучавший взаимоотношения среднеазиатских ханств с Российской империей через Сибирь, на основании материалов архивов Казахстана и Омска приводит некоторые подробности, связанные с дипломатическим посольством Коканда. Он сообщает имя посла — Шокирбек и указывает, что им были высказаны пожелания, чтобы царские власти обеспечили кокандским торговцам свободу деятельности и способствовали расширению торговых отношений; проживающие на Сибирской линии купцы из ханства должны быть избавлены от военного постоя.

Использованные Х. Зияевым документы подтверждают, что администрации Сибирской линии были посланы указания использовать все возможности, чтобы «приманить» Кокандское ханство «к продолжению с нами торговых связей...» Начальник таможенников на азиатских границах Веригин предписывал директору семипалатинской таможни (со ссылками на «высокомонаршую волю») «...учинить зависящее... распоряжение, внушив при том подчиненным своим, дабы они обходились с новым сим купечеством сколько возможно ласковее и снисходительнее, употребляя все средства к приобретению их доверенности, буде же напротив того [паче всякого чаяния] правительство усмотрит, что от неосторожных и оскорбительных поступков таможенных чиновников или служителей народ сей очевидным образом станет отклоняться от наших с ним связей, в таком случае все служащие в таможне без исключения подвергнутся отрешению от мест и преданы будут осуждению по всей строгости законов»⁶.

Приведенная выдержка убедительно свидетельствует, что правящие круги империи придавали серьезное значение укреплению экономических связей с Кокандским

ханством, стараясь уберечь приезжих с юга «от неосторожных и оскорбительных поступков таможенных чиновников или служителей». Эти предостережения оказались обоснованными, но мало действенными. Кокандским посланникам (неизвестно, относится ли сказанное далее к Шокирбеку, поскольку в документах не всегда приводятся имена) так и не удалось благополучно возвратиться домой.

На обратном пути, во время остановки в Петропавловской крепости, один из них умер от болезни, «другой же пал жертвой ревности от руки сосланного на поселение русского солдата»⁷. Это заставило сибирскую администрацию поставить перед Петербургом вопрос о снаряжении в Коканд русского посольства для изложения печальных событий. В итоге было решено направить в ханство переводчика Отдельного Сибирского корпуса Филиппа Назарова.

Царское правительство стремилось сочетать установление политического контакта с укреплением договоренности о развитии торговых отношений между обеими странами. Ф. Назаров, охраняемый отрядом казаков, 16 мая 1813 г. отправился в Коканд, снабженный царской грамотой и подарками местному хану Омару (1810—1822 гг.). Вместе с ним в Ферганскую долину на 100 верблюдах следовал купеческий караван с товарами на 200 тыс. руб. Их путь проходил из Омска в крепость Петропавловскую, затем через Сузак и Чимкент в Ташкент, который к тому времени вошел в состав кокандских владений.

Оставив в этом городе торговый караван, Ф. Назаров со своими спутниками направился в столицу ханства, откуда его конвой, за исключением пяти человек, был возвращен на родину. По приезде Ф. Назарова в Коканд, его посетил ханский визирь, интересовавшийся целями визита. «Я отвечал ему, — пишет Назаров, — что мы прибыли для открытия с ними торговли...» Он рассказал о судьбе «главных посланников» и сообщил, что привез «высочайшую грамоту и подарки»⁸. На состоявшейся вскоре аудиенции у Омар-хана царский посланец передал ханским сановникам привезенные дары.

⁵ С. В. Жуковский, Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие, Пг., 1915, стр. 156.

⁶ Филипп Назаров, Записки о некоторых народах и землях средней части Азии, М., 1968, стр. 38—39.

⁵ Там же, 1812—4, л. 1.

⁶ Х. Зияев, Средняя Азия и Сибирь (вторая половина XVI—XIX вв.), Ташкент, 1964, стр. 50—51 (со ссылкой на ЦГИА КазССР, ф. 478, д. 36, лл. 60—61).

Филипп Назаров провел в ханстве около года, посетив за это время наиболее крупные города Ферганской долины. 1 августа 1814 г., когда он находился в Ташкенте, туда прибыли «двое депутатов с ответными к его императорскому величеству от Коканского владетеля письмами», и Назаров «с ними и с купеческим караваном в сопровождении двухсот человек коканского войска отправился в обратный путь по тому же тракту, по коему следовал»⁹. 15 октября 1814 г. он вернулся в крепость Петропавловскую.

В политическом отношении поездка Ф. Назарова не имела серьезных последствий, хотя она является существенным свидетельством стремлений правящих кругов Российской империи и Кокандского ханства к установлению и развитию дружественных дипломатических и экономических связей. Но в научном плане она привела к появлению интересной книги о посещенных Назаровым землях и ведущих туда дорогах. В 1821 г. в Петербурге вышли из печати «Записки о некоторых народах и землях средней части Азии Филиппа Назарова, Отдельного Сибирского Корпуса переводчика, посланного в Кокант в 1813 и 1814 годах». Любопытно отметить, что это издание было осуществлено на средства бывшего министра коммерции, Н. П. Румянцева.

Почти через полтора века эти «Записки...», которые сейчас с большим трудом можно найти лишь в крупнейших библиотеках, были переизданы ленинградским востоковедом В. А. Ромодиным с предисловием, уточнениями и дополнениями, сделанными им по рукописи, хранящейся в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (мы и ссылаемся на это издание). Работа Филиппа Назарова представляет собой определенный вклад в литературу о Средней Азии начала XIX в.

Автор приводит интересные подробности о жизни населения Ферганской долины и Ташкентского оазиса, местных промыслах, быте и нравах, роли духовенства, некоторых особенностях феодального управления, месторождениях полезных ископаемых, специфике придворного этикета. Содержащиеся в его книге сведения о взаимоотношениях кокандских властей и казахов, о военной и политической обстановке в ханстве, внешнем облике местных городов были для тех лет уникальными.

⁹ Там же, стр. 59.

Филипп Назаров вполне оправдал поставленные перед ним задачи, сформулированные следующим образом: «Народы, обитающие в средней части Азии, до сих пор остаются мало известными. Будучи к ним послан и задержан ими в продолжении полутора года, я старался замечать нравы, обычаи, положение мест и укрепления городов сих народов; а знание тамошнего языка как своего собственного доставило мне те средства, кои редко находят путешественники. Сделав краткое о сем описание, я предпринял издать оное в свет, чтобы тем познакомить соотечественников моих с сими внимания достойными землями, из коих некогда вышли народы, поглотившие наше Государство»¹⁰.

У нас нет достоверных данных о том, с чем были отправлены в Российскую империю «двое депутатов от коканского владетеля», о которых упоминает Ф. Назаров. Более того, рассмотренные документальные материалы не содержат упоминаний о каких-либо посольствах из Коканда вплоть до конца 20-х годов XIX в. В отношениях Петербурга с этим ханством не возникало особых сложностей и не проявлялось большой заинтересованности. Но в указанное время на русско-кокандские отношения стали набегать первые тучи. Они были порождены тем же, чем и конфликты между Россией и Хивой: претензиями обеих сторон на суверенитет над казахскими племенами.

В январе 1827 г. в Оренбург приехал султан «Средней части Орды (т. е. Среднего жуза.— Н. Х.) Мятый Мухамметгалев» с жалобой на притеснения, испытываемые его подчиненными, от правителей Коканда и Хивы — Мухаммеда Омара и Мухаммеда Рахима — и их преемников — Мухаммеда Али и Аллакули. Кокандцы и хивинцы, информировал султан военного губернатора П. К. Эссена, требуют у казахов выплаты им дани и построили на землях кочевников — при Ак-Мечети и Каракуле — укрепления «для преграды караванных путей»¹¹.

Эссен предложил Мятю Мухамметгалиеву направить против этих укреплений казахских воинов, ссылаясь на отдаленность крепостей от Оренбургской линии

¹⁰ Там же, стр. 17.

¹¹ АВПР, СПб. Главный архив, II—27, оп. 72, 1827--2, лл. 1—2. П. К. Эссен — К. В. Нессельроде от 26 января 1827 г.

(а значит, и от поддержки со стороны русских войск), слабость своих сил и наличие крупных кокандских и хивинских гарнизонов (в каждой крепости, пояснял султан, до 700 солдат, хорошо вооруженных, тогда как у его соплеменников — одни пики)¹².

По просьбе К. В. Нессельроде оренбургский губернатор прислал в столицу свои соображения и расчеты¹³ по уничтожению царскими войсками ханских укреплений на казахских землях. Возникший важный вопрос обсуждался Азиатским комитетом. «Комитет рассуждал» (такова была формула, с которой начиналась существенная часть его журнала), что для спокойствия казахских племенных объединений «весьма нужно удалять всякое на них влияние иностранных владетелей, могущее вредить нашим пользам».

В обстановке постоянных столкновений с Хивинским ханством, члены Азиатского комитета были настроены чрезвычайно миролюбиво по отношению к Коканду и даже пытались найти обстоятельства, оправдывавшие его действия. Конечно, утверждали они, кокандские власти, создавая крепости, преследуют свои выгоды, но, может быть, эти укрепления необходимы для пристанища караванов в открытой степи, а еще более — «для ограждения торговли от хищников».

К тому же, по-видимому, казахи не противились этому строительству, «находя в том случай для собственной промышленности», и нечего ожидать от них военного содействия. При подобных обстоятельствах насильственное срытие созданных укреплений, как и «ограждение» казахских племен от «внешнего воздействия», окажется возможным лишь тогда, «когда мы успеем Хивинское ханство поставить в мирные и теснейшие с нами связи и когда владычество Российской империи безусловно утвердится на Сырдарье и так далее к востоку до гор Алтайских».

А до тех пор военная экспедиция в Казахстан не принесет никакой пользы, «причина же между тем ущерб казне напрасными издержками, ослабляя в некотором отношении влияние могущества нашего на киргизов и их соседей и, наконец, раздражая промышленные племена

¹² АВПР, СПб. Главный архив, I—1, оп. 781, д. 491, л. 68. Журнал Азиатского комитета от 10 августа 1827 г.

¹³ Там же, II—27, оп. 72, 1827—2, лл. 15—23. Отношение Эссена от 13 июля 1827 г.

Средней Азии, каковы коканцы и ташкентцы, принимающие выгодное для нас участие в торговле с Сибирской линией».

Азиатский комитет принял решение отложить экспедицию «в степь», поручив, однако, оренбургскому военному губернатору, собрать подробные сведения о воздвигнутых кокандцами укреплениях¹⁴.

Такое в общем благожелательное отношение царских властей к самому отдаленному среднеазиатскому ханству нашло вскоре дополнительное подтверждение. В середине 1828 г. в Омск приехали кокандские послы Садр Гамальдар Турсунходжа Найзаходжин и Хаджи Миркурбан Мамет Касымов (так они именуются в документах). Им было разрешено посетить Петербург, где представители хана Сеида Мухаммеда Али передали грамоту своего повелителя Николаю I. Правитель Коканда выражал обычные в подобных случаях чувства дружбы и высказывал желание «утвердить навсегда доброе согласие и хорошие отношения между обеими странами».

Мухаммед Али ходатайствовал об оказании покровительства и защиты кокандцам, приезжающим в Россию, обещая взаимность и «изъясняя, сколь полезно было бы упрочить свободу и безопасность обоюдных сношений, приятных и торговых»¹⁵. Он высказывал также претензии по поводу «киргизских грабежей» и мелких территориальных споров.

Посланцев принимали очень тепло, показали им много интересного в столице. В Азиатском департаменте состоялась беседа между ними, директором департамента К. К. Родофиникиным и Мейендорфом, посетившим в 1821 г. Бухару. Она была посвящена «торговле народов Средней Азии вообще и особенно кокандской», как писал Родофиникин Нессельроде. Глава Азиатского департамента остался доволен беседой с послами из Коканда. «Ответы их были довольно искренни и удовлетворительны как о товарооборотах их с Россией, Бухарией, Китаем, Индией, так и о статистике Кокана, об истории и географии оного и проч.»¹⁶.

¹⁴ Там же, I—1, оп. 781, д. 491, лл. 68—71. Журнал Азиатского комитета от 10 августа 1827 г.

¹⁵ Там же, I—6, 1828—1, л. 140.

¹⁶ Там же, лл. 194—195. К. К. Родофиникин — К. В. Нессельроде от 26 февраля 1829 г.

Кокандские посланцы, как полагалось, получили соответствующую аудиенцию у царя, а также подарки для себя и для хана. 5 февраля 1829 г. Николай I утвердил проект грамоты в адрес Сеида Мухаммеда Али. В ней подчеркивалось, что кокандцы могут рассчитывать на то, что в Российской империи им будут и впредь оказываться «приянь, защита и справедливость по их делам» в надежде на ответное расположение в ханстве к приезжающим из России, «благодарный прием и покровительство».

Правитель Коканда призывался к активной поддержке добрососедских отношений: «...удаляя всякие случаи, стесняющие взаимную торговлю между россиянами и коканцами и убеждая к такому доброхотству ваших соседей, тем самым разделите наши попечения о счастье как народов, от бога нам вверенных, так и наших соседей»¹⁷.

В то же время Петербург отклонил настояния посланников, чтобы в Коканд был отправлен нарочный с царской грамотой — за отсутствием прецедентов. Им обещали, что эта просьба может быть уважена только «по окончании войны с Портою Оттоманской» (т. е. русско-турецкой войны 1828—1829 гг.)¹⁸.

Хотя «нарочный» так и не был отправлен, приезд Турсунходжи Найзаходжина и Хаджи Миркурбана Мамет Касымова послужил основанием для посещения ханства одним из самородков-исследователей, сыгравших немалую роль в расширении мировых географических познаний.

Когда в марте 1829 г. послы из Средней Азии с «высочайшей грамотой» и «особой нотой» вице-канцлера Нессельроде, в которой также выражалась солидарность с предложениями Мухаммеда Али об укреплении и расширении русско-кокандских связей, покинули Петербург и через Омск направились в Ферганскую долину, их сопровождал Н. И. Потанин.

«По воле высшего начальства я был назначен в 1829 году, мая 13 дня, для сопровождения до города Ташкента кокандских посланников, бывших в С.-Петербурге, и кроме сего поручения имел обязанностью делать съемку и описывать, по мере возможности, положение и

¹⁷ Там же, I—1, «Всепопданнейшие» доклады, д. 69, 1829, лл. 22—23.

¹⁸ Там же, I—1 «Всепопданнейшие» доклады, д. 69, 1829, л. 32.

свойство тех мест, чрез которые мне надлежало проходить»¹⁹ — так начинается содержательный рассказ о Кокандском ханстве «пристава» при посольстве, хорунжего Н. И. Потанина. По обстоятельствам, породившим эти интересные «Записки...», по своему характеру они перекликаются с книгой Филиппа Назарова.

Н. И. Потанин выехал с представителями Коканда из Омска 12 августа 1829 г. и через Семипалатинск двинулся на юг. Вместе с урядником и 12 казаками он не только посетил Ташкент, побывав по пути в городах Туркестане и Сузаке, но и проехал в глубь Ферганской долины, добравшись до столицы ханства. 16 января 1830 г., проведя в городе Коканде пять недель, Потанин отправился домой. 1 апреля он выехал из Ташкента и 24 мая 1829 г. «вышел на Линию» — к форпосту Семиярский.

В непродолжительном времени — в 1831 г. — «Военный журнал» опубликовал «Записки Сибирского линейного казачьего войска хорунжего Потанина, препровождавшего кокандских посланников, бывших у Российского Двора в 1830 году»²⁰. Этот документ привлек большое внимание ученых, крупных торговых деятелей, дипломатов и всех, кого любопытство влекло к ознакомлению со все еще загадочными восточными соседями России.

В 1857 г. известный отечественный ориенталист П. Савельев переиздал описание путешествия Н. И. Потанина со своими исправлениями и примечаниями²¹, подчеркивая, что «записки нашего хорунжего составляют приобретение для землеведения края»²².

В самом деле, пытливый и зоркий взгляд степняка, которого знаменитый русский географ П. П. Семенов-Тянь-Шанский характеризовал как «талантливый и лю-

¹⁹ «Записки о Кокандском ханстве, хорунжего Потанина (1830 года)», — «Вестник Русского географического общества за 1856 год», кн. VI, СПб., 1857, стр. 256.

²⁰ «Военный журнал», 1831, № IV, стр. 102—139, № V, стр. 43—70.

²¹ «Вестник Русского географического общества за 1856 год», кн. VI, стр. 255—289.

²² Там же, стр. 256. Более подробно о путешественнике см.: Г. Е. Катанаев, Н. И. Потанин и его русские предшественники по разведкам в Киргизских степях и Средней Азии, — «Записки Зап.-Сибирского отдела Русского географического общества», т. XXXIII, Омск, 1916, стр. 192—202; здесь же публикация «Записки... Н. И. Потанина» (стр. 209—236).

бознательного казачьего офицера»²³, подмечал многое, ускользавшее от глаз купцов или дипломатов, посетивших Кокандское ханство. Н. И. Потанин сообщает о «каменных столбах с изображением лица человеческого», о тяжести податей и налогов, которыми ханские власти облагали казахов, об особенностях военных набегов и городской архитектуры, политическом и экономическом положении различных областей Коканда, характерных чертах местных путей сообщения и вооруженных сил, придворном этикете, религиозных и иных обычаях, флоре и фауне. Трудно, естественно, пересказать в нескольких словах это не лишнее поэзии произведение. Да в этом и нет необходимости: с ним может ознакомиться каждый, кто проявляет интерес к прошлому народов Средней Азии.

Среди немногочисленных изданий тех лет, посвященных Кокандскому ханству, «Записки...» Н. И. Потанина представляют заметное явление. Автор, к сожалению, не стремился раскрыть торгово-политические и дипломатические отношения между Россией и посещенным им Кокандским ханством. А в этих отношениях тем временем наметились определенные сложности. Они были вызваны, с одной стороны, враждой ханства с соседями, перераставшей в открытые военные столкновения, с другой — претензиями Коканда на суверенитет над русско-подданными казахскими родами. Высылка кокандских отрядов «в степь», сбор податей с казахов, считавшихся подданными России, поддержка «мятежных султанов» и аналогичные действия Мухаммеда Али, с точки зрения царских сановников, означали, что со стороны Сибирской линии может появиться сила, противоборствующая распространению влияния империи в юго-восточных районах Казахстана, подобно тому как в его западных районах им приходилось преодолевать сопротивление и претензии Хивинского ханства.

Эти факторы определили позицию Петербурга в отношении кокандского посольства, которое в начале 1831 г. было прислано Мухаммедом Али-ханом (в литературе часто — Мадали, Мадали-хан) для следования в Петербург. К. В. Нессельроде срочно распорядился задержать это посольство. Министр иностранных дел указывал мест-

ному генерал-губернатору, что прием посольства вызовет большие расходы. Действительно, только на содержание в Омске и на проезд в Петербург предшествующей миссии Турсунходжи Найзаходжина и Хаджи Миркурбана Мамет Касымова была израсходована огромная сумма, превышавшая 10 тыс. руб.²⁴

Поэтому осенью 1831 г. посольству пришлось выехать из Тобольска на родину. Царское правительство пренебрегло заманчивой возможностью установить над Кокандским ханством свое влияние или «покровительство». А такая возможность существовала; на нее намекали представители Мухаммеда Али. И ее учитывали некоторые влиятельные чиновники Сибири, имевшие причастность к торговым связям. Так, директор Кяхтинской таможни Голляховский, ссылаясь на приехавшее посольство, направил в столицу записку «О выгодах для русской торговли, если Кокан войдет под покровительство России».

Если верно, что ханство «ищет» такого покровительства, писал руководитель Кяхтинской таможни, то «удовлетворение» подобного ходатайства «может почесться счастливым событием для нашего отечества», ибо утверждение Российской империи в ханстве не только «заставит кочующие орды быть покорными», но и способно привести, «не говорю к распространению владений нашего отечества, в чем оно вовсе не нуждается, а к непосредственному торговому сношению...»

Голляховский приводил и другие доводы в пользу удовлетворения ходатайства хана о покровительстве: «здоровый и прекраснейший климат, способный к многим лучшим произведениям земли, а со стороны здоровья далеко превышающий Кавказ и Закавказский край», близость к Бадахшану, горы которого, по мнению автора, «изобилуют золотом и драгоценными камнями», к тому же там «протекает судоходная река Аму, проходящая чрез Бухарию и изливающаяся в Аральское море». Удовлетворение просьбы кокандского правителя откроет дорогу даже к Кашмиру и другим богатым землям, не говоря уже о Бухаре, «и даже самый Ташкент может сделаться чрез сие доступным», — подчеркивал Голляховский, отмечая попутно, что хан Коканда не зависим ни от кого²⁵.

²³ П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Путешествие в Тянь-Шань в 1856—1857 гг., М., 1948, стр. 81.

²⁴ АВПР, СПб. Главный архив, I—6, 1828—1, л. 201 и след.

²⁵ АВПР, СПб. Главный архив, I—13, 1831—1, 2, лл. 2—4.

Однако все эти доводы не возымели никакого действия: Петербург отнюдь не собирался предпринимать какие-либо шаги к утверждению господства над ханством, независимо от намерений правительства Мухамеда Али. Царскую столицу больше волновали и беспокоили продолжавшие поступать известия о вмешательстве ханских агентов во внутренние дела казахских племен. В изучение причин подобных поступков были вовлечены даже жандармские офицеры.

7 июля 1834 г. исполнявший должность начальника VII округа корпуса жандармов полковник Маслов доносил из Тобольска Бенкендорфу «о причинах впадения (!— Н. Х.) кокандцев во вновь открытые округа в Средней Киргизской Орде». Повторяя почти дословно приведенные Голляховским доказательства в пользу выгоды для России установления протектората над Кокандом, полковник считал, что враждебные действия ханства вызваны отказом России принять его посольство, разъяснением Петербурга, что царю «весьма неприятно тесное сношение коканского владельца с возмущившимся киргизским султаном Саржаном Касымовым... во вред России»²⁶.

Как видим, жандармское разъяснение ничего не разъясняло. Но и без него становилось понятно, что в русско-кокандских отношениях появился новый фактор, значение которого будет увеличиваться, — соперничество за влияние среди населения Казахстана. Именно этот фактор в дальнейшем превратит Кокандское ханство во врага № 1 Российской империи, оттеснив на задний план в этом смысле недруга первых четырех десятилетий XIX в. в Средней Азии — Хивинское ханство.

А пока рассмотрим как царское правительство оценивало состояние русско-кокандских отношений к середине 30-х годов. Исчерпывающую характеристику давал им вице-канцлер и министр иностранных дел К. В. Нессельроде. В письме главноуправляющему в Грузии от 14 апреля 1835 г. он сообщал о прибывшем из Коканда посольстве «якобы для того, чтоб теснее сблизиться с Россией, но с тайной целью испросить военные снаряды...»

Несмотря на отправку этой миссии, выражал недовольство Нессельроде, правитель ханства «старался воз-

мутить подвластных нам киргизов и до 6 тыс. кибиток перегнал в свои владения вместе с изменившим нам султаном Саржаном». Российские власти отказались принять посольство. После этого ханские власти начали враждебные действия против России: «возбуждают к непокорности наших киргизов Средней Орды, нападают на их аулы, грабят их и уводят в плен». Попытки кокандцев построить укрепления в районах казахских кочевий были пресечены небольшими отрядами царских войск, да и вообще операции Коканда не имели большого успеха, признавал министр, но они были «вредны как для течения дел наших в Средней Орде, так и самой торговли».

К. В. Нессельроде считал главным виновником обострения русско-кокандских отношений управлявшего Ташкентским округом кушбеги, настраивавшего и хана против России, чтобы «сохранить возможность грабить в степях и караваны, и киргизов». Торговые интересы, по его мнению, препятствовали вооруженному воздействию на ханство, и министр иностранных дел четко и недвусмысленно формулировал свое представление о задачах внешней политики империи в Средней Азии.

«Россия могла бы силой оружия принудить кокандцев к перемене таковой системы действий, — подчеркивал он. — Но, не испытав других средств, более миролюбивых, правительство не желало бы прибегнуть к сей решительной мере, тем более что экспедиция против кокандцев поселит в прочих азиатских владельцах мысль о желании России преобладать в тех краях и тем самым отвратит их от торговых с нами сношений, тогда как торговля и распространение оной есть главная и единственная цель всех наших действий по сношениям с народами Средней Азии»²⁷.

Думается, что царскому дипломату не было необходимости кривить душой перед своим коллегой, и данное им определение государственных задач в отношениях со среднеазиатскими ханствами — во всяком случае на данном этапе — заслуживает самого пристального внимания.

²⁷ ЦГАОР СССР, ф. 792 «М. Б. Лобанов-Ростовский», д. 11, «Выписки из донесений...», лл. 34—36.

²⁶ Там же, папка 2, лл. 2—8.

*Миссии П. И. Демезона
и Я. В. Виткевича*

С прибытием В. А. Перовского на юго-восточный форпост России политика царизма по отношению к Средней Азии приобрела значительно более острый и активный характер. Для осуществления ее основных задач — укрепления влияния Российской империи в этих краях и расширения торговых связей с местными ханствами — новый военный губернатор действовал настойчиво. Порой он, пользуясь близостью к царю, шел даже наперекор мнениям и решениям Азиатского комитета. Предположения некоторых столичных недоброжелателей В. А. Перовского, заявлявших, что оренбургское назначение является для него своего рода почетной ссылкой, были необоснованными и надуманными. На границах Средней Азии требовался волевой и решительный человек, вполне самостоятельный при определении методов и способов достижения поставленных целей. Перовский отвечал этим требованиям: жестокий сатрап, типичный «николаевский» сановник, он вместе с тем неплохо разбирался в нуждах господствующих классов страны и старался по мере возможности их удовлетворить.

В. А. Перовский, приехав в Оренбург и осмотревшись, решил прежде всего уяснить обстановку в крупнейшем ханстве — Бухарском. Через пять месяцев после своего назначения, 26 сентября 1833 г., он пишет директору Азиатского департамента К. К. Родофиникину: «Состояние заграничной торговли здешнего края и сношения с соседними народами заставляют желать, чтобы можно было получать верные и основательные сведения обо всем, происходящем в областях Средней Азии, и о положении тамошних дел». Особенно необходимым это стало с появлением в Бухаре и Хиве «двух путешествующих англичан и привозом афганцами из Индии в Бухарию некоторых английских бумажных изделий»¹.

¹ АВПР, СПб. Главный архив, IV—3, 1833—1835, д. 1, лл. 1—2.

Оренбургский военный губернатор предложил отправить в Бухару не царского посла, а своего представителя, в результате чего «избегнется гласность, в подобных случаях вредная, и сократятся большие издержки».

В качестве такого представителя В. А. Перовский предлагал портупей-прапорщика Я. В. Виткевича. Но Ян Викторович Виткевич, который в 1823 г. в 14-летнем возрасте был сослан рядовым в Оренбургский край за участие в вольнолюбивом кружке в Крожской гимназии на Виленщине, не устраивал царские власти. В Петербурге было известно, что в октябре 1830 г. Виткевич был произведен только в унтер-офицеры. (О смягчении его участи хлопотал знаменитый немецкий естествоиспытатель А. Гумбольдт, посетивший далекие зауральские области и, по некоторым данным, познакомившийся со ссыльным, который овладел к тому времени многими языками среднеазиатских народов и изучил местные обычаи.)

Чтобы не затевать лишней переписки и не затягивать решения вопроса, В. А. Перовский согласился с мнением столичных властей о необходимости избрать «другого, опытнейшего и благонадежнейшего чиновника»². Им стал выходец из Сардинии Петр Иванович Демезон (1807—1873 гг.), получивший востоковедское образование в Казанском университете. С весны 1831 г. он был преподавателем арабского и персидского языков в Неплюевском кадетском корпусе в Оренбурге, а с сентября того же года служил переводчиком в местной Пограничной комиссии.

П. И. Демезону была «переадресована» предназначавшаяся ранее для Виткевича и подписанная Перовским «Записка о предметах, долженствующих обратить на себя внимание г. Де-Мезона при проезде его в Бухарию». Намеченная программа была очень обширна. Посланцу предлагалось изучить отношение в Бухаре к России (в частности, «нет ли тайных причин для недовольства»), «свойства» влиятельных лиц ханства, возможности увеличения производства «хлопчатой бумаги» и шелководства. Ведущее место занимали торговые проблемы: «В случае усиления привоза к нам произве-

² Г. Н. Чабров, Поездка в Бухару переводчика П. И. Демезона (1833—1834 гг.), — «Труды Средне-Азиатского гос. университета им. В. И. Ленина». (История стран Востока), новая сер., вып. XCIV, Исторические науки, кн. 14, Ташкент, 1957, стр. 111.

дений бухарских, не могут ли они быть уплачиваемы такими произведениями нашими, которые до сего времени не вывозились, или не может ли быть усилено потребление в Бухарии тех товаров, которые ими уже вывозятся?»; «не привозятся ли в Бухарию из других стран Азии товары, которые до России не доходят, но могли бы быть употребляемы с пользой и заменить товары того же рода, привозимые европейцами?» (в частности, индиго).

В. А. Перовского интересовало состояние торговли ханства с соседними странами Азии, его отношения с Англией, географическое положение, возможность вывозления русских пленных из Хивы и Бухары и даже судьба документов покойного У. Муркрофта³. С особой настойчивостью обращал военный губернатор внимание своего посланца на ознакомление с деятельностью в Средней Азии британских агентов: «Какое мнение имеют бухарцы об англичанах и Ост-Индской компании их? В чем состоят действия бывших в Бухарии англичан? Много ли доставлено в течение сего года в Бухарию английских товаров и сколько из Турции через Персию, какого качества были товары, по каким ценам они проданы и охотно ли были раскупаемы?» — «Предмет сей весьма важен, — подчеркивал В. А. Перовский, — и потому нужно обратить на оный самое бдительное внимание».

Для большей безопасности Демезон двинулся в путь переодетым татарским муллой. Перед выездом он получил губернаторское письмо, адресованное бухарскому кушбеги Мухаммеду Хакимбаю. Ссылаясь на официальную жалобу бухарских купцов по поводу испытываемых ими стеснений в торговле, вызванных опасностью грабежа, незаконных поборов и другими «неудобствами», Перовский заверял ханского сановника, что он желает «устранить все препоны для торговли и свободных дружественных сношений между Россиею и Бухарию». Необходимо, однако, писал он, согласовать соответствующие меры, и губернатор высказывал надежду, что кушбеги окажет со своей стороны «некоторое содействие к доставлению караванам надлежащей безопасности и возможности ходить прямыми путями». Перовский

³ Там же, 111—113; АВПР, СПб. Главный архив, IV—3, 1833—1835, д. 1, лл. 6—10.

просил сообщить «все то, что вы для приведения торговли в самое цветущее состояние почитаете необходимым и полезным»⁴.

10 ноября 1833 г. представитель В. А. Перовского выступил с торговым караваном из Орской крепости на юг и 29 декабря уже оказался в ханской столице. Там он провел около четырех месяцев, вернувшись в Орск 26 июня 1834 г. Это время было заполнено переговорами с кушбеги, сбором материалов в соответствии с программой Перовского. Мирза Джафар — под этим именем был в Бухаре барон из Сардинии Де-Мезон (так писал его фамилию губернатор) — привез ответное письмо кушбеги.

Мухаммед Хакимбай извещал, что его повелитель не получал ни письменных, ни устных сообщений (в письме дословно: распоряжений) российского императора о мерах, какие нужно предпринять, чтобы обезопасить торговые пути; когда это будет сделано, бухарский эмир даст соответствующий ответ. Возможно, определенную роль сыграет строительство двух укреплений на Сырдарье. Кушбеги воспользовался представившейся возможностью, чтобы выдвинуть некоторые претензии в адрес царских властей. Он жаловался на состоявшееся лет за 20 до того повышение в три-четыре раза таможенных пошлин, на изданный годом раньше запрет бухарским купцам продавать товары в России в розницу. Эти обстоятельства в сочетании с трудностями и опасностями караванных путей привели к тому, что торговля Бухары с северным соседом значительно сократилась. Мухаммед Хакимбай достаточно недвусмысленно намекал, что нужно отменить наложенные запреты и высокий тариф⁵.

Однако Перовский никак не отреагировал на это ходатайство. Он увидел в письме второго лица в ханстве нечто более его интересовавшее — «желание кушбеги, чтобы русское правительство основало на Сырдарье укрепление». «Если в столице не возражают, это не трудно будет осуществить, а в связи с Ново-Александровским укреплением выгодные последствия оно очевидно», — информировал он К. К. Родофиникина, ука-

⁴ АВПР, СПб. Главный архив, IV—3, 1833—1835, д. 1, лл. 11—12. Копия письма А. В. Перовского кушбеги Хакимбаю от 28 октября 1833 г.

⁵ Там же, лл. 42—43. Письмо от 23 мая 1834 г. (на франц. яз.).

зывая также на «пламенное желание» бухарского эмира, чтобы к нему было отправлено посольство Российской империи: «Кушбеги в разговорах своих с Демезоном неоднократно говорил о сем предмете»⁶.

Вернувшись в Оренбург, Демезон детально описал поездку и свои впечатления от посещения Бухары. Перовский высоко оценил отчет своего посланника. Этот обширный документ⁷, к сожалению, пока еще не опубликованный, делится на разделы, в основном соответствующие полученной им программе: 1. Рассказ о пребывании в ханстве и переговорах с кушбеги Мухаммедом Хакимбаем. 2. «Дорожник». 3. Описание Бухары. 4. Описание характера и личности эмира «Батур-хана», его отношений с другими среднеазиатскими правителями. 5. Военные силы ханства. 6. Его продукция (шелк, хлопок, овцеводство, рис и др.). 7. Торговля Бухары (в том числе список товаров, которые ханство получает через Кабул из Индии; экономические связи с Российской империей и выгоды от них для России и т. п.).

Несомненно, публикация и введение в научный оборот подготовленного П. И. Демезоном важного документа о Бухарском ханстве явится полезным пополнением источников по истории этого ханства первой трети XIX в. Издание отчета посланца В. А. Перовского, видимо, будет осуществлено в недалеком будущем.

Собранные Демезоном сведения расширили представления оренбургских (да и не только их) властей о положении в Бухаре и об отношении ее правящих кругов к развитию русско-бухарских связей, способствовали выработке определенной политической линии. Не случайно Перовский, преодолев некоторое сопротивление директора Азиатского департамента Родофиникина, добился награждения своего представителя в нарушение существовавших правил⁸.

Между тем военный губернатор продолжал настойчиво искать способы увеличения товарооборота, который велся через Оренбург со странами Востока, а также усиления позиций России в Средней Азии. Его особое

⁶ Там же, лл. 100—101. Перовский — Родофиникину от 30 июля 1834 г.

⁷ Там же, лл. 44—98. Отчет П. И. Демезона, датированный 21 октября 1834 г.

⁸ Там же, лл. 115—116 и след.; а также Г. Н. Чабров, Поездка в Бухару...

внимание привлекала Хива, развитие взаимоотношений с которой давало повод для пессимистических размышлений. В конце 1834 г. по заданию оренбургского наместника был подготовлен проект нажима на это ханство, чтобы устранить чинимые им помехи расширению торговых связей. К этому проекту была приложена недвусмысленно названная «Записка о сношениях России с Хивинским ханством и о противных народным правам поступках ханов Хивинских относительно России»⁹.

Эта бумага содержала перечень претензий к Хиве со ссылками на примеры возмездия в аналогичных случаях, встречающиеся в мировой практике. Издавна ханство проявляет враждебность, на которую ее северный сосед отвечает «одним только презрением», хотя и пытается наладить дружественные отношения, отправив посольство Н. Н. Муравьева. «Но хивинцы грабят торговые обозы и даже напали на вооруженный караван, который шел в 1824 г. по распоряжению правительства прямо на Бухару, заставив его вернуться. Они разбойничают на Каспии, держат в неволе русских. За несравненно меньшие поступки Франция захватила Алжир, потратив на это крупные средства, а овладение Хивой не будет стоить и десятой доли французских затрат,— обосновывал царю В. А. Перовский целесообразность похода на ханство,— но вся Средняя Азия возродится, восстанет от оцепенения своего при водворении образованного, благодатного правления; обогатится и процветет небывалым благоденствием край, стонящий с незапамятных времен под игом, кому на нашем языке даже нет самого названия».

Симптоматично, что оренбургский губернатор особый акцент делал на экономические выгоды — и для России, и для Средней Азии — от завоевания ханства. Однако в тот период Николай I, найдя «основательным мнение Перовского» о праве царского правительства оружием «положить конец дальнейшим хищничествам хивинцев и их ханов», счел невозможным «приступить ныне же к сему предприятию». В обстановке острого ближневосточного кризиса губернатору было велено ограни-

⁹ «Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края», составленный А. Г. Серебренниковым, т. I, Ташкент, 1908, стр. 24—28.

читься «подготовкой соображений» об экспедиции против Хивы¹⁰.

Одним из проявлений активной деятельности В. А. Перовского в области развития экономических связей со среднеазиатскими ханствами явилась поддержка, оказанная им очередному проекту создания торговой компании. Автором этого проекта был председатель оренбургской пограничной комиссии Г. Ф. Генс. Он предлагал для торговли с областями Средней Азии учредить Оренбургскую Азиатскую компанию. Ее капитал «на первый случай» предусматривался в размере 6 млн. руб. государственными ассигнациями. Деньги имели право вносить (и таким образом участвовать в делах компании) преимущественно купцы, уже связанные с внешней торговлей Оренбургского края, и только российские подданные.

Наблюдение за действиями Азиатской компании возлагалось на оренбургского военного губернатора. Она должна была пользоваться привилегией 30-летнего исключительного права заграничной торговли по Оренбургской линии — от Звериноголовской крепости до берегов Каспийского моря. Для прикрытия караванов компании оренбургский губернатор должен был снаряжать за ее счет 300—400 человек конвоя с артиллерией.

По проекту компания могла выписывать «из чужих краев» европейские и российские товары, но только для азиатской торговли. Ей разрешалось (и даже «вменялось в обязанность») «заводить фабрики и заводы для спешествования произведениями оных возможному расширению заграничной торговли». Для этой цели она получала дозволение строить близ Сырдарьи и в других районах «Киргизской степи» караван-саран и другие «заведения», создавать хлопковые плантации и т. п.¹¹.

1 декабря 1835 г., отправляясь в Петербург, Генс просил Перовского уполномочить его «ходатайствовать... где следует», об осуществлении этого проекта, «почитая исполнение его одним из надежнейших средств к приведению здешнего края в цветущее положение...»¹².

¹⁰ Там же, стр. 28—29. Отношение военного министра оренбургскому военному губернатору от 14 января 1835 г.

¹¹ АВПР, СПб. Главный архив, II—3, оп. 34, 1835—4, лл. 3—19. Проект правил Оренбургской Азиатской компании.

¹² Там же, л. 2. Докладная записка Г. Ф. Генса от 1 декабря 1835 г.

Такие полномочия были даны, и председатель Оренбургской пограничной комиссии ознакомил со своими замыслами ответственных сотрудников Министерства иностранных дел.

Как и во многих других аналогичных случаях, внешнеполитическое ведомство заняло осторожную, половинчатую позицию. Собственно говоря, оно не возражало против реализации намеченных планов и готово было поддержать их, но сомневалось в готовности купцов организовать коммерческое общество. Так, К. К. Родфиникин 24 января 1836 г. сообщал Генсу, что министерство находит создание в Оренбурге торговой компании предприятием, «вполне заслуживающим внимания попечительного правительства. Но поскольку в делах подобного рода никакого принуждения и стеснения быть не должно, и все основывается на добровольном согласии и убеждении самих торгующих в пользу предприятия, то министерство за нужное считает предварительно поручить вам войти в ближайшее сношение с почетнейшими лицами из торгующего сословия в Оренбурге и в других городах с приглашением их быть участниками сего общепользующего дела; и когда прищете достаточное число желающих, то не оставите сделать надлежащее, по сему предмету представление по начальству»¹³.

Судя по тому, что это «общепользующее дело» не нашло дальнейшего отражения в документах, Генсу и его патрону Перовскому не удалось найти достаточного числа желающих участвовать в Оренбургской Азиатской компании. Проект не был реализован.

* * *

Не прекращавшаяся активность британских агентов на Среднем Востоке, их настойчивое стремление проникнуть в Среднюю Азию продолжали порождать немалую тревогу царских властей, привыкших рассматривать Россию в качестве своего рода монополиста на местных рынках. Они видели и политическую опасность в распространении влияния соперников на соседние земли и народы, а потому стремились постоянно следить за развитием событий в среднеазиатских ханствах, знать,

¹³ Там же, л. 28.

как далеко зашли англичане в укреплении своих позиций в этом районе.

Некоторые сведения по интересовавшему российское правительство вопросу привез П. И. Демезон. Но шли недели и месяцы, обстановка менялась, и вскоре оренбургский военный губернатор В. А. Перовский предпринял новые шаги для ознакомления с положением в землях, лежащих на юг от находящихся под его контролем частей Российской империи. Последовательный и самолюбивый, он решил отправить туда Я. Виткевича, чья кандидатура для такой командировки ранее была отклонена Петербургом.

Первоначальной (или по крайней мере явной) целью экспедиции были кочевья казахов чумекеевского рода. Полученная Виткевичем инструкция от 29 октября 1835 г. гласила о целесообразности пребывания среди казахских племен подготовленного человека, который мог бы убедить местное население в «поддержании спокойствия» и укреплении мирных связей между соседями, а также с соседями. Район действия был четко определен — аулы кочующих близ Сырдарьи казахов; срок — зима 1835/36 г.

Кроме того, посланец должен был противодействовать бухарским и хивинским властям, претендовавшим на суверенитет над казахскими родами и их землями, подстрекавшим их не подчиняться Российской империи и грабить ее караваны. Ему поручалось содействовать прекращению междоусобных раздоров и баранты, а также изучить отношение различных слоев казахского населения к России¹⁴.

В фонде А. И. Лемана, участника бухарского посольства К. Ф. Бутенева и в фонде начальника Сырдарьинской линии А. Л. Данзаса сохранилась в двух экземплярах «Записка, составленная по рассказам Оренбургского линейного батальона № 10 прапорщика Виткевича относительно его пути в Бухару и обратно», которая была составлена В. И. Далем «по рассказам Виткевича»¹⁵.

¹⁴ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. I, д. 317, лл. 14—18; см.: Г. С. Сапаргалиев, В. А. Дьяков, Общественно-политическая деятельность ссыльных поляков в дореволюционном Казахстане, Алма-Ата, 1971, стр. 46—47.

¹⁵ Архив АН СССР (в Ленинграде), ф. 56, А. И. Леман, оп. I (627), д. 19, лл. 1—59; ЦГВИА СССР, ф. 67, А. Л. Данзас, д. 103, лл. 5—55.

«Цель и предмет отправления моего в степь, — рассказывал Виткевич, — состояли собственно в том, чтобы проникнуть в положение и отношение здесь отдаленных от линии родов Киргизских, действовать внушениями на умы и дух ордынцев, доставить возможно верные и подробные сведения по делам этим, проведать о влиянии Бохарцев, Хивинцев и Англичан — и, наконец, стараться о вырубке захваченных в прошлом году в плен казака Степанова с женой.

Таким образом, назначение мое ограничивалось пределами степи; но обстоятельства принудили меня проникнуть далее и побывать даже в самой Бухарии».

Я. Виткевич, к сожалению, не указывает, какие именно обстоятельства «принудили» его двинуться в ханство, но маршрут и целеустремленность поездки свидетельствуют о том, что он и не собирался задерживаться в казахских кочевьях, а сразу же взял курс на Бухару. В самом деле, выехав с караваном из Орска 9 ноября 1835 г., Виткевич 5 декабря прибыл к берегам Сырдарьи, 8 декабря переправился через Кувандарью, 17 декабря — через Яныдарью и уже 2 января 1836 г. прибыл в Бухару, где провел почти полтора месяца.

Основное внимание Виткевич уделил ознакомлению с положением Бухарского и Хивинского ханств, как о том свидетельствуют разделы его «Записки...», — «О хивинцах и отношениях их и других областей Средней Азии к кайсакам» и «О Бохаре, о самом ханстве, отношениях и состоянии его». В первом разделе автор подчеркнул беспощадный грабеж, которому хивинские власти подвергали казахов, в том числе и подданных Российской империи (в частности, «чумекеевцев наших»). Именно разорение казахских племен и родов — одна из основных причин раздоров в степи.

«Если бы стать твердою ногою на Сыре (на Сырдарье. — Н. Х.), то нет никакого сомнения, что хивинцы сделались бы совершенно ничтожными, схоронились бы в берлогу свою; кайсаки наши были бы в безопасности и между Сыром и Уралом водворилось бы совершенное спокойствие и повиновение... и самая торговля наша была бы безопасна»¹⁶.

Виткевич отмечал также военную слабость Хивинского ханства, которая помешала хану совершить намеченное им нападение на Ново-Александровское укрепление.

¹⁶ ЦГВИА СССР, ф. 67, д. 103, л. 9.

В Бухаре Виткевич проявил большую активность в изучении местной обстановки. М. А. Терентьев отмечает, что прапорщик отправился туда переодетым в «азиатское платье», но, прибыв в Бухару, «снял халат и ездил по городу в офицерском мундире, отказавшись сидеть взаперти. Поэтому и сведения, им доставленные, были довольно обстоятельны»¹⁷.

О чем же они гласили? Виткевич сообщал, что в Бухаре находится британский агент — выходец из Кашмира Низаметдин, который еженедельно через нарочных извещает английского резидента в Кабуле Чарлза Масона о всех местных делах. Этот Низаметдин «выспрашивал» и у Виткевича о состоянии Ново-Александровского укрепления, о «Новой линии», о русско-хивинских отношениях и пр., о чем, как установил прапорщик, отправил на следующий день через Карши донесение в Кабул.

«Я счел за лучшее не скрываться, а сказаться настоящим именем и званием своим, — объяснял Виткевич причины отказа от «переодевания». — Я сделал это как по той причине, что мог бы легко быть узан кем-нибудь, если бы сказался мусульманином и [под] чужим именем, тем более, что бухарские купцы писали уже об отправлении моем из Оренбурга и из Хивы, так и собственно потому что мне казалось несколько униженным для русских, а тем более для офицера, скрываться от бохарцев под чужим именем и [потому] что хотел сделать опыт, проложить и русским свободный путь в ханство это...».

Центральное место в переговорах посланца оренбургского военного губернатора с бухарскими властями занимали проблемы торговых связей, причем обе стороны стремились использовать их как средство давления друг на друга. Так, в беседе с кушбеги Виткевич настаивал на выдаче русских пленных. Тот отказывался, угрожая, что в случае ухудшения отношений «бохарцы не станут ходить в Россию, а будут торговать с англичанами», упоминая при этом о визите в ханство А. Бернса, «который делал на этот счет разные предложения».

«Я отвечал наотрез, что это пустое, — писал Виткевич, — что англичане ни под каким видом не могут доставлять бохарцам из Индии железо, медь, чугуны в

деле, юфть и другие товары, что бохарцы и того менее могут брать товары эти у англичан, потому что отдавать им взамен нечего; хлопчатую бумагу, сушеные плоды и другие произведения земли своей они, бохарцы, за Гиндукуш не повезут и сбывать им произведений этих, кроме России, некуда.

Кушбеги пришел в замешательство, но уверял, что все это изменится, что они скоро заведут низам (т. е. регулярное войско. — Н. Х.), регулярство и порядок и тогда дело пойдет иначе».

Видимо, переговоры, несмотря на их полуофициальный характер, проходили не очень гладко. Оба собеседника изыскивали разнообразные аргументы, чтобы усилить свою позицию. Кушбеги уверял представителя В. А. Перовского, что применяемая порой царским правительством мера — задержание купцов — не может оказать какого-либо воздействия на бухарские власти. «Ибо, говорил он, что для нас значит потерять несколько сартов (так в Средней Азии именовались преимущественно оседлые торгово-предпринимательские городские круги. — Н. Х.), — пожалуй, задерживайте! Я знаю, ответил я, что люди вам не дороги, но стоит только задерживать товары ваши, тогда вы не то скажете. Это поразило кушбеги; он не нашелся, что отвечать, и уверял только, что он человек бедный и товаров в Россию не посылает, кроме разве весьма незначительного количества. Я повторял сказанное и уверял его, что нам очень хорошо известны и товары и приказчики его, которых я знавал (так в тексте. — Н. Х.) ему поименно, присовокупив, что доселе воли правительства не было еще на такое распоряжение, но что оно, по частному мнению моему, было бы весьма полезно».

Анализируя состояние торговых связей Бухарского ханства с Англией и Россией, Виткевич приходил к выводу о бесперспективности развития англо-бухарской торговли: британским предпринимателям нечего «брать» в ханстве и весьма нелегко доставлять туда железо и другие товары, в которых нуждаются бухарцы. В то же время условия для развития российской торговли не только с Бухарой, но и с лежащими далее на юг странами чрезвычайно благоприятны. «Мы, напротив, легко могли бы распространить круг торговли своей до самого Мултана и вытеснить английских промышленников из целой Средней Азии. Наш путь ближе, наши произведе-

¹⁷ М. А. Терентьев, История завоевания Средней Азии, т. 1, СПб., 1906, стр. 109.

ния и товары в большом ходу и славе и мы можем вывозить из Средней Азии много предметов, между конми (хлопчатая. — Н. Х.) бумага всегда займет первое место... — подчеркивал Виткевич и добавлял, — не многим известно, что товары наши во всей Средней Азии, до самой Индии, ценятся выше английских...»¹⁸.

Поскольку Я. Виткевич не имел официального поручения вести переговоры, его поездка была ограничена информационными целями. 13 февраля 1836 г. он покинул Бухару, 9 марта прибыл к переправе на Сырдарье, а 18 апреля — в Орск.

В. А. Перовский с большим вниманием изучил доставленные Виткевичем сведения и 15 июня 1836 г. отправил подготовленную прапорщиком совместно с В. И. Далем «Записку...» в Азиатский департамент, характеризуя этого офицера как «человека дельного, толкового, знающего дело свое, человека практического, который более способен действовать, чем писать и говорить, человека, знающего степь и отношения ее лучше, чем кто-либо знал и знает ныне»¹⁹.

Если даже сделать скидку на то, что оренбургский военный губернатор несколько преувеличивал достоинства Виткевича, стремясь смягчить участь этого ссыльного и создать ему определенный престиж в глазах столичных дипломатов, все же данная им характеристика весьма знаменательна и вполне оправдана как обстоятельствами поездки в Бухарское ханство, так и дальнейшей деятельностью Виткевича. Известно, что он совершил полное опасностей путешествие через Кавказ и Иран в сторону Афганистана — Кабула и успешно провел там переговоры с эмиром Дост Мухаммед-ханом²⁰.

Как бы то ни было, экспедиция прапорщика в Бухару была определенным этапом в развитии русско-бухарских отношений.

Но оренбургские власти не ограничились полуофициальными переговорами в Бухаре и пассивным изучени-

¹⁸ Архив АН СССР (в Ленинграде), ф. 56, оп. 1, д. 19, лл. 30—37.

¹⁹ Госархив Оренбургской области, ф. 6, оп. 7, д. 738, л. 9. Цит. по: Г. С. Сапаргалиев, В. А. Дьяков, Общественно-политическая деятельность ссыльных поляков..., стр. 50.

²⁰ См. об этом: Н. А. Халфин, Провал британской агрессии в Афганистане, М., 1959; его же, Драма в номерах «Париж», — «Вопросы истории», 1966, № 10, стр. 216—220.

ем ханства. Они планировали и более решительные мероприятия. 26 октября 1835 г. Азиатский комитет обсуждал предложение В. А. Перовского об освобождении русских пленных из Хивы и Бухары. Он считал, что следует ежегодно задерживать по несколько «знатнейших торговцев», прибывающих из этих ханств (кроме караванных начальников), и требовать за каждого из них в качестве выкупа по пять невольников из России.

Эта мысль не встретила поддержки у членов комитета. Они нашли ее «неудобоисполнимой», а главное — могущей иметь «самые вредные последствия и не только временно, но навсегда расстроить связи с народами Средней Азии». Торговля этих народов сопряжена с опасностями не столько от трудностей пути, сколько от нападений грабителей. Правительство «Российской империи избегало вводить какие-либо стеснения для «торгующих с нами азиатцев», оказывало им всяческое покровительство, предоставляло даже разные права и льготы, чтобы привлечь их к торговле, и только таким образом добилось ее расширения. Но эта торговля «далеко еще не дошла до настоящей степени своего развития».

Предполагаемые строгости нарушат экономические связи. Азиатские торговцы будут искать «другие для себя пути, что весьма возможно при стараниях англичан, коих товары и агенты неоднократно уже проникали в самый центр Средней Азии» и которые немедленно воспользуются выгодной обстановкой. «Стоит только, чтобы бухарцы или хивинцы испытали, что можно обойтись без наших произведений, — высказывали опасения участники обсуждения, — и тогда поправлять уже будет поздно».

Намеченная Перовским мера была признана «стеснительной и во всех отношениях вредной». Азиатский комитет предложил активизировать выкуп пленных, создав для этого в Оренбурге какой-либо «человеколюбивый комитет», который бы действовал от имени обществственности, а не правительства²¹.

Оренбургский военный губернатор со своей стороны категорически отклонил рекомендации высшего органа империи, направлявшего ее восточную политику. Он

²¹ АВПР, СПб. Главный архив, I—1, оп. 781, д. 492, лл. 165—170. Журнал Азиатского комитета от 26 октября 1835 г.

заявил, что их осуществление, во-первых, усилит увоз людей и превратит их продажу в постоянный и доходный промысел; во-вторых, не приведет к цели, поскольку хивинские власти карают смертью виновных в вывозе невольников из этого ханства; в-третьих, вызовет ропот в России по поводу половинчатости и нерешительности предпринятых шагов. Добиться здесь успеха деньгами нельзя.

В. А. Перовский возвращался к своему проекту, доказывая, что он не отразится на торговле, «ибо азиаты не могут обойтись без нашего железа, чугуна, юфти и сукна». А поскольку предложенные им меры, рассуждал губернатор, коснутся лишь хивинцев, они будут вынуждены (если и не выдадут пленных) получать российские товары у бухарцев, а значит — перестанут грабить бухарские караваны. И потери империи в товарообмене с Хивой вознаграждаются его развитием с Бухарой.

Но, даже если торговля с Хивинским ханством вовсе прекратится, — беда не велика: оттуда и так приходит мало караванов. Зато решительные действия против этого ханства приведут его к покорности.

Однако и Азиатский комитет продолжал придерживаться прежней позиции, находя предложенную меру «неудобной». «Хивинцы прекратят с нами торговые сношения, перестанут ездить, но пленных не выдадут». Они не изменят своей позиции из-за нескольких купцов, задержанных в России. «Напротив, мера сия может поставить нас в самое затруднительное положение и вынудить к военным действиям, что совершенно не согласно бы было с нашими видами и с ходом политических дел в Европе».

Собственно хивинский торг невелик и им можно было бы пренебречь, читаем мы в журнале комитета, но разрыв торговых связей с Хивой может отразиться на всей торговле со Средней Азией. Хивинцы перейдут к систематическому грабежу торговых обозов, идущих в другие азиатские страны и оттуда в Россию. Не пощадят они и бухарских купцов, которых уже сейчас заставляют следовать через свои земли и грабят. Они будут возбуждать против России казахов угрозами и «ласковыми коварными внушениями, яко единоверных». А в случае восстания казахов серьезно пострадает все благосостояние Оренбургской линии, основанное на меновой торговле с кочевниками, как и ее безопасность.

Все это опять-таки заставит прибегнуть к оружию, что может далеко завести, а «при нынешнем положении дел в Европе... было бы вовсе несообразно с нашими видами и лишь сделало бы политические обстоятельства еще сложнее и затруднительнее». Поэтому необходимо воздержаться от того шага, на котором настаивает оренбургский губернатор²².

Впервые журнал Азиатского комитета за все время его существования не был утвержден царем. Николай I занял сторону своего оренбургского наместника наперекор всем столичным вельможам. Царь велел ознакомить Перовского с мнением членов комитета и затребовать его соображения. Вскоре министр иностранных дел получил отзыв военного губернатора.

Письмо из Оренбурга гласило, что «ненависть и дерзость хивинцев достигли высшей степени: безрассудное и ничтожное ханство Хивинское употребляет все силы, все средства свои ко вреду России; таким образом опасения Азиатского комитета давно уже сбылись на самом деле, и следовательно опасаться более нечего...».

Перовский подчеркивал, что хивинские войска практически не пропускают ни одного каравана, «не разграбив или, по крайней мере, не ограбив его, ибо произвольный, отяготительный и разорительный сбор с каждого каравана, который проходит в досягаемом для шайки ханской расстоянии, есть тот же грабеж». Сборщики допускают произвол, расхищают товары, бьют купцов.

К тому же хивинцы «давно уже всеми средствами возмущают кайсаков к неприязненности прогив России», рассылают повсеместно мулл, которые волнуют народ, «подстрекают адаевцев и тухменцев к увозу людей с моря; называли разбойника Каип Галия ханом подданных наших; посылают в аулы кайсацкие обещать, что хан хивинский скоро пойдет на Россию войной и что будет вешать и резать каждого кайсака, который не пристанет к его шайке».

Под Ново-Александровским укреплением было совершено нападение на почту, продолжал губернатор, расхищено товаров на 14 тыс. руб. Хивинский правитель уже собрал было рать для нападения на пограничные селения, но его голодные воины разбрелись... Лишь

²² Там же, лл. 188—194. Журнал Азиатского комитета от 29 февраля 1836 г.

«бессилие делает его покушения незначительными», но вред от действий Хивы велик. Прежде всего они отражаются на торговле: «Бухара не в состоянии воспротивиться Хиве, перебивается как может, товары в непомерной цене, народ обнищал, а хан и любимцы его сыты и одеты. Средняя Азия без товаров наших существовать не может, доколе они не будут вытеснены товарами англичан», которые всячески стремятся к этому и добьются успеха, если им не противодействовать.

«Слишком сто лет существует Оренбург, и Россия питает надежду на торговлю с Азией, но эта торговля все еще находится в самом жалком положении». Сто лет правительство ожидает изменений, которые не наступают: в последнее время торговля еще более сократилась, тогда как «самоуправство, грабеж, увоз людей, притеснения всякого рода продолжают».

Учитывая несвоевременность военных мер против Хивы в связи с обострением политической обстановки в Европе, Перовский отмечал, что есть и другие способы воздействия на это ханство: стоит воздвигнуть укрепление близ устья Сырдарьи, и хивинцы не смогут грабить и собирать дань с «наших кайсаков» неподалеку от Оренбургской линии. Надо помешать и разбою на море.

Короче говоря, оренбургский военный губернатор настаивал на своей точке зрения: только твердые, решительные шаги могут принести пользу.

В этих условиях члены Азиатского комитета, поняв, что позиция В. А. Перовского совпадает с планами Николая I, уступили. Правда, в журнале указывалось, что члены комитета тоже остаются при своем мнении... «Но поелику оренбургский военный губернатор представляет, что дерзость хивинцев возрастает более и более, обнаружившись еще недавно резким примером насилия и грабежа, учиненного по их наущению под Ново-Александровским укреплением, и что от непринятия предлагаемых им мер хивинцы могут совершенно преклонить кайсаков на свою сторону, возмутить их и поставить Оренбургский край в весьма затруднительное положение», то комитет «повергает» всю проблему на «благоусмотрения» царя. Если он разрешит недавно получившему высшее придворное звание генерал-адъютанта В. А. Перовскому действовать «как в отношении к задержанию хивинских купцов, так и к задержанию мулл и прочих подсылаемых хивинцами злонамеренных лиц

в наши степи», то необходимо будет предусмотреть следующие условия: 1. Держать в секрете план задержания хивинцев, чтобы не вспугнуть их. 2. Осуществить такой «арест» сразу по Сибирской и Оренбургской линиям, в Астрахани и на Мангышлаке. 3. После этого — разъяснить, что подобная мера вызвана враждебными действиями хивинских властей: возведением в ханы русскоподданных казахов изменившего России султана Каипа, подстрекательством казахов к борьбе против России, покупкой захваченных в России пленных и т. д.

Что касается создания укрепления на Сырдарье, то Нессельроде указал на заседании Азиатского комитета, что Министерство иностранных дел «издавна постигло всю важность сего пункта и сколь полезно было бы иметь там опорный пункт как для дел торговых, так и в политическом отношении для упрочения нашего влияния на Среднюю Азию».

Главным препятствием в осуществлении такого проекта является отдаленность места и затруднительность снабжения. Поэтому сначала надо, чтобы «по устройении Ново-Александровского укрепления открылась возможность поставить еще укрепление на западном берегу Аральского моря, которое от Ново-Александровска отделялось бы небольшим перешейком Устюрта». Тогда можно будет приступить и к строительству укрепления на Сырдарье.

Члены комитета согласились с этим, но, учитывая реакцию Николая I на их отношение к замыслам губернатора Оренбурга, сделали и по данному поводу реверанс в адрес последнего. «Усматривая из отзыва генерал-адъютанта Перовского, — записали участники обсуждения в своем журнале, — что приведение в действие сего предприятия [он] признает необходимым», они поручили ему представить на рассмотрение комитета смету и план укрепления, а также план снабжения продовольствием местного гарнизона.

20 июня 1836 г. Николай I утвердил журнал этого заседания, состоявшегося 25 мая при участии К. В. Нессельроде, Е. Ф. Канкрин, министра внутренних дел Д. Н. Блудова и директора Азиатского департамента К. К. Родофиникина²³. Тем самым были санкциониро-

²³ Там же, лл. 205—210. Журнал Азиатского комитета от 25 мая 1836 г.

ваны меры, предложенные В. А. Перовским. Вскоре после этого в Российской империи повсеместно были задержаны хивинские торговцы. Иными словами, царские власти, осуждая феодальное беззаконие правящих кругов Хивы, противопоставили им такое же беззаконие.

Всего аресту подверглись 572 хивинца, общая стоимость товаров которых достигала 1,4 млн. руб. Когда добравшийся в январе 1837 г. до Оренбурга представитель хана Аллакули Кабулбай запросил объяснений, Перовский отказался признать его послом и потребовал в четырехмесячный срок освободить захваченных подданных империи. За 1837—1839 гг. на родину вернулись из Хивы 130 пленн²⁴. Поскольку, однако, царские власти имели сведения о том, что число русских невольников в ханстве далеко не исчерпывается этим количеством, они не отменили репрессивных мер. Во всяком случае, по состоянию на 30 января 1838 г. в России еще находились 374 хивинца, задержанных, чтобы добиться освобождения русских пленн²⁵, а 13 декабря Николай I подтвердил запрет на продажу товаров арестованных в империи хивинских торговцев²⁶.

Но на хивинского феодального владельца, не ставшего ни во что жизнь любого из своих подданных, арест нескольких сот купцов не произвел большого впечатления. Заметных улучшений в русско-хивинских отношениях не наступило. Не расширились, естественно, и торговые связи. Хорошо было уже и то, как отмечал В. А. Перовский, что от осуществленных мероприятий «наша среднеазиатская торговля не потерпела», цены на российские изделия в ханстве поднялись, тогда как хлопчатая бумага наполовину упала в цене²⁷.

К концу 30-х годов XIX в. Петербург подходил с весьма неопределенным балансом в своих отношениях с Хивой. Дружба и сотрудничество явно не налажива-

лись. Открытых военных действий не велось, хотя к тому клонилось дело. Но пока — ни мир, ни война. Неустойчивое равновесие... В любое время могли появиться новые важные факторы и привести к открытой враждебности между двумя государствами. И такие факторы появились...

²⁴ М. А. Терентьев, История завоевания Средней Азии, т. 1, СПб., 1906, стр. 110—112.

²⁵ АВПР, СПб. Главный архив, I—1, оп. 781, д. 493, лл. 71—80. Журнал Азиатского комитета (февраль 1838 г.).

²⁶ Там же, лл. 91—92. Утвержденная 13 декабря 1838 г. «всепопданнейшая» записка о журнале Азиатского комитета от 29 ноября 1838 г.

²⁷ Отчет В. А. Перовского по управлению Оренбургским краем с 1833 по 1842 гг. «Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края», т. 1, стр. 87—90.

Отправка в Бухару

Е. П. Ковалевского и А. Р. Гернгросса

В своей среднеазиатской политике царское правительство всячески стремилось избежать ухудшения отношений со всеми ханствами сразу. Оно не опасалось враждебных военных коалиций в этом районе. Ханства были слабы, даже вместе взятые, да и Петербург не намечал в те годы каких-либо мало-мальски серьезных завоевательных экспедиций против Бухары или Коканда. Но о Хиве — речь особая: уж слишком неблагоприятно складывались взаимоотношения с ней.

Но именно поэтому власти Российской империи старались активизировать связи с другими владениями в Средней Азии, чтобы компенсировать ослабление торговли с Хивинским ханством и сохранить возможности экономических отношений со странами, лежащими за среднеазиатскими землями. Одним из проявлений такого подхода явилась реакция Министерства иностранных дел на прибытие в Оренбург бухарского посланника Курбанбека Ашурбекова со свитой и дарами в июле 1836 г.

Сообщив о приезде посольства, В. А. Перовский подчеркнул, что возглавляет его «человек незначительный», в чине караулбеги (один из самых мелких в придворной иерархии ханства), который намерен жаловаться на требования России отпустить ее подданных, находящихся в рабстве. Оренбургский военный губернатор полагал нецелесообразным допуск Ашурбекова в столицу¹.

Дипломатическое ведомство придерживалось, однако, иной точки зрения. Нессельроде доложил царю, что ввиду данных пограничным властям указаний задерживать повсеместно хивинских купцов надо не отвергать

¹ АВПР, СПб. Главный архив, I—6, 1836—1, лл. 1—2. В. А. Перовский — К. К. Родофиникину от 24 июля 1836 г.

бухарского посольства, а пригласить его в Петербург. 22 августа 1836 г. Николай I одобрил мнение министра².

В конце октября 1836 г. караулбеги Мирза Курбанбек Ашурбеков уже был в столице, а еще через месяц получил императорскую аудиенцию. Тем временем царские дипломаты ознакомились с задачами посольства. Они заключались в укреплении дружеских связей с Россией. Кроме того, Ашурбекову поручалось сообщить, как гласит памятная записка министерства иностранных дел, что англичане, «стараясь с некоторого времени войти в ближайшие торговые связи с бухарцами, недавно опять присылали к ним своих агентов, убеждая заключить условия, по коим англичане стали бы доставлять им все нужные товары самым выгодным для бухарцев образом»³.

Действительно, в доставленной посланником ханской грамоте подчеркивалось, что прибывший в Бухару британский представитель извещал «об овладении Англией Пешаваром» (это не соответствовало действительности) и предлагал «обратить торговлю во владения этой державы», обещая доставлять добротные товары. В ответ правитель ханства якобы заявил, что «бухарские караваны издревле ходят на торг в государство Российское, с которым мы находимся во всегдашней приязни и дружбе».

Кроме того, в грамоте содержался призыв к развитию пришедшей в упадок русско-бухарской торговли, к беспрепятственному обмену товарами, обеспечению безопасности торговых путей⁴.

Ответные документы, врученные Курбанбеку Ашурбекову, касались исключительно вопросов торговли. Несмотря на просьбу хана посоветовать, как ему реагировать на домогательства английских представителей, политические проблемы в этих бумагах не затрагивались. В частности, в «высочайшей» грамоте правителю Бухары выражалось удовлетворение дружбой между обоими государствами и желанием эмира «пребывать в вечном мире и добром согласии с Россией». Царское правительство заявляло о готовности покровительствовать бухарским подданным в надежде, что к их русским коллегам

² Там же, л. 15.

³ Там же, л. 57.

⁴ Там же, л. 70. Перевод бухарской грамоты.

будут в ханстве относиться так же, как к азиатским (т. е. мусульманским) купцам, тем более что в Российской империи торговцы из Бухары «по торговле своей облегчены даже более, нежели русские купцы»⁵.

Эту мысль развивал вице-канцлер Нессельроде в письме кушбеги: бухарцы пользуются правом разъезжать по России и, торгуя на всех главных ярмарках, платят самую незначительную пошлину. В ханстве же допускается произвол при оценке товаров: с русских купцов берут высокую пошлину. Эти обстоятельства вредят развитию торговли: уравнивание прав полезно и для Бухарского государства, которое получит больше дохода⁶.

Стоит отметить, что царское правительство в это время подвергалось определенному нажиму (если здесь правомерно такое выражение) не только со стороны бухарских властей, отстаивавших интересы местного купечества, но и со стороны «своих» торговцев. Выразителем их запросов выступил В. А. Перовский. На заседании Азиатского комитета 11 марта 1837 г. он сообщил о полученном прошении оренбургского купечества. В нем констатировалось, что одна из причин упадка российской торговли с ханствами — «неверность и небезопасность пути» — частично устранена. «Кайсаки не осмеливаются уже вовсе грабить караваны, а хивинцы довольствуются отяготительной пошлиной». Но есть другие затруднения: таможенные установления в странах Средней Азии.

В Бухаре с мусульман взыскивают 10-процентную пошлину, а с русских торговцев — 40-процентную, да еще притесняют, оценивая произвольно товар. В России азиатские купцы пользуются значительными льготами и преимуществами: освобождены от гильдейских повинностей, платят умеренную пошлину, пользуются правом въезда во все города. Они сосредоточили в своих руках весь товарооборот с Азией.

Учитывая все это, торговавшие в Оренбурге иногородние купцы просили «уравнивания прав». Они выдвинули программу из четырех пунктов, по которой Петербург должен был добиться, во-первых, чтобы бухарское правительство уравнило предпринимателей из России с местными и взимало 10-процентную пошлину с товаров;

⁵ Там же, лл. 202—203.

⁶ Там же, лл. 207—209.

во-вторых, чтобы в Бухаре был русский консул; в-третьих, чтобы на Сырдарье было создано укрепление для безопасного хранения грузов; в-четвертых, чтобы торговцам из Средней Азии был запрещен доступ на ярмарки внутри империи; в противном случае с них надлежит взыскивать гильдейские пошлины (по 10%, «как это было до 1807 г.»), либо обязать выполнять все гильдейские повинности.

Министр финансов комментировал суть проблемы перед членами комитета. Он подчеркнул, что «азиатский торг должен иметь главным предметом сбыт наших произведений». Но на практике получается, что осуществляется этот сбыт азиатскими купцами, поскольку русские подвергаются в ханствах «стеснениям», вовлекая свое правительство в различные дебаты с властями Бухары, Хивы и Коканда. А посему, быть может, и не так уж желательно, чтобы российские предприниматели «торговали много внутри Азии», где им и товары закупать труднее.

Введение запрета на проезд купцов из среднеазиатских ханств на главные ярмарки нанесет удар по дальнейшему развитию торговли с этими странами: «местные оренбургские купцы не могут завести достаточные запасы товаров; нельзя дать некоторому числу пограничных купцов монополию»; к тому же доступ азиатских торговцев на ярмарки стимулирует их деятельность, а обложение их повинностями и пошлинами приведет к повышению цен на товары. Что же касается учреждений русского консульства в Бухаре и строительства укрепления на Сырдарье, то выгода от них сомнительна. Уравнивание в правах русских и бухарских купцов полезно, считал министр финансов, но как его достичь?!

Азиатский комитет отклонил требования отечественных предпринимателей о запрете азиатским купцам ездить на внутренние ярмарки и об их обложении. Бухарскому правительству уже писали об уравнивании в правах представителей обеих сторон. Теперь следует ждать результатов, хотя надежды на успех невелики, ибо принципы обложения основаны в ханствах «на правах их веры».

Создание консульства не сулит больших выгод. Русские торговцы почти не отправляются в Бухару — кого же защищать консулу? К тому же бухарское правительство чуждо установившимся в Европе понятиям о меж-

дународном праве. Это может отразиться на отношении к консулу. Устройство крепости требует крупных подготовительных работ и полезно лишь «в отношении политическом, но отнюдь не для складки товаров».

Общий вывод комитета гласил: «ограничиться на том, что уже учинено, и дело почислить решенным»⁷.

Обсуждение вопроса свидетельствовало, что основное учреждение империи, которое намечало политику в отношении ханств, с большим вниманием и осторожностью учитывало все, что могло отразиться на экономических связях со Средней Азией. Азиатский комитет не шел на поводу у отечественных предпринимателей и отклонял мероприятия, которые могли иметь политическое значение, не способствуя развитию торговли.

Вернемся, однако, к посольству караулбеги Мирзы Курбанбека Ашурбекова. Примерно в это же время, в начале 1837 г., он двинулся из Петербурга в обратный путь. Благополучно добравшись до Бухары, Ашурбеков вручил эмиру Насрулле полученные документы. Ответ на них привезла снаряженная в относительно быстрый срок новая бухарская миссия. О ее предстоящем прибытии сообщал в столицу 5 августа 1838 г. В. А. Перовский. Посольство возглавлял небезызвестный Балтакулибек Рахметбеков, уже побывавший в Петербурге в 1830 г.⁸

Активность правительства Насруллы в дипломатических сношениях с Россией положительно оценивалась царской внешнеполитической службой. Нессельроде подчеркивал во «всеподданнейшей» записке, что ханские власти «находятся ныне в самом дружественном расположении к России, и расположение это является уже не на одних словах, но на самом опыте: хан бухарский, узнавши от возвратившегося из России последнего посольства, что для нашего правительства вообще неприятны завязавшиеся у них связи с англичанами⁹, — теперь в угодность нашему желанию не принял ехавших к нему англичан с новыми предложениями о дружбе и

⁷ Там же, I—1, оп. 781, д. 492, лл. 234—238. Журнал комитета, утвержденный 30 марта 1837 г.

⁸ Там же, I—6, 1837—1, л. 3.

⁹ Поскольку во врученных посольству документах ни слова не говорилось об отрицательном отношении в России к англо-бухарским связям, можно предположить, что подобные взгляды были высказаны Курбанбеку Ашурбекову устно.

торговле. Об этом обстоятельстве доносил и граф Симонич (посланник Российской империи в Тегеране. — Н. Х.), так что оно не может, кажется, подлежать никакому сомнению. Ныне, по смене бывшего кушбеги или визиря бухарского, который недоброжелательно относился к России, еще более причин думать, что бухарцы не будут уклоняться от сей принятой системы — поступать согласно с нашими видами и желаниями, из чего можно будет извлечь пользу и в торговом и в других отношениях».

Эти умозаключения были сделаны Нессельроде на основании поступающих из Оренбурга сведений, и министр полагал целесообразным принять посланника: отказ в этом бухарцы примут за «явный знак недоброжелательства к ним России»¹⁰.

Речь шла о явном благожелательном дипломатическом жесте в адрес эмира Насруллы. Впрочем, он был в эту пору не единственным. Царское правительство стремилось сделать все от него зависевшее, чтобы привлечь к Российской империи среднеазиатскую торговлю и не терять местных рынков, которым угрожали заморские конкуренты. В это же время, 12 ноября 1837 г., Николай I утвердил четкий и целенаправленный «всеподданнейший» доклад министра финансов, гласивший: «...как Нижегородская ярмарка всегда будет служить главным сбытом наших изделий в Азии, и ярмарочный торг столь свойствен азиатским областям, что некоторые англичане дали совет учредить на Индусе ярмарку, подобную Нижегородской, — то иметь всегда в виду, чтобы азиатцы в Нижнем были принимаемы благоприятно от местного начальства с оказанием им особого покровительства и скорого правосудия, о чем и предписать тамошнему военному губернатору»¹¹.

Эта небольшая выдержка убедительно свидетельствует, что рекомендации посетившего Бухару Александра Бернса, советовавшего устроить в Миттанкоте или другом стоящем на реке Инд городе крупное торжище, которое отвлекло бы торговлю Средней Азии от российских рынков, обратили на себя серьезное внимание царских властей и вызвали у них острое беспокойство...

«По первому зимнему пути» Балтакулибек Рахметбеков направился в Петербург и 8 января 1839 г. предъ-

¹⁰ АВВР, СПб. Главный архив, I—6, 1837—1, лл. 14—16.

¹¹ ЦГИАЛ, ф. 40 «Всеподданнейшие» доклады, д. 11, л. 98.

явил ханскую грамоту. Она в основном повторяла содержание аналогичных документов предыдущего посольства: стремимся к дружбе; в Бухаре все спокойно и безопасно, так же себя могут там чувствовать гости из России. Царское письмо получено — обрадовало вестью о «спокойствии»¹².

Но у представителя Насруллы было также «изустное» поручение. «Посланник Священной Бухары Балтакулибек Чагатайбек, сын Рахметбека» изложил его в дальнейшем в ноте министру иностранных дел: ему было велено просить царя об отправке в ханство «хорошего знатока в драгоценных камнях»¹³.

Урегулировав некоторые мелкие вопросы, связанные с торговлей¹⁴, Балтакулибек Рахметбеков в марте 1839 г. покинул Петербург, а российское правительство начало подготовку к выполнению просьбы бухарского хана. Как и полагалось, Нессельроде обратился к Николаю I со «всеподданнейшей» запиской, в которой упоминал ходатайство владельца Бухары о присылке опытного горного чиновника «для исследования тамошних руд и отысканья металлов и дорогих камней». Учитывая, что удовлетворение просьбы эмира будет способствовать укреплению дружественных связей с ханством, министр считал нужным пойти навстречу пожеланиям Насруллы¹⁵.

14 февраля 1839 г. Николай I утвердил предложение главы дипломатического ведомства, и на следующий же день тот обратился к министру финансов и главноуправляющему корпусом горных инженеров Е. Ф. Канкрину с просьбой выделить горного инженера для указанной цели. Канкрин наметил для этого инженер-капитана Е. П. Ковалевского.

Егор Петрович Ковалевский был одним из наиболее интересных и одаренных людей своего времени. Его личность и деятельность несомненно заслуживают самого подробного исследования, и оно бесспорно появится. Геолог и путешественник, писатель и дипломат, прогрессивный общественный деятель, Е. П. Ковалевский к

¹² АВПР, СПб. Главный архив, I—6, 1837—1, лл. 37—39.

¹³ Там же, л. 42. Перевод бухарской ноты.

¹⁴ Бухарские купцы жаловались, будто им разрешили свободную торговлю лишь на 6 месяцев, после чего придется записываться в гильдию, но это оказалось недоразумением.

¹⁵ АВПР, СПб. Главный архив, II—10, оп. 48, 1839—2, л. 1.

рассматриваемому времени был еще молодым человеком (он родился в 1811 г.), но уже успел окончить философское отделение Харьковского университета, поработать на алтайских и уральских горных заводах, а в 1837—1838 гг. изучал природные богатства Черногории по приглашению его правителя Петра Негоша, с которым очень сдружился. Там он, русский подданный, принял активное участие в вооруженной борьбе черногорцев против австрийской агрессии, и ему пришлось вернуться на родину.

Вместе с Е. П. Ковалевским в Бухару должны были отправиться младший инженер штабс-капитан А. Р. Гернгрос со штейгером или унтер-штейгером, двумя горными мастеровыми и переводчиком. Полученные ими инструкции позволяют выяснить, что интересовало различные ведомства Российской империи. Одна из них — от начальника штаба горных инженеров К. В. Чевкина, — датированная 3 апреля 1839 г., предусматривала проведение в Бухаре по указаниям ее властей разведки месторождений полезных ископаемых и по возможности организацию их добычи. Ковалевскому поручалось собрать данные о горных богатствах ханства (особенно о драгоценных металлах и камнях, о торговле ими, в том числе привозными), о состоянии «горных производств, в том числе и об обработке стали хорошанской или индейской», о торговле металлическими изделиями русских горных заводов, местных ценах, районах сбыта и средствах его расширения («уменьшением ли продажных цен, улучшением ли способов перевозки, или же изготовлением изделий сообразно вкусу азиатскому и потребностям тех стран?»). Помимо того, надлежало выяснить, не производится ли в Бухаре и соседних землях торговля «хищническим золотом Уральским или Сибирским», и если да, то каковы ее пути и объем.

Отмечая, что на этот счет будут особые указания Департамента мануфактур и внутренней торговли, Чевкин тем не менее предлагал собрать материалы «вообще об азиатской торговле нашей»¹⁶. Как видим, проблемы развития сбыта российских товаров в Азии занимали и руководство корпуса горных инженеров.

Этому непосредственно была посвящена, естественно, инструкция Департамента мануфактур и внутренней

¹⁶ Там же, лл. 23—27.

торговли от 13 апреля 1839 г. Она содержала интересную преамбулу, гласившую, что «существующие торговые сношения России с Бухариёю могут быть значительно увеличены сбытом туда наших произведений по непрощетанию там фабричной промышленности и вместе с тем доставить выгодную мену на сырые тамошние произведения, Северной России не свойственные...».

Ковалевскому предлагалось ознакомиться с находящимися в Бухаре в ходу мануфактурными изделиями и приобрести образцы «наиболее... потребляемых и большей частью из Кабула англичанами доставляемых, с обозначением цен их», а также собрать сведения и образцы местных «сырых произведений, которые могут служить выгодными предметами мены на российские произведения».

Департамент отмечал, что в ханстве «мало производятся» металлические вещи «для домашнего употребления», так же как оружие и земледельческие орудия, что бумажные крашеные и набивные ткани «худо делаются», равно как и шелковые ткани, украшения из золота и серебра, писчая бумага, «в особенности там уважаемые». Все эти изделия легко и с выгодой могут быть доставлены из России. «С другой стороны, хлопчатая бумага и шелк в сырце, пряные корни и многие лекарственные и красильные вещества изобилуют там или по произрастанию, или по близости Индии, тогда как Россия имеет в них надобность».

Особый пункт был посвящен индиго: в Бухаре, как стало известно, имеются большие запасы этого красителя, который не привозился в Россию «по одному недоразумению тамошних торговцев». Хотя оно хуже качества, чем получаемое через англичан из Индии, но, поскольку индиго очень важно для отечественной фабричной промышленности, надо обратить на него особое внимание и предложить торговцам отправить партию в Россию или выслать образцы на пробу.

«Вообще же, — подчеркивалось в документе, — стараться заметить все, что может служить к успешному сбыту туда наших изделий взамен иностранных»¹⁷.

В дополнительной инструкции Департамент мануфактур и внутренней торговли поручал горному инженеру выяснить, возможно ли будет в случае учреждения

¹⁷ Там же, лл. 28—29. Инструкция от 13 апреля 1839 г.

в России «компании для распространения торговли вообще с Азиею, учредить в Бухарии и в каком именно месте торговую контору такой компании или содержать комиссионера и иметь складку товаров, и какими правами такое учреждение пользоваться может, или каким тамошним постановлениям подчиняться должно». Да и вообще узнать, как местное правительство отнесется к этому?¹⁸

После того как Е. П. Ковалевский внимательно изучил в Азиатском департаменте материалы, посвященные отношениям Российской империи со среднеазиатскими ханствами, он получил соответствующие инструкции и от министерства иностранных дел. Это ведомство считало важным, чтобы руководитель отправляемой миссии поближе познакомился с влиятельными людьми Бухары, особенно с главным советником хана Ишан-Раисом, заручился их дружбой и постарался «расположить их к действиям, указуемым общей пользой и взаимными выгодами России и Бухары».

С этой целью Ковалевскому предлагалось в беседах с Ишан-Раисом «сделать ему нижеследующие внушения, клонящиеся преимущественно до дел торговых, так как торговля составляет главный предмет наших действий по сношениям со странами и народами Средней Азии» (курсив наш. — Н. Х.). Бухарцы взимают «отяготительную пошлину» с товаров русских купцов, и те почти совсем не едут в ханство, за исключением «немногих татар» — мусульман, которых не так притесняют. Следует разъяснить сановнику «выгоды, которыми пользуются бухарцы в России», чтобы к русским купцам в ханстве относились таким же образом.

Для защиты интересов своего купечества в Бухаре Петербург желал бы учредить там консульство, что будет стимулировать русских купцов «к принятию гораздо более деятельного участия в азиатской торговле, сосредоточенной теперь в руках одних азиатцев». Этому мешают «местное невежество и изуверство» (религиозный фанатизм. — Н. Х.). Пребывание экспедиции Е. П. Ковалевского в ханстве приучит бухарцев «видеть у себя русских, присланных от правительства»; тем самым будут проложены «пути к учреждению со временем в Бу-

¹⁸ Там же, л. 30. Дополнительная инструкция от 13 апреля 1839 г.

харе постоянных агентов». Ковалевский должен также узнать, каково мнение Ишан-Раиса по данному поводу.

Далее в инструкции говорилось, что за несколько лет до того англичане пытались установить тесные торговые связи с Бухарой, отправив туда своих агентов и товары, которые «нарочно продавались по довольно низким ценам, дабы уронить там мануфактурные произведения, привозимые из России». Подобные действия не привели к большому успеху. Нужно установить, не предпринимались ли новые аналогичные попытки, имеются ли в Бухаре английские товары, много ли, каково их качество, цены на них. Необходимо внушить Ишан-Раису, что «собственные выгоды бухарцев требуют, дабы они не имели тесных сношений с англичанами, ибо в таком случае рискуют расстроить свои торговые связи с Россией, которые для них несравненно важнее».

Наконец, надо постараться выручить русских невольников, находящихся в ханстве, но делать это в высшей степени осторожно.

Снова и снова руководство Министерства иностранных дел возвращалось к проблемам, которые, казалось, находились вне его компетенции, — к проблемам развития торговли. В инструкции подчеркивалось, что «предметы торговли... в особенности для нас любопытны». Ковалевскому надлежало глубоко «вникнуть» в эти проблемы, установить, может ли российская торговля с Бухарой и вообще со Средней Азией «быть распространена и какие были бы вернейшие к сему средства и к обеспечению оной», вообще — каково экономическое положение ханства и можно ли усилить его производительность, какова внутри- и внешнеполитическая обстановка, в которой живет Бухара¹⁹.

Уже этот краткий пересказ поручений, возложенных на руководителя геологической, по существу, экспедиции, свидетельствует о том, что центральное место занимали среди них вопросы, связанные с расширением русско-бухарских, а стало быть, и русско-среднеазиатских торговых отношений.

10 апреля 1839 г. К. В. Нессельроде подписал послание второму после хана лицу в Бухаре — Ишан-Раису. Министр иностранных дел рекомендовал ему Е. П. Ко-

¹⁹ Там же, лл. 31—36, а также I—1, оп. 781, д. 79, 1839, док. 29, лл. 90—99. Инструкция от 10 апреля 1839 г., утвержденная Николаем I 8 апреля 1839 г.

валевского, отправленного в Среднюю Азию в связи с ходатайством бухарского правителя, переданным через Балтакули Чагатайбека Рахметбекова. В послании высказывалась надежда на дружеский прием представителя Российской империи, «как того требуют взаимная дружба и расположение, существующие между высоким моим повелителем и вашим доблестным эмиром»²⁰.

В апреле 1839 г. Е. П. Ковалевский выехал в Оренбург, имея письменное указание К. В. Нессельроде В. А. Перовскому о содействии отправляемой миссии. Военный губернатор назначил в ее состав переводчиком коллежского регистратора В. В. Григорьева из штата Оренбургской пограничной комиссии, ставшего впоследствии крупным отечественным ориенталистом. Из Казахстана в это время приходили известия об острой межфеодальной борьбе. К тому же не было попутного каравана. Вплоть до поздней осени 1839 г. Ковалевский с А. Р. Герингросом и другими коллегами находился в азиатской «столице» России, выжидая удобного момента, чтобы двинуться в Бухару, и изучая «татарский язык».

Обстановка действительно была крайне тревожной. Русско-хивинские отношения обострились до предела. В. А. Перовский готовился к походу на Хиву. Правители этого ханства, чувствуя нависшую угрозу, стремились мобилизовать все возможные силы и всячески подстрекали отдельные казахские роды к открытым выступлениям против России.

В конце октября — начале ноября 1839 г. геологи в составе бухарского каравана тронулись в путь. Вскоре выяснилось, что надежды на успешное достижение цели весьма невелики. 14 ноября караван пересек Мугоджарские горы и оказался среди охваченных волнением казахов, среди которых активно действовали хивинские агенты. Е. П. Ковалевский и его спутники были окружены и находились чуть ли не на арестантском положении. Следовавший с караваном бухарский посол и его свита думали преимущественно о том, чтобы спасти собственные жизни и имущество. К путникам приближался преданный Хиве хан Джангазы. Над ними нависла угроза попасть в хивинскую неволю.

²⁰ Там же, II—10, 1839—2, лл. 37—38.

В этой ситуации Е. П. Ковалевский, А. Р. Гернгрос и их спутники тайно покинули караван, бросив свои вещи. «В бурную ночь на 22 ноября, — доносил руководитель миссии, — [мы] пробились через ряды карабашевцев, бывших не в большом числе, и проехав более 300 верст в 2½ суток, несмотря на препятствия со стороны барантовщиков, достигли Чушкакульского укрепления, находящегося за 2½ дня конного пути от Аральского моря»²¹.

В дальнейшем Е. П. Ковалевский и его спутники присоединились к двигавшемуся на Хиву военному отряду В. А. Перовского, претерпели все лишения и невзгоды, выпавшие на долю участников этого похода, и вернулись в Оренбург.

Основываясь на письмах военного губернатора, Нессельроде докладывал царю, что геологи остаются там «за неимением удобного случая безопасно отправиться в Бухару». Однако при сложившихся обстоятельствах Перовский не видел возможности «отправить Ковалевского или кого бы то ни было русского без явной опасности в Бухару, — продолжал министр. — Бухарские караваны не могут миновать занимаемых хивинцами переправ на реке Сырдарье, впрочем и не осмелятся обойти оных, если бы и была на то возможность, из опасения подвергнуть весь караван разграблению. Поэтому посланный от нас чиновник не мог бы миновать рук хивинцев и участь его в таком случае была бы более чем сомнительна».

К. В. Нессельроде полагал целесообразным отложить посылку горной экспедиции до лучших времен, ее членов отправить по местам службы, а руководителя вызвать в Петербург «для донесения министерству о сведениях, какие мог он собрать в течение пятимесячного своего пребывания в Киргизской степи». Когда же путь станет безопасным, направить в Бухару геологическую партию, «чтобы исполнить данное хану обещание»²².

2 июля 1840 г. царь одобрил эти планы. Е. П. Ковалевский прибыл в столицу и 1 сентября того же года

представил в дипломатическое ведомство свой путевой журнал и другие документы, связанные с его странствиями и освещающие географические условия и политическую ситуацию в различных районах северо-западного Казахстана²³.

Для новой попытки геологического исследования Бухары, сочетавшейся с дипломатическими поручениями, попытки, предпринятой при более благоприятной обстановке и увенчавшейся большим успехом (по крайней мере внешним), был избран горный инженер К. Ф. Бутенев (Е. П. Ковалевский получил другое задание). Но и эта миссия под прикрытием дипломатии и геологии преследовала ту же задачу: расширение торгово-экономических отношений со Средней Азией. И миссия Бутенева, и отправлявшееся одновременно с ней посольство капитана П. Никифорова в Хиву должны были стремиться в первую очередь именно к этой цели.

Программа действий царского правительства продолжала оставаться прежней. Она была теснейшим образом связана со значением среднеазиатских ханств как рынков сбыта и источников сырья, если не базировалась на этом. Характерным примером служит «Записка коллежского асессора Ханькова о Средней Азии», подготовленная в декабре 1840 г. Ее автор — Я. В. Ханьков принадлежал к числу лиц из непосредственного окружения В. А. Перовского и был посвящен во многие его планы. Я. В. Ханьков являлся большим знатоком Средней Азии, составившим чрезвычайно ценную «Пояснительную записку к карте Аральского моря», которая не потеряла своего научного значения до наших дней. Обращает на себя внимание и время составления документа — период, когда Петербург предпринимал дипломатическое наступление в Бухаре и Хиве.

О чем же гласила эта записка? Любопытно, что названная «Настоящее политическое значение Средней Азии (с точки зрения англо-русского соперничества)», она начиналась цифрами, которые должны были доказать, что «выгодность среднеазиатской торговли для частных лиц никогда не могла быть оспариваема». Следовали примеры: русский ситец, привезенный в Бухару, дает 20% дохода, нанка — 30, коленкор — 18, платки бумажные — 33, платки карманные — 37, алое сукно — 46,

²¹ Там же, лл. 72—23. Рапорт Е. П. Ковалевского К. В. Нессельроде от 25 ноября 1839 г. из укрепления Чушка-куль.

²² Там же, лл. 58—59. «Всепопданнейшая» записка К. В. Нессельроде [без даты], основанная на письме к нему В. А. Перовского от 23 апреля 1840 г. (см. там же, л. 83); см. также 1—1, оп. 781, д. 80, 1840, док. 28.

²³ Там же, II—10, 1839—2, лл. 90—159.

других цветов — 41, парча мишурная — 18, юфть — 29, белый воск — 44, сахар — 44, железо прутковое — 6, железо полосовое — 9, котлы чугунные — 7,5, олово — 15, ртуть — 42, синий купорос — 75, выбойка — 5%.

В то же время сбыт азиатских товаров в Россию приносит такие доходы: пряденая «магаршабская» бумага — 33%, пряденая «мианкальская» бумага — 56, пряденая бухарская и хивинская бумага — 53, хлопчатая бумага — 15%.

«Кругом наши товары дают 24%, азиатские 33%, т. е. в годовом обороте торговец может получить 65% барыша», — подводил итоги Я. В. Ханьков. Он подчеркивал существенную роль для России и Средней Азии развития между ними экономических связей. Торговля с местными ханствами составляет половину «всей торговой деятельности России; от распространения этой части зависит преимущественно будущее благосостояние обширной восточной половины империи, возможность же такового распространения подтверждается: во-первых, обширностью рынка... во-вторых, возможностью исключительно для России снабжать Среднюю Азию нужнейшими сырыми продуктами, а именно: железом, медью, юфтью и пр. и сверх того дешевле прочих европейцев доставлять все другие произведения, приобретаемая взамен хлопчатую бумагу, шелк, индиго, чай и пр., в-третьих, значительностью промышленной деятельности, издревле существовавшей и доныне существующей в Средней Азии».

Среди помех развитию торговли автор записки упоминал неизученность Средней Азии, промышленную неразвитость восточной России, а главное — «опасность сообщений и негостеприимство азиатских владельцев, отчего вся ныне существующая торговля сосредоточена в руках мусульман. Очевидно, что устранение последнего важнейшего препятствия возможно только с утверждением влияния России в Средней Азии».

В специальном разделе «Действия англичан в Средней Азии» Я. В. Ханьков отмечал применявшийся ими метод продажи товаров по бросовым ценам для завоевания торговых позиций: «...в 1830-х гг. товары английские, появясь в Кульдже и Бухаре, продавались по чрезмерно низким ценам с очевидным намерением подорвать кредит России, а именно: кусок кисеи в 27 аршин, который в России стоит 50 р., — по 9 р. серебром, кусок

коленкору в 16 арш., стоящий в России 25 р., по 3 р. сер., ситца двуличного 12 арш. за 4 р. сер.». Он призывал «предупредить [английское] влияние, грозящее не только выгодам торговым, но и безопасности восточной границы империи»²⁴.

²⁴ Там же, I—9, 1840—12, лл. 1—29. Записка Я. В. Ханькова.

*Британские происки в Средней Азии.
Неудачный хивинский поход В. А. Перовского.
Налаживание торгово-дипломатических
связей с Хивой*

Содержащиеся в предыдущей главе упоминания о присоединении Е. П. Ковалевского и его коллег к военному отряду Перовского и о действиях англичан в Средней Азии требуют объяснения. Предпринятый по настоянию оренбургского военного губернатора арест хивинских купцов, как этого и опасались члены Азиатского комитета, не способствовал улучшению условий для торговли России с ханствами. Больше того, напряженная обстановка создавала чувство неуверенности у российских и бухарских предпринимателей, отражаясь на размахе торговли. К тому же в 1838 г., а особенно в 1839 г. угроза среднеазиатским государствам с юга, со стороны британских владений в Индии, приобретала все более реальный характер. Речь шла уже не об эпизодическом завозе туда английских изделий и продаже их по демпинговому ценам или о проезде через то либо иное ханство какого-нибудь лазутчика.

Во второй половине 1838 г. Лондон начал осуществлять тщательно разработанный план утверждения своего господства в Афганистане, замены независимого правителя Дост Мухаммед-хана своим ставленником шахом Шуджой уль-Мульком. Весной 1839 г. британское войско, в обозе которого следовал Шуджа уль-Мульк, заняло Кандагар, а в сентябре того же года столицу Афганистана — Кабул. На два с лишним года, пока вооруженное народное восстание не заставило оккупантов убраться, Афганистан был превращен в опорный пункт дальнейшей английской экспансии, прежде всего в Среднюю Азию. Современник событий немецкий историк К. Ф. Нейманн писал, что, утвердившись в Кабуле, англичане «уже закидывали сети на другие земли Средней Азии. Сначала думали даже о походе на

ту сторону Аму [дарьи], в Самарканд и Бухару»¹. Но этому, по словам ученого, помешали «необыкновенные холода и глубокие снега»², а также (добавим от себя. — Н. Х.) военное сопротивление населения левобережья Амударьи.

Однако попытки англичан проникнуть в Среднюю Азию не прекращались. Британский капитан Р. Берслем со своими помощниками вел съемку гиндукушских перевалов и добрался до Хульма, тщательно разведав основные пути в долину Амударьи³. Английским политическим агентам удалось добиться у узбекских правителей ханств Южного Туркестана обещания «прислать посланников для заключения договоров с британцами... Британские агенты и резиденты в Средней Азии пользовались этими счастливыми обстоятельствами для распространения влияния и владычества своего отечества в землях по ту сторону Аму»⁴.

Неустойчивая ситуация в Афганистане, где интенсивно нарастала массовая освободительная борьба против агрессоров, препятствовала активным наступательным действиям Великобритании. Тогда английские правящие круги несколько изменили методы: они отправили в среднеазиатские ханства своих офицеров, стремясь вовлечь местных правителей в русло британской политики.

Летом 1839 г. в Герат, расположенный в непосредственной близости от Средней Азии и на наиболее удобной дороге, ведущей к ней с юга, прибыл майор д'Арси Тодд. Он использовал Герат как форпост, откуда Лондон засылал агентов в Бухару, Хиву и Коканд. Первым из них оказался в эти годы некий мулла Хуссейн, который по поручению Тодда побывал в Хиве, передал хану Аллакули в подарок ружье и привез от него письмо с сообщением о том, что хивинский правитель согласен вступить в дружественные отношения с Англией. Чтобы закрепить результаты этих переговоров, Тодд отправил в Хиву прикомандированного к гератской миссии капитана бенгальской артиллерии Джеймса Аббота, который

¹ [К. Ф. Нейманн], Афганистан и англичане в 1841 и 1842 годах. Сочинение Карла Фридриха Нейманна, пер. с нем., М., 1848, стр. 101.

² Там же.

³ См. об этом: R. Burslem, A Peep into Turkistan, London, 1846.

⁴ [К. Ф. Нейманн], Афганистан и англичане..., стр. 102, 103.

служил «в Ост-Индской компании по тайным поручениям»⁵. В разведывательное турне по среднеазиатским ханствам отправился полковник Чарльз Стоддарт. В дальнейшем за ними последовали капитаны Артур Конолли и Ричмонд Шекспир. В их задачи входило детальное изучение военно-политической и экономической обстановки в Бухаре, Хиве, Коканде и укрепление британских позиций в этих государствах. Им поручалось любой ценой добиваться того, чтобы английских агентов принимали в качестве посредников в отношениях между ханствами и Россией, что давало возможность, с точки зрения Лондона, приобретать политический капитал в глазах этих стран.

Оживленная деятельность англичан привлекла внимание оренбургских властей. Царское правительство стремилось помешать утверждению английского влияния в Средней Азии. В. А. Перовский вернулся к своим замыслам 1834—1835 гг., полагая, что обстановка настоятельно диктует необходимость оказания военного нажима на Хиву. 11 марта 1839 г. по распоряжению Николая I специальный комитет в составе министра иностранных дел К. В. Нессельроде, военного министра А. И. Чернышева и В. А. Перовского обсудил предложения последнего о «поиске на Хиву».

Перед этим «поиском», под которым подразумевался военный поход, ставились две конкретные задачи: освобождение русских пленных и «уничтожение враждебных препятствий, полагаемых хивинцами свободному движению бухарских торговых караванов». Более общей целью являлось укрепление в Средней Азии позиций России, авторитет которой, по мнению царских властей, был подорван действиями Хивы на торговых путях. Особые опасения Петербурга вызывало «то постоянство, с которым английское правительство, во вред нашей промышленности и торговле, стремится к распространению своего господства в тех краях».

Комитет признал необходимым осуществить экспедицию, однако только после завершения военных действий Англии в Афганистане и вывода оттуда ее войск (как предусматривала декларация генерал-губернатора Индии, но содержавшееся в ней обещание не было выполнено, и афганские повстанцы полностью уничтожили

⁵ Там же, стр. 106.

кабульский и некоторые другие британские гарнизоны). Подобная отсрочка диктовалась политическими причинами. Участники обсуждения заявляли, что если успешные действия конкурентов Российской империи в Афганистане и усилят «власть и влияние англичан над всем населением Средней Азии», то оно «неминуемо и весьма сильно должно быть поколеблено последующим занятием Хивы, освобождением соседних туркмен и кайсаков от дани хивинской и ограждением Бухары от грабежей и насилий», а также вызволением нескольких тысяч персов из неволи в Хиве.

Кроме того, операции лондонского правительства в Афганистане послужат для царских властей «достаточным основанием к отклонению всяких со стороны Англии притязаний по действиям нашим в Хиве». И поэтому лучше дождаться завершения событий в Афганистане, а потом предпринять поход.

12 марта 1839 г. царь утвердил журнал особого комитета. «Поиск» намечался на весну 1840 г. Однако в мае 1839 г. Перовский, ссылаясь на местные обстоятельства (обеспечение водой, вычным транспортом и т. п.), заявил, что намерен двинуться «не дожидаясь весны и, вероятно, в ноябре»⁶.

В Оренбурге развернулась подготовка к хивинскому походу. Она сопровождалась изучением и разработкой возникавших в связи с ней проблем. 30 сентября 1839 г. Перовский отправил Нессельроде «Записку о политических вопросах по поводу предстоящего занятия Хивы». Главнейшая цель экспедиции, подчеркивалось в этом документе, состоит, «бесспорно в том, чтобы изменить все враждебные, не выгодные торговле и промышленности нашей отношения Хивинского ханства, упрочить обоюдные мирные отношения и установить соответствующее этой цели правление». Предполагавшаяся замена хана Аллакули русскоподданным казахским султаном, говорилось в «Записке..», не очень удачный выход из положения, поскольку его придется охранять царским войском, что нежелательно.

Оренбургский военный губернатор предлагал заменить Аллакули братом его — инаком, расположенным к России, и заключить с ним договор, предусматрива-

⁶ «Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края», т. I, Ташкент, 1908, стр. 55—56.

ющий: а) прекращение тайных и явных враждебных действий ханства против России, в том числе и содержания в неволе ее подданных; б) отказ Хивы от претензий на власть над русскоподданными казахами и определение границ ханства; в) то же самое применительно к туркменским племенам, которые пожелают поступить в подданство России; г) срытие хивинских укреплений на Сырдарье; д) отказ ханских властей от принуждения торговых караванов к проходу через Хиву и обложения их по этому поводу пошлинами; е) чтобы «вообще на товары, принадлежащие русским, не было налагаемо, как доселе, двойной и четверной пошлины, а чтобы купцы, русские и хивинские, были во всех отношениях уравнены правами»; ж) открытие хивинского консульства в Оренбурге и русского в Хиве; русский консул должен иметь право содержать на Амударье свои суда. Если инак убежит из ханства, там должно быть создано «временное правительство»⁷.

10 октября 1839 г. «Записка...» Перовского была рассмотрена совместно министром иностранных дел, военным министром и оренбургским военным губернатором, одобрявшими ее основные положения, которыми надлежало руководствоваться при «поиске». Перовский облекался полномочиями, «чтобы установить порядок вещей, могущий служить обеспечением в прекращении на будущее время враждебных и невыгодных для торговли и промышленности нашей отношений Хивинского ханства».

Как и предусматривалось, командир двигавшегося на Хиву отряда должен был заключить с ее новым правителем «обязательный акт» с указанными выше пунктами. Перовскому поручалось известить «от себя» бухарского правителя о предпринимавшейся экспедиции «как по утверждению настоящих благоприятных его к нам отношений, так и для предупреждения всяких толков, могущих поколебать доверие тамошнего хана к России»⁸.

17 октября Николай I утвердил декларацию о причинах и целях похода на Хиву. Основное место занимали в ней уже известные претензии царского правительства к ханству: оно издавна занимает враждебные позиции

⁷ Там же, стр. 148—150.

⁸ Там же, стр. 158—163.

по отношению России, волнует соседние племена, препятствует развитию торговли, грабит или облагает незаконными пошлинами караваны, содержит в неволе русских подданных, укрывает преступников и т. д. На «мирные увещевания» хивинцы отвечают усилением нападений на караваны. «Задержание» купцов — не помогло. После трехлетнего ожидания «едва 100 человек (невольников. — Н. Х.) возвращены в Россию, между тем как нынешней весной захвачены вновь на одном Каспийском море до 200 рыбопромышленников». Поэтому отряд должен обеспечить в будущем «права и пользы российских подданных, положить конец грабегам и насилиям, избавить томящихся в Хиве невольников... и упрочить то влияние, которое неминуемо принадлежит России и которое одно может служить залогом сохранения мира в сей части Азии». По достижении этих целей военный отряд покинет ханство и вернется в пределы империи⁹.

В середине ноября Перовский начал свой зимний поход. Этому авантюристическому предприятию, закончившемуся полным крахом, посвящена обширная литература¹⁰, поэтому нет необходимости останавливаться на нем подробно. Скажем лишь, что 4-тысячный отряд пехоты с 12 пушками и 10-тысячным верблюжьим обозом к 20 декабря добрался до Эмбенского укрепления, потеряв до 2 тыс. верблюдов. 1 февраля 1840 г. Перовский вышел к Ак-Булаку (Чушка-куль). К этому времени множество участников похода было обморожено, пало еще 5 тыс. верблюдов, а впереди находилось суровое плато Устюрт, заметенное глубокими снегами. Запасы топлива, продовольствия и фуража были на

⁹ Там же, стр. 171—172.

¹⁰ См., в частности: «Военная экспедиция против Хивы в 1839 г.», — «Библиотека для чтения», 1859, № 10; Д. Голосов, Поход в Хиву в 1839 г. отряда русских войск..., — «Военный сборник», 1863, № 1—3; М. Иванов, Описание зимнего похода в Хиву в 1839—1840 гг., СПб., 1874; А. Шепелев, Очерк военных и дипломатических сношений России со Средней Азией, — «Материалы для истории хивинского похода 1873 года», Ташкент, 1879; А. И. Махшеев, Исторический обзор Туркестана и поступательного движения в него русских, СПб. 1890; Ив. Захарьин, Зимний поход в Хиву 1839 г., — «Русский архив», 1891, № 4; И. П. Захарьин [Якунин], Граф В. А. Перовский и его зимний поход в Хиву, ч. 1—2, СПб., 1901; М. А. Терентьев, История завоевания Средней Азии, т. 1, СПб., 1906; А. Л. Попов, Борьба за среднеазиатский плацдарм, — «Исторические записки», 1940, № 7, стр. 198—242.

исходе; подножного корма не было. Дальнейшее продвижение могло привести к гибели всего отряда, и его командир приказал повернуть назад.

К середине февраля войско вернулось к Эмбенскому укреплению, откуда с наступлением тепла направилось в Оренбург. В июне 1840 г. В. А. Перовский с остатками отряда оказался на исходных позициях.

Как выяснилось, однако, впоследствии, царское правительство все же добилось определенных результатов. В 1858 г. Ф. Энгельс с полным основанием отмечал, что «официальная цель похода была достигнута: в то время как Англия до сих пор еще не смогла отомстить за убийство в Бухаре своих послов Стоддарта и Конолли, хан хивинский отпустил на свободу всех русских пленников и отправил в Санкт-Петербург посольство, чтобы просить о мире»¹¹.

* * *

Враждебные отношения между Россией и Хивой, резко отражавшиеся на развитии торговли Средней Азии со своим северным соседом, значительно возросшая активность британской агентуры в ханствах — все это порождало отклики в крупнейшем из них — Бухарском ханстве. Его правитель, жестокий и волевой Насрулла, беспощадно расправлялся с народными восстаниями в городах и кишлаках, сурово подавлял сепаратистские тенденции феодалов, вел успешные завоевательные войны против Коканда, периодически утверждая на местном престоле своих сторонников. Насрулле удалось в определенной степени укрепить аппарат управления ханством, консолидировать центральную власть, вести самостоятельную, независимую внешнюю политику. Он держал под арестом (а в 1842 г. казнил) британских офицеров Стоддарта и Конолли, которые были посланы в Среднюю Азию с военно-политическими целями.

Насрулла придавал существенное значение поддержанию дружественных связей с Россией и периодически отправлял туда посланцев. Приезд одного из них послужил для царского правительства дополнительным толчком к осуществлению обещания о содействии бухарцам

¹¹ Ф. Энгельс, Продвижение России в Средней Азии, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 12, стр. 616.

в геологическом изучении ханства. Этот посланец — достарханчи¹² «Кули Бей Мулла Мукумбек Мухаммед Сеидов», как он именуется в документах (он же Мукумбай, Мухаммед-Джан), 3 августа 1840 г. со свитой из 39 человек и неизменными дарами приехал в Оренбург. Нессельроде просил Перовского хорошо принять предполагавшееся посольство, учитывая «настоящее положение дел наших в Средней Азии»¹³.

По заведенному порядку предварительные беседы с посланцем велись в Оренбургской пограничной комиссии. Как выяснил ее председатель со слов достарханчи, эмир поручил своему посланнику: «1. Ходатайствовать о защите Бухарии от англичан, грозящих ей завоеванием. 2. Просить содействия для обуздания хивинцев, которые постоянно грабят караваны, и ныне, войдя в сношения с англичанами, начинают явно враждовать противу Бухарии. 3. В случае невозможности для России наказать хивинцев вооруженной рукой — дозволить эмиру быть посредником для размена пленных и утверждения дружественных сношений, которые бы обеспечили торговлю, могущую иначе притти в совершенный упадок»¹⁴.

Министерство иностранных дел оперативно откликлось на все жалобы бухарцев по поводу стеснений, отражавшихся на развитии торговли. Так, когда они выразили недовольство в связи с медлительностью в досмотре товаров и вещей на Оренбургской таможне, Нессельроде счел необходимым обратиться со специальным письмом к товарищу министру финансов Вронченко и просил его дать таможне «наставление», чтобы «распоряжения о... досмотре были наименее отяготительны для приезжающих к нам азиатцев, ибо сие может иметь тоже влияние на торговые сношения наши с Азиатскими областями, в особенности в настоящее время, когда Ост-Индское правительство употребляет все старания, чтобы привлечь к себе всю торговлю с Средней Азией»¹⁵.

¹² Или «дастурханчи» — своего рода дворецкий, придворный чин, который следил за тем, как слуги готовят и накрывают ханский стол.

¹³ АВПР, СПб. Главный архив, I—6, 1840—2, л. 3. Письмо от 14 июня 1840 г.

¹⁴ Там же, л. 21. В. А. Перовский — К. В. Нессельроде от 17 августа 1840 г. См. также «Сборник материалов...», т. II, стр. 202—203.

¹⁵ АВПР, СПб. Главный архив, I—6, 1840—2, лл. 34—35.

Посланная эмиром Насруллой миссия недолго находилась в Оренбурге: уже 23 августа 1840 г. она проследовала далее, в столицу, куда прибыла 18 октября, и через три недели, 10 ноября 1840 г., была принята царем. В письме Николаю I эмир подчеркивал значение движения купеческих караванов, «составляющих главное средство беспрестанного сношения между обоими владениями. Хотя купцы ездят собственно для себя и из видов собственных своих выгод, однако они доставляют тем благоденствие и самим государствам». Насрулла высказывал опасения по поводу участвовавших посещений Хивы англичанами и возможности их утверждения в каком-нибудь из среднеазиатских пунктов. «...Но так как теперь, — продолжал он, — всемиловитивший государь... отпустил хивинских купцов, то я надеюсь, что при этом новом обороте дел, с божьей помощью, англичане перестанут приезжать в Хиву».

Эмир ходатайствовал об оказании нажима на хивинские власти, чтобы добиться от них прекращения помех торговле; он просил при заключении с ними мирного трактата упомянуть, «чтобы хивинцы не делали никаких обид и притеснений бухарским караванам и не взымали бы насильственно пошлин». Не обошлось и без неизменной просьбы, которую выражали все посольства: уменьшить взимаемые с бухарских купцов сборы¹⁶.

Мулла Мукимбек Мухаммед Сеидов высказывал желание, чтобы его соотечественникам-торговцам были предоставлены 19 лавок на Нижегородской ярмарке. Царские власти удовлетворили эту просьбу, а также пошли на некоторые дополнительные уступки бухарским купцам.

Что касается других проблем, то для переговоров об их разрешении правительство Российской империи, как гласила царская грамота Насрулле, отправляет в Бухару свое доверенное лицо — подполковника Бутенева¹⁷. Самому Мулле Мукимбеку Мухаммеду Сеидову не повезло. Его торжественно принимали в столице, показали различные достопримечательности, снабдили богатыми подарками эмиру, сановникам и ему лично, но на обратном пути посланец эмира заболел («опухоль по всему

¹⁶ Там же, лл. 46—47, 63—66 и 67—69. Перевод грамоты бухарского эмира от 25 мая 1840 г.; см. также: «Сборник материалов...», стр. 240—242.

¹⁷ Там же, лл. 122—123.

телу») и 27 февраля 1841 г. умер в Нижнем Новгороде. Полученные им официальные документы были переданы собиравшемуся в дорогу К. Бутеневу для вручения Насрулле. Но эти события будут рассмотрены ниже, а пока вернемся к русско-хивинским отношениям.

Неудача зимнего похода Перовского с точки зрения царских властей усугублялась тем обстоятельством, что в Хиве продолжали действовать британские агенты. В январе 1840 г. туда прибыл капитан Джеймс Аббот, который добился встречи с ханом Аллакули. Тщетны были бы попытки установить содержание этой беседы, изучая объемистое, двухтомное описание вояжа, изданное Абботом. «Я не намерен говорить о политических вопросах, обсуждавшихся на этой аудиенции», — предупреждал он¹⁸. Однако из материалов книги можно сделать безошибочный вывод: капитан стремился втянуть Хиву в орбиту английской политики и обострить ее отношения с соседями. «Англия — первая по обширности своих владений, численности населения и мощи. Мы — естественные союзники мусульманских государств», — заявлял он¹⁹ и пытался организовать совместное хивинско-кокандское выступление против Бухары для освобождения задержанного там полковника Стоддарта, угрожая в противном случае «ввести британскую армию» в Среднюю Азию.

Заморский гость занимался и военной разведкой. По его настоянию Аллакули распорядился предоставить Абботу «всю возможную информацию относительно пограничных дел»²⁰. Капитан создал и собственную разведывательную сеть, хвастаясь, что по некоторым вопросам осведомлен лучше ханского правительства. Особый интерес вызывали у него действия России в Средней Азии. Его не пугали трудности в пересылке донесений в Герат: «Цели миссии стоили тысячи [фунтов стерлингов] и представляли большую важность, чем золото, чтобы скупиться несколькими гинейми ради получения сведений»²¹.

При дальнейших переговорах в Хиве «по вопросам, не подлежащим оглашению», Аббот стремился подгото-

¹⁸ J. Abbot, Narrative of a Journey from Herat to Khiva, Moscow and Sanct-Petersbourg, vol. I, London, 1884, p. 87.

¹⁹ Там же, стр. 93.

²⁰ Там же, стр. 100.

²¹ Там же, стр. 158.

вить договор о союзе между ханством и Англией, запугивая хивинцев «русской угрозой» и превознося мощь Британии. «Число их слишком велико, — говорил он об английских пушках, — они бессчетны. Моря покрыты кораблями Англии, каждый из которых имеет от 20 до 120 орудий. Ее крепости полны пушек, и тысячи их лежат в каждом арсенале... У нас больше пушек, чем у любой нации в мире»²².

Возражая одному из ханских сановников, который заметил, что, судя по карте, Россия больше Англии, капитан заявил: «Вы ошибаетесь! Этот вопрос обсуждался английской и русской миссиями в Тегеране; после детального изучения он был решен в пользу Англии. Она имеет, безусловно, большую территорию и впятеро больше подданных... Но это не все: взглянув на карту, вы увидите, что воды втрое больше, чем суши, и всюду, где течет океан, моя королева не имеет соперников»²³. Распространяясь на тему о силе британского флота, Аббот в качестве прибрежного города, который «может быть разрушен военными судами», называл столицу России — Петербург²⁴.

Во время беседы с высшим духовенством Хивы он упорно доказывал, что «русские — неверные, кяфиры», тогда как англичане — чуть ли не потомки пророка Мухаммеда и, уж во всяком случае, не знают о существовании таких запретных для мусульман животных, как свинья. Все эти речи были предназначены, чтобы внушить влиятельным хивинцам «почтительный страх» и симпатии к Англии.

Британский разведчик призывал хивинские власти строить военные укрепления, направленные против России, и лично знакомился с важными дорогами. 1 мая 1840 г. он был задержан с большим отрядом близ русского Ново-Александровского укрепления, на Мангышлаке. Посаженный под арест, Аббот выдал себя за посла Аллакули к правительству России и предъявил коменданту Ново-Александровского форта документы за подписью Тодда. В них значилось, что капитан отправлен британскими властями в Хиву, а затем другой рукой и другими чернилами было приписано: «или, если надобность потребует, через Россию». Царские предста-

²² Там же, стр. 109.

²³ Там же, стр. 120.

²⁴ Там же, стр. 137—138.

вители заключили на этом основании, что Аббот вовсе не собирался ехать в Россию, но попав в затруднительное положение, заподозренный в шпионаже, был вынужден изменить свои планы.

В. А. Перовский, высказывая К. В. Нессельроде беспокойство по поводу деятельности британской агентуры в Средней Азии, писал, что хивинский хан предоставил Абботу военный отряд и несколько орудий для укрепления берегов Мангышлака, что англичане стремятся организовать, снабдить оружием и возглавить антирусское движение в Средней Азии. Оренбургский военный губернатор просил оказать дипломатический нажим на Лондон, чтобы прекратить эту враждебную деятельность²⁵.

В конце мая 1840 г. Аббот был доставлен в Оренбург, а оттуда отправлен в Петербург. Там отказались признать его дипломатические полномочия и право на представительство Аллакули. Вскоре он уехал в Лондон. Его миссия не дала желаемых результатов. Правда, капитан установил связи с влиятельными хивинцами, развернул в ханстве проанглийскую пропаганду и собрал важные военно-политические данные, но основной цели — столкнуть Хиву с Россией — не достиг; ему не удалось также добиться признания его Россией посредником во взаимоотношениях с ханством.

Тем не менее царское правительство решило использовать прибытие Аббота в Оренбург, чтобы в какой-то мере «спасти лицо», найти выход из создавшегося тупика в русско-хивинских отношениях. К. В. Нессельроде заготовил письмо, с которым Перовский должен был обратиться к Аллакули. Чтобы не создалось впечатления о заинтересованности империи в связях с Хивой и проявлении инициативы в возобновлении переписки, послание хану начиналось со ссылки на привезенное Д. Абботом письмо Аллакули. Оренбургскому военному губернатору надлежало выразить «некоторое сомнение в точном уразумении» предъявленных ханству требований, и он их повторил: 1. Возобновление сношений и любые переговоры возможны лишь после освобождения всех невольников из России, находящихся в Хиве. 2. Необходимо «навсегда» прекратить враждебные действия, не притеснять и не подстрекать казахов, не вмешивать-

²⁵ «Сборник материалов...», т. II, стр. 140, 144.

ся в их дела, не задерживать и не грабить караваны, идущие из Бухары в Россию и обратно, запретить торговлю невольниками «и, наконец, предоставить русским торговцам в Хиве ту же свободу и ту же личную безопасность, какими в России пользуются подданные всех азиатских областей, находящихся с нами в мирных и торговых сношениях».

В письме содержался и намек на возможность повторения военного похода: выполнение первого требования — первый шаг к примирению. Когда он будет сделан, «только тогда будут прекращены приготовления к военным противу Хивы действиям, отпустятся задержанные в России купцы хивинские с их товарами, и торговые сношения возобновятся на прежнем основании»²⁶.

Тем временем в ханстве появился новый британский посланец. Когда Д. Аббот жил под надзором в Ново-Александровском укреплении, в середине мая 1840 г., находившийся в Герате капитан Ричмонд Шекспир по распоряжению майора Тодда двинулся в Хиву²⁷ и 12 июня прибыл туда. Он не оставил после себя, подобно предшественнику, двухтомного описания поездки, из которого можно было бы узнать хотя бы некоторые ее детали и цели. Однако почти через 35 лет, в 1873 г., царские власти обнаружили в ханстве его архив (или часть его)²⁸.

Эти материалы в какой-то степени раскрывают обстоятельства, связанные с посылкой Р. Шекспира в Среднюю Азию. Среди них находится, в частности, письмо британского министра иностранных дел Пальмерстона послу Англии в Петербурге о стремлении Лондона «принять такие оборонительные меры, какие будут необходимы для охраны спокойствия» во владениях английских «в этой части света»²⁹ (т. е. в Азии). В качестве таких оборонительных мер рассматривалось создание британского плацдарма в Хиве.

²⁶ АВПР, СПб. Главный архив, I—1, д. 80, 1840, лл. 82—85. Проект письма оренбургского военного губернатора хивинскому хану, утвержденный Николаем I 25 июля 1840 г.

²⁷ Е. П. Ковалевский, Странствователь по суше и морям, СПб., 1843, стр. 10.

²⁸ Подробно об этом см.: Н. А. Халфин, Британская экспансия в Средней Азии в 30—40-х годах XIX в. и миссия Ричмонда Шекспира, — «История СССР», 1958, № 2, стр. 103—112.

²⁹ ЦГВИА СССР, ВУА, ф. Военные действия в Средней Азии, д. 6996. Английские письма, взятые у туркмен, л. 4.

После отправки Аббота в Хиву было решено послать офицера непосредственно в русский лагерь для военно-политической разведки. «Без присутствия на месте английского офицера, у меня нет возможностей наблюдать за действиями России», — жаловался секретарю английского правительства Мэддоку глава политического и секретного департамента Ост-Индской компании Макнотон³⁰, исполнявший по совместительству обязанности полномочного посла при марионеточном шаху Афганистана Шудже уль-Мульке. Ричмонд Шекспир получил инструкцию, предназначавшуюся для Джеймса Аббота, которую тот не успел получить ввиду поспешного отъезда. Первому, как и второму, следовало добиваться установления «дружественных отношений» между Англией и среднеазиатскими ханствами, восстановить Хиву против северного соседа и выступить посредником в ее отношениях с Россией.

Приехав в ханство, Шекспир принялся осуществлять «посреднические» функции. Он официально и торжественно оповестил Оренбург о своем прибытии в Хиву в качестве представителя верховного правительства Британской Индии. Английский агент заявил, что Россия не предъявила ханству никаких «резонных требований», а потому у нее нет оснований для каких-либо активных действий³¹.

Как свидетельствуют документы Р. Шекспира, он тратил крупные суммы на подкуп влиятельных сановников и организацию разведки, уделяя много внимания и политической пропаганде. Выяснив, что хивинские власти пришли к выводу о настоятельной необходимости вернуть русских невольников, капитан добивался, чтобы Аллакули поручил ему доставку пленных в Оренбург. Это давало Шекспиру возможность выдать себя за «спасителя русских» и завоевать доверие оренбургских властей. Эта попытка, как будет видно из дальнейшего, не удалась.

Между тем Аллакули и его приближенные, несмотря на полный провал зимнего похода В. А. Перовского, сочли за благо не давать повода для новых военных экспедиций Российской империи, которые могли оказаться более удачными. К тому же разрыв торговых

³⁰ Там же, лл. 5—6. Письмо Макнотона от 9 мая 1840 г.

³¹ Там же, л. 11. Копия недатированного письма Р. Шекспира.

связей с Россией тяжело отражался на хивинской экономике. И ханские власти воспользовались пребыванием в Хиве имевшего там родственников царского офицера Мухаммед-Шерифа, или иначе корнета Аитова, чтобы установить контакты с Оренбургом, а через него и с Петербургом. 8 сентября 1840 г. находившийся в столице В. А. Перовский известил директора Азиатского департамента Л. Г. Сенявина, что Аитов вернулся из Хивы в Оренбург. С ним приехали двое освобожденных русских пленных. Они привезли письмо от остальных пленных, «числом до 400», с сообщением, что их снаряжают на родину, и с просьбой отпустить в связи с этим задержанных хивинских купцов. Перовский выражал готовность отпустить тех хивинских торговцев, которые не имели в России товаров, а остальных — с русским посланником к хану³². Аитов привез также известие о готовившемся выезде в Россию хивинского посла.

Министерство иностранных дел немедленно откликнулось на полученное известие. Уже 10 сентября 1840 г. Нессельроде информировал Перовского о решениях, принятых по этому поводу верховной властью. Учитывая возвращение пленных и запрет хивинским ханом нападений на караваны, Николай I велел принять посланника Хивы в Петербурге, разрешить хивинским купцам «свободное обращение в местах их жительства», вернуть секвестрованные товары, а потом отправить их домой.

Оренбургскому губернатору поручалось послать от своего имени «любезное письмо» хану. Поскольку выяснилось, что вместе с представителями Хивы и освобожденными невольниками в Россию едет находившийся в ханстве английский капитан Ричмонд Шекспир, который выдает себя за посредника в русско-хивинских отношениях, добившегося якобы выдачи пленных, Перовскому предлагалось принять его «ласково, как путешественника и офицера державы, с которой мы находимся теперь в союзе и в дружественных отношениях», разрешить направиться в Петербург, если захочет, «но отнюдь не вместе с хивинским посланцем», и не входить в какие-либо объяснения о взаимоотношениях между Россией и Хивой³³.

³² АВПР, СПб. Главный архив, I—6, 1840—1, лл. 1—8.

³³ Там же, лл. 22—24.

23 сентября 1840 г. в Оренбург прибыл ожидавшийся хивинский посланец Атанияз Ходжа Реис Муфтий со свитой и с капитаном Шекспиром. Без особых задержек 30 сентября его отправили в столицу. Представитель «дружественной и союзной державы» вызывал особое беспокойство и внимание оренбургских властей. Специальным письмом Перовский информировал Нессельроде о различных обстоятельствах, связанных с Шекспиром. Он отмечал враждебность к нему Атанияза Ходжи Реиса Муфтия и считал нежелательным возвращение капитана в ханство, ибо его приезд туда «с значительным числом отпущенных ныне хивинских купцов» вызовет «невыгодные для России последствия».

«По частным известиям, — продолжал губернатор, — капитан Шекспир дал уразуметь, что целью посылки его в Туран было приготовление хивинского владельца к имеющему вскоре последовать занятию англичанами Бальха и Кундуза, как прежних провинций Кабула, и замена нынешнего бухарского эмира вассалом Шаха Суджи (т. е. шаха Шуджи уль-Мулька, английского ставленника на кабульском престоле в 1839—1842 гг. — Н. Х.), если Нассер-Улла воспротивится занятию Бальха или не принесет приличных извинений за дурное обращение с полковником Стоддартом.

Приготовительные меры по этому делу поручены находящимся в Бамiane доктору Вуду и капитану Лорду (Перовский перепутал: доктором был Персивал Лорд, а капитаном — Джон Вуд. — Н. Х.), которые осмотрели уже верхнюю долину Аму в 1839 г.»³⁴.

Продолжая находиться в столице, Перовский держал внешнеполитическое ведомство в курсе всех обстоятельств, связанных с хивинским посольством. Его сопровождал в Петербург получивший повышение в чине поручик Аитов. Целью прибытия Атанияза Ходжи Реиса Муфтия, по предварительным данным, было ходатайство, чтобы царь принял «высокостепенного Алла-Кула и ханство под покровительство России и о защите Хивы от грозящих ей врагов, за что хан обещает безусловно исполнять волю государя императора», — писал Перовский Сенявину, и хотя такая трактовка намерений правителей Хивы весьма и весьма сомнительна (губерна-

³⁴ Там же, лл. 37—39. Перовский — Нессельроде от 4 октября 1840 г.

тор скорее всего выдавал желаемое за достигнутое!), мы должны исходить из тех представлений, какие формировались у царских сановников.

Грамот у посланника нет, отмечал далее генерал, но полномочием служит письмо к нему, Перовскому, от хивинского мехтера, которое препровождено в министерство. Капитан Шекспир по дороге ссорился с Атанязом и туркменским конвоем, причем дело доходило даже до драк. Это, однако, «не прелятствует вмешательству его быть вредным для России: освобожденные пленники наши рассказывают повсюду, что они выкуплены англичанами, которые заплатили будто бы за них хану 6 пудов золота. Шекспир некоторым образом подтверждает это, разглашая, что ему исключительно обязана Россия освобождением невольников своих, и что он, сверх того, возвратил из Хивы в отечество 1000 пленных гератцев». Это, видимо, ложь: Аитов и другие ничего не слыхали о таком деле.

28 сентября Шекспир отправился из Оренбурга в Петербург, откуда намерен вернуться в Хиву через Оренбург. Зимой туда был намерен приехать еще один англичанин — Конолли (в действительности Шекспир из Петербурга отплыл в Англию, а Конолли, оказавшийся в Бухаре, был посажен под арест эмиром Насруллой и в Хиву не попал). Перовский отмечал заявления британского капитана, что хивинскому хану было бы «очень приятно видеть русского поверенного в Хиве», и находил такие утверждения достаточно вероятными, «ибо известия о нерасположении Алла-Кула к англичанам все более и более подтверждаются, и есть даже слухи, будто после примирения с Россией владелец Хивинский в союзе с принцем Камраном (правитель Гератского владения. — Н. Х.) намерен начать явно враждебные действия противу новых покровителей Афганистана» (англичан. — Н. Х.)³⁵.

19 октября 1840 г. Атаняз Ходжа Рейс Муфтий прибыл в Москву, а в конце месяца — в Петербург. К этому времени в Оренбургском крае были освобождены из-под ареста 344 хивинца. Отношения начали налаживаться. 17 ноября посланец хана Аллакули на царской аудиенции получил различные подарки, осмотрел

³⁵ Там же, лл. 69—72. Перовский — Сенявину от 12 октября 1840 г. Это письмо было доложено царю.

достопримечательности столицы, т. е. был окружен вниманием, которое должно было подчеркнуть удовлетворение царского правительства по поводу изменения политического курса Хивинского ханства. 19 января 1841 г. Атаняз двинулся в обратный путь.

15 марта 1841 г. Николай I утвердил грамоту, адресованную хивинскому хану. «По большому императорском титуле», в ней отмечалось, что желание властей Хивы установить приязненные отношения с Российской империей и прекратить враждебные действия принято к сведению. Царское правительство готово способствовать (в грамоте говорилось: покровительствовать) установлению добрососедских отношений. В Хиву снаряжается капитан Никифоров, который доставит грамоту и дары, а также сообщит условия, содействующие «установлению приязни»³⁶.

Таким образом, наряду со снаряжавшейся в Бухарское ханство миссией К. Бутенева царское правительство приступило к подготовке посольства капитана генерального штаба Прокопия Никифорова в Хиву. Прибытие в Россию представителей Насруллы и Аллакули, как и ответные визиты посланцев Николая I, потребовали выработки общей программы действий по отношению к среднеазиатским ханствам. Такая программа была намечена Нессельроде совместно с Перовским.

Она касалась «главных соображений... для упрочения исключительного влияния нашего в ближайших к России ханствах Средней Азии». Предпосылки для определения подобных «главных оснований будущих сношений» России со среднеазиатскими владениями заключались в «благоприятном изменении образа действий хивинского владельца и предстоящих с ним переговорах».

Политические задачи формулировались кратко, но выразительно: упрочение в ханствах монопольного влияния Российской империи. Торговые цели выдвигались на авансцену: «...постоянно иметь в виду изыскание средств к вящему развитию торговых оборотов, производимых с теми странами и следовательно обезопасение караванных путей и обеспечение личности и собственности российских торговцев». Для этого нужно «связать теснейшим образом не только частные выгоды»

³⁶ Там же, лл. 251—252.

этих владений, но и укрепить их политическое сотрудничество с Россией, «а для того необходимо сблизиться с этими ханствами, распознать на месте надежнейшие средства к содержанию их под нашим влиянием, определить взаимные политические их отношения с Россией» и обеспечить соблюдение дружественных условий.

С этой точки зрения полезно было бы, во-первых, иметь в Бухаре, Хиве и Коканде постоянных или «временных» агентов, которые внушали бы местным правителям доверие к России и сообщали сведения, необходимые для дальнейших действий, а во-вторых, добиться подписания правителями ханств обязательных актов. Хотя подобные документы не могут служить доказательством искреннего расположения ханов, такие акты явятся основанием «для отстранения вмешательства в их дела всякой другой державы».

Применяя конкретно эти принципы при переговорах, надо, чтобы Аллакули обязался: 1. Не вести против России враждебных действий и не потворствовать им с чьей-либо стороны. 2. Отказаться от претензий на суверенитет над русскоподданными казахами и туркменами. 3. Не допускать укрывательства «мятежников» и выдавать их. 4. Не принуждать караваны идти через Хиву. «Вообще не делать никаких остановок караванной торговле азиатских владений с Российской империей». 5. Прекратить сбор пошлин на Сырдарье и уничтожить местные укрепления. 6. Не мешать русским купцам приезжать в ханство и уравнивать их в правах с хивинцами. 7. Предоставить России право свободного судоходства по Амударье. 8. Допустить постоянного агента Российской империи в ханство. 9. Уважительно относиться к требованиям этого агента. 10. Признавать его неизменным посредником при раздорах с соседями. 11. Без его совета не заключать «условий» с какими-либо народами. 12. При смерти в Хиве кого-либо из русских подданных, передавать агенту его имущество. 13. Безопасность агента и всех российских и бухарских торговцев, как и «вообще соблюдение всех постановляемых условий, обеспечивается лицами и имуществом хивинских торговцев, в России находящихся».

Взамен этих обязательств хивинцам предоставлялись в России права и привилегии, какими пользовались купцы других азиатских стран, а также возможность иметь при желании консулов в Оренбурге и Астрахани. При

этом предавалась забвению прошлая вражда, и царское правительство отказывалось от требований возмещения убытков при разграблении караванов.

По отношению к Бухаре — необходимо воспользоваться сложившейся ситуацией («благоприятным расположением бухарского хана» и его опасениями, вызванными происками англичан и хивинцев) и заключить с этим владением также «род трактата», чтобы обезопасить положение в ханстве российских торговцев и назначить и туда агента Российской империи (на тех же основаниях, что и в Хиву).

Успех переговоров с крупнейшими владениями Средней Азии — Бухарой и Хивой — приведет к улучшению отношений и сближению с Кокандом.

Все это даст прочное основание «влиянию нашему в сопредельных с Россией ханствах и следовательно к водворению желаемого спокойствия и порядка между подвластными нам киргиз-кайсаками»³⁷.

Эти общие положения легли в основу задач, поставленных перед направлявшимися в Среднюю Азию миссиями К. Бутенева и П. Никифорова. Конкретная реализация этих положений была изложена во «всеподданнейшей» записке министра иностранных дел «Об отправлении агентов в Хиву и Бухару». Суть этого важного для среднеазиатской политики царизма документа в следующем.

Правительство одобрило предположения внешнеполитического ведомства об установлении «деятельных и непосредственных сношений с ближайшими к пределам империи ханствами Средней Азии. Их цель — утвердить влияние России в местных владениях, определить характер их взаимоотношений, а также обеспечить там безопасность лиц и собственности российских подданных».

В связи с этим предусматривалась отправка временных агентов в Хиву, Бухару и Коканд «для постановления некоторых условий и для водворения там, смотря по обстоятельствам, агентов постоянных». Добиваться этого предлагалось осторожно и постепенно, чтобы, во-первых, «не возбудить вновь неосновательных опасений Ост-Индского правительства», а во-вторых, приучить господствующие круги среднеазиатских ханств к при-

³⁷ АВГР, СПб. Главный архив, I—1, оп. 781, л. 80, лл. 132—140, док. 53, а также I—6, 1840—1, лл. 14—21. «Всеподданнейшая» записка.

сутствию русских агентов и «уничтожить исподволь подозрения, порождаемые их невежеством, фанатизмом и неведением народного (подразумевается „международного“ — Н. Х.) права».

Сначала следует договориться с Хивой и Бухарой и водворить постоянного агента в Хиве. Для этого имеются определенные предпосылки: «благоприятное изменение образа действий хивинского владельца и обнаруженное им желание пользоваться благорасположением Российской державы». Переговоры с находящимся в Петербурге его посланцем дают основание рассчитывать на достойный прием в Хиве представителя России.

В отношениях с Бухарой нужно удовлетворить просьбу эмира о присылке горного офицера для исследования рудных месторождений, поисков металлов и драгоценных камней, тем более что майор корпуса горных инженеров Е. П. Ковалевский в 1839 г. не добрался до ханства; этот офицер сможет осмотреть «всю внутренность Бухарии» и собрать ценные сведения. Стало быть, можно отложить посылку туда постоянного агента, направив горного инженера с помощником из офицеров, переводчиком, топографом, штейгером и двумя мастеровыми.

В Хиву же следует послать участника военной экспедиции 1839 г. капитана генерального штаба П. Никифорова, который соберет топографический материал, а постоянным агентом назначить состоящего при оренбургской пограничной комиссии поручика Аитова.

Всем им надлежало выехать в начале мая 1841 г. вместе с посланцами из ханств. Мирная обстановка «в степи» позволяла двигаться без военного прикрытия. 30 декабря 1840 г. Николай I утвердил эти планы³⁸.

Пока шла подготовка к отправке миссий в среднеазиатские ханства, предприимчивые оренбургские купцы Деев и Пичугин уже послали туда приказчиков с товарами на значительную сумму³⁹. То был своего рода пробный камень: как на деле отнесутся местные — прежде всего хивинские — власти к искушению? Будут ли они на деле способствовать торговым связям? Такой вопрос занимал не только оренбургское начальство.

³⁸ АВПР, СПб. Главный архив, II—3, оп. 34, 1815—2, лл. 4—9.

³⁹ Там же, 1840—4, л. 1—6. К. В. Нессельроде — Е. Ф. Канкрину от 18 декабря 1840 г.

22 апреля 1841 г. В. А. Перовский сообщил К. В. Нессельроде, что правители Хивы в корне изменили отношение к торговле с Россией. Они в высшей степени внимательны и предупредительны, по свидетельству прибывших оттуда приказчиков. Оренбургский губернатор ходатайствовал о награждении Деева и Пичугина «как за то, что они отважились первые послать значительное количество товаров своих в Хиву, так и для поощрения их к тому же на будущее время»⁴⁰. Вскоре оба торговца были награждены золотыми медалями «за полезное» — Деев на владимирской, Пичугин — на анненской лентах⁴¹.

Хан Аллакули не только отнесся положительно к торговой акции оренбургских купцов, но и сделал дипломатический жест. В Оренбург приехал новый хивинский посланец — Маметниязов Ишнияз. Он, собственно, не претендовал на поездку в столицу. Прибыв в мае 1841 г. в Оренбург, Маметниязов передал военному губернатору адресованные царю письма и подарки. По всей вероятности, до хана Аллакули дошло хвастовство Р. Шекспира, будто русские пленные освобождены благодаря хлопотам Англии. Аллакули специально подчеркивал в послании, что в этом акте британские ходатайства не играли никакой роли и слух об уплате англичанами выкупа необоснован.

В частной беседе Маметниязов подтвердил, что в ханстве находятся англичане, но хан не принял их даров, запретил им поездку в Коканд, потребовав возвращения в Герат, и они теперь ждут распоряжений своего начальства⁴². Среди привезенных хивинцем документов находилась копия ханского фирмана об установлении дружбы с Россией и запрете нападать на ее подданных⁴³.

Нессельроде предложил Перовскому не вступать в особые переговоры с Маметниязовым, информируя его о снаряжении в Хиву капитана Никифорова. Соответственно этому были заготовлены дипломатические послания, и 11 октября 1841 г. ханский посланец покинул Оренбург.

⁴⁰ Там же, лл. 4—6.

⁴¹ Там же, л. 32. Е. Ф. Канкрин — К. В. Нессельроде от 7 ноября 1841 г.

⁴² Там же, I—6, 1841—1, лл. 4—5. Перовский — Нессельроде от 19 мая 1841 г.

⁴³ Там же, л. 13. Перевод ханского фирмана.

*Посольство К. Ф. Бутенева
в Бухару*

Собственно говоря, к подготовке новой «дипломатическо-геологической» экспедиции в Бухару министерство иностранных дел приступило вскоре после прибытия Мукимбека Сеидова в Петербург. Николай I в конце 1840 г. одобрил «всеподданнейший доклад» Нессельроде об отправке в Бухару и Хиву двух миссий. Глава дипломатического ведомства снова обратился к главноуправляющему корпусом горных инженеров Канкрину с просьбой выделить «способного и благонадежного горного офицера» для выполнения данного эмиру обещания и для политического сближения с Бухарой в связи с «повторным ходатайством бухарского хана и по случаю благоприятного изменения обстоятельств в степи»¹.

Руководителем миссии был назначен получивший по этому случаю чин подполковника Константин Федорович Бутенев (1805—1869 гг.). Воспитанник горного кадетского корпуса, который он окончил в 1826 г., Бутенев работал на златоустовских горных заводах, а затем почти в течение трех лет стажировался за границей: слушал лекции во фрейбергской горной академии, знакомился с рудниками Германии, Венгрии и др. В 30-х годах был преподавателем Горного института в Петербурге, т. е. был вполне подготовлен для выполнения важного задания.

В состав экспедиции вошли также выпускник естественно-исторического факультета Дерптского университета натуралист А. А. Леман и служащий златоустовских заводов поручик Богословский со штейгером и двумя мастерами.

Инструкции, выданные горному инженеру Бутеневу Канкрином, во многом повторяли предписания, получен-

¹ АВПР, СПб. Главный архив, I—5, 1840—3, л. 1—3. Отношение Нессельроде Канкрину от 31 декабря 1840 г.

ные сравнительно незадолго до того Е. П. Ковалевским: организовать поиск, а если можно — добычу полезных ископаемых, «учредить... некоторые простые механические и гидравлические устройства и движители». Снова чрезвычайно большое внимание уделялось торговым связям, особенно изучению способов расширения русской торговли в ханстве («уменьшением ли продажных цен, улучшением ли способов перевозки или же изготовлением изделий сообразно вкусам азиатцев и потребностям тех стран» или таких, которые «могли бы сделать новый и выгодный предмет сбыта в Бухарии и соседних с ней странах») ².

Обширная инструкция министерства иностранных дел, утвержденная царем 6 марта 1841 г., ставила перед главой миссии три задачи: 1. Проведение горнорудных изысканий. 2. Сбор сведений о Бухаре и соседних странах. 3. «Постановление с бухарским владельцем некоторых условий взаимных отношений его с Россией». Поскольку предпочтение отдавалось последним двум пунктам (и прежде всего третьему), непосредственными горными исследованиями должен был заняться поручик Богословский.

Бутеневу поручалось ознакомиться с обстановкой в ханстве и соседних землях, возможностями укрепления в Бухаре влияния Российской империи и «развития там торговли нашей, составляющей одну из главных целей попечительной заботливости нашего правительства». После внимательного изучения общих условий торговли он должен ответить на великое множество конкретных вопросов³, значительная часть которых была свя-

² Там же, лл. 67—71. Инструкция Е. Ф. Канкрину К. Ф. Бутеневу от 11 февраля 1841 г.

³ А именно: «Может ли торговля наша с Бухарией и вообще с Средней Азиею быть распространена и какие были бы вернейшие к тому средства, а также к обеспечению оной? Возможно ли учредить деятельные торговые сношения через Бухарию с другими частями Азии? Проникают ли в Бухарию английские мануфактурные произведения и если проникают, то в какой мере и из каких мест? По каким ценам продаются их изделия и как они добротою сравнительно с нашими? Продолжают ли англичане стараться об учреждении торговых связей с Бухариею и какие они принимают для этого способы? До какой степени можем мы надеяться на выгодное соперничество товаров наших с товарами английскими? Какие именно предметы преимущественнее и выгоднее могут быть доставлены туда из России? Какие местные тамошние произведения могут войти в круг товарооборотов наших с Средней Азиею?

зана с опасениями британского соперничества в этом направлении.

В области политики Бутеневу предлагалось добиться документального оформления дружественных отношений между Бухарой и Российской империей, так как они «издавна развиваются благоприятно: купцам из ханства покровительствуют в России, порой даже стараются обеспечить безопасный ход их караванов через кайсацкую степь. Но бухарцы, заверяя в дружественных чувствах, держат в неволе русских подданных, не пускают русских торговцев в Бухару, берут «тройную и четвертную пошлину», негостеприимны к посланникам. Для изменения этого надо «разъяснить хану истинные его выгоды» в дружбе с Россией, внушить доверие к ней, что должно составлять основную и важнейшую задачу руководителя миссии при общении с правителем ханства и его сановниками. В связи с этим Бутенев был снабжен двумя документами: «А. Проект Акта от бухарского владельца» и «Б. Проект надписи российского агента на копии с Акта бухарского владельца».

Первый из них, который, как явствует из заглавия, намечалось дать на подпись Насрулле, предусматривал принятие им обязательств крепить мир, дружбу и добрососедские отношения с Россией, не держать ее подданных в неволе, отвечать за их безопасность в Бухаре и сохранность их имущества, «не позволять бухарским подданным производить грабежи и самовольные... поборы», взимать пошлину с русских товаров лишь один раз и в определенном размере, оказывать российским купцам покровительство, «каким пользуются в Российской империи бухарские купцы», и т. п.

На этом акте царский посланец должен был сделать заверенную его печатью надпись о том, что Россия, в свою очередь, гарантирует безопасность и покровительство торговцам из Бухары, предоставляет им все преимущества, какими пользуются торговцы из других стран; в случае разграбления ее подданными бухарского каравана виновные подлежат наказанию; бухарцам разрешалось следовать в Мекку на поклонение через российские владения⁴.

Какие меры могут быть приняты для уменьшения вывоза из России звонкой монеты?» и т. д. — см.: АВПР, СПб. Главный архив. 1—5, 1840—3, лл. 89—94.

⁴ Там же, лл. 125—128.

Разъясняя сущность этих инструкций, министерство иностранных дел подчеркивало, что они «имеют двойкий предмет: обеспечение лиц и собственности российских подданных в Бухаре и постановление определительной пошлины с российских товаров». Выполняя первый пункт, хан докажет свою «приязнь и преданность» России. Осуществление же второго пункта, «торгового» связано с некоторыми трудностями, ибо мусульманское право предусматривает взимание с иноверцев повышенных пошлин. Но имеется прецедент: в мусульманских странах — Персии и Турции — торговцы из России платят соответственно 5 и 3%. Сославшись на это, необходимо добиться, чтобы и в Бухаре взимали не более 5% и только однажды — при ввозе товаров. Бутеневу предлагалось убедить хана, что подобная фиксация пошлин будет способствовать расширению торговли, как это произошло в русско-турецком и русско-персидском товарообмене, и потому доходы Бухары не уменьшатся.

Насрулле следовало известить, что караванные пути вскоре станут безопасными, а «насильственные поборы» со стороны хивинцев прекратятся, поскольку отправленный в Хиву чиновник постарается договориться с местным правителем об уважительном отношении к бухарской торговле с Россией.

Для оформления достигнутых соглашений акт под литерой «А» следовало заверить печатью хана или «первенствующих в Бухаре лиц», передав им акт под литерой «Б». При отказе властей ханства принять акт можно ограничиться письмом Насруллы на имя царя, предупредив его, что соблюдение условий и безопасность российских подданных в Бухаре будут «обеспечены лицами и собственностью бухарцев, приезжающих в Россию».

Далее подчеркивалось, что хотя для пребывания в ханстве царского консула («чиновника») еще нет условий, но к этому необходимо готовиться. Сама по себе отправка в Бухару постоянного представителя России была бы очень полезна, способствуя более активному вовлечению «коренных русских» в торговые связи с ханством, «сосредоточенные теперь в руках одних азиатцев». Надо, чтобы сам Насрулла «изъявил желание иметь по временам российских чиновников в Бухарии»: это польстит его самолюбию и такой чиновник будет посредником между ним и оренбургским пограничным

начальством. Бухарцы тоже смогут присылать время от времени уполномоченных в Оренбург для наблюдения за делами соотечественников. Естественно, что инструкция от 6 марта предусматривала также неизменные хлопоты об освобождении из неволи российских пленных.

Особый пункт, весьма любопытный по существу, предписывал Бутеневу (как и его коллеге Никифорову, отправившемуся в Хиву) «избегать всего того, что могло бы подтвердить неосновательное мнение о соперничестве нашем с англичанами по делам азиатским, не предаваться отнюдь мелочным проискам к удалению английского агента (в ханстве находились в это время британские офицеры Стодарт и Конноли. — Н. Х.), но не допускать ни под каким видом вмешательства его в ваши переговоры с ханом...»⁵.

Акт «Б», который Бутенев должен был передать правителю Бухары в обмен на подписание им акта «А», именовался «Проект надписи российского агента на копии с Акта бухарского владельца». Как уже говорилось, от имени Российской империи посланец принимал обязательства обеспечить безопасность и «законное покровительство» приезжающим в Россию бухарским подданным, предоставлять им все льготы, какими пользовались там торговцы других азиатских государств, при ограблении их караванов российскими подданными наказывать виновных, а также разрешать проезд бухарцев на поклонение в Мекку через земли империи⁶.

Документ «А» («Проект Акта от бухарского владельца») налагал на хана и его потомков обязательства не предпринимать тайных или явных враждебных действий против России и ее подданных, отпустить русских невольников и отвечать за личную и имущественную безопасность представителей России в ханстве, не допускать их ограбления и «самовольных поборов», с привозимых ими товаров взимать только однажды строго определенную пошлину, не притеснять российских купцов и оказывать им покровительство, да и вообще поступать добрососедски, укрепляя дружественные связи с Российской империей.

Изложенные документы и без детального анализа убедительно свидетельствуют, что и в начале 40-х годов

⁵ Там же, лл. 89—94; там же, 1842—2, папка I, лл. 37—60. Инструкция Бутеневу, утвержденная царем 6 марта 1841 г.

⁶ АВПР, СПб. Главный архив, I—5, 1840—3, лл. 125—126.

XIX в. основное значение в среднеазиатской политике России и в русско-бухарских отношениях по-прежнему придавалось развитию торговых связей.

В процессе подготовки посольства Бутенева по предложению В. А. Перовского в состав миссии был включен находившийся при оренбургском военном губернаторе чиновник Азиатского департамента ориенталист-самоучка Н. В. Ханьков (1819—1878 гг.). Перовский обосновывал это тем, что Н. В. Ханьков «близко знаком с характером бохарцев и с выгодами и потребностями России в Средней Азии»⁷. Как показали результаты поездки группы Бутенева в ханство, участие в ней первоклассного специалиста-востоковеда, каким зарекомендовал себя в дальнейшем тогда еще очень молодой Николай Владимирович Ханьков, было очень полезным.

В конце мая 1841 г. бухарское посольство вместе с хивинским, которое возглавлял капитан П. Никифоров, двинулось в путь. Обе миссии до определенного рубежа сопровождал конвойный отряд подполковника И. Ф. Бларамберга. 12 июля Бутенев со спутниками переправился через Сырдарью⁸ и без особых происшествий достиг пределов Бухары.

Начало было удачным: посланцев Российской империи хорошо встретили и немедленно пригласили во дворец. Перовский информировал Нессельроде, что это обстоятельство сделало ненужными «споры и толки о церемониале, столь много затруднявшие г. Негри». Чтобы подчеркнуть удовлетворение прибытием посольства, эмир даже разрешил его членам «проехать верхом через внутренний двор Дворца — преимущество, которым пользуется в Бохаре один только Главный визирь». Насрулла велел «исполняющему должность Главного визиря девятнадцатилетнему мальчику достарханчи Абдул-Халику принять из рук подполковника Бутенева высочайшие грамоты», — сообщал военный губернатор. На этом завершилась приемная аудиенция, состоявшаяся 5 августа 1841 г.

На следующий день эмир прислал за подарками, а затем распорядился приступить к горноразведывательным работам. Он, однако, не разрешил Бутеневу при-

⁷ АВПР, СПб. Главный архив, I—5, 1840—3, л. 138. Перовский — Нессельроде от 21 апреля 1841 г.

⁸ Там же, лл. 145—147. Перовский — Нессельроде от 14 октября 1841 г.

нять в этом участие. Насрулла отклонил также предложение вести поиски золота на Амударье или в горах Нуратау. В разведывательную экспедицию отправились Леман, Богословский и топограф Яковлев. К ним присоединился и Ханыков. 25 августа 1841 г. они двинулись в Самарканд и Карши в сопровождении юзбаша (сотника) Рамазана, который внимательно следил, чтобы приезжие не допускали ничего недозволенного. Вскоре после этого, 6 сентября, Насрулла также выехал в Самарканд к войскам, которые собирались в соседнем городе Джизаке для похода против Кокандского ханства. Хотя к политическим переговорам бухарские власти пока так и не удосужились приступить, Перовский выражал уверенность в успешном исходе миссии. Хороший ее прием, считал он, «свидетельствует, что Нассер-Улла дорожит расположением России, и обнадеживает в счастливом окончании намерений нашего правительства»⁹.

Участников посольства, разумеется, интересовали результаты англо-русского торгового соперничества в ханстве. Судя по их сообщениям в Оренбург, оно развивалось не в пользу Британской империи. «Товаров английских в Бохаре не много и те дурной доброты, — спешил уведомить министра иностранных дел оренбургский военный губернатор. — Русские же, хотя также не отличного качества, но по свидетельству миссии преобладают на всех базарах и даже значительно вывозятся из Бохарии в Персию, Кабул, Кашгар и Кокан».

Бутенев рассчитывал выручить из неволи российских пленных, которых оказалось изрядное количество — 73 человека¹⁰.

В общем можно было предположить, что успех дела обеспечен. Богословский и Леман под бдительным присмотром бухарских властей вели геологические разведки. Золота они, правда, не обнаружили, но нашли богатое месторождение каменного угля. Ханыков вернулся в столицу ханства после интересной поездки в Карши и Самарканд, где собирал материалы об экономической жизни, государственном устройстве, социальной структуре и политической обстановке в ханстве. Глава посольства дожидался возвращения Насруллы из воен-

ного похода, чтобы заключить соответствующие соглашения; он ни с кем не общался (Перовский велел Бутеневу сноситься с бухарцами, кроме эмира, только через Ханыкова), познакомившись лишь с «образователем ханских регулярных войск и артиллерии Наибом Абду-Саммад-ханом».

Так продолжалось несколько месяцев. Наконец осенью 1841 г. Насрулла победоносно завершил войну с Кокандом. Он разгромил кокандское войско и посадил на престол в соседнем ханстве своего ставленника. Его авторитет значительно вырос, и правитель Бухары вернулся домой с несколько иными настроениями, чем те, какие у него были во время приезда русской миссии.

Все это отразилось на переговорах. 8 ноября 1841 г. состоялась долгожданная новая встреча Бутенева с эмиром. Стоя на галерее, он беседовал с Насруллой, сидевшим у окна внутренней комнаты, и информировал его о желании царя заключить особый акт. Посланник изложил главные пункты этого документа, но эмир затребовал его текст. Бутенев ходатайствовал об освобождении Стоддарта и русских невольников, вызвав деланное удивление бухарского владыки: «Разве в ханстве имеются пленные из России?»

На предложение допустить в Бухару постоянного русского консула Насрулла ответил вопросом: будет ли принят его постоянный посланник в России? Бутенев «обнадеживал от себя», что представителя эмира примут в Оренбурге, «где бухарские купцы имеют наиболее дел».

Эмир обещал через несколько дней дать окончательный ответ по всем затронутым вопросам. Глава посольства еще дважды беседовал с Насруллой, устно и письменно убеждал его брать с товаров российских купцов не более 2,5% пошлины. Результата он не добился: «Обещание мое, что бухарские купцы навсегда сохранят в России права наиболее покровительствуемых в торговле наций, было ему недостаточно», — сетовал Бутенев. Так, уже после этих всех переговоров с приказчика купца Пичугина взяли в Бухаре десятипроцентную пошлину.

Правитель ханства отказался также отпустить — даже за выкуп — русских невольников, хотя и намекал, что может обменять их на присланные из России пушки для его войска. Отклонил он и «присылку из Рос-

⁹ Там же, лл. 154—157. Перовский — Нессельроде от 14 октября 1841 г.

¹⁰ Там же, лл. 178—179. Составленный Бутеневым список невольников.

сии разных мастеров, ремесленников, машинистов», как и «отправку из Бухарии молодых людей в Россию для обучения» ремеслам и мастерству.

Переговоры завершились тем, что Насрулла предложил Бутеневу вернуться на родину и выяснить у Николая I, какие «вознаграждения... будут ему сделаны за понижение таможенных пошлин и отпуск русских пленников». Последняя встреча между ними состоялась 2 апреля 1842 г. Отправлявшийся в новый поход против Коканда эмир сообщил посланнику, избегая подробного разговора, что его решения будут переданы Бутеневу визирем. Эти решения гласили: если царь подпишет трактат (т. е. акт) и пришлет его «с едущим в Россию бухарским посланником, то и эмир утвердит его»; невольники будут освобождены, «если таким образом будет заключен акт»; бухарские власти понизят пошлины тогда, когда они будут снижены в России¹¹.

Посольство, таким образом, постигла полная неудача. Бутенев с горечью писал, что, словно в насмешку, «в заключение визирь по приказанию эмира объявил об нем, что он питает к государю императору только дружбу и почтение», в то время как миссии чинили всякие препятствия. Неудача усугублялась тем, что бухарские власти отобрали у выступившей в обратный путь миссии нескольких русских инвалидов, которых Бутенев рассчитывал вывезти домой, а вскоре после отъезда посольства на площади перед арком были публично казнены англичане Стодарт и Конолли, об освобождении которых по просьбе британского правительства ходатайствовали перед Насруллой представители России.

Итоги своей поездки в ханство Бутенев расценивал как полный провал. Он писал: «...я возвращаюсь в Россию без малейших успехов. Может быть у нас удивятся сему, но я, познакомившись ныне с бухарцами, вижу, что мне и нельзя было ожидать больших успехов...»¹².

8 апреля 1842 г. миссия двинулась в обратный путь и 9 июня того же года прибыла в Оренбург. Через неделю после отъезда из Бухары, находясь в лагере в

¹¹ Там же, лл. 221—231. Докладная записка К. Ф. Бутенева от 13 августа 1842 г. «Пребывание русской миссии в Бухарии и занятия по дипломатической части».

¹² Там же, лл. 256—257. Письмо Бутенева Г. Ф. Генсу от 15 апреля 1842 г.

115 верстах от этого города, Бутенев еще раз попытался осмыслить происшедшее. Он докладывал Перовскому, что нечего возлагать особых надежд на готовящееся бухарское посольство: обязанности посланца поручены «некоему Худояру», караулбеги, т. е. одному из младших чиновников, и снаряжение его идет крайне медленно.

«Несообразность и даже неприличие поступков и ответов бухарского владельца» Бутенев объяснял тем, что Насрулла «возгордился прошлогодними успехами своими над хокандами и мечтает лишь о совершенном завоевании Хоканда и о принятии титула падишаха Туркестанского»¹³.

«К сожалению, — сетовал он в письме директору Азиатского департамента Л. Г. Сенявину, — главная цель посылки моей осталась безуспешной, и я утешаю себя тем только, что при настоящем положении дел в Бухарии вряд ли кто-нибудь и другой на моем месте мог бы успеть в переговорах с эмиром. Упоенный своими победами над Коканом и принявши титул победителя всего Туркестана, он считает себя величайшим и сильнейшим монархом на земном шаре. Гордый, самолюбивый и капризный, не может поселить в уме своем мысль, чтобы дружеские сношения с какой-либо другой державой могли быть для него полезны. Почти наверняка могу утверждать, что он думает, будто Россия нуждается в торговле с Бухариею...». Овладев Кокандом, эмир, по слухам, отправил своего чиновника Гусейн-хана в Хиву с тем, чтобы привести ее к покорности¹⁴.

Аналогичные мысли высказывал и другой участник экспедиции — Н. В. Ханьков. «Таким образом, — общал он председателю Оренбургской пограничной комиссии Г. Ф. Генсу, — кончилась наша посылка ничем, кроме того, что мы привезем нашему правительству все, что необходимо для верного обсуждения настоящего положения Бухарского ханства». Ханьков считал, что царские власти должны с большим вниманием следить за обстановкой в Бухаре, ибо она может оказаться «несомненной добычей англичан, которые не упустят ее из рук

¹³ Там же, лл. 168—170. Донесение подполковника Бутенева от 15 апреля 1842 г.

¹⁴ Там же, I—6, 1842—2, лл. 2—3. Бутенев — Сенявину из Оренбурга от 16 июня 1842 г.

хотя бы для того, чтобы поправить финансовый ущерб, причиненный им (восстанием) Кабула» (речь идет о разгроме британских войск в столице Афганистана в конце 1841 — начале 1842 г.).

Пока Насрулла на престоле, добавлял Н. В. Ханьков, мало надежд на принятие предложений Российской империи: он «себя считает выше всех повелителей мира»¹⁵.

Можно понять траурный тон высказываний участников миссии: хотя и не по своей вине, но им не удалось выполнить задания. Однако если подойти к оценке происшедшего с позиций бухарских властей, то надо признать, что свершившееся не лишено логичности. На гребне успехов в борьбе с Кокандом, в обстановке разгрома афганскими повстанцами армии едва ли не сильнейшей в те годы державы — Британской империи Насрулла стремился добиться равноправия в отношениях с северным соседом, тем более что этот неограниченный деспот не считал Бухару наиболее заинтересованной стороной в экономических связях с Россией.

Но объективно провал посольства Бутенева, как и неудача других миссий, отправлявшихся по тому же адресу, способствовал вызреванию в Российской империи взглядов, прослеживающихся в письме Н. В. Ханькова, который упоминал о «решительных мерах», необходимых для «водворения» влияния России в Бухарском ханстве. Этому, разумеется, должны были способствовать и обширнейшие сведения, собранные членами посольства об этой стране. В дальнейшем о них будет сказано подробнее, а пока остановимся на документе, имевшем важное значение при рассмотрении русско-бухарских отношений этого периода, в которых основную роль играла торговля.

В сентябре 1842 г. Бутенев представил в Министерство иностранных дел записку «Торговля Бухары». Он подчеркивал, что торговля с Россией — важнейшая для ханства — «по общему отзыву всех бухарцев если не превышает, то по крайней мере равняется торговле со всеми другими соседственными народами, вместе взятыми, а сверх того оживляет торговые отношения бухар-

цев с их соседями, доставляя им к тому важнейшие и нужнейшие материалы».

Весьма существенно, например, что сукна Бухара получает исключительно из России, а основной товар ханства — «хлопчатая бумага, которая служит для оживления наших мануфактур».

Бывший посланник приводил обширный материал о специфике торговых отношений между двумя странами, стоимости различных товаров, маршрутах и трудностях движения караванов (грабежи на торговых путях, незаконное обложение дополнительными пошлинами и налогами и т. п.) и стремился наметить дальнейшие возможности и средства для расширения русско-бухарских экономических связей.

«Итак, — писал он, — имея целью усилить торговлю России с Бухарию, при совершенной невозможности отстранить естественные затруднения, должно стараться доставить караванам безопасность против грабежа их и вместе [с тем] избавить их от насильственных поборов в степи». Для этого есть два способа: 1. Прикрытие караванов военным конвоем на пути между Оренбургом и Сырдарьей; 2. «Изменение самых обычаев и нравов киргизов, обитающих в русской части степи», т. е. необходимо приучить их к земледелию, способствовать их «сближению» с оренбургским пограничным начальством. Большое значение будет иметь строительство на Сырдарье постоянного укрепления: это стимулирует развитие торговли и освободит купцов от поборов со стороны хивинцев.

Если будут устранены препятствия для торговых операций российских купцов в Бухаре, продолжал Бутенев, это будет очень выгодно для России, увеличивая барыши от товарооборота. Необходимо расширять торговлю металлическими изделиями, не ограничиваясь одним этим ханством, но и отправляя их за его пределы; следует заставить эмира уравнивать права русских и бухарских торговцев, даже если придется прибегнуть при этом к военной силе, устроить постоянное пароходство на Аральском море, Амударье и Сырдарье, а также запретить въезд бухарцам «во внутренность России или хотя при этом обложить их весьма высокими пошлинами»¹⁶.

¹⁵ Там же, I—5, 1840—3, лл. 252—253. Н. В. Ханьков — Г. Ф. Генсу от 14/26 апреля 1842 г. на пути из Бухары в Оренбург.

¹⁶ Там же, лл. 321—368.

Мысли эти не были новыми. Их неоднократно высказывали до Бутенева. Их будут высказывать и после него. Подобная программа действий вызывала одобрение многих авторитетных правительственных деятелей царской России.

Рассмотрение политико-дипломатических итогов поездки Бутенева будет неполным, если не коснуться связанного с ней бухарского посольства. 15 июня 1842 г. в Оренбург прибыл довольно крупный (1500 верблюдов) караван из Бухары, в котором участвовали 48 местных купцов. При рудниковском пикете к нему присоединился «Худояр Бек Караулбеги Клыч Бий Гынаков, называющий себя бухарским посланцем»; он вез грамоту, подарки и «особые бумаги к высочайшему двору»¹⁷.

Это был тот самый караулбеги, о кандидатуре которого на роль представителя эмира писал Бутенев. В директивном письме сменившему В. А. Перовского в Оренбурге В. А. Обручеву от 6 июля 1842 г. Нессельроде подчеркнул, что уже «весьма незначительной должности», занимаемой Худояр-беком, «было бы достаточно» для отклонения его приезда в Петербург. Кроме того, его допуск в столицу еще более «неуместен» после той «невнимательности, которая оказана была» Бутеневу перед его отъездом: «высокомерные ответы» достарханчи, отказ Насруллы отпустить пленных и «задержание трех престарелых русских, кои вывезены были царским посланцем...» Все противоречит добрососедским связям, «издавна существующим» между Россией и Бухарой, многочисленным заверениям эмира «в преданности», да к тому же свидетельствует о неблагодарности за присылку к нему горного офицера.

Таким образом, резюмировал министр, в Петербурге не намерены принимать караулбеги. Однако и порывать полностью с Бухарой нецелесообразно. Необходимо ограничиться «внушениями» по поводу «неприличия действий ее владельца», затребовать привезенные документы для отправки в столицу, подарки не брать до разрешения внешнеполитического ведомства, а самого посланца содержать в Оренбурге за счет казны «с крайней умеренностью»¹⁸.

¹⁷ Там же, I—6, 1842—1, л. 1. Донесение председателя Оренбургской пограничной комиссии Азиатскому департаменту от 16 июня 1842 г.

¹⁸ Там же, лл. 12—14.

Но Худояр-бек караулбеги Клыч Али-бий Гынаков, с которым вступил в переговоры председатель Оренбургской пограничной комиссии Г. Ф. Генс, категорически отказался предъявить привезенные документы, заявив, что ему приказано доставить грамоту и письмо лично по назначению. На него не произвела никакого впечатления угроза, что отказ выполнить требования русских властей приведет к прекращению контактов с ним¹⁹. Царские власти тоже не собирались уступать. Нессельроде предложил Обручеву еще раз потребовать у посланца бумаги, а при отказе заявить, что он может возвращаться в ханство. Если же передаст, пусть ожидает в Оренбурге дальнейших решений.

Министр иностранных дел выражал надежду на то, что караулбеги в конечном итоге сдаст позиции. Он ссылался при этом на психологические мотивы: «Судя по нраву азиатцев, можно, кажется, предполагать, что Худояр-бек, видя непреклонную решимость нашего правительства получить грамоту в Оренбурге, согласится оную передать тамошнему начальству». Если же, паче чаяния, он будет непреклонен, то ему надлежало объявить перед отъездом, что царь «с неудовольствием» узнал о «невнимательности» эмира, не соответствующей его дружеским заверениям и вызвавшей отказ в допуске бухарского представителя в Петербург. «Для снискания благорасположения» эмир должен отпустить русских пленных, а также освободить англичан — Стоддарта и Конноли²⁰.

Караулбеги был последователен и отказался выдать бумаги. Ему «объявили» все, о чем писал Нессельроде, и в конце ноября 1842 г. он выехал через Орскую крепость в Бухару, перейдя в феврале 1843 г. границу²¹.

Неудачный исход миссии К. Бутенева, с которой были связаны многие расчеты Петербурга, министерство иностранных дел Российской империи восприняло весьма болезненно. В течение длительного времени оно не пыталось выправить сложившуюся ситуацию в русско-бухарских отношениях, обосновывая позицию игнорирования «достоинством государства».

¹⁹ Там же, л. 7. Обручев — Нессельроде от 21 июля 1842 г.
²⁰ Там же, лл. 15—16. Нессельроде — Обручеву от 7 августа 1842 г. (до Петербурга еще не дошло известие о казни англичан).
²¹ Там же, лл. 11, 18. Обручев — Нессельроде от 25 августа 1842 г. и 12 февраля 1843 г.

Именно так характеризовал обстановку Нессельроде через три года после возвращения Бутенева в Оренбург в ответ на ходатайство управлявшего Министерством финансов Ф. Вронченко добиться сокращения пошлин на русские товары в Бухаре и улучшения положения отечественных купцов в этом ханстве²². «Выгоды торговли и желаемые облегчения для наших торговцев в Бухаре составляли главный и почти единственный предмет» отправки царского посланца в ханство, писал руководитель российской дипломатии главе финансового ведомства, «но настояния Бутенева, к сожалению, не имели никакого успеха, и вследствие этого по высочайшему повелению прекращены ныне всякие политические сношения с Бухарию: присланное в 1842 г. от бухарского хана посольство, достигнувшее Оренбурга, обращено было назад по воле государя императора». Нессельроде считал необходимым подождать улучшения отношений: «В настоящее время сии переговоры и сношения с эмиром бухарским, не обещая никаких удовлетворительных результатов, несовместны с самим достоинством России»²³.

Все это, однако, не означало, что посещение Бухары Бутеневым и его немногочисленными, но хорошо подготовленными спутниками прошло бесследно. Не добившись успеха в политико-экономической области, оно обогатило науку сведениями об одном из полузакрытых и малоизученных районов — феодальной Бухаре. Удачно подобранный состав миссии, в которой были представлены специалисты различного профиля и относительно длительность их пребывания в ханстве позволили собрать разнообразнейшие материалы по истории, экономике и различных сторонах жизни Бухары. Пожалуй, в этом отношении результаты работы группы К. Ф. Бутенева оказались наиболее продуктивными по сравнению со всеми российскими посольствами, которые когда-либо побывали в ханстве.

Начнем с того, что руководитель миссии опубликовал в «Горном журнале» серию статей, которые освещали очень мало исследованные до того вопросы развития бухарского производства и др.: «Минеральные бо-

²² Там же, II—3, оп. 34, 1844—9, л. 3. Вронченко — Нессельроде от 25 марта 1844 г.

²³ Там же, лл. 15—17. Нессельроде — Вронченко от 16 мая 1844 г.

гатства Бухарии»²⁴, «Заводское дело в Бухарии», «Монетное дело Бухарии», «Замечания о ковке булата в Бухарии», «Об увеличении сбыта изделий русских горных заводов в Бухарию», «Результаты метеорологических наблюдений на пути из Оренбурга в Бухарию во время пребывания в ней 1841—1842 гг.».

В первой из статей горный инженер Бутенев писал о вызывавших большой интерес местных властей (да и не только их, разумеется) проблемах наличия месторождений золота в бассейне Зеравшана, высказал заключение о возможности открытия и более богатых золотосысыпных россыпей в горах Ак-Тау, проходящих к северу от Зеравшана; ибо, судя по тому, сколько можно заключить из геогностических исследований по долине Зеравшана, горы эти должны состоять из пород амфиболитовых, более благонадежных на открытие золота, и может быть из них достигли этой реки лишь малые знаки сего металла»²⁵.

Весьма любопытны имевшие практическое значение наблюдения Бутенева в области спроса, которым пользовались металлические изделия русских горных заводов в Средней Азии, и его рекомендации об учете местных вкусов. «Если бы удался сбыт в Бухарию всех описанных в этой статье предметов, — завершал статью К. Бутенев, — то, вероятно, это обратило бы внимание бухарцев и на другие наши металлические изделия, которые легко могли ускользнуть от внимания моего, и тем открылся бы новый сбыт туда для наших заводов»²⁶.

С публикациями главы миссии перекликалась по проблематике объемистая «Записка о долине Зеравшана и горах, ее окружающих», напечатанная в том же журнале Богословским²⁷. Наряду с геологическими сведениями, автор приводил интересные данные о многих городах и селениях бассейна реки Зеравшан, в том числе о Самарканде, Бухаре, Пенджикенте, Каттакургане и др.

К интересным результатам привело участие в бухарской экспедиции талантливый естествоиспытатель

²⁴ «Горный журнал или собрание сведений о горном и соляном деле, с присовокуплением новых открытий по наукам, к сему предмету относящимся», ч. IV, кн. XI, 1842 г., стр. 137—183.

²⁵ Там же, стр. 138—139.

²⁶ Там же, ч. V, кн. XI, стр. 175.

²⁷ Там же, ч. 2, кн. X, 1849, стр. 1—206.

Александра Адольфовича Лемана. Во время пребывания в ханстве он собрал разнообразные коллекции по своей специальности, а также сделал ценные этнографические зарисовки. К несчастью, на пути из Средней Азии в Дерпт А. А. Леман, человек очень слабого здоровья, умер в Симбирске в 1842 г. в возрасте 28 лет. Его труды, однако, не пропали даром. Через десять лет, в 1852 г., дневники Лемана были опубликованы в Петербурге на немецком языке²⁸. Их отредактировал и снабдил биографией путешественника акад. Г. Гельмерсен. Эта публикация наряду с естественно-историческими наблюдениями, содержит множество любопытных материалов по этнографии, архитектуре, по «образовательной системе» Бухарского ханства и т. п.

Богатейшие ботанические коллекции А. А. Лемана также сыграли свою роль. Они были обработаны крупным специалистом А. Бунге. Этот труд, опубликованный в Петербурге в 1854 г.²⁹, был признан одним из важнейших исследований среднеазиатской флоры.

Но с точки зрения нашей темы — истории, источниковедения и историографии Средней Азии — наиболее существенное значение имела книга Н. В. Ханькова, вышедшая там же в 1843 г. под названием «Описание Бухарского ханства». Крупнейший знаток Туркестана И. В. Мушкетов через пятьдесят с лишним лет характеризовал это издание как «чрезвычайно обстоятельное и до сих пор уважаемое», содержащее «всю сумму новейших для того времени сведений о Бухаре, о ее топографии, о естественных продуктах, климатических особенностях, между прочим о землетрясениях, ее жителях, их занятиях и т. д.»³⁰.

Работа Н. В. Ханькова вскоре была переведена на несколько иностранных языков и в течение длительного времени рассматривалась в качестве своеобразной эн-

циклопедии, характеризующей историю и общественно-политическое устройство Бухары. Автор писал о ремесленном производстве и земледелии ханства, составе его населения, развитии внешней и внутренней торговли, основных дорогах, администрации и задачах отдельных ее представителей, сделал ряд любопытных антропологических и этнографических зарисовок, описал основные города — Бухару, Самарканд, Карши, — состоящие просвещения и др.

«Описание Бухарского ханства» Н. В. Ханькова было, по существу, первым на русском языке обобщающим трудом о наиболее крупном и сильном государстве Средней Азии. Академик В. В. Бартольд уже в XX в. подчеркивал: «С тех пор многие русские исследователи имели возможность посетить Бухарское ханство при еще более благоприятных условиях, чем Ханьков; тем не менее его книга остается и до сих пор лучшим описанием ханства... Исключительные достоинства книги Ханькова возбуждают еще больше удивления, если вспомнить, что автору во время пребывания в Бухаре было 19 лет, во время издания книги — 21 год»³¹.

Кроме «Описания Бухарского ханства» Н. В. Ханьков подготовил несколько статей, базирующихся на впечатлениях и наблюдениях, связанных с его участием в бухарском посольстве. Наиболее крупной среди них является «О населении Киргизских степей, занимаемых Внутренней и Малой ордами»³².

Блистательные научные результаты миссии К. Ф. Бутенева не могли, понятно, отвлечь внимания царских властей, мало интересовавшихся достижениями науки, от того обстоятельства, что в экономическом и политическом отношении Бутенев не добился ничего. Все нужно было начинать сначала...

³¹ В. В. Бартольд, История изучения Востока в Европе и в России, Л., 1925, стр. 256. — На самом деле Н. В. Ханьков был старше на три года.

³² «Журнал министерства внутренних дел», 1844, ч. 8, № 10, стр. 3—60.

²⁸ Alexander Lehmann's Reise nach Buchara und Samarkand in den Jahren 1841 und 1842. Nach den hinterlassenen Schriften desselben bearbeitet und mit Anmerkungen versehen von G. v. Helmersen. Nebst einen zoologischen Anhang von J. F. Brandt, «Beitrage zur Kenntniss d. Russ. Reiches», Bd XVII, SPb., 1852, стр. 342.

²⁹ Al. Bunge, Beitrag zur Kenntniss der Flora Russlands und der Steppen Central-Asiens. Alexandri Lehman reliquia botanicae... — «Memoires presentes a l'Acad. Imp. de St-Petersbourg», vol. VI, 1854, стр. 177—536.

³⁰ И. В. Мушкетов, Туркестан, т. I, ч. I, СПб., 1886, стр. 98—99.

*П. Никифоров и Г. Данилевский
у ханов Аллакули и Рахимкула*

Выше отмечалось, что параллельно с подготовкой посольства К. Бутенева в Бухару готовилась поездка капитана генерального штаба Прокопия Никифорова «с временным политическим поручением» в Хиву¹.

В инструкции министерства иностранных дел говорилось, что Россия десятилетиями «проявляла великодушные» к ханству, но оно этого «не ценило» и вело себя враждебно. «Достоинство империи требовало, чтобы был положен предел их вероломству». Как уже говорилось, в 1836 г. в Астрахани и Оренбурге были задержаны вместе с товарами хивинские купцы, возвращавшиеся с Нижегородской ярмарки. Хану Аллакули сообщили, что их отпустят после освобождения российских невольников и прекращения неприязненных действий. Но, несмотря на то что разрыв торговых отношений нанес удар Хивинскому ханству, «извлекающему из оных значительные для себя выгоды», Аллакули не торопился выполнить предъявленные требования. Убедила его лишь военная экспедиция 1839 г. (Нессельроде полностью абстрагировался от того факта, что поход 1839 г. потерпел несомненную неудачу). Только тогда, «движимый чувством самосохранения», хан отпустил пленных вместе со своим послом Атанязом Ходжой Реис-эффенди в Ново-Александровск и издал фирман о запрете покупки и владения невольниками из России, в ответ на что были отпущены задержанные хивинские купцы, а представитель Аллакули допущен в Петербург.

Обрисовав таким образом предысторию вопроса, министр иностранных дел сформулировал стоящие перед Никифоровым задачи: не допустить возобновления

¹ «Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края», 1841 г., т. III, Ташкент, 1912, стр. 1.

вражды и добиться «обеспечения безопасности российских торговцев. Это самое составляет главную цель, для которой вы командуетесь в Хиву», тем более что посланец хана не имеет надлежащих полномочий для переговоров. Следует укрепить Аллакули и его приближенных «в неограниченной доверии к справедливости и правоте намерений» правительства России, приводя примеры из его отношений к Турции и Персии (Нессельроде, видимо, имел в виду «умеренные условия» мира, продиктованного этим государствам после победоносных для России войн с ними).

Весьма своеобразно интерпретировал министр пользу дружбы для Хивы с ее северным соседом: во-первых, потому что она в торговом отношении полностью зависит от России, а во-вторых, в политическом плане не может противостоять ей, если дело дойдет до применения силы. «Доказательством первого, — развивал свою мысль Нессельроде, — служит обеднение, произведенное в Хиве перерывом торговых с нею сношений России в 1754 г. и в особенности в 1836 г., когда цена всех мануфактурных изделий возвысилась там на 15%, а сырых материалов на 90%, между тем как хивинские произведения упали на 50%». Второе же положение содержит в себе явную угрозу. Вместе с тем П. Никифорову поручалось добиться доверия правителя ханства, избегая всего, что дает «повод к малейшим подозрениям».

Конкретно тема переговоров сводилась к трем пунктам: «1. Уничтожение рабства и пленения русских и обеспечения лиц и имуществ их в Хивинских владениях. 2. Ограничение незаконного влияния Хивы на кочевые племена, издревле поступившие в подданство России. 3. Обеспечение торговли нашей как с Хивой, так и с соседственными владениями». Раскрывая содержание этих пунктов, Никифоров должен был разъяснить Аллакули-хану, что по требованию оренбургского военного губернатора или «русского чиновника, который будет находиться в Хиве», ему надлежит освобождать захваченных в неволю людей; торговцы и путешественники из России должны свободно ездить по ханству, охраняемые местным правительством. Посланцу поручалось рассказать об исторических корнях русско-казахских отношений, присяге казахских племен на подданство Российской империи, особо отмечая, что целью его

миссии является «сохранить и упрочить порядок и тишину в степи и чрез то обезопасить караванные пути и торговые сообщения».

Следовательно третий пункт имел прямое отношение к проблемам торговли, которую Нессельроде определял как «весьма важный предмет». Он разъяснял, что ее развитие страдает от трех «главных» причин: «от грабежей и разбоев в Киргизской степи; от неопределенности и насильственного образа взимания таможенных пошлин среднеазиатскими владетелями и в особенности хивинским ханом за Сырдарьей, где под видом пошлины сборщики требуют, что хотят, и нередко силой отнимают товары, которые им нравятся; и от отсутствия безопасности для русских купцов и неуравнительности прав их с азиатцами, которые у нас пользуются всевозможными преимуществами, а в отечестве своем платят только 2,5% с товаров, тогда как русские купцы принуждены там вносить по 10% и подвергаются сверх того множеству неприятностей и даже опасностей».

Обеспечение безопасности купцов и торговых караванов зависит от политических отношений со среднеазиатскими государствами, а стало быть и от исхода переговоров с Аллакули-ханом. Нессельроде разъяснял ему необходимость того, чтобы российские купцы могли свободно торговать в его стране «с ответственностью хивинского владельца за неприкосновенность лиц и имущества»; чтобы брали необременительную пошлину, а в ее определении участвовал бы российский чиновник; чтобы ханские власти не чинили препятствий караванам и уничтожили свои заставы близ Сырдарьи. Посредником между Хивой и оренбургским начальством намечался мусульманин — поручик Антов, неоднократно посещавший ханство.

В заключение Нессельроде подчеркивал, что Никифоров должен стремиться не столько к «приобретению вещественных выгод» для России, сколько к «упрочению доверия к ней» в ханстве. Это «доверие» должно обеспечить в будущем влияние Российской империи в Средней Азии².

Принятие Аллакули-ханом предложений партнера по переговорам надлежало оформить юридическим документом: так называемым обязательным актом. Он пре-

² Там же, стр. 10—24.

дусматривал отказ ханских властей от враждебных действий против России, потворства грабегам в «Киргизской степи» и на Каспийском море, невольничеству русских, а также требовал гарантии безопасности купцов из России и их имущества. Правитель Хивы обязывался также не претендовать на влияние среди кочевников, выдавать беглых и мятежников, не препятствовать развитию торговли и вообще «поступать по-добрососедски»³. После подписи Аллакули на этом документе представитель России своей «надписью» на его копии должен удостоверить «взаимство поставленных в том акте условий»⁴.

Помня о вызвавших большие опасения в Петербурге визитах британских офицеров в Хиву, Нессельроде особо предостерегал Никифорова по поводу возможной встречи с представителями соперничающей державы. Капитану напоминали, что не может быть и речи о «вмешательстве каких бы то ни было иностранных держав в дело России с соседственными с нею областями», и предписывал, не обнаруживая «неудовольствия» по поводу пребывания англичан в Хиве, проявлять «крайнюю осторожность» в сношениях с ними. Но главное — не допускать никакого участия их в переговорах Никифорова с ханом, касающихся исключительно русско-хивинских отношений⁵.

В дополнительных указаниях министр иностранных дел поручал отправлявшемуся в Среднюю Азию капитану добиться от Аллакули освобождения находившихся в ханстве в большом количестве персидских невольников, которые, по выражению Нессельроде, «составляют там самый многочисленный класс людей, употребляемых для работ», либо «склонить» хана к переговорам с Тегераном об условиях этого освобождения⁶.

Пока Никифоров готовился к поездке (заготавливались соответствующие документы и дары), 13 мая 1841 г. в Оренбурге появился еще один посланец Аллакули-хана — Ишнияз Маметниязов (он именуется также подчас Ишнияз Мамет Ишниязов). «Не домо-

³ АВПР, СПб. Главный архив, II—10, 1841—2, лл. 47—49. «Проект акта от хивинского владельца».

⁴ «Сборник материалов...», т. III, стр. 25—26.

⁵ Там же, стр. 29—32.

⁶ Там же, стр. 41—43.

гаясь поездки в Санкт-Петербург», он передал местным властям адресованные Николаю I ханские послания⁷. Они были преисполнены тревоги по поводу слухов о походе британского войска на Герат, а кроме того, содержали предложение, чтобы с хивинских и русских купцов — в России и ханстве соответственно — взималась одинаковая пошлина — 5% стоимости товаров. «Таким образом, — констатировал хивинский мехтер Якуб Юсупов, — если купцы будут посещать друг друга, то обоюдная приязнь и взаимная дружба, упрочиваясь день ото дня, пребудут непоколебимыми до страшного суда»⁸.

Министерство иностранных дел, однако, не было склонно ломать намеченный план действий: вступление в дебаты с Ишниязом Маметниязовым грозило подорвать авторитет миссии П. Никифорова. К тому же царские дипломаты полагали, что основное назначение приехавшего хивинца не в том, чтобы сообщить об обстановке в Герате, а в стремлении воспользоваться благоприятным впечатлением от приема в ханстве российских торговцев и приобрести для прибывающих в Россию купцов из этого ханства «пошлинные льготы».

Поэтому Нессельроде сообщил Перовскому, что Петербург не намерен изменять существующий азиатский тариф и желает лишь, чтобы в среднеазиатских государствах взимали с русских предпринимателей такую же пошлину, какую «платят у них подвластные им племена».

Оренбургскому военному губернатору предписывалось одарить, как обычно, Ишнияза Маметниязова со свитой и отправить его домой «при первой возможности»⁹. Переговоры будут вести Никифоров, которому следовало разъяснить точку зрения правительства на поднятую хивинцами тему о пошлинах.

23 мая 1841 г. П. Никифоров, сопровождаемый поручиком Аитовым, наконец двинулся из Оренбурга в Хиву. Как известно, часть пути они проделали вместе с ехавшим в Бухару посольством К. Бутенева под охраной военного отряда И. Бларамберга. 5 июля Никифоров достиг берегов Сырдарьи, а 9 августа 1841 г.

⁷ Там же, стр. 57—60.

⁸ Там же, стр. 58.

⁹ Там же, стр. 75—76.

прибыл в Хиву, где ему был оказан торжественный прием.

11 и 13 августа 1841 г. Аллакули вел продолжительные беседы с Никифоровым. Он проявил большую любознательность, интересуясь англо-русскими и англо-китайскими отношениями (это было, как известно, время «опиумных» войн, которые Британская империя вела против Китая). Хан выражал опасения по поводу намерения Англии овладеть Балхом (есть смысл напомнить также, что в ту пору значительная часть Афганистана была оккупирована английскими войсками, а в Кабуле еще сидел марионеточный правитель Шуджа уль-Мульк). В письме Перовского к Нессельроде о ходе переговоров уже слышались победные ноты: «...сомнения хана Аллакули о дальнейших видах России относительно Хивы были уничтожены изложением бескорыстной политики и правоты намерений» царского правительства, «историческим обзором всех сношений Хорезма с Россией и объяснением великодушного прощения проступков хивинских ханов противу России. В заключение разговора хан изъявил полную готовность на составление акта...»¹⁰.

Однако восторг, с которым губернатор описывал действия Российской империи и свои представления об исходе миссии, явно оказался преждевременным. Вскоре Перовский был вынужден признать, что ему «показались подозрительными краткость и неполнота» сведений, полученных от Никифорова. Выяснилось, что хан заставлял последнего читать ему подготовленные к отправке донесения. В доставленной же секретной депеше капитан рассказал, что вовлечен в длительные и сложные споры о подданстве и разграничении мест кочевок различных казахских племен. Аллакули не дает определенного ответа на предложение оставить в ханстве Аитова в качестве постоянного представителя России. Поскольку нет ясности в основных вопросах, капитан не стал заводить разговора о возврате пленных, отмене поборов с бухарских и прочих караванов, срытии хивинских укреплений на Сырдарье, тем более что эти укрепления не имели военного значения.

¹⁰ АВПР, СПб. Главный архив, II—10, 1841—2, лл. 232—233. Перовский — Нессельроде от 22 сентября 1841 г.; «Сборник материалов...», т. III, стр. 94—97.

Единственной приятной вестью было сообщение Никифорова об отсутствии в ханстве англичан: последний оставшийся там еще до прибытия русской миссии направился в Коканд; британских товаров на рынке также не было. «На всех базарах, — ликовал Перовский, — преобладают товары русские, которые продаются с большой выгодой; в этой торговле принимают участие все важнейшие лица ханства, не исключая и самого Алла-Кула, а потому посредством ее и должно, кажется, главным образом действовать на Хиву»¹¹.

Далее, со слов Никифорова, военный губернатор сообщал, что Аллакули-хан во время переговоров по всем вопросам занимает весьма своеобразную позицию: он «не противоречит, но и не дал положительного согласия». В течение месяца происходили встречи между ним и капитаном Никифоровым, но дело от этого не двигалось вперед ни на шаг.

12 сентября 1841 г. Аллакули отправился из своей столицы в селение Хазарасп — то ли на охоту, то ли на тризну по брату — и пригласил с собой Никифорова, но капитан отказался, ссылаясь на болезнь (по собственному определению, он страдал «аневризмом в груди»). 11 октября, через два дня после возвращения из Хазараспа, правитель Хивы снова встретился с царским посланцем. Снова развернулись бесплодные дебаты о русско-хивинской границе и подданстве казахских племен. Ни одна из сторон не желала идти на уступки. П. Никифоров в отчаянии докладывал 18 октября Перовскому: «Хан и его сановники чужды всякого понятия о политических переговорах и даже не могут понять слова „уполномоченный“»¹². Вероятно, то же могли сказать и его хивинские партнеры, доводы которых отвергал капитан генерального штаба.

В этот же день он полуофициально сообщил председателю Оренбургской пограничной комиссии: «Дела миссии идут весьма плохо и, вероятно, не будет желаемого успеха: хан не внимает никаким представлениям и упорствует сохранить влияние на всех киргизов, определяя границей России реку Урал». В какой-то, хотя и не очень значительной степени обнадеживающим

¹¹ АВПР, СПб. Главный архив, II—10, 1841—2, лл. 235—238. Перовский — Нессельроде от 14 октября 1841 г.
¹² «Сборник материалов...», т. III, стр. 130.

фактором было намерение Аллакули отправить в Россию сановников со своими предложениями¹³.

Не подписывать «обязательного акта» — таково было окончательное решение хана и его совета. 26 октября 1841 г. состоялась прощальная аудиенция. П. Никифорову выдали семерых русских пленных, и он покинул пределы Хивы¹⁴. Его сопровождали представители Аллакули — Ваисбай Ниязов и Ишбай Бабаев, с которыми он в декабре 1841 г. приехал в Оренбург. По распоряжению Перовского П. Никифоров с грамотами хана двинулся дальше, в столицу, тогда как хивинцы временно остались в Оренбурге. Однако в пути он заболел и 13 января 1842 г. умер неподалеку от Сызрани. За его бумагами отправился подполковник Г. Данилевский¹⁵, которому предстояло продолжить и завершить переговоры, начатые в Хиве П. Никифоровым. В этих документах Аллакули сообщал, что по-прежнему стремится к дружбе с Россией, тогда как конкретные предложения поручены его посланцам¹⁶.

В связи с этим Ваисбай Ниязов и Ишбай Бабаев были приглашены в Петербург, куда прибыли в конце марта 1842 г. и прошли через весь ритуал приема, включая царскую аудиенцию (5 апреля), осмотр достопримечательностей и т. п. При их участии обсуждался ханский фирман, содержащий проект условий хивинско-русских взаимоотношений. Что же это были за встречные условия, выдвинутые Аллакули? С некоторыми редакционными изменениями фирман повторял положения «обязательного акта» о прекращении вражды между двумя государствами и обеспечении безопасности российских подданных и их собственности в ханстве. Это условие вполне удовлетворяло царскую дипломатию. Но изложение статьи о постоянной «умеренной» пошлине на русские товары было признано неудовлетворительным. А главное — в фирмане не было ответа на попытки царских властей ограничить влияние Хивы на казахские племена. Представители Аллакули заявили, что им поручено лишь скрепить печатями этот документ, если правительство России найдет его прием-

¹³ АВПР, СПб. Главный архив, II—10, 1841—2, лл. 241—242.

¹⁴ Там же, лл. 117—140. Перовский — Нессельроде от 5 апреля 1842 г.

¹⁵ «Сборник материалов...», т. IV, Ташкент, 1914, стр. 9.

¹⁶ Там же, стр. 3.

лемым. Они не были уполномочены вносить туда какие-либо изменения. Поэтому Нессельроде счел целесообразным отправить в ханство нового дипломатического агента для следующего тура переговоров. По рекомендации Перовского эти функции возлагались на состоявшего при нем по особым поручениям подполковника Г. И. Данилевского¹⁷. Полученные им инструкции повторяли указания, какие были даны и капитану Никифорову, а в адресованных Аллакули письмах говорилось, что Данилевский должен «войти... в окончательные объяснения по предметам, относящимся до соседственных сношений между империей Российской и владениями Хивинскими, и по обоюдному согласию постановить те основания, кои могут способствовать вящему утверждению дружбы и доброго согласия и устранить на будущее время всякий повод к каким-либо недоразумениям»¹⁸.

Наставляя Данилевского, чтобы он осторожно, но настойчиво готовил «пути к успеху дальнейших переговоров», министр иностранных дел специально оговаривал, что переговоры эти «наипаче относятся до торговли».

Если удастся договориться о взимании единой пятипроцентной пошлины с действительной стоимости российских товаров, то можно перейти «к объяснениям насчет совершения обязательного акта, так как одна только статья о торговле оставалась неразрешенной», — отмечал далее Нессельроде, словно забыв, что основным камнем преткновения для Никифорова явилась проблема разграничения районов влияния в Казахстане и установления дружественных отношений.

Глава царской дипломатии отдавал предпочтение намеренной ранее процедуре с «обязательным актом» и «надписью» на нем, но оговаривался, что если добиться ее осуществления будет затруднительно, то фиксация договоренности может быть осуществлена и в виде письма хана царю или фирмана Аллакули, «лишь бы фирман тот был согласен с требуемыми нами условиями и не содержал в себе ничего оскорбительно для достоинства России».

Что же касается самого сложного вопроса о «границах влияния», Данилевскому предлагалось его «отложить впредь до усмотрения». Если же он будет поднят хивинцами, то разъяснить им, что капитан Никифоров предлагал «определить пределы» с единственной целью ликвидировать всякие недоразумения и «неблагоприятные столкновения пограничных начальств»¹⁹.

Наконец, как и его предшественник, Данилевский должен был попытаться добиться освобождения персидских пленников: шах Ирана грозил начать войну против Хивы, чтобы вызволить своих подданных. В ханство отправился специальный персидский посланник по этому поводу. Его сопровождал чиновник английской миссии в Тегеране Томсон. Царские власти стремились не допустить невыгодной для них войны между двумя азиатскими странами, как и того, чтобы только Британская империя «старалась» в пользу Ирана, нанося тем самым морально-политический ущерб авторитету России в этом государстве.

Представителю Петербурга поручалось, проявляя дружелюбие к посланцу державы-соперницы, не допускать его вмешательства в русско-хивинские отношения. Данилевскому было рекомендовано также «не избегать знакомства» с послами других среднеазиатских «владельцев». В этом случае надлежало «внушать им понятия о величии и достоинстве Российской державы», избегая, «всего того, что могло бы подать повод к неосновательным мечтам о намерении России распространить владычество свое со стороны Азии»²⁰.

1 августа 1842 г. Г. И. Данилевский двинулся из Оренбурга в Хивинское ханство. Его сопровождали выпускник Дерптского университета натуралист Ф. И. Базинер, отправленный Министерством иностранных дел для изучения природных условий Казахстана и Хивы, чиновник Оренбургской пограничной комиссии В. В. Григорьев в качестве переводчика, а также два топографа вместе с конвойной казачьей командой. После полуторамесячного пути миссия прибыла к хивинским границам и была торжественно встречена почетными чиновниками и отрядом войск Аллакули. 17 сентября ее разместили в г. Ташаузе, в 60 верстах от столицы ханства.

¹⁷ Там же, стр. 20—21.

¹⁸ Там же, стр. 29—30.

¹⁹ Там же, стр. 31—38.

²⁰ Там же, стр. 40—42.

Сам Аллакули в это время отсутствовал: возглавляя военные действия против Бухары, он осадил г. Чарджоу, тогда как эмир Насрулла, в свою очередь, предпринял поход против Кокандского ханства²¹.

В конце октября 1842 г., не добившись большого успеха в боевых операциях и лишь захватив в плен несколько сот семей бухарских дехкан, Аллакули вернулся в Хиву.

Переговоры наконец начались. Вскоре, однако, их пришлось прервать: хан серьезно заболел и 23 ноября умер. На престол вступил его сын Рахимкул²².

Данилевский с большим огорчением сообщил об этом заменившему В. А. Перовского оренбургскому военному губернатору В. А. Обручеву, ибо во время двух встреч с Аллакули у него сложилось впечатление, что тот был готов принять сделанные ему предложения. Впрочем, досада российского агента вскоре исчезла. 27 декабря 1842 г. хан Рахимкул поставил свою печать на «обязательном акте» с Хивой.

От имени «владельца Хорезмского шаха» в этом документе провозглашалось, что он стремится «пребыть в постоянном мире и тесной дружбе с пресветлой и могущественной Российской империей». Девять пунктов «обязательного акта» предусматривали отказ Хивы от враждебных действий против России, от содействия или участия в «грабежах, разбоях и захватах» в казахских степях либо на Каспийском море и возврат захваченного имущества. Правитель ханства обещал не держать в неволе русских подданных, отвечать за их личную и имущественную безопасность, не давать убежища «беглецам и мятежникам».

Много внимания было уделено в акте торговым делам. Привозимые из России товары полагалось облагать пошлиной в течение одного года; эта пошлина не должна была превышать 5% их действительной стоимости. Караваны, пересекавшие Сырдарью на пути в Бухару и Коканд и обратно, вообще не подлежали обложению, а те из них, какие проходили через хивинские земли, должны были пропускаться беспрепятственно по выплате законного закята.

Как и было намечено заранее, «российский императорский агент» подполковник Данилевский «учинил

надпись» на копии «обязательного акта» о том, что Россия «предает совершенному забвению» враждебные действия Хивы в прошлом, отказывается от возмещения убытков за разграбленные караваны, гарантирует безопасность и покровительство хивинцам на своей территории и предоставляет торговцам из этого ханства все льготы, которыми пользуются «купцы других азиатских владений»²³.

Одновременно с этим хан Рахимкул издал фирман, оповещавший его подданных о подписании важного документа и о его содержании, а мехтер отметил в письме Нессельроде, что в Петербург направляется посланник Хивы «достопочтенный мингбаши Мухаммед-Амин» (Аваз Бердыев). 30 декабря 1842 г. Г. И. Данилевскому была дана прощальная аудиенция, и на следующий день он вместе с В. В. Григорьевым и другими спутниками покинул пределы ханства.

Как видим, в тексте отсутствовали какие бы то ни было упоминания о двух проблемах, интересовавших царское правительство, — о разграничении сфер влияния двух государств в Казахстане и о пребывании в Хиве постоянного представителя Петербурга. Собственно говоря, правящие круги России вообще не хотели признавать возможность «влияния» Хивинского ханства на казахов, задолго до 1842 г. принявших русское подданство. Но, столкнувшись с упорным отказом хивинцев ответить на эти вопросы, царские власти предпочли обойти их молчанием, чтобы добиться в конце концов заключения официального соглашения со среднеазиатским владением.

Ведь по существу «обязательный акт», принятый Хивой в 1842 г., был первым и единственным полностью оформленным договором между Российской империей и среднеазиатскими государствами (в данном случае Хивинским ханством) за все время их взаимоотношений. Поэтому царское правительство встретило известие о подписании «обязательного акта» с большим удовлетворением. Николай I одобрил «успешные и вполне удовлетворительные действия подполковника Данилевского»²⁴. Было решено «благосклонно» принять в Оренбурге представителя хана Рахимкула — Мухаммед-Амина

²¹ Там же, стр. 50—51.

²² Там же, стр. 69 и 73.

²³ Там же, стр. 106—107.

²⁴ Там же, стр. 108—110.

Аваза Бердыева и разрешить ему следовать с частью свиты в столицу.

Уже в Оренбурге хивинцам был оказан особо пышный прием, учитывая, как писал В. А. Обручев К. В. Нессельроде 9 марта 1843 г., «настоящее благоприятное положение наших дел с Хивой»²⁵. В мае Мухаммед-Амин Аваз Бердыев уже достиг берегов Невы. Ему был вручен экземпляр «обязательного акта», на котором Нессельроде зафиксировал утверждение царем условий этого документа²⁶. 31 мая посланец получил аудиенцию у царя, что подчеркивало значение, какое придавалось хивинской миссии. Наряду с обычным осмотром столичных достопримечательностей Аваз Бердыев побывал на смотре гвардии на Царицыном лугу. В июле, получив богатые дары для хана, мехтера и самого Аваз Бердыева, посольство Рахимкула покинуло Петербург и 4 августа 1843 г. прибыло в Оренбург. Вся церемония приема в столице свидетельствовала о том, что царские власти удовлетворены заключением договора.

И все же, как выяснилось в дальнейшем, в Петербурге придали слишком большое значение этому успеху. Правда, русско-хивинские отношения после принятия «обязательного акта» серьезно улучшились. Почти на протяжении четверти века не возникло острых враждебных коллизий. Однако вряд ли это можно приписать воздействию данного дипломатического документа. Через два с небольшим года умер Рахимкул-хан (1845 г.). С восшествием на трон его брата Мухаммеда-Амина (1845—1855 гг.) изменился и состав придворных. Текст «обязательного акта» где-то затерялся, и когда в ханство прибыла в 1858 г. миссия полковника Н. П. Игнатьева, об этом акте уже там давно никто не вспоминал²⁷.

Но посольство Г. И. Данилевского интересно не только с дипломатической стороны. В результате него историческая и географическая наука обогатилась ценными сведениями о Хиве второй четверти XIX в. Этот офицер, выступивший в роли дипломата, опубликовал

²⁵ Там же, стр. 117—118.

²⁶ С. В. Жуковский, Сношения России с Бухарой и Хивой, Пг., 1915, стр. 139—140.

²⁷ Н. Залесов, Посольство в Хиву подполковника Данилевского в 1842 году, — «Военный сборник», 1866, № 5, стр. 54.

подробное «Описание Хивинского ханства»²⁸. Наряду с топографическими данными «Описание...» освещает этнографические особенности, религиозный состав и занятия населения, состояние городов и кишлаков этого среднеазиатского государства. Автор рассказывает о внешнем виде хивинских улиц и строений, дорогах, промышленном развитии Хивы, ее сельском хозяйстве.

Особое место занимают в публикации материалы об административно-финансовом устройстве ханства, его внутренней и внешней торговле. В общем Г. И. Данилевский не так много времени провел в этом среднеазиатском владении. Тем не менее разделы «Описания...», в которых раскрываются экономические стороны жизни Хивы, специфика ее бюджета и т. п., свидетельствуют о его наблюдательности и умении проникнуть в сущность важных и существенных явлений.

Думается, что И. В. Мушкетов, высоко оценивая достоинство работы Г. И. Данилевского, с должным основанием сравнивал ее со знаменитым «Описанием Бухарского ханства» Н. В. Ханькова²⁹.

Спутник Г. И. Данилевского Ф. И. Базинер создал несколько трудов об этом путешествии. Оставив в стороне те из них, какие носили специальный ботанический характер, отметим объемистую книгу об общепознавательных результатах поездки³⁰. Натуралист Базинер приводил немало любопытных сведений о своем странствии, начиная с приезда в Оренбург. Как и глава миссии, он подробно описывает хивинские города и их население, занятия жителей, взаимоотношения между отдельными ханствами, природные ресурсы Хивы и их использование, систему управления, состояние торговли (вплоть до характеристики британских и русских товаров, встречающихся на местных рынках).

Труд Ф. И. Базинера также был одобрительно встречен современниками. Уже в год издания он был удостоен «половинной» демидовской премии, присуждавшейся Академией наук.

²⁸ «Записки Русского географического общества», кн. V, 1851, стр. 62—139.

²⁹ И. В. Мушкетов, Туркестан, т. I, ч. I, СПб., 1886, стр. 99—100.

³⁰ Th. Basiner, Naturwissenschaftliche Reise durch die Kirgisiensteppe nach Chiwa, SPb., 1848, XV, S. 379.

Успешное завершение миссии Г. И. Данилевского нашло отклик в деловом мире России, прежде всего у текстильных фабрикантов и торговых воротил центрального района. 18 марта 1844 г. председатель московских отделений мануфактурного и коммерческого советов А. К. Мейендорф не без торжественности поставил в известность товарища министра финансов Ф. П. Вронченко (а тот информировал Нессельроде) о «новом важном предприятии по торговле с внутренней Азией».

После длительных совещаний и обсуждений, сообщал он, наконец было образовано негласное товарищество для сбыта российских изделий в Средней Азии. Первым шагом этой компании будет отправка товаров в Хиву. Участниками товарищества, спешил заверить начальство А. К. Мейендорф, выступают «самые благонадежные лица»: фабриканты гор. Александрова (Владимирской губернии) И. Ф. Баранов, выпускающий различных бумажных изделий на 2 млн. руб., П. С. Зубов (продукция его предприятия оценивалась в 800 тыс. руб.) и ростовский купец Ф. Д. Пичугин, «известный своей предприимчивостью и отправивший в последние годы три собственных каравана в Ташкент, Бухару и Хиву».

Партию груза новой компании на сумму до 120 тыс. руб. намечено было выслать в апреле из Оренбурга в Хивинское ханство, где предполагалось организовать склад кожевенных, шерстяных, бумажных и металлических изделий. Мейендорф выражал уверенность в успехе проекта, чему должны были способствовать имена участников, а также усовершенствование русских мануфактурных изделий за последние годы как по цене, так и по качеству, усиление требований внутри империи на хивинские и бухарские товары — марену, хлопчатую бумагу и «пряденую бухарскую бумагу», улучшение русско-хивинских отношений. К тому же вражда Хивинского ханства с Бухарой привела к расширению коммерческих связей Хивы с Кокандом и Ташкентом, что будет способствовать расширению ассортимента закупленных для сбыта в России товаров.

Но члены компании рассчитывали на содействие правительства. Они выдвигали уже хорошо известные просьбы — добиться сокращения пошлины в Бухаре и «утвердить взаимность» в торговых отношениях с этой

страной, усилить надзор за «правильным торгом азиатцев» в России и «вообще поддерживать активную торговлю русских во внутренней Азии»³¹.

Можно предположить, что это письмо вызвало у Нессельроде и удовлетворение, и досаду: удовлетворение — развитием экономических связей со среднеазиатскими ханствами, чему министерство иностранных дел, как известно, придавало существенное значение; досаду — по поводу того, что внешнеполитическое ведомство и без того стремилось содействовать «активной торговле русских во внутренней Азии», особенно в Бухаре, где предпринятые шаги не привели к желаемому результату. А тут еще один из руководителей министерства финансов присоединился к претензиям купцов и Мейендорфа³².

Поэтому, отвечая Вронченко, Нессельроде с одобрением отнесся к намерениям отечественных купцов «упрочить» торговлю с Хивой, подчеркнув, что после продолжительных сношений с этим ханством правительство добилось наконец с его стороны «миролюбивого образа действий». Министр иностранных дел напомнил о получении Данилевским по инструкции его ведомства «обязательного акта» о прекращении враждебных поступков, о покровительстве российским торговцам и уменьшении пошлин до 5% и заметил, что эти обязательства выполняются. С Бухарой пока договориться не удалось, и лучше временно ограничиться Хивой.

Что касается надзора за деятельностью среднеазиатских предпринимателей в России, то желательно, чтобы все правила соблюдались³³.

Суть этой дипломатической концовки в том, что осуществлять такой надзор надлежало как раз министерству финансов; в проекте подготовленного для Ф. П. Вронченко ответа вначале содержалась фраза, что эта проблема вообще не касается министерства иностранных дел, но Нессельроде вычеркнул ее.

Как бы то ни было, основное заключалось не в межведомственных «шпильках». Формировалась купеческая организация, которая взяла на себя определенную часть

³¹ АВВР, СПб. Главный архив, II—3, 1844—9, лл. 4—5. Мейендорф — Вронченко от 18 марта 1844 г.

³² Там же, л. 3. Вронченко — Нессельроде от 25 марта 1844 г.

³³ Там же, лл. 15—17. Нессельроде — управляющему Министерством финансов Вронченко от 16 мая 1844 г.

торговых операций в Хивинском ханстве и рассчитывала распространить их на всю Среднюю Азию. Правда, эта компания так и не заявила о себе открыто, но проявленные в данном направлении тенденции привлекали заботливое внимание правительственных органов.

По всей видимости, торговый дом в ту пору так и не был создан. Об этом свидетельствует отсутствие обычного в таких случаях утвержденного властями устава товарищества, а также то обстоятельство, что через два года те же предприниматели — Баранов и Зубов запросили министерство финансов о разрешении открыть «коммерческий дом» для торговли с Хивинским ханством через Аральское море и по реке Амударье.

27 июля 1846 г. Азиатский комитет обсудил записку главы финансового ведомства о просьбах этих купцов: 1. Чтобы правительство ходатайствовало перед ханом о передаче им в аренду на 10 лет «рыбной и звериной ловли» на Арале и о-ве Барсакельмес; 2. Чтобы Баранову и Зубову были предоставлены «два железных парохода» (для Каспийского и Аральского морей), различные мастера и несколько сот уральских казаков «из числа рыболовов — для стражи и прочих дел Дома» с содержанием от казны; 3. Чтобы дали предпринимателям исключительное право на возврат от казны пошлин с 20 тыс. пудов русских бумажных изделий в год для Хивы; 4. Чтобы выдали им безвозвратное пособие в размере 30 тыс. руб. серебром и 5. Чтобы ежегодно предоставляли им казенных металлов на 30 тыс. руб. по казенной цене.

Этим Баранов и Зубов обуславливали свое намерение основать торговое товарищество и выделить 120 тыс. руб. серебром на расширение экономических связей с Хивой. И без скрупулезного анализа можно было предположить, что такое обилие запросов купцов вызовет отрицательную реакцию правительственных кругов, понимавших, что торговля с ханством будет развиваться и без осуществления этих обременительных требований.

Так и получилось. Военный министр сразу же высказался против предложений Баранова и Зубова, ссылаясь на то, что предоставление уральских казаков отразится на смете его министерства, да и затруднительно для самих казаков. Нессельроде отверг мысль о ходатайстве перед Хивой по поводу аренды, поскольку это оз-

начало признание за компанией каких-то прав на все Аральское море и противоречило стремлению России «стараться постепенно упрочить влияние наше на места, от линии отдаленные», что должно было укрепить российско-казахские связи и способствовать торговле. А без утверждения «в глубине степей, всякие начинания в местах, от линии отдаленных, будут преждевременными, не говоря уже об огромных издержках, которые они в сем случае требуют».

Мнение министра иностранных дел поддержал присутствовавший на заседании начальник главного морского штаба. К тому же ответственный за коммерцию министр финансов подсчитал, что за 10 лет существования подобной компании казна должна затратить более миллиона рублей серебром, не получив каких-либо доходов. Предложенный Барановым и Зубовым проект был отклонен как «рановременный»³⁴.

Между тем российские предприниматели и купцы продолжали добиваться у правительства дальнейшего улучшения условий их торговли со среднеазиатскими ханствами. 17 октября 1846 г. Вронченко переслал Нессельроде «Записку об устройстве к улучшению порядка торговли и пользе казенной по оренбургским пограничным таможням». Ее составители — оренбургский II гильдии «купеческий сын» П. Д. Ковалев и троицкий II гильдии «купеческий брат» Е. С. Попов — жаловались на упадок экономических связей через Оренбург: купцы из Средней Азии не покупают товаров, стараясь вывозить деньги; пошлины в ханствах высоки и т. п.³⁵

Министерство иностранных дел ответило успокоительным письмом. В нем говорилось, что авторы «Записки...» сгущают краски по поводу пошлин в ханствах — они и в России немалые. Нессельроде повторял уже известные разъяснения: с Хивой в 1842 г. подписали акт, по которому пошлины не должны превышать 5%; в Коканде — смуты и раздоры, и сношения с ним пока невозможны; договориться с Бухарой об уравнивании прав мусульманских и христианских купцов еще не удалось, но участники торговли свидетельствуют, что им не чинят в ханствах каких-либо препятствий.

³⁴ Там же, лл. 40—44. Журнал Азиатского комитета, утвержденный 31 июля 1846 г.

³⁵ Там же, лл. 6—12.

«Впрочем, — заключал министр, — сколь ни представляется вопрос об уравнивании пошлин с товаров наших купцов в Средней Азии трудным... но Министерство иностранных дел постоянно имеет в виду достижение более благоприятных в сем деле последствий для выгод нашего купечества и если представится удобный случай, чтобы вновь приступить к переговорам по сему предмету с некоторой надеждой на успех, то не преминет оным воспользоваться»³⁶.

«Случай» для серьезных переговоров с бухарскими властями «с надеждой на успех» возник лишь через несколько лет, при посылке к ним миссии полковника Н. П. Игнатьева. Но и до тех пор царская дипломатия неизменно продолжала подбадривать отечественные торгово-промышленные круги, стимулируя расширение их связей с южными соседями. Это проявилось, в частности, в начале 1847 г.

К этому времени по распоряжению из Петербурга вместо ликвидированного укрепления Ново-Александровского у залива Карасу (на восточном берегу Каспия) было воздвигнуто Ново-Петровское (на Мангышлаке), а у впадения Сырдарьи в Аральское море стало строиться укрепление Раим (об этом ниже). Председатель московских отделений мануфактурного и коммерческого советов А. К. Мейендорф в связи с этим в тревоге писал министру финансов Ф. П. Вронченко: стало известно, что хивинский хан недоволен постройкой крепости на Мангышлаке. Учитывая «произвол владельцев», есть ли смысл подготавливать намеченный на май «сильный караван чрез Мангушлак» в Бухару и Хиву? Тем более что в Хиве не выменены еще все товары, отправленные туда в 1846 г. купцами Барановым и Пичугиным на сумму в 150 тыс. руб. серебром³⁷.

В связи с запросом Вронченко Нессельроде заверил, что никаких жалоб со стороны правителя Хивы не поступало, хотя создание Ново-Петровской крепости вызвало «недоверчивость» хивинцев. Но и в этой «недоверчивости» нет большой беды: в Петербурге ожидается посольство из ханства. Ему будет разъяснено, что укрепление воздвигнуто «в видах споспешествования

³⁶ Там же, лл. 13—16. Нессельроде — Вронченко от 24 октября 1846 г.

³⁷ Там же, лл. 2—3. Мейендорф — Вронченко от 3 февраля 1847 г.

торговле», для содействия караванам, движущимся в Хиву через Астрахань³⁸. Так оно вскоре и произошло.

Но сейчас нам необходимо познакомиться с тем, как развивались к этому времени взаимоотношения Российской империи с третьим среднеазиатским государством — Кокандским ханством.

³⁸ Там же, лл. 5—6. Нессельроде — Вронченко от 20 февраля 1847 г.

Неудачные попытки восстановления связей с Кокандом

На фоне оживленного обмена посольствами с Бухарой и Хивой, взаимоотношения Российской империи с Кокандским ханством после неудачной миссии в 1831 г. сильно обострились. Вторая треть XIX в. была нелегким временем для Коканда. Кровавые межфеодалные и межплеменные раздоры, тяжелый гнет правящей верхушки вызывали резкий протест народных масс, подавлявшийся суровыми репрессиями. Ханству угрожали враждебно настроенные соседи, в частности Бухарский эмират. Кокандские правители пытались разрешать экономические трудности за счет ограбления казахских и киргизских племен, воздвигая укрепления в местах их кочевок.

Инициативу в восстановлении русско-кокандских отношений проявили в Петербурге. Не считая целесообразным по соображениям престижа отправлять представителей к хану, царские власти применили обходный маневр. 18 февраля 1839 г. Николай I одобрил проект письма министерства иностранных дел посланнику России в Константинополе А. Бутеневу. Оно было вызвано полученным во внешнеполитическом ведомстве известием о прибытии в Турцию кокандского посла. Бутеневу поручалось вступить с ним в контакт для улучшения отношений России с ханством. По словам Нессельроде, с правителем Коканда «и независимой прежде, а ныне оному подвластной Ташкению» Российская империя всегда была «в мирных и торговых сношениях». Но в 1831 г., когда из Коканда отправились послы в Россию и царское правительство уже готово было их принять, кокандские властители переманили к себе несколько киргизских родов, подвластных России». После этого инцидента царское правительство запретило послам Коканда доступ в столицу. Тогда кокандцы стали нападать на русскоподданных кочевников, грабить их

1837
аулы, сеять среди них недовольство. Особенную активность проявлял ташкентский «кушбек» (т. е. кушбеги, так именовался кокандский правитель Ташкента). Но в 1837 г. хан его отстранил и обстановка несколько улучшилась. Однако отношения между обеими странами были еще далеки от добросердечных: они характеризовались отчужденностью и недоверием, «все сношения ограничиваются только торговлей, но и та имеет частые остановки от хищничества» на караванных путях.

К. В. Нессельроде информировал посланника в Константинополе, что генерал-губернатору Западной Сибири предложено сблизиться с новым правителем Ташкента и кокандским ханом и разъяснить последнему, что «собственные выгоды кокандцев — и политические, и торговые — требуют, чтобы они были в дружественных сношениях с державой, какова Россия: ибо без сего самая торговля их процветать не может».

Кроме того, Бутеневу поручалось намекнуть посланцам из ханства на целесообразность отправления оттуда посольства в Петербург и развеять возможные опасения по поводу строительства русской крепости при урочище Ак-тау в Средней Киргизской орде, объяснив, что она воздвигнута лишь для обуздания мятежников и «для обеспечения путей торговли, следовательно, для существенной пользы взаимных подданных»¹.

Царский посланник в Константинополе выполнил задание. В начале мая 1839 г. он встретился с кокандским коллегой, который заверил его «в искреннем расположении и уважении кокандцев в России и желании быть всегда с нами в дружеских сношениях». В качестве доказательства был приведен отказ хана принять предложение правителя Хивы прекратить торговлю с северным соседом после задержания там хивинских купцов. Приводился и другой довод: «хотя ташкентский кушбеги и не казнен (как предполагали в России), но в связи с жалобами российских чиновников он на год отстранен от власти. К тому же, в ближайшее время из Коканда в Россию будет направлено посольство»².

Результаты «контакта» не удовлетворили министерство иностранных дел. Нессельроде разъяснял Бутеневу (видимо, для дальнейших бесед с кокандцем), что

¹ АВПР, СПб. Главный архив, I—6, 1832—1, лл. 10—15.

² Там же, лл. 18—19, А. Бутенев — К. Нессельроде от 6 мая 1839 г.

его собеседник был неточен. О готовящемся кокандском посольстве пока ничего не слышно. Дело о задержанных хивинцах изложено превратно: Хива неизменно различными способами препятствует развитию торговли, не выдает около двух тысяч русских пленных-рабов (напомним, что переписка велась в первой половине 1839 г. — Н. Х.). Поэтому купцов из этого ханства освободят лишь после выдачи пленных — российских подданных, и Коканду незачем выступать ходатаем по проблемам русско-хивинских отношений.

Царское правительство не желало полумер в рассматриваемом вопросе: оно не соглашалось принять кокандского посланника, если бы тот решил ехать через Россию на родину. «Нам нужен аккредитованный представитель», с которым можно было бы вести переговоры, отмечал министр³.

Насколько можно судить по имеющимся документам, дальше дипломатических разговоров у Бутенева с кокандцем дело не пошло. Также и генерал-губернатору Западной Сибири кн. Горчакову не удавалось установить связи с Кокандским ханством: посольство оттуда снаряжалось крайне медленно.

Долгожданная миссия прибыла в Омск лишь через два с лишним года, осенью 1841 г. Ее возглавлял Мухаммед Халил Сахиб-заде, ученый и доверенное лицо хана, как он аттестовался в документах, ишан, бывавший ранее в России и даже участвовавший в теологическом диспуте в Казани с местным мусульманским духовенством. Подлинной целью поездки Халила Сахиб-заде было стремление Султана Махмуд-хана, который сменил своего умершего отца Омар-хана и брата Мухаммеда Али (Мадали), «возобновить связь свою с Россией, ослабленную в последнее время неприязненными поступками ташкентского беглер-бека, а также искать покровительства России против угрожающих намерений англичан, к чему поводом послужило появление в Кокане англичан против воли хана».

Посланцу поручалось ходатайствовать о присылке опытного горного инженера для поисков и осмотра месторождений «драгоценных руд» и обучения местных жителей их разработке.

³ Там же, лл. 23—26. К. В. Нессельроде — А. П. Бутеневу от 30 мая 1839 г.

К. К. Родофиникин сообщал обо всем этом В. А. Перовскому, отмечая что приезд Сахиб-заде из Коканда соответствует планам министерства иностранных дел по установлению деятельных и непосредственных сношений с ближайшими к пределам империи ханствами Средней Азии. Кокандская миссия даст возможность улучшить отношения с этим государством, «с которым дружественные связи прекращены были после неприятого нами в 1831 г. кокандского посольства»⁴.

Из этих соображений царские власти подчеркнуто пышно принимали гостя из Ферганской долины. Он приехал в Петербург в январе 1842 г., побывал на аудиенции у Николая I и членов его семьи, посетил технологический институт, горный кабинет, монетный двор, публичную библиотеку, Азиатский музей, Пулковскую обсерваторию, арсенал, литейный двор, ботанический сад, Академию художеств, земледельческое училище, фарфоровые и стеклянные заводы. Ему вручили богатые дары для хана (примерно на 3 тыс. руб.) и для визиря (на 200 руб.) и царскую грамоту, в которой было сказано, что выраженное правителем ханства стремление к укреплению дружбы соответствует пожеланиям властей Российской империи и что по его просьбе в Омск послано указание о покровительстве приезжающим на Сибирскую линию кокандским торговцам, но на основах взаимности, и купцы из России также должны быть ограждены в ханстве «от притеснений, которым они там иногда подвергаются»⁵.

В конце февраля — начале марта 1842 г. Мухаммед Халил Сахиб-заде покинул Петербург и отправился домой.

Несмотря на прием, какой был оказан представителю Коканда, можно заметить, что царские правящие круги придавали меньше значения связям с ним, чем с более близкими территориально Хивой и Бухарой.

В дальнейшем ведущую роль в переговорах с Кокандом на какое-то время стала играть резиденция западно-сибирского генерал-губернатора — Омск. По поручению генерал-губернатора отдельные торговцы вели неофициальные переговоры с представителями ханства. Они зондировали позицию хана и его приближенных в

⁴ Там же, 1841—1, лл. 55—56.

⁵ Там же, лл. 249—250. «Высочайшая грамота» кокандскому хану от 25 февраля 1842 г.

отношении юридического оформления торговых связей и заключения соответствующего соглашения.

3 июня 1844 г. из Коканда приехал в Омск новый посл. Он был направлен непосредственно к П. Д. Горчакову, а не в Петербург и привез генерал-губернатору ханскую грамоту и не очень дорогие дары. Эта грамота, подписанная Шир Али Бахадур-ханом и составленная с восточной цветистостью, не содержала каких-либо практических предложений, и цели миссии Горчаков уяснил в основном только из бесед с ее руководителем — Ниязом Мухаммедом Нигматовым.

8 июля 1844 г. генерал-губернатор известил замещавшего К. В. Нессельроде И. И. Воронцова-Дашкова, что кокандский хан изъявляет глубокое почтение и признательность, чтобы этим жестом «подкрепить союз свой с Россией, коего пользу, по-видимому, вполне чувствует». Но если учесть, что до этого между обоими государствами не было речи о каком-либо союзе или даже об элементарном сближении, то приходится констатировать, что П. Д. Горчаков принимал желаемое за достигнутое, выражения дипломатической вежливости — за реальную действительность.

Он стоял на более твердой почве, когда речь шла о конкретных вещах: «Что же касается до торгового трактата, то должно полагать, что заключение одного откладывается ханом до приобретения возможности снарядить посольство, сколько-нибудь приличествующее царской особе, к чему он ныне не имел способа». По существу, это был вежливый отказ кокандских правителей выполнить поставленные перед ними задачи.

Нияз Мухаммед Нигматов получил ответные дары и через Семипалатинск отбыл домой⁶.

Министерство иностранных дел одобрило действия западно-сибирского генерал-губернатора⁷ и стало ждать новых вестников из Кокандского ханства. Не возлагая, однако, больших надежд на их скорое появление, а главное, на успех переговоров с ними, царское правительство перешло к активным действиям по укреплению своих позиций в Казахстане. Его внимание давно было устремлено на устье реки Сырдарьи. В 1847 г. в этот

⁶ Там же, 1844—1, л. 6. На лл. 7—9. Грамота хана (перевод с бухарско-персидского письма).

⁷ Там же, л. 13. Письмо Министерства иностранных дел западно-сибирскому генерал-губернатору от 7 августа 1844 г.

район был двинут военный отряд, который заложил на берегах реки укрепление Раим (одновременно у Семипалатинского Алатау возникла крепость Копал).

1847
Это был важный шаг, свидетельствовавший о рассмотрении царскими властями исходных установок политики. Если раньше они рассчитывали добиться утверждения влияния в среднеазиатских ханствах торговыми или дипломатическими методами, то теперь, потеряв на это надежду, они перешли к активным действиям.

Создание Раима означало также изменение направления основного удара. Главным неприятелем рассматривалось отныне не Хивинское ханство, запал антирусской политики которого в Казахстане значительно остыл, а Кокандское ханство. Теперь оно выступало в качестве основного соперника Российской империи в борьбе за господство над казахскими и киргизскими племенами и родами.

В самом ханстве тоже произошли перемены. В 1845 г. на престол вступил Худояр-хан — представитель династии Минг. Но реальная власть находилась в руках могущественного предводителя кипчакского племени — волевого и энергичного мингбаши (тысяцкого) Мусульманкула. Правителей Коканда не на шутку беспокоил выход царских солдат к устью Сырдарьи. В декабре 1847 г. они прислали в Омск муфтия Абдуллу Муллу Ашурова (иногда он именуется Амуровым) с посланиями хана Худояра Николаю I и Мусульманкула П. Д. Горчакову.

Худояр сообщал, что в ханстве восстановлен общественный порядок, обеспечены торговые пути и купцы могут заниматься своими делами⁸. В письмах обоим государственным деятелям среди различных общих рассуждений проскальзывало то, что многоопытный генерал-губернатор считал основной и единственной целью прибытия Абдуллы Ашурова: протест против появления Раимского укрепления. Неоднократные жалобы высказывал по этому поводу и сам посланец.

С учетом этих мотивов была составлена ответная царская грамота Худояр-хану. В ней выражалось удовлетворение установлением в Коканде «желаемого порядка». Основное внимание уделялось «успокоению» его

⁸ Там же, 1847—1, лл. 12—14. Ханская грамота (октябрь 1847 г.), пер. на франц. яз.

правителей. «Наши желания по сношению с азиатскими странами и народами, — подчеркивалось в грамоте, — состоят в сохранении с ними добрых отношений и в упорчении обоюднo-полезных торговых связей».

Министерство иностранных дел, подготавливавшее проект послания, стремилось показать, что, собственно говоря, никакого нарушения прав ханства не было: крепость воздвигнута на территории империи (в степях Российского владения) и предназначена «прекратить существовавшие там беспорядки, установить тишину и спокойствие и тем самым обезопасить следование караванов... Итак, самая цель сих укреплений, имеющих служить залогом общего спокойствия, должна уже рассеять всякие с вашей стороны сомнения. Но при сем мы вяще подтверждаем вам, что намерения наши в отношении к Коканду суть самые миролюбивые и приятные, и доколе правительство ваше будет поступать соответственно правилам дружбы и доброго соседства, — дотоле мир и взаимное между Российской империей и Кокандским владением согласие будут оставаться ненарушимыми».

Впрочем, подобные «дружественные» заверения все более теряли значение. Ханские сборщики рыскали среди казахов и киргизов в огромной степи, разделявшей Россию и Коканд, со все большим ожесточением выколачивая из них разнообразные подати и налоги. Значительная часть местного населения упорно сопротивлялась кокандским сарбазам, отправленным на север правителем Ташкента Нур Мухаммед-парваначи, чтобы утвердить там владычество Худояра и Мусульманкула и поддерживать мятежных, с точки зрения царских властей, султанов.

Новое столкновение с Кокандом было неминуемо. Но пока князь Горчаков сочетал посылку в степь военных отрядов с увещательными беседами, вроде тех, которые он вел с гостем из Ферганы. Сообщение в Петербург о предпринятых им действиях звучит достаточно выразительно. Согласно указаниям царя (подготовленным, естественно, внешнеполитическим ведомством), информировал генерал-губернатор министра иностранных дел, 12 марта 1848 г. он вручил приехавшему муфтию ответное письмо Мусульманкулу и в том же смысле сделал внушения посланцу, которого одарил и отправляет домой. По-видимому, посланец удовлетворился объяснениями, но едва ли можно убеждение муфтия Абдуллы

Ашурова признать авторитетным в Коканде, ибо, несмотря на пребывание его в Омске в качестве посланника, ташкентский правитель Нур Мухаммед-парваначи не переставал «действовать сомнительно» (П. Д. Горчаков прилагал при этом «возмутительные» письма «к нашим киргизам» и другие документы). Поэтому для предосторожности на юг от Улугау (к урочищу Караджар, при слиянии рек Сары-су и Кенгир) был выслан наблюдательный отряд из 200 казаков при 2 легких орудиях для охраны Акмолинских волостей и Улугауской станицы.

На заданный из столицы вопрос, «в чем именно могли бы состоять меры к поддержанию дикокаменных киргиз, в случае если сделанные ныне кокандскому правительству внушения не возымеют успеха», западносибирский генерал-губернатор ответил, что, учитывая «нынешнюю недостаточность там местных способов», он считает необходимым ограничиться движением семиреченского отряда на реку Или, «а в крайности и до вершин реки Чу»⁹. Эти планы и действия были одобрены Николаем I¹⁰.

Соперничество России и Коканда в Казахстане развивалось в пользу первой. И не только потому, что она была сильнее в экономическом и военном отношениях. Ферганская долина второй половины 40-х — начала 50-х годов XIX в. продолжала быть ареной ожесточенных столкновений между основным населением и племенами кипчаков во главе с Мусульманкулом, захватившими все ключевые позиции и удерживавшими их вплоть до 1852 г., когда в ханстве повсеместно была устроена кровавая резня кипчаков. Коканд вел также непрерывные войны с Бухарой и казахскими племенами, проходившие с переменным успехом.

В этой обстановке правители Ферганы и подчиненных ей земель не придали, по всей вероятности, большого значения тому, что в Оренбурге снова появился В. А. Перовский, который в 1851 г. занял должность самарского и оренбургского генерал-губернатора. Есть все основания предполагать, что вторичное прибытие на азиатскую окраину этого близкого к царю сановника, давнего сторонника решительного наступления на Среднюю Азию, было тесно связано со значительным усилением

⁹ Там же, лл. 37—38.

¹⁰ Там же, лл. 51—52. К. В. Нессельроде — П. Д. Горчакову
от 20 апреля 1848 г.

нием активности соперника России в этом районе — Британской империи.

Потерпев неудачу в попытке захватить Афганистан (1838—1842 гг.) английские власти подчинили своему господству последние крупные государства Индии — Синд (1843 г.) и Пенджаб (1846—1849 гг.). Они получили удобные плацдармы для расширения своего политического влияния и экономической экспансии в среднеазиатских землях. Британские предприниматели, пуская в ход самые разнообразные приемы, стремились утвердиться на местных рынках.

Автор содержательного исследования торговли России с Бухарой, Хивой и Кокандом П. И. Небольсин сообщал о жалобах бухарских купцов на некоторые из таких методов. «Англичане в желании совершенно подорвать сбыт русских товаров навезли в 1841 г. и особенно в 1842 годах в Бухару такое множество своих изделий и пустили их по такой низкой цене (как говорят, в явный даже себе убыток), что весь народ кинулся на эту новинку и не обращал уже внимания на наши ситцы, на коленкоры и сукно. Удалив таким образом наших торговцев... англичане через год или два разом подняли цену на свои товары более чем вдвое»¹¹.

Но основные претензии купцов из ханства вызывало то «довольно замечательное обстоятельство, что бухарцы, успевшие вовремя произвести оптовый закуп, целыми кипами, английских товаров, открыли в них, не говоря уже про маломерность и недостаточную ширину, дурные линючие краски, гнилую, не державшуюся на нитке пряжу, дырья и все качества, делающие товар никуда не годным хламом».

К. Маркс и Ф. Энгельс, которые внимательно изучали историю и экономику Британской империи, как и ее колониальную политику, подчеркивали «наступление английской торговли на внутреннюю Азию», особенно расширившееся после полного превращения Индии в британскую колонию к середине XIX в. «Можно смело утверждать, — констатировал Ф. Энгельс, — что до афганской войны и до завоевания Синда и Пенджаба английская торговля с внутренней Азией почти равнялась нулю. Теперь дело обстоит иначе. Острая необходимость

¹¹ П. И. Небольсин. Очерки торговли России с Средней Азией — «Записки Русского географического общества», кн. X, 1865, стр. 22—23.

бесперывного расширения торговли — этот *fatum*, который словно привидение преследует современную Англию... эта неумолимая необходимость принуждает английскую торговлю наступать на внутреннюю Азию одновременно с двух сторон: с Инда и с Черного моря. И хотя мы очень мало знаем о размерах русского экспорта в эту часть света, мы все же из факта увеличения английского экспорта в эти области можем смело заключить, что русская торговля там, вероятно, заметно сократилась»¹².

Архивные материалы свидетельствуют о полной обоснованности сделанного Ф. Энгельсом вывода. Уже в 1845 г. Департамент внешней торговли Министерства финансов России бил тревогу по поводу сокращения экспорта в Среднюю Азию в связи с «усилившимся привозом на бухарский рынок ост-индских и английских товаров, которых цены далеко ниже наших». В отчете этого департамента за 1847 г. отмечалось: «Совместничество английских товаров по бухарским и хивинским рынкам препятствовало выгодному сбыту русских бумажных изделий и некоторых других товаров»¹³.

Особенную тревогу вызывали эти факторы у русского купечества. Крупный предприниматель Ф. Пичугин, к примеру, сетовал, что «англичане, не жалея своих капиталов... приближаются к Средней Азии, и на этих рынках мы много встречаем английских товаров»¹⁴.

Острым беспокойством по поводу перспектив русской торговли в этом районе проникнуто «Описание Кокандского ханства», составленное купцом Ключаревым, побывавшим там. «Товары российские в нынешнем 1852 г., — читаем мы в этом документе, — во всей Средней Азии, как в Кокании, Ташкенте и Бухаре, упали ценой до чрезвычайной степени, так, что противу прежних цен выручали 80 коп. из рубля с самых лучших товаров; продажа более в кредит, за наличные продажи совсем не было, причина оному более полагают — в нынешнем году необыкновенно большой вывоз во все

¹² Ф. Энгельс, Действительно спорный пункт в Турции, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 9, стр. 12—13.

¹³ Цит. по: М. К. Рожкова, Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия, М.—Л., 1949, стр. 311.

¹⁴ Там же, стр. 314.

азиатские провинции Средней Азии аглицких бумажных товаров; ихние комиссионеры — персиане, ширванцы и афганцы — продают здесь в кредит на 12 и 18 месяцев и тем более успевают продавать свои товары, хотя набивные ихние бумажные товары и миткали очень слабой доброты, но рисунки ситцев самые азиатские во вкусе». Ключарев указывал, что англичане продают изделия по более дешевым ценам: «Поэтому и торговля наша со здешним краем становится для нас самой безвыгодной, из бумажных товаров нет ни одного товара в особенном требовании, чтобы можно было здесь с выгодой продать, кроме металлических товаров, как-то: медь, железо, сталь, чугун, олово, которые всегда имеют здесь цену и требование на оные постоянное»¹⁵.

Своего рода итог результатов британского наступления на экономические позиции России в Средней Азии в 50-х годах XIX в. подводил автор обширной корреспонденции из Лондона Гавриил Каменский. Его статья под броским заголовком «Англия — страшный соперник России в торговле и промышленности» была опубликована в первом томе журнала влиятельных торговых-промышленных кругов «Вестник промышленности».

Автор писал: «Почти до последнего времени Россия производила значительную торговлю с Средней Азией не только своими произведениями, но также вообще европейскими товарами, преимущественно, покупаемыми на немецких ярмарках и отправляемыми по Волге на южный берег Каспийского моря. Отсюда караваны доставляли их различными дорогами в среднеазиатские ханства, Кабул, Герат, в Кашгар, северную Персию, в Белуджистан и Лахор. В последнее время однако же эта цветущая торговля обнаруживает упадок, который мы не останавливаемся приписать деятельному соперничеству Англии. Дорога через Трапезунд, Эрзерум и Табриз к северным частям Азиатской Турции и Персии открыла в них... доступ английским произведениям; английское железо еще в 1831 году совершенно вытеснило на трапезундском рынке железо русское: с другой стороны, с завоеванием Сциндии (речь идет о Синде. — Н. Х.) восстановлен древний торговый путь по реке Инду... [что] открывает таким образом для английской промышленности свободный и удобный доступ в

¹⁵ ЦГВИА СССР, ф. 67, д. 48, лл. 18—19.

Среднюю Азию... Нашему отечеству, — предупреждал Г. Каменский, — таким образом угрожает сильное соперничество в его торговле на Востоке»¹⁶.

Царское правительство, без сомнения, учитывало эту опасность, стремясь предотвратить ее всеми доступными средствами. Одним из них было военно-политическое давление на среднеазиатские ханства. Его организацией и занялся В. А. Перовский, тем более что видел в этом возможность реабилитироваться за провал хивинского похода 1839 г. По его указанию был подготовлен план занятия кокандской крепости Ак-Мечеть, расположенной на правом берегу Сырдарьи, среди казахских кочевий. Это укрепление было важным опорным пунктом ханских сборщиков налогов, разъезжавших среди казахских племен, вне зависимости от их подданства.

Сначала, в 1852 г., согласовав, разумеется, свои действия со столичными властями, Перовский направил против Ак-Мечети отряд полковника И. Ф. Бларамберга. Первая попытка овладеть крепостью не удалась и была изображена в генерал-губернаторских донесениях как рекогносцировочная экспедиция. На следующий год В. А. Перовский с значительным войском двинулся к берегам Сырдарьи и штурмом захватил Ак-Мечеть (июль 1853 г.)¹⁷.

Кокандское правительство остро и оперативно реагировало на события в районе крепости. Вскоре после того как солдаты В. А. Перовского стали сосредоточиваться под Ак-Мечетью, 17 июня 1853 г. в Омске появился посланец хана Худояра Юлдашбай Мирзаджанов с письмом от мингбаши Мухаммеда Касыма к генерал-губернатору Западной Сибири Г. Х. Гасфору. Он заявил, что отправлен для выражения дружбы и извещения, что кипчаки, «порабошавшие Коканд, ныне истреблены, чем восстановлено внутреннее спокойствие и прежнее управление, постоянно искавшее упрочения дружбы с Россией». В конфиденциальной беседе Юлдашбай Мирзаджанов выразил огорчение кокандских властей дей-

¹⁶ «Вестник промышленности», т. I, 1859, № 2, стр. 151—153.

¹⁷ Походу В. А. Перовского на Ак-Мечеть посвящена обширная литература, в частности, см.: А. И. Макшеев, Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских, СПб., 1890; М. А. Терентьев, История завоевания Средней Азии, т. I, СПб., 1906 и др.

ствиями Перовского и поинтересовался, санкционированы ли они Петербургом.

Опытный политик, Гасфорт великолепно понимал, что в сложившихся условиях дальнейшая поездка представителя Худояр-хана в Петербург не так уж желательная. Он, в свою очередь, упрекнул Юлдашбая Мирзаджанова в том, что дружественные заверения его суверена противоречат конкретным действиям Коканда: поддержке мятежных султанов, возмущению русскоподанных кочевников и т. д. Посланец ссылаясь при этом на «своеволие кипчаков», которые «искоренялись»¹⁸.

В дальнейшем по указанию из столицы генерал-губернатор заявил Ю. Мирзаджанову, что ввиду неискренности его правительства, расхождения его слов с делами и незнатности посланника (как выяснилось, он был ранее караванбаши, посещавшим Россию по торговым делам, а не крупным сановником, и привезенные им дары — незначительные ценности, по свидетельству Гасфорта — доказывали бедность ханства, истощенного десятилетней борьбой), посольство не будет допущено ко двору, а его подарки отклоняются¹⁹.

Ю. Мирзаджанов вручил Гасфорту ханскую грамоту, составленную в довольно резких тонах: в ней содержалось требование, чтобы поступки сановников основывались на разрешении и позволении императора; если же они не будут санкционированы свыше, кокандцы угрожали отражением нападения²⁰. Посланец попросил генерал-губернатора дать ему письменный ответ с объяснением всех обстоятельств отказа от приема посольства (чтобы его не казнили на родине, бесхитростно отметил кокандец)²¹.

16 сентября 1853 г. он покинул Омск. По существу, это было последнее посольство, отправленное в Российскую империю Кокандским ханством в пору его независимости. Вскоре после завоевания Ак-Мечети царское правительство создало Сырдарьинскую линию. Она шла от Аральского укрепления на юг вдоль речного берега

¹⁸ АВПР, СПб. Главный архив, I—6, 1853—1, лл. 6—9. Г. Х. Гасфорт — управляющему Министерством иностранных дел Л. Г. Сеньявину от 14 июля 1853 г.

¹⁹ Там же, лл. 25—26. Гасфорт — Сеньявину от 10 сентября 1853 г.

²⁰ Там же, лл. 27—28. Перевод грамоты.

²¹ Там же, л. 32. Гасфорт — Сеньявину от 26 сентября 1853 г.

через форт № 1 (теперь г. Казалинск), форт № 2 (Кармакчи) и форт № 3 (б. Кумыш-курган) к форту Перовский, как торжественно была переименована Ак-Мечеть (ныне г. Кзыл-Орда).

Сырдарьинская линия стала одним из двух важных плацдармов (наряду с проходившей восточнее Сибирской линией) для наступления царских войск в глубь Средней Азии. Но широко использовать их царское правительство смогло лишь после окончания тяжелой для него Крымской войны.

*Обострение отношений между
Российской империей
и среднеазиатскими ханствами*

Настойчивые попытки царских властей добиться своих политических целей в Хиве и Бухаре дипломатическим путем не дали существенных результатов. И миссия Бутенева в Бухару, и посольства Никифорова и Данилевского в Хиву, несмотря на некоторые достижения, практически оказались безуспешными. В результате с 1843 по 1858 г., правительство России, потеряло какой бы то ни было интерес к отправке своих дипломатов в Среднюю Азию. Оно предпочло укреплять позиции на подступах к этому краю, создавая опорные пункты для расширения торговых связей и политических действий. Выше отмечалось, что в 1847 г. на путях, ведущих к среднеазиатским ханствам с северо-запада и северо-востока, были заложены два укрепления: Раимское (ныне — г. Аральск), близ устья Сырдарьи, и Копал, у Семиреченского Алатау. Разумеется, создание крепостей на путях в Среднюю Азию не могло не обеспокоить местных правителей.

Инициатором строительства Раима был оренбургский военный губернатор В. А. Обручев. Но Министерство иностранных дел находило такие шаги преждевременными и даже вредными, поскольку они могли нарушить уже сложившиеся, в общем более или менее удовлетворительные отношения с ханствами.

Отражая эту точку зрения, Нессельроде писал 16 января 1847 г. военному министру А. И. Чернышеву: «Устройство укрепления на Сыр-Дарье в сильной степени встревожит наших соседей, бухарцев и хивинцев, в которых не прошло еще впечатление, произведенное недавним возведением укреплений Оренбургского и Уральского и перенесением на Мангышлак Ново-Александровского укрепления, и которые, видя все сии действия, не могут не подозревать наше правительство в преобладательных замыслах. Этими тревожными мыслями и опасениями правителей ханств, — продолжал

министр иностранных дел, — нельзя пренебрегать, поскольку Россия ведет с ними торговлю. Правда, эта торговля не достигла еще желаемой степени развития, но тем не менее не может считаться ничтожной для нашей промышленности; по акту же, заключенному в 1842 г. с Хивою, мы выговорили даже некоторые преимущества, которые делают то, что наши купцы сами теперь ездят в Хиву, производя там торг на гораздо выгоднейших условиях, нежели прежде»¹.

Однако Обручев, которому Военное министерство сообщило соображения Нессельроде, отверг их. Он доказывал, что военные отряды хивинцев, подстрекаемых англичанами, могут опередить на этом важном пункте царские войска и упускать удобного времени не стоит, тем более что овладение намеченной местностью «облегчит торговые сношения»².

В конечном итоге мнение оренбургского военного губернатора, поддержанного А. И. Чернышевым, взяло верх. На северо-восточной оконечности Аральского моря, неподалеку от места, где в море катил свои воды Сырдарья, возникла царская крепость, сразу же вызвав настойчивые протесты хивинского хана. Нессельроде тем легче было это предвидеть, что еще до строительства Раимского укрепления в связи с этим вопросом из Хивы прибыло посольство.

В декабре 1846 г. в Оренбурге появились представители Хивы — Клыч Ниязбай Ниязмухаммедов и Шуккурулла-бай Мискинов — с двумя ханскими грамотами. Одна из них извещала о смерти правителя Рахимкула и вступлении на престол Мухаммед-Амин-хана, и подтверждала желание хана быть в дружбе с Россией и соблюдать установленные условия; а другая содержала жалобу на создание Российской империей крепостей в «Киргизской степи».

К. В. Нессельроде считал целесообразным допустить приехавших в столицу, чтобы новый хан «утвердился... в чувствах преданности России и для рассеяния сомнений его, возбужденных возведением Новопетровского укрепления» на Мангышлаке³. 9 марта 1847 г. Клыч

¹ «Сборник материалов...», Ташкент, 1914, стр. 12—14.

² Там же, стр. 21—28.

³ АВПР, СПб. Главный архив, 1—6, 1846—2, лл. 11—12. «Всеподаннейший» рапорт К. В. Нессельроде, утвержденный 14 декабря 1846 г.

Ниязбай Ниязмухаммедов и Шукурулла-бай Мискинов прибыли в Петербург, представили грамоты, прошли весь установленный церемониал, включая царскую аудиенцию и осмотр достопримечательностей.

Добиться поставленной перед ними задачи посланцам, однако, не удалось. И во время переговоров и в полученных ими официальных документах правящие круги империи по различным мотивам отклонили хивинские ходатайства о ликвидации степных укреплений. Подписанная 26 апреля 1847 г. Николаем I грамота гласила, что доколе ханство будет сохранять условия мира, дружественные отношения к нему России будут неизменными, а хивинские торговцы по приезде всегда будут находить защиту и покровительство.

Что же касается воздвигнутых крепостей, то их единственная задача — «обезопасение торговли и установление большего в тех местах порядка»⁴. Аналогичные объяснения содержались и в письме Нессельроде Мухаммед-Амин-хану. Канцлер разъяснял, что речь идет лишь о переносе с Устюрта укрепления на Мангышлак, куда обыкновенно пристают купеческие караваны. Это сделано, чтобы «успокоить сии места» и обезопасить караваны⁵.

В начале мая ханские посланцы, поездка которых, таким образом, приобрела преимущественно информационный характер, отбыли на родину. Намечалось отправить вместе с ними российского уполномоченного с «временным поручением». Им должен был быть полковник генерального штаба М. И. Иванин. Участник хивинского похода 1839 г., он в 1846 г. занимался географическим изучением Мангышлака и хорошо знал местную обстановку.

М. И. Иванин должен был нанести ответный визит новому «хивинскому владельцу», ознакомить его с видами и намерениями России и рассеять опасения, вызванные строительством Ново-Петровского и других укреплений⁶. Однако полковник не успел выполнить эти поручения. Видимо, опасения правящих кругов ханства были слишком велики. Из Оренбурга пришло тревож-

⁴ Там же, лл. 108—109.

⁵ Там же, лл. 110—113. Письмо Нессельроде, утвержденное царем 12 апреля 1847 г.

⁶ Там же, II—10, 1847—1, лл. 8—10. Нессельроде — Обручеву от 13 мая 1847 г.

ное сообщение Обручева о волнениях среди казахов, вызванных провокационными действиями хивинцев⁷. Военный губернатор прислал также «подстрекательное воззвание», которое распространялось ими в «Киргизской степи»⁸.

Царское правительство немедленно реагировало на изменение ситуации. Докладывая Николаю I о неблагоприятных действиях хивинского хана, Нессельроде подчеркивал, что хотя Мухаммед-Амин-хан еще не проявил открытой вражды, но «намерения его взволновать киргизов... кажутся несомненными». Ссылаясь на то, что хан «злоумышляет против России», министр иностранных дел предлагал приостановить отправку к нему Иванина и высылку с Ниязмухаммедовым и Мискиновым 5500 червонцев «в окончательную уплату хивинским купцам, которые были у нас задержаны». Он выражал надежду, что «разные внушения», сделанные хану в «высочайшей» грамоте и в письме канцлера, возымеют действие и прекратят развитие «неприятных намерений»⁹.

Хивинские же посланцы вместе с подарками должны были беспрепятственно следовать из Оренбурга в Хорезм.

Но ни «приостановка» ответного посольства, ни «внушения» в доставленных Мухаммед-Амин-хану документах не произвели впечатления на него.

Царскому внешнеполитическому ведомству стало ясно, что возведение Раимского укрепления вызовет новые протесты хивинских властей, а может быть — и военные выступления с их стороны. Действительно, вторая половина 1847 г. и весь 1848 г. были отмечены настойчивыми набегами ханских войск на правобережье Сырдарьи, их столкновениями с царскими отрядами, разграблением находившихся в российском подданстве казахов (прежде всего чиклинского и дюрткаринского родов)¹⁰.

Мухаммед-Амин-хану, однако, не удалось добиться уничтожения крепости Раим вооруженным путем: его воины, хотя и более многочисленные, были значительно

⁷ Там же, лл. 17—20. Обручев — Нессельроде.

⁸ Там же, л. 21.

⁹ Там же, лл. 15—16. «Всеподаннейший» доклад Нессельроде, утвержденный 24 мая 1847 г. Николаем I.

¹⁰ А. И. Махшеев, Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских, СПб., 1890, стр. 174—179.

хуже оснащены, обучены и подготовлены к борьбе, чем царские солдаты и казаки. Правителю Хивы пришлось вернуться «к столу переговоров».

Но вначале он сделал попытку прибегнуть к посредничеству своего соседа, Насруллы. Прошло уже немало лет после того, как выяснилось, что К. Ф. Бутенев ничего не добился в Бухаре. Его неудача стала менее остро восприниматься царскими властями. И к тому же политики понимали, что не стоит прекращать на вечные времена дипломатические сношения с ханством из-за временного неуспеха. Поэтому, когда в сентябре 1848 г. в Петербурге стало известно о прибытии в Оренбург бухарского посланника мирахура Ходжа-Мирзы Хайруллы Хисматуллина со свитой (и слонем в дар царю), к представителю Насруллы подошли иначе, чем к караулбеги Клыч Али Гынакову.

В беседе с оренбургским военным губернатором В. А. Обручевым Хисматуллин заявил, что везет письмо эмира, в котором выражается пожелание упрочить дружеские отношения с Россией и прислать в ханство доверенное лицо. От себя он добавил, что хивинский хан просил бухарского правителя выступить посредником между ним и русскими властями и ходатайствовать о срытии Раимского укрепления, «но эмир, сам сознавая пользу укрепления в видах охранения торговых путей», отклонил просьбу.

Посланец сообщил также интересную информацию о планах Британской империи относительно ханства: «...агенты английского правительства, — рассказывал он, — предлагали эмиру войти в дружественные сношения с лондонским кабинетом, с правом иметь в Бухаре консула, и обещали неисчислимые от этого сближения выгоды, каких будто бы Бухара не может ожидать от союза с Россией, тем более, что бухарцы все европейские товары получают через посредство англичан из Герата», но Насрулла отверг эти предложения¹¹.

Эту же тему Хисматуллин настойчиво развивал и во время предварительных переговоров с председателем Оренбургской пограничной комиссии Ладыженским. Он сказал, что эмир поручил ему заверить царские власти в искренней дружбе и желании «скрепить ее новыми

опытами приязненных отношений», хотя англичане через посещающих Кабул бухарских купцов «неоднократно просили эмира прервать торговые сношения с Россией» и торговать исключительно с ними. Насрулла, рассказывал гость из Средней Азии, «понимая политику англичан, которые, прикрываясь обоюдными торговыми выгодами, шаг за шагом незаметно проникают в государство, приобретают в нем влияние и оканчивают насилиями и порабощением, решительно отказал в этом и запретил под каким бы то ни было предлогом впускать англичан в свои владения».

Эмира «беспокоит соседство англичан», продолжал Хисматуллин, и он «полагает надежду на великодушную дружбу России».

У нас нет оснований полагать, что председатель Оренбургской пограничной комиссии в ответственном письме, адресованном Азиатскому департаменту, искал содержание беседы с представителем Насруллы. Можно не сомневаться также, что неглупого и властолюбивого бухарского хана всерьез беспокоила активная деятельность Британской империи в соседних со Средней Азией землях. Однако вряд ли он так уж уповал и на бескорыстную «великодушную дружбу» царской России. Скорее всего, достаточно искусственный в политических тонкостях и хитростях, эмир рассчитывал в какой-то мере запугать Петербург угрозой англо-бухарского сближения и выторговать различные уступки в области торговли, отнюдь не собираясь на деле идти навстречу его требованиям.

Об этом свидетельствует реакция Хисматуллина на данный ему Ладыженским совет получить в столице разрешение царя на назначение в Бухару российского консула, «который, служа органом сближения обоих государств, будет блюсти прочность взаимных выгод»¹².

Председатель пограничной комиссии с досадой отмечал, что посланец «с уклончивостью ответил, что эмир, конечно, согласится на эту меру, если русское правительство признает ее нужной».

О том же говорит и другая беседа Ладыженского с Хисматуллиным, который подчеркнул, что основной целью посольства является заключение крепкого союза,

¹¹ АВПР, СПб. Главный архив, I—6, 1848—1, лл. 17—19. Обручев — Нессельроде от 14 сентября 1848 г.

¹² Там же, лл. 42—43. Донесение Ладыженского от 28 сентября 1848 г.

который бы упрочил торговые выгоды обоих государств. Теперь уже Ладыженский дал уклончивый ответ, стремясь не придавать большого значения экономическим связям с ханством, чтобы не набить им цену в глазах представителя Насруллы. «Хотя в массе торговых операций, — заметил он, — торговля с Бухарией и не может быть для России важной, но для местной промышленности Оренбургского края, как средство сбыта своих мануфактур и потребление бухарских, она, конечно, имеет относительную пользу, и потому правительство наше... вероятно разделит желание эмира»¹³.

Когда в январе 1849 г. мирахур Ходжа-Мирза Хайрулла Хисматуллин прибыл наконец в Петербург и предъявил грамоту эмира и письмо кушбеги, Нессельроде сделал вывод, что высказанное в этих документах стремление «возобновить приятные сношения с Россией» понимается как согласие на отправку в Бухару ответного посольства. Но это не вызвало у министра большого энтузиазма. Докладывая царю о существе дела, он напоминал, что миссия Бутенева не дала ожидаемых результатов: «...требования наши остались тогда неудовлетворенными».

До принятия решения о новом посольстве в ханство он предлагал удостовериться, что эти требования будут уважены местными властями. Формулируя претензии, Нессельроде отмечал, что они должны состоять «в сбавке пошлин с наших товаров, в оказании нашим торговцам защиты и покровительства; в воспрещении держать русских пленных в Бухарии, а также в выдаче тех, которые там находятся».

Лишь принятие этих условий, подчеркнул министр, будет свидетельствовать, что бухарское правительство «дорожит дружественными и торговыми связями с Россией». Лишь тогда можно будет отправить в ханство «доверенное лицо для окончательных условий»¹⁴.

Для практического выяснения ситуации глава царской дипломатии написал срочное письмо бухарскому кушбеги, которое Хисматуллин отослал с нарочным, чтобы ответ успел прибыть до его отъезда из Оренбурга домой. Это послание мало отличается от аналогичных

¹³ Там же, лл. 26—29. Донесение Ладыженского Азиатскому департаменту от 14 сентября 1848 г.

¹⁴ Там же, лл. 65—66. «Всепопданнейшая» записка Нессельроде, утвержденная царем 8 февраля 1849 г.

документов в истории отношений России со среднеазиатскими ханствами в XIX в.: оно содержит жалобы на притеснения, какие терпят российские торговцы в Бухаре, хотя ее северный сосед оказывает покровительство и защиту подданным ханства, предоставляя им даже некоторые преимущества, по сравнению с собственными гражданами.

В ханстве содержат русских невольников, берут с купцов из России «несоразмерную пошлину», игнорируют справедливые претензии. Если не будут чинить стеснений приезжим торговцам, заключал Нессельроде, если будут взимать не больше 5% пошлины «единожды с настоящей цены товаров и не притеснять при их оценке», если запретят русское невольничество, — в Бухару будет снаряжен царский представитель¹⁵.

В том же духе была составлена, понятно, и «высочайшая» грамота Насрулле¹⁶. Но Ходжа-Мирзе Хисматуллину не удалось доставить ее по назначению. Как свидетельствуют документы, он «долго болел черной болезнью» и 23 апреля 1849 г. умер, завещая похоронить себя на родине¹⁷.

Между тем 23 июня в укрепление Раим был привезен ответ бухарского кушбеги на послание Нессельроде, который не только не нашел в нем принятия своих требований, а, наоборот, обнаружил контрпретензии. Кушбеги Хайрулла-бек утверждал, что за последние годы пошлины на бухарские товары возросли в 10 раз, а местных купцов притесняют на российских таможнях¹⁸.

Министерство иностранных дел, естественно, немедленно запросило разъяснений в министерстве финансов, которому подчинялся Департамент внешней торговли. Его директор, однако, опроверг жалобы кушбеги. Он находил, что по действующему «азиатскому тарифу» 1817 г. привозимые из ханств товары обложены самыми незначительными пошлинами (тем не менее он определял их в 10—15% объявленной цены, тогда как царское

¹⁵ Там же, лл. 73—76. Письмо Нессельроде бухарскому визирию Хайрулла-беку, утвержденное Николаем I 19 февраля 1849 г.

¹⁶ Там же, лл. 66—67. «Высочайшая» грамота, утвержденная 19 февраля 1849 г.

¹⁷ Там же, л. 103. «Всепопданнейшая» записка Нессельроде.

¹⁸ Там же, лл. 87—89. Французский перевод с письма кушбеги на перс. яз.

правительство добивалось установления пятипроцентной пошлины для российских изделий), уменьшение которых сократит сбыт в пограничных со Средней Азией областях империи однородных русских мануфактурных изделий. Помимо того, придется сократить пошлины на товары из других государств, «так как по принятой у нас тарифной системе пошлина определяется с товаров не по месту их происхождения, а по роду и качеству изделий». А это приведет к значительному снижению таможенного дохода «без всякой к тому нужды, ибо нет причин покровительствовать привозу к нам азиатских произведений, так как баланс азиатской торговли нашей и при нынешних привозных пошлинах не в пользу России».

Что касается «притеснений на таможнях», то ранее там действительно возникли недоразумения, связанные с недостаточным знанием соответствующих языков — таможенниками и приезжими коммерсантами. Ныне приняты меры для улучшения работы писцов и переводчиков. К тому же бухарское правительство не указывает на конкретные недостатки, подлежащие устранению.

Поэтому нет оснований что-либо менять в существующем порядке — таково было заключение департамента внешней торговли¹⁹.

Но в таком случае исчезали все основания для дальнейшего обсуждения проблемы с эмиром Насруллою и его министром. И снова на несколько лет в дипломатических сношениях между Российской империей и Бухарским ханством наступило определенное затишье. Торговля продолжала развиваться своим чередом, но посылка представителей из одного государства в другое временно прекратилась.

Теперь вернемся к хивинскому хану Мухаммед-Амину. Потеряв надежду на посредничество Насруллы и продолжая добиваться ликвидации Раимского укрепления, он снарядил в Россию нового посланца. В связи с его ожидавшимся прибытием в Оренбург директор Азиатского департамента Сенявин изложил военному губернатору Обручеву принципы политики Петербурга по отношению к Хиве: «Главная цель наших желаний... чтобы хивинцы убедились в благонамеренности наших действий в Киргизской степи, чтобы они не волновали подвласт-

¹⁹ Там же, лл. 96—102. Письмо Департамента внешней торговли Министерству иностранных дел от 20 декабря 1849 г.

ных России киргизов и не старались распространять на них своих притязаний, чтобы не задерживали российских подданных в неволе, не грабили караваны и вообще не препятствовали правильному ходу торговли; одним словом, чтобы хивинцы в точности соблюдали условия взаимного согласия, постановленные в бытность полковника Данилевского в Хиве»²⁰.

В непродолжительном времени, в начале сентября 1849 г., с большим караваном из 1200 верблюдов в Оренбург прибыли посланцы Мухаммед-Амин-хана — ханский приближенный Ходжа Мехрем Аллабердыев и правитель города Куны-Ургенч Атанияз Ваис-бай Ниязов. Они были снабжены письмами к царю и петербургским сановникам, а в их обозе находились девять освобожденных из неволи русских.

Как водится, с прибывшими беседовали военный губернатор и председатель оренбургской пограничной комиссии, выясняя конкретные цели посольства. Употребляя обычную формулу, Аллабердыев и Ваис-Ниязов заявили, что они приехали «для утверждения прежних дружественных сношений», хивинское правительство признает права России на земли «Киргизской степи» оренбургского ведомства, где возведены укрепления, но просит, «как милости», срыть их и вывести войска.

В. А. Обручев сделал вывод, что задачи посланцев те же, какие ставились перед их коллегами — Ниязом-мухаммедовым и Мискиновым²¹.

Петербург обычно предпочитал не принимать миссии, которые являлись «с домогательствами», а тем более с такими, на какие уже был дан отказ. Но на этот раз министерство иностранных дел отступило от своих правил. Во «всеподданнейшей» записке К. В. Нессельроде особо отмечал присылку девяти бывших пленных, полагая, что правитель Хивы «непритворно желает снискать благоволения царя и восстановить дружественные связи с Россией». Отказ в допуске посольства будет выглядеть проявлением неприязни и может откликнуться серьезными столкновениями в «Киргизской степи».

Но в столице необходимо четко изложить хивинцам о «непреклонности» принятых решений по поводу мест-

²⁰ Там же, 1849—2, лл. 1—3. Л. Г. Сенявин — В. А. Обручеву от 15 июля 1849 г.

²¹ Там же, лл. 16—19. В. А. Обручев — Л. Г. Сенявину от 6 сентября 1849 г.

ных укреплений, подчеркнув отсутствие враждебных замыслов против ханства²². Этот план был утвержден и осуществлен.

23 января 1850 г. Ходжа Мехрем Аллабердыев приехал в Петербург (Атанияз Ваис-Ниязов заболел и остался в Оренбурге), где провел полтора месяца, встречался с царем и Нессельроде, осмотрел «музеумы» Академии наук и корпуса горных инженеров и др. Политические итоги его визита нашли отражение в письме министра иностранных дел хивинскому мехтеру. Нессельроде, как и было намечено, подчеркивал миролюбие намерений России, отмечая, что укрепления, вызвавшие беспокойство хана, построены на русской земле, «для водворения порядка в степи, обезопасения наших киргизов и обеспечения караванных путей». Ханству же еще необходимо доказать свое дружелюбие: Хива «неоднократно грабила наших киргизов, собирала с них незаконно закят, посылала возмутительные письма к их султанам и биям». Далее министр отмечал, что непременным условием дружественных отношений со стороны хивинских правящих кругов должно явиться соблюдение условий «обязательного акта», подписанного ханом во время приезда Данилевского, «и в силу сих постановлений» местные власти призваны «оказывать надлежащее покровительство нашим торговцам...»²³.

В том же духе была составлена и «царская грамота» Сеиду Мухаммед-Амину²⁴.

Российские власти удовлетворили некоторые мелкие просьбы Аллабердыева (об освобождении нескольких захваченных соплеменников, разрешении выехать на родину женам среднеазиатских торговцев и т. п.), но отказали в более важном: предложение отправить в Хиву посольство было отклонено до выяснения того, как будут развиваться события²⁵.

События же развивались по-прежнему: хивинские и кокандские правители организовывали нападения на казахские кочевья, провоцировали столкновения между различными племенами и родами, препятствовали нор-

²² Там же, лл. 22—23.

²³ Там же, лл. 106—109. Письмо государственного канцлера хивинскому мехтеру, утвержденное Николаем I 19 февраля 1850 г.

²⁴ Там же, лл. 114—115.

²⁵ Там же, лл. 110—111. «Всеподаннейшая» записка Нессельроде, утвержденная 19 февраля 1850 г.

мальному ходу торговых караванов. Восьмитысячный хивинский отряд под начальством сына бывшего хана Ильтузара — Рахманберды при поддержке казахских султанов Илекея Касымова, Алла-Назара Джангазыева и Буреитяукина (так в документе. — Н. Х.) произвели набег для разграбления аулов, подчиненных казахскому батыру Джанходже Нурмухамедову²⁶.

Присырдарьинские казахи являлись объектом хищнических действий кокандских феодалов и стоявшего во главе ханства Худояра. «В 1849 г., например, было разграблено до тысячи семейств чумекеевского и других казахских родов. В 1850 г. карательный отряд кокандского хана, возглавляемый акмечетским наместником Якдыбеком, снова разграбил чумекеевские и дюрткаринские роды. В 1852 г. у чумекеевского рода было угнано до 150 тыс. баранов»²⁷.

В 1851 г., как уже отмечалось, на посту оренбургского правителя снова появился В. А. Перовский, который жаждал реванша, вспоминая свой военно-политический «афронт» 1839—1840 гг. Учитывая близость В. А. Перовского к самодержцу и особенности деспотического режима Российской империи, можно было с уверенностью предсказать, что позиции Оренбурга в среднеазиатской политике сильно укрепятся.

Это обстоятельство вскоре стало очевидным. 26 апреля 1852 г. в Оренбург приехало новое посольство из Хивы. Возглавлял его уже бывший в России Шукурулла-бай Мискинов. Хан Мухаммед-Амин не терял надежды добиться ликвидации Раимской крепости. Мискинов был снабжен многочисленной документацией. Он привез Ладыженскому послание Ходжи Мехрема Аллабердыева, Перовскому — письмо диванбеги Бекнияза, ханскую грамоту — Николаю I и другие документы.

Во всех этих материалах содержалась ссылка на обещание, якобы данное царем на аудиенции в Петербурге Аллабердыеву в 1850 г., что русские войска не будут переходить на юго-западную сторону Сырдарьи, и просьба разъяснить, с ведома ли царя «несколько русских производили в прошлом году за Сырдарьей съемку

²⁶ Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках (1771—1867) (сборник документов и материалов), Алма-Ата, 1964, стр. 366.
²⁷ Е. Б. Бекмаханов, Присоединение Казахстана к России, М., 1957, стр. 104.

местности, или только с разрешения пограничного начальства?».

Так излагал официальные задачи посольства Перовский Сенявину. Он признавал, что в указанном районе была произведена беглая рекогносцировка, но полагал, что данное обстоятельство служит лишь предлогом для приезда Мискинова. Главная цель, по мнению генерал-губернатора, заключалась в осведомлении «на месте о наших будущих видах и наших намерениях вследствие вторжения в наши пределы грабительских кокандских шаек не без участия хивинцев». Другой причиной, считал он с чувством внутренней гордости, является то обстоятельство, что хан «сильно обеспокоился переменой главного начальника Оренбургского края, относя это к чему-то недоброму для Хивы».

Перовский подчеркивал, что в русских официальных документах не было дано никаких заверений по поводу Сырдарьи. Наоборот, условием добрососедских отношений с Хивой ставился запрет ханом его «вооруженным партиям» переходить Сырдарью, чтобы избежать столкновений «и непринятых от того последствий».

Правитель Оренбурга вполне откровенно рассказывал также Л. Г. Сенявину и о своих настояниях перед царем в связи с проведенной рекогносцировкой. Поскольку заросшее камышом левобережье реки «нам совершенно неизвестно», писал он, начальнику Аральского укрепления было велено ознакомиться с ним при помощи «легких отрядов».

Рекогносцировка заняла 29 дней, не вызвав никаких осложнений, однако Николай I «начертал» на донесении об этом: «Хорошо, что так обошлось, но подтвердить: на будущее время на левый берег ни под каким предлогом не переправляться». Однако Перовский попросил, об отмене этого запрета, и царь разрешил переправляться, как он выразился, «в случаях крайней необходимости для преследования хищников по горячим следам, отнюдь не оставаясь долго на левом... берегу». Между тем, продолжал царский наместник в письме директору Азиатского департамента, могут появиться и другие предпосылки перехода на левобережье Сырдарьи: необходимость обеспечить движение бухарских караванов, начало пароходного плавания по Аральскому морю и этой реке, потребности связи между отдельными укреплениями.

Далее Перовский предлагал запретить поездку посланца Мухаммед-Амин-хана в столицу, отметив расхождение между дружескими заверениями хана и «участием хивинцев с кокандцами в неоднократных грабежах наших мирных ордынцев», подстрекательства казахов к возмущению, задержку бухарских караванов и незаконные поборы с них и т. д.²⁸

В Петербурге согласились с этим мнением, положив его в основу ответной грамоты Николая I хану и письма управляющего министерством иностранных дел хивинскому мехтеру²⁹. Здесь перечислялось все: и посылка сборщиков налогов — закятчи — на русскую территорию, и поборы с караванов, и «участие с кокандцами в прошлогоднем набеге на русских киргиз» и др.

После отказа царских властей допустить Шукуруллабая Мискинова в Петербург, он пытался добиться результатов в беседах с оренбургскими чиновниками. Посланец жаловался прикомандированному к нему приставу Батыршину, что хан велел ему «изустно передать» предложение, чтобы Россия и Хива обменялись письменными обязательствами не переходить на соответствующий берег Сырдарьи. В случае отказа он должен был объявить, что хивинские посольства больше не будут снаряжаться в Петербург, а земли между ханством и рекой будут уступлены «турецкому султану или англичанам», которым Мухаммед-Амин «предоставит устроиться по Сырдарье для ограждения его владений». К этому Мискинов добавил: «Недаром же ездил в прошлом году от хана в Тегеран Мяд-Шериф (брат хивинского мехтера); там проживает именитый турок от лица султана и очень может быть, что они уже вели о сем переговоры».

²⁸ АВПР, СПб. Главный архив, I—6, 1852—1, лл. 3—8. Перовский — Сенявину от 6 мая 1852 г. Упоминания о притеснениях, которые терпели бухарские купцы от хивинских пикетов, Перовский писал, что раньше с торговцев из Бухары взыскивали торговый налог — закят — в сумме 500—600 тиллей, за последнее время эта цифра возросла до 2600 тиллей, «а в настоящем году караван-баши Рахимбай Атамбаев вынужден был с подарками всего внести пошлины слишком 3500 тиллей и доволен еще был, что остался в живых, вследствие чего... решил уже не ходить с караванами через Кувандарью...».

²⁹ Там же, лл. 26—27 и 28—30. Грамота и письмо от 30 июня 1852 г.

Комментируя это заявление, Перовский указывал, что оно подтверждает полученные им через председателя Оренбургской пограничной комиссии сведения «о происках англичан в Хиве» и укрепляет его убеждение, что в миссию Мискинова входит «выведать о наших намерениях, по случаю перемены главного начальника Оренбургского края, очень их обеспокоившей, и, попугав англичанами, которых сам хивинский владетель сильно боится, удостовериться в прочности с нами мира».

Однако и Перовский, в свою очередь, решил «попугать» хивинского правителя. Он предупредил Ш. Мискинова, что Хивинское ханство «в глазах наших потеряет свою самостоятельность», если прибегнет в отношениях с Россией к посредничеству «какой бы то ни было державы» или допустит такое посредничество. «Тогда образ сношений наших и самые отношения к Хиве, как соседственному владению, — пригрозил губернатор, — неминуемо изменятся и будут уже зависеть от враждебных или дружественных расположений России к тому посредствующему государству. Думаю, что такое зависимое положение незавидно для самой Хивы»³⁰.

В сентябре 1852 г. посланец хана Мухаммед-Амина, вручив привезенные дары в Оренбурге и получив традиционные ответные подарки, присоединился к хивинскому торговому каравану и двинулся в обратный путь. Добиться согласия на срытие укрепления Раим (Аральское) ему не удалось.

³⁰ Там же, лл. 51—56. В. А. Перовский — Л. Г. Сенявину от 17 августа 1852 г.

После Крымской войны

Орудийные залпы армии В. А. Перовского, овладевшего летом 1853 г. Ак-Мечетью, вскоре сменились опасной по своим последствиям для царской России канонадой в Европе. Начиналась Крымская война. Тяжелая и напряженная борьба с блоком более сильных противников приковала все внимание царского правительства. В годы войны было не до среднеазиатских ханств. Но после ее окончания значение Средней Азии, ее удельный вес в политике Петербурга резко возросли.

Результаты событий, развернувшихся в Крыму, на Балканах и на Кавказе в 1853—1856 гг., всесторонне рассмотрены в исторической науке. Поражение в схватке с более развитыми европейскими государствами подчеркнуло отсталость Российской империи и стимулировало проведение в ней некоторых социально-экономических реформ, и прежде всего отмену крепостного права.

В стране возникали промышленные, транспортные, финансовые, торговые объединения и организации буржуазного типа. Значительно активнее двинулось вперед развитие капиталистических отношений. Проблема расширения рынков сбыта приобретала особенно острый характер. Реальная действительность убедительно свидетельствовала, что поиски на Западе широких возможностей для реализации российской промышленной продукции — далеко не всегда благодарная задача. Поэтому особое значение для российской промышленности приобретал Восток, в частности Средняя Азия¹. Экономические интересы властно привлекали к ней внимание и царского правительства, и торгово-промышленных кругов империи. Особенность момента заключалась еще и в том, что опаснейший конкурент — Британская империя продолжала развивать торговую экспансию в странах к северу от границ Индии. Соответственно уве-

¹ Н. А. Халфин, Присоединение Средней Азии к России, М., 1965, стр. 81—88 и др.

личился и объем английских товаров, поступающих на бухарские, кокандские, хивинские рынки.

Наиболее остро реагировали на сложившуюся ситуацию непосредственно связанные со всеми этими проблемами оренбургские власти. Разумеется, и в период Крымской войны они стремились добиться расширения экономических связей с ханствами, но встретились с определенными трудностями, из которых не все можно было решить на месте. В связи с ожидавшимся приездом бухарских и хивинских посольств возникали перед ними серьезные вопросы, суть которых отразилась в двух важных документах: «Краткой записке о невыгодном для России положении торговли ее с Средней Азией», подготовленной В. В. Григорьевым, и «всеподданнейшем» отчете В. А. Перовского «по управлению Оренбургским краем» за 1853—1856 гг.

В. В. Григорьев видел «невыгоды» среднеазиатской торговли в том, что в ней доминировали торговцы из ханств, которые получали все барыши, сбывая в России свои товары по высоким ценам и дешево продавая на родине русские товары. Причины этого он видел в покровительстве, оказываемом в Российской империи купцам из Средней Азии, тогда как там торговцев из России притесняли.

Приводимые доводы нам уже знакомы по многим аналогичным документам. В России ввозные пошлины одинаковы для всех, а вывозных почти нет. Здесь — «безопасность личности и собственности каждого», более или менее благоустроенные дороги, а «там христианские предприниматели платят в 2—4 раза больше пошлин, живут в постоянном опасении за жизнь свою и собственность, не говоря уже о личных оскорблениях», не могут ездить в глубь того или иного государства, где с них дерут взятки.

Поэтому, продолжал В. В. Григорьев, русские торговцы-христиане с 1852 г. предпочитают сами не ездить в Среднюю Азию, торгуя через комиссионеров-мусульман, а это рискованно и снижает доходы. Надо, во-первых, требовать уравнивания пошлин не на бумаге, а на деле, угрожая запретить торговцам из ханства — нарушителя договоренности ездить внутрь России (им надлежало сбывать товары лишь на Линии), во-вторых, вообще следует ограничить деятельность среднеазиатских купцов меновыми дворами или городами на Линии. Сле-

дует также добиваться уравнивания прав не дорогостоящим дипломатическим путем, а объявлением жестких условий руководителям отходящих на юг караванов.

Если правящие круги Бухары, Коканда или Хивы откажутся выполнять предъявленные требования, против них восстанут местные торговцы, «превосходно понимающие, что не Россия нуждается в торговле с Средней Азией, а Средняя Азия — в торговле с Россией», для которой временное прекращение этой торговли «будет почти нечувствительным», тогда как ханства «разорит оно вконец». Ибо их продукция — хлопчатая бумага, сухофрукты, марена — сбывается только северному соседу, а русские кожевенные и деревянные товары, металлы и металлические изделия составляют насущную потребность Средней Азии. Надо лишь при этом помешать вывозу из России монеты, на которую азиатские купцы приобретают британские товары².

Нельзя сказать, чтобы программа В. В. Григорьева была полностью логична. По крайней мере в той части, где он говорил, что Российская империя не нуждается в среднеазиатской торговле, настоятельно предлагая вместе с тем предпринять шаги для ее развития. Но ее основные мысли (льготы в этой торговле принадлежат бухарским, хивинским, кокандским предпринимателям) разделяли и высшие сановники, призывая учесть данные обстоятельства при переговорах с ханскими посланцами.

Так В. А. Перовский, приславший в министерство записку В. В. Григорьева, отмечал, что представители Бухары, под каким бы предлогом ни приезжали в Россию, всегда настаивают на торговых преимуществах. Этого надо ожидать и от снаряжавшегося представителя эмира Насруллы. Между тем он, оренбургский генерал-губернатор, согласен с автором записки, что и без новых льгот торговля с ханствами более выгодна для азиатских купцов. Следует настоять, чтобы с торговцев-христиан пошлина в Средней Азии взималась в таком же размере как с магометан³.

² АВПр, СПб. Главный архив, II—3, оп. 34, 1856—4, лл. 3—8. Эти же взгляды В. В. Григорьев развивал и в печати (см. его «Разбор сочинения „Очерки торговли России с Средней Азией“ Н. Небольсина», — «Отчеты о XXV присуждении Демидовских наград», СПб., 1856).

³ Там же, лл. 1—2. Оренбургский и самарский генерал-губернатор — управляющему Министерством иностранных дел от 14 сентября 1856 г.

По существу, таким же образом откликнулся на мысли председателя Оренбургской пограничной комиссии министр финансов П. Брок. 24 ноября 1856 г. он отметил, что было бы весьма полезно, если бы внешнеполитическое ведомство для выгоды торговли со Средней Азией добилось по возможности полного уравнивания в правах русских купцов с местными предпринимателями⁴.

Что касается Перовского, то он рассматривал более широкий круг вопросов и добивался более решительных действий. Можно сказать, что, пользуясь близостью ко двору, он позволял себе высказывания, которые весьма походили на обвинение Министерства иностранных дел в бездеятельности.

Докладывая царю о мерах «по управлению Оренбургским краем» в 1853—1856 гг., Перовский жаловался, что все его стремления наладить дипломатические и улучшить торговые сношения со Средней Азией не дали результата. Безуспешными оказались и попытки договориться о постоянных агентах России в Бухаре и Хиве, «имея в виду политические предприятия со стороны Индии».

Столь же непродуктивными, рапортовал генерал-губернатор, были все его «представления о необходимости извлечь среднеазиатскую торговлю из того невыгодного для русских торговцев положения, в какое поставлены они стеснительными пошлинами в Азии и дозволением азиатцам, торгующим в России, закупать товары наши на Нижегородской и других ярмарках, а для сбора долгов ездить и в обе столицы».

Александр II потребовал, чтобы министерства иностранных дел и финансов обратили «особое внимание на эту статью».

Далее В. А. Перовский на конкретном материале доказывал невыгодность среднеазиатской торговли для отечественных предпринимателей. Он приводил сведения о заграничном товарообмене, проходившем через таможенные Оренбургской линии. Внешне цифры выглядели благополучно. В 1853 г. было привезено товаров на 1 109 309 руб. серебром, отпущено — на 1 325 356 руб., в 1854 г. — соответственно на 1 431 476 и 1 215 076 руб., в 1855 г. — на 1 348 669 и 1 474 510 руб., в 1856 г. — на 1 301 999 и 1 526 876 руб. Большой разницы между вво-

⁴ Там же, лл. 10—11.

зом и вывозом не отмечалось. Но в этих цифрах, считал Перовский, следовало разобраться. Стоимость «отпуска» включала монеты (в золоте) и товары «в нашу Киргизскую степь»; поскольку же туда шло более трети всего экспорта, а монеты за четыре года было вывезено свыше чем на 600 тыс. руб. серебром, то генерал-губернатор и констатировал невыгодность торговли с ханствами.

Мало того что привоз в Россию фабрично-заводских изделий вдвое превышал вывоз, эта разница покрывалась золотом. Азиатские купцы получали и все барыши такой торговли, ибо в их руках была сосредоточена «закупка азиатских произведений для России и русских для Азии. Первое произошло вследствие невозможности для русских купцов торговать в среднеазиатских владениях, где взывают с них двойную и четвертную пошлину в сравнении с магометанами. Последнее имеет источником дозволение, данное среднеазиатским торговцам, ездить для закупки товаров внутрь России, на Нижегородскую и Ирбитскую ярмарки».

Перовский практически доносил царю на дипломатическое ведомство, заявляя, что еще в сентябре 1856 г. он информировал его о невыгодном для России положении вещей и указывал на средства изменения ситуации⁵. Естественно, Александр II откликнулся «высочайшей» пометой: «Что по этому решено?»

Оправдываясь, министерство иностранных дел 11 ноября 1857 г. сообщало комитету министров, что «имело предложение» Перовского «в виду». По вопросу же об уравнивании пошлин вести переговоры с прибывшими в Петербург представителями Бухары и Хивы (мы к этому еще вернемся) нет смысла, ибо они не аккредитованы надлежащим образом. В связи с этим ведется подготовка к отправке в Хиву и Бухару агента Российской империи. Ему и будет поручено обсудить проблему.

Что касается запрещения предпринимателям из ханства торговать внутри России, то министерство разошлось во мнениях с оренбургским и самарским генерал-губернатором, считая, что эта мера может привести к разрыву с государствами Средней Азии⁶.

⁵ Там же, лл. 14—15. Извлечение из «всеподданнейшего» отчета В. А. Перовского. Судя по близкому совпадению записки В. В. Григорьева и этого документа, не исключено, что эту его часть подготовил именно Григорьев.

⁶ Там же, лл. 16—17.

Внешнеполитическое ведомство явно не учитывало внутривнутриполитической и внутриэкономической обстановки. Развивавшаяся промышленность настойчиво требовала расширения рынков сбыта. И если эту потребность можно было в какой-то степени удовлетворить за счет южных соседей, царские правящие круги готовы были идти на риск ухудшения и даже разрыва отношений со среднеазиатскими ханствами, тем более что это не угрожало крупными неприятностями Российской империи. Именно так решил комитет министров, обсуждая 19 ноября и 3 декабря 1857 г. расхождения во взглядах между оренбургским наместником и министерством иностранных дел. Он принял сторону В. А. Перовского⁷.

Это было явным свидетельством того, что в отношениях России с Бухарой, Хивой и Кокандом наступает новый период и царское правительство намерено активизировать действия в Средней Азии. Вскоре появились и другие признаки этого.

Но вернемся к ханским посланцам. Они уже прибыли в Петербург, где их принимал новый министр иностранных дел — А. М. Горчаков, сменивший в 1856 г. К. В. Нессельроде. В дальнейшем Горчаков справедливо приобрел славу одного из крупнейших дипломатов XIX в. Но его внимание было направлено главным образом на Запад. Погруженный в большую европейскую политику, он в основном доверил «восточное направление» (за исключением Ближнего Востока и проблемы проливов, продолжавшей иметь для России жизненно важное значение) Азиатскому департаменту.

Во главе этого учреждения также появилось новое лицо — Егор Петрович Ковалевский, горный инженер, путешественник, дипломат, писатель, многогранная личность которого еще не нашла всестороннего освещения в литературе⁸. Человек прогрессивных для своего времени взглядов, инициативный и здравомыслящий, практически знакомый со странами Азии, Е. П. Ковалевский несомненно, внес свежую струю в деятельность руководимого им департамента. Он поддерживал тенденции ак-

⁷ Там же, л. 19. Выписка из журналов Комитета министров.

⁸ См. о нем: Б. А. Вальская, Путешествия Егора Петровича Ковалевского, М., 1956; Владимир Синенко, Горный капитан. Исторический роман, М., 1958; его же, Страна Офир. М., 1960 и др.

тивизации политики Российской империи на Востоке, что было особенно важно в международной обстановке, сложившейся после Крымской войны.

Этот период авторитетные современники характеризовали как «эпоху возрождения» России после неудачной войны. «Русское общество стремилось к оживлению наших торговых сношений с Передней Азией и очень заботилось о распространении с этой стороны сферы нашего влияния... о распространении наших географических сведений, а также об оживлении наших торговых сношений и со стороны Каспийского бассейна»⁹.

В правительственных кругах зрело намерение направить в среднеазиатские ханства посольство для укрепления там позиций Российской империи, и прибывшие из Хивы и Бухары миссии создавали для этого удачные предпосылки.

В начале июля 1857 г. сменивший В. А. Перовского А. А. Катенин получил сведения о том, что в Оренбурге ожидается хивинский посланец с протокольными поздравлениями, о чем губернатор и поторопился сообщить министерству иностранных дел. А. М. Горчаков предложил допустить дипломата в Петербург для «восстановления дружественных связей с неприязненной к нам доселе Хивою и для переговоров о торговле с означенным ханством»¹⁰. Это мнение министра было одобрено царем.

20 июля представитель хана шейх уль-ислам Фазыл-ходжа Ислам Ходжин уже въезжал на оренбургские улицы. В его дипломатическом багаже было несколько писем — царю, министру иностранных дел, директору Азиатского департамента, оренбургскому и самарскому генерал-губернатору. Их содержание не отличалось большим разнообразием: хивинские власти настаивали на признании Сырдарьи границей между двумя государствами.

Принимавший Фазылходжу Ислама Ходжина Катенин считал, однако, что проблема границы далеко не исчерпывает спорных вопросов в русско-хивинских отно-

⁹ П. П. Семенов, История полувековой деятельности имп. Русского Географического общества. 1845—1895, ч. I, СПб., 1896, стр. 307.

¹⁰ АВПР, СПб. Главный архив, 1—6, 1857—1, л. 9. «Всеподданнейшая» записка А. М. Горчакова, утвержденная 18 июля 1857 г.

шениях. Ханские правители, например, посылают «в степь» вооруженные отряды для сбора налогов с казахских племен, которые давно приняли русское подданство (в частности, чумекеевцы и адаевцы). В Хиве дают убежище мятежникам, которые «волнуют степь»; не без их участия вспыхивают раздоры между отдельными родами, племенами и даже народами (столкновения туркмен с казахами — адаевцами и чумичлытабынцами). В Хиве продолжают взимать с российских торговцев двойную пошлину, по сравнению с мусульманскими купцами, в результате чего первые вообще перестали ездить в ханство...¹¹.

В сентябре 1857 г. Фазылходжа Ислам Ходжин с советником Ишбаем и секретарем Камал-ходжой прибыли в столицу Российской империи. Определяя позицию для переговоров с послом, министерство иностранных дел отметило целесообразность снаряжения миссии в Хиву, особенно если об этом будут просить хивинцы.

Нужно поэтому «внушить» Фазылходже Исламу Ходжину: 1. Чтобы хан принял отправляемого к нему дипломатического агента с должным уважением и «обратил свое внимание на основательные требования, которые будут ему предложены»; 2. Чтобы местные власти не организовывали набегов на русскоподданных казахов, туркмен и каракалпаков; 3. Чтобы подданным Российской империи гарантировали в Хиве безопасность и они «не платили за свои товары двойной пошлины»¹².

Эти исходные позиции мало отличались от тех, какие служили основой в переговорах или в переписке дипломатического ведомства России с хивинскими правящими кругами в течение десяти, двадцати, тридцати лет до того. Одобренные царем, они нашли отражение также в грамоте хану¹³ и в других документах, которые среднеазиатский посланец 17 декабря 1857 г. повез с собой, покинув Петербург. Но главным в этих материалах было сообщение о намеченном выезде в ханство царской дипломатической миссии.

¹¹ Там же, лл. 13—16. Оренбургский и самарский генерал-губернатор А. А. Катенин — министру иностранных дел А. М. Горчакову от 1 сентября 1857 г.

¹² Там же, л. 89. Записка Министерства иностранных дел о хивинском посольстве (октябрь 1857 г.).

¹³ Там же, л. 150.

Внешнеполитические предпосылки посольства полковника Н. П. Игнатьева в Хиву и Бухару, практически завершившего сношения Российской империи с этими ханствами в период их самостоятельности, были связаны также с прибытием в Петербург представителей эмира Насруллы.

В ноябре 1857 г. в столице империи уже находилась бухарская миссия во главе с мирахуром Мулладжаном Ашурджановым, которого сопровождал его сын караулбеги Абдул Кадыр-бек, советник Ширин-ходжа и секретарь Мир Ахмед-мирза. Последний был наиболее выдающимся среди участников этого посольства. Мир Ахмед-мирза (Ахмади-Калла, «Ахмед-головатый»), впоследствии известный всей Средней Азии ученый-просветитель Ахмад Дониш, был яростным обличителем процветавшего в Бухаре средневекового невежества, самодурства и темноты, решительным сторонником использования среднеазиатскими народами достижений русской культуры и науки. В рассматриваемое время он был членом нескольких бухарских посольств в Петербург.

Но главную роль тогда играл, конечно, не скромный секретарь, а мирахур. Мулладжан Ашурджанов прибыл, чтобы, как полагалось, «выразить горесть» по поводу смерти одного царя и «радость» в связи с восшествием на престол другого. Кроме протокольных поручений он имел и деловое: ходатайствовать о присылке в ханство представителей Российской империи.

Это пожелание вполне совпадало с намерениями царского правительства. Во «всеподданнейшем» докладе министерства иностранных дел по этому поводу оказалась вычеркнутая впоследствии фраза, свидетельствующая, что решение об отправке в Бухару русского агента уже было принято. Вместо нее дипломатическое ведомство дало развернутые «виды» по этому вопросу. Мирахуру следовало «внушить»: 1) чтобы эмир принял агента «с должным уважением» и с вниманием отнесся к «основательным требованиям», с которыми тот приедет; 2) чтобы российские подданные пользовались в Бухаре полной безопасностью и не платили двойной пошлины за свой товар; 3) чтобы бухарцы «не держали у себя русских пленных и беглых»¹⁴.

¹⁴ Там же, л. 67. «Всеподданнейшая» записка от 26 ноября 1857 г.

Эти предложения были утверждены Александром II и легли в основу переговоров, которые велись с придворными эмира Насруллы, и документов, какие были вручены им при отъезде. В царской грамоте повелителю Бухары, в ответном письме министра иностранных дел местному визирию после обычных пожеланий «крепить дружбу» подчеркивалась необходимость (в который раз!) покровительствовать российским подданным — торговцам и вернуть пленных. Но наиболее важным в этих документах было известие о скорой отправке в Среднюю Азию царского посланца «для лучших переговоров»¹⁵. С этой вестью Мулладжан Ашурджанов со свитой в январе 1858 г., оставив северную столицу, поспешил домой.

Поездка Н. П. Игнатъева уже рассматривалась более или менее подробно¹⁶, но для связности изложения на ней необходимо вкратце остановиться. О значении, какое придавалось снаряжавшейся миссии, свидетельствует обстоятельство, что во главе был поставлен знатный офицер с придворным званием флигель-адъютанта. До этого Игнатъев был военным агентом (военным атташе) посольства Российской империи в Лондоне. Он внимательно следил за активной деятельностью Англии на Востоке и был сторонником политики энергичного противодействия сопернику России в Азии.

В сентябре 1857 г. Н. П. Игнатъев писал А. М. Горчакову, что эта часть света — «единственное поприще, оставленное для нашей торговой деятельности и развития нашей промышленности, слишком слабо, чтобы войти в успешное состязание с Англией, Францией, Бельгией, Америкой и другими государствами»¹⁷. Он рекомендовал изучать Среднюю Азию, укреплять связи с местными ханствами, находя полезным уменьшение английского влияния в этом регионе и организацию плавания русских судов вверх по Амударье.

В начале 1858 г. царское правительство приняло окончательное решение об отправке посольства. Игнатъев получил инструкцию Министерства иностранных дел от 12/18 апреля. Она предусматривала ознакомление с

обстановкой в Хиве и Бухаре, укрепление влияния России в ханствах и улучшение условий ее торговли. Особый пункт намечал «уничтожение вредного вмешательства англичан, которые стараются проникнуть в Среднюю Азию и привлечь ее на свою сторону». Это свидетельствовало, что Петербург придавал очень серьезное значение угрозе со стороны Англии в важном для себя районе.

Игнатъеву предстояло добиться установления русско-хивинских и русско-бухарских дружественных отношений. Одним из их проявлений должно было быть разрешение ханских властей на свободное плавание торговых судов России по Амударье. Если бы этого удалось добиться, посланцу разрешалось не настаивать на сокращении пошлины с русских товаров с 10 до 5%.

В Хиве посол должен был добиться обязательства не возбуждать казахов, туркмен и каракалпаков против России и не призывать «к взаимной вражде друг с другом»; от Бухары ожидалось освобождение русских невольников.

При успехе переговоров главе миссии поручалось гарантировать среднеазиатским ханствам защиту со стороны Российской империи «от вредного вмешательства других государств». Кто имелся в виду? Неясности не было: Игнатъеву предлагалось «внушить» правителям Бухары и Хивы «справедливые опасения насчет образа правления Англии в Азии», растолковать «как мало следует иметь доверия к словам и обещаниям державы, которая под всеми предлогами ищет случая проникать в страны для того только, чтобы обращать их в колонии и извлекать из них одну пользу для себя»; примером здесь служила Индия, «системой Англии доведенная до самого жалкого состояния».

В задачи посланца и его сотрудников входило ознакомление с приемами и состоянием британской торговли в ханствах, а также изыскание средств для удержания за Россией «необходимо — нужного для нас первенства на среднеазиатских рынках».

В свою очередь, царские власти готовы были разрешить бухарским купцам торговать на всех ярмарках и в городах империи, предоставив им постоянные места на Нижегородской Макарьевской ярмарке, а также позволить женившимся в России хивинцам вывозить домой свои семьи. При положительном результате переговоров

¹⁵ Там же, лл. 106—108.

¹⁶ Н. А. Халфин, Три русские миссии, Ташкент, 1956; его же, Политика России в Средней Азии, М., 1960.

¹⁷ ЦГА УзССР, И—715, д. 19, док. 63.

правители ханств и Игнатъев должны были подписать «обязательные акты», а население Бухары и Хивы — оповестить «особыми фирманами».

18 апреля 1858 г. особый комитет обсуждал план действий Аральской флотилии, обязав ее начальника капитан-лейтенанта Бутакова всемерно содействовать успеху миссии¹⁸. В ее состав наряду с Игнатъевым вошли: Е. Я. Килевейн (секретарь), дипломатический чиновник при оренбургском и самарском генерал-губернаторе М. Н. Галкин, офицеры генерального штаба капитан Салацкий и штабс-капитан Н. Г. Залесов, корпуса топографов капитан Яковлев и подпоручик Зеленин, лейтенант флота А. Ф. Можайский (обессмертивший впоследствии свое имя трудами по созданию самолета), астроном К. В. Струве, представитель Академии наук востоковед П. И. Лерх и др.

После затянувшихся сборов, 15 мая 1858 г., посольство, численность которого вместе с конвоем и другим персоналом составляла около 190 человек, через Эмбенское укрепление вдоль западного берега Аральского моря направилось в Хиву. Обстановка в Средней Азии была очень сложной. В Хивинском ханстве обострилась борьба между узбекской и туркменской феодальными верхушками за землю и воду, за политическое господство. Путь миссии лежал через города Куня-Ургенч и Ходжейли, но их блокировали туркменские отряды хана Ата-Мурада, который просил Катенина принять его в русское подданство.

Чтобы не компрометировать себя в глазах правителя Хивы Сеида Мухаммеда, Игнатъев изменил маршрут и двинулся через Кунград. Формировавшуюся у него точку зрения об отношении к ханствам четко характеризует письмо Игнатъева Ковалевскому по дороге в Хиву: «Так как вообще обещания наши взамен требуемых ныне от правителей Хивы и Бухары будут в сущности ничтожны и преимущественно должны заключаться в громких, но пустых фразах, то не лучше ли для убеждения ханов в необходимости принять и подписать предлагаемые им акты, угрожать им в случае отказа отнять существующие доселе для азиатцев торговые льготы, выразив при этом, что мы без азиатских товаров обойтись можем».

¹⁸ Там же, док. 69. Журнал особого комитета.

Руководитель посольства был не очень логичен. Россия в целом могла обойтись без привозимых из ханства товаров (хотя они представляли несомненный интерес для пограничных губерний, а в дальнейшем наступило время, когда среднеазиатский хлопок приобрел первостепенное значение для отечественной промышленности). Но суть для российской промышленности заключалась именно в рынках Средней Азии. И никто иной, как сам Игнатъев подчеркивал это.

Далее в своем письме он считал целесообразным вмешательство России в бухаро-кокандскую борьбу (это запрещалось инструкцией) на стороне эмира, чтобы «воспользоваться сим случаем» и «связать Сыр-Дарьинскую линию с Сибирской, заняв Туркестан и Ташкент. Тем более, что Коканд явно враждебно относится к России». Игнатъев предлагал также обещать Хиве материальные выгоды, чтобы обеспечить русским судам возможность плавать по Амударье (к примеру, торговые караваны в Бухару будут идти через Хиву и она получит 2% пошлины с товаров)¹⁹.

В ответном письме Горчаков разрешил Игнатъеву, если понадобится, намекнуть на возможность отмены льгот для среднеазиатских купцов, но не советовал «прибегать к явной угрозе, которой мы не могли бы исполнить без вреда для нашей торговли (лишнее свидетельство немалой заинтересованности в экономических связях с ханствами! — Н. Х.) и которая, при недействительности оной, поставила бы нас в затруднительное положение».

Министерство иностранных дел полностью отклонило идею русско-бухарского союза против Коканда, заявляя, что правительство не желает расширения своих азиатских владений «вооруженной рукой» и не считает эмира надежным союзником. Вопрос о поощрении Хивы пошлиной с русских товаров передавался на рассмотрение министерства финансов²⁰.

28 июня миссия прибыла в Кунград. Появились политические и технические трудности. До Сеида Мухаммеда дошли слухи, что Катенин переписывается с «мятежными» туркменскими вождями. Это усилило подо-

¹⁹ Н. Г. Залесов, Посольство в Хиву и Бухару полковника Игнатъева в 1858 г., — «Русский вестник» 1871, № 1—2, стр. 457—460.

²⁰ Там же, стр. 460—461.

зрительность ханских властей. Суда Бутакова приплыли к устью Амударьи, когда все ее рукава обмелели. Примеры и поиски глубокого русла, сопровождавшиеся пушечной пальбой, еще более насторожили хивинцев; они категорически отказались пропустить в реку Аральскую флотилию. Мысль о плавании вверх по Амударье до Чарджуя и Балха пришлось отложить.

Н. П. Игнатьев и его спутники добрались до столицы ханства 18 июля 1858 г., а через 10 дней он вручил хану свои документы. В условиях господствовавших в Хиве феодальных смут и неурядиц, классовой и межнациональной борьбы Сеид Мухаммед проявлял нерешительность в переговорах и нежелание идти на какие-либо уступки, даже внешние. «Стесненный, с одной стороны, туркменами, зная намерение киргиз (казахов. — Н. Х.) перейти в русское подданство, находясь под сильным влиянием бухарского эмира, которого он боится несравненно более нас, опасаясь между тем нашего соседства и встревоженный нашими действиями в степи, — Сеид Мухаммед видит в каждой уступке в пользу русских конечную свою гибель и ущерб собственному достоинству»²¹, — писал Игнатьев Ковалевскому 20 августа 1858 г.

Смыслом переговоров был «обязательный акт». Он провозглашал дружбу между Россией и Хивой, отказ ханских властей от содействия ограблениям русскоподданных и обеспечение их личной и имущественной безопасности, допуск русских судов в Амударью и торгового агента России в Хиву, установление пошлины с российских товаров в размере 2,5% их стоимости. Россия предавала забвению прежние конфликты, отказывалась от возмещения убытков, понесенных в прошлом ее предпринимателями, предоставляла купцам из Хивы права и привилегии, какими пользовались торговцы других стран Азии, допускала в Оренбург хивинского торгового агента, шла на выплату 2,5% пошлин с провозимых по Амударье транзитом грузов и 5% — с товаров, выгруженных с судов в ханстве²².

Сеид Мухаммед принимал все условия, кроме пропуска судов в Амударью. Этому особенно противились местные купцы, опасавшиеся, что торговля «уплывет» в руки российских предпринимателей. Беседы осложня-

²¹ ЦГА УзССР, И—715, д. 20, док. 159.

²² Н. Г. Залесов, Посольство в Хиву и Бухару..., — «Русский вестник», 1871, № 3—4, стр. 44—46.

лись провокационными слухами о продвижении к ханству царских войск, о «подводных кораблях» А. И. Бутакова и т. п. Н. П. Игнатьев все более убеждался, что «на трактаты полагаться нечего», необходимо «физическое воздействие» на Хиву: «рано или поздно придется занять устье Аму-Дарьи и построить там укрепление для облегчения плавания наших судов»²³.

Близившиеся к успеху переговоры сорвал побег пленного перса на одно из судов Бутакова в Кунграде. Моряк отказался его выдать, заплатив выкупные владельцу раба. Срочно созванный ханский совет запретил допуск русских кораблей в Амударью как содержащий угрозу для Хивы, и подчеркнул, по выражению Игнатьева, что «увоз безнаказанно пленных разорит окончательно Хиву...». Глава миссии тоже отклонил требование вернуть бежавшего. Вслед за этим, 25 августа, Игнатьев получил ответные подарки хана царю, что было прямым намеком на необходимость отъезда. Сложившиеся взаимоотношения вполне устраивали правящие круги Хивы. Они не были заинтересованы в их изменении, а тем более в фиксации каких-либо нежелательных изменений. Игнатьев пришел к твердому выводу: руководители ханства не знакомы с международным правом, с принципом соблюдения договоров; заставить их соблюдать соглашения может лишь военная сила.

«Если бы гоняться за заключением трактатов, большей частью ни к чему не ведущих, — писал он Катенину, — подобно тому как договор, заключенный Данилевским в 1841 г., но никогда не соблюдавшийся, то можно было бы и теперь заключить договор, приняв в соображение, что нынешние уступки хивинцев несравненно важнее тех, коими мы до сих пор довольствовались». Он, Игнатьев, решил прекратить переговоры, «ибо хан не принял предложения о свободном плавании судов России по Амударье, тем более, что и принятые соглашения не принесут пользы...»²⁴.

Покинув Хиву, посольство Н. П. Игнатьева в течение месяца двигалось по правобережью Амударьи и в конце сентября 1858 г. оказалось в Бухаре. Эмир Насрулла по своему обыкновению находился в очередном походе против Коканда. Переговоры начались с токса-

²³ Там же, стр. 47.

²⁴ Там же, стр. 52.

бой (государственный казначей) Мирзой Азизом. Глава миссии выдвинул шесть требований: сокращение вдвое таможенных пошлин с русских товаров; справедливая оценка товаров и ограждение российских купцов от произвола чиновников; допуск в ханство «временного торгового агента» России; выделение караван-сарая и разрешение русским предпринимателям поездок по Бухаре; санкционирование плавания судов России по Амударье для перевозки товаров; освобождение русских невольников²⁵. Этот перечень лишний раз свидетельствует о первостепенном внимании царских властей к торговым связям с ханством.

Но в функции посольства входило и противодействие британскому проникновению в Среднюю Азию. Игнатьев выяснил, что незадолго до прибытия миссии в Бухаре находились под видом индийских и афганских купцов пятеро англичан²⁶. Еще в Хиве его уверяли, что в Коканд приехали британские офицеры для обучения артиллеристов и пехоты, строительства укреплений и организации доставки оружия из Индии, что англичане стремятся заключить военный союз с Хивинским и Кокандским ханствами²⁷. Ранее Игнатьев сомневался в истине этих утверждений, полагая, что они придуманы для укрепления позиции Хивы на переговорах. В Бухаре, однако, сведения подтвердились. И британская политика на Востоке заняла важное место в беседах Игнатьева с Мирзой Азизом. Посланец рассказал об интригах Англии в Коканде, ее агрессивных войнах против Ирана и Китая, массовом восстании в Индии против английского господства («сипайское восстание» 1857—1859 гг.)²⁸, которое, как заметил Игнатьев, вызывало в Бухаре чрезвычайную симпатию²⁹.

Война с Кокандом не принесла Насрулле крупных успехов. Ему не удалось овладеть Ходжентом, запиравшим доступ в Ферганскую долину. К тому же эмир был обеспокоен слухом о союзе, якобы заключенном Россией с ташкентским беком³⁰. 11 октября он вернулся в сто-

²⁵ Н. П. Игнатьев, Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г., СПб., 1897, стр. 213—214.

²⁶ ЦГА УзССР, И—715, д. 20, док. 195.

²⁷ Н. П. Игнатьев, Миссия в Хиву и Бухару..., стр. 211—212.

²⁸ ЦГА УзССР, И—715, д. 20, док. 243.

²⁹ Н. П. Игнатьев, Миссия в Хиву и Бухару..., стр. 249.

³⁰ ЦГА УзССР, И—715, д. 20, док. 195.

лицу, стремясь помешать русско-кокандскому сближению. Это облегчило царскому послу переговоры. Игнатьев сразу был принят Насруллой и вскоре, 16 октября, получил его письменное согласие на все требования³¹.

Больше того. Эмир сообщил, что готов содействовать России в преодолении наложенного Хивой запрета на плавание русских судов по Амударье; он предложил даже «заблаговременно условиться» о разделе этого ханства между Бухарой и Российской империей (бухарские правители издавна старались при помощи северного соседа сокрушить среднеазиатских соперников). Не имея полномочий, Игнатьев уклонился от обсуждения этой темы, хотя сообщил в Петербург, что Россия могла бы занять устье Амударьи и Кунград, подчинив местных каракалпаков, казахов и туркмен и предоставив самое Хиву Бухаре³².

Используя благоприятную ситуацию, руководитель миссии отклонил просьбы бухарских купцов о предоставлении им новых льгот в Российской империи и даже умолчал о тех уступках, какие были предусмотрены инструкцией. Закрепляя достигнутый успех в вопросе о плавании судов России по Амударье, он добился распоряжения эмира, чтобы снаряжавшийся с ответным визитом посол Бухары возвратился домой через Аральское море и эту реку на царском пароходе.

Насрулла занял важную для Петербурга позицию по отношению к Англии: он заявил, что не намерен принимать ее послов и попросит эмира Афганистана Дост Мухаммед-хана не пропускать их в Бухару. Британские же агенты, которые находились в ханстве, по данным Игнатьева, не были приняты даже токсабой и ни с чем покинули Бухару³³.

31 октября 1858 г. русская миссия взяла направление на форт № 1 (ныне г. Казалинск) и в декабре достигла Оренбурга. Длительное пребывание в Хиве и Бухаре относительно многочисленного и разностороннего по составу посольства позволило гораздо глубже изучить положение в Средней Азии, политическую ситуацию и развитие экономики, ознакомиться с режимом феодального производства, вызывавшим резкое недовольство в различных слоях населения. Междоусобные раздоры в

³¹ Там же, док. 203.

³² ЦГА УзССР, И—715, д. 20, док. 240.

³³ Там же, док. 203.

ханствах, пагубно отражавшиеся на их производительных силах, непрерывные войны между ними, отсталость военного искусства и технической оснащенности убеждали членов миссии (в основном офицеров) в том, что среднеазиатские государства являются слабым противником.

С дипломатической точки зрения, царские власти лишний раз удостоверились, что отношение правителей ханств к договорам не дает гарантий их соблюдения. «Главнейший и существеннейший результат посылки нашего агента в Среднюю Азию в 1858 г., — писал Игнатъев, имея в виду себя, — заключается в том, что рассеялся туман, заслонявший ханства от глаз русского правительства, которое наконец, прозрело и узнало настоящую цену „дипломатических сношений“ с хивинскими ханами и Бухарой. Сведения, добытые нашей миссией, и добросовестное уничтожение прежнего „миража“ вызвали крутой поворот в характере наших сношений с этими коварными и вероломными соседями, способствовали установлению более правильного взгляда на значение и основу их власти, на действительную их силу и в особенности на то положение, которое мы должны и можем занимать в Средней Азии... а равно и те цели, которые мы должны преследовать для более верного и мощного ограждения наших существенных интересов»³⁴.

Как видно, Игнатъев не обольщался успехом переговоров с эмиром: принятие им условий договора сводилось на нет пренебрежительным отношением к принципу нерушимости соглашений. Но Игнатъев не учитывал, что Насрулла подозревал в «коварстве и вероломстве» и своего северного соседа и ссылался на это применительно к политике буржуазного или феодального государства не имело большого смысла.

Впрочем, не только глава миссии оценивал ситуацию таким образом. Н. Г. Залесов ссылался на письмо одного из членов посольства, который отмечал, что в Бухаре «на каждом шагу совершенное самообольщение, против которого никакая дипломатия ничего не сделает, а если и будут со стороны эмира какие-либо уступки, то только для вида... На днях люди генерал-губернатора Бухары, живущего во дворце, в чем-то провинились, их сейчас же перерезали, а у генерал-губернатора отобрали все

³⁴ Н. П. Игнатъев, Миссия в Хиву и Бухару..., стр. 274, 278.

имение и продали с аукциона, а самому дали 40 палок, посадили в тюрьму, и, вероятно, скоро снесут голову. Вот каковы тут суд и расправа. Как тут толковать о международных правах, о силе и могуществе России, о развитии торговли и пр. На первых порах здесь все нужно делать силой, а ее-то у нас и нет; на фразеях же далеко не уедешь...»³⁵.

Сам Залесов оценивал итоги поездки в Среднюю Азию почти в тех же выражениях, что и Н. П. Игнатъев³⁶. Все эти высказывания показательны в том смысле, что у многих политических и военных деятелей царизма формировалась точка зрения: пора переходить от дипломатии к прямому военному нажиму на ханства, к активным наступательным действиям для осуществления целей военно-феодалных и капиталистических кругов Российской империи³⁷.

Наряду с этим миссия Игнатъева подтвердила, что Британская империя проявляет к Средней Азии практический интерес и предпринимает конкретные шаги к утверждению там своего влияния. Этот важный вывод заставлял царские власти особенно настороженно следить за положением в ханствах и действиях в них английской агентуры.

В научном отношении участники посольства Н. П. Игнатъева оставили менее интересные сведения, чем члены предшествующих миссий. Вернее, их описания были более односторонними. То ли к этому времени «читающая публика» не испытывала потребностей в новых сведениях по истории и археологии ханств, о лингвистических особенностях их населения и т. п., то ли сами дипломаты не интересовались подобными темами, но их работы были посвящены преимущественно политической обстановке в Бухаре и Хиве и переговорам с их правителями.

Наиболее полно рассказали об этом Н. Г. Залесов и Н. П. Игнатъев. Первый писал, что называется, по горя-

³⁵ Н. Г. Залесов, Посольство в Хиву и Бухару..., «Русский вестник», 1871, № 3—4, стр. 56—57.

³⁶ Там же, стр. 61.

³⁷ Отнюдь не случайно, что в середине 60-х годов XIX в., когда началось решительное наступление царских войск в глубь Средней Азии, во главе Азиатского департамента Министерства иностранных дел находился бывший руководитель дипломатической миссии в Среднюю Азию Н. П. Игнатъев.

чим следам. Уже с пути следования он отправлял письма в «Военный сборник», описывая в них дорогу, по которой посольство добиралось в ханства, оказанный ему там прием и местную обстановку³⁸. В дальнейшем, в более спокойных условиях Н. Г. Залесов сделал попытку глубже осмыслить это дипломатическое мероприятие и высказал ряд ценных и существенных наблюдений по поводу русско-хивинских и русско-бухарских отношений в большой статье, являющейся интересным и важным источником для их изучения³⁹. Стоит отметить, что Залесов вообще стал одним из авторитетных историографов дипломатических сношений России с ханствами Средней Азии⁴⁰; из его обильно документированных трудов немало заимствовал дословно (без кавычек и неловкости) составитель единственного монографического описания этих сношений — С. В. Жуковский.

Обстоятельная книга, принадлежащая перу Н. П. Игнатъева, — «Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г.» вышла в свет спустя почти сорок лет после описываемых событий — в 1897 г. Автор, игравший видную роль в государственной жизни России вплоть до 80-х годов XIX в., стремится подчеркнуть свое значение в формировании восточной политики империи. Книга раскрывает его взгляды по этому поводу, оценку обстановки в Хиве и Бухаре, попытки добиться более энергичных, с точки зрения Игнатъева, действий министерства иностранных дел в Средней Азии.

Ценность этой публикации заключается в том, что она также насыщена документами, в том числе такими, которые раскрывают позиции ответственных ведомств и политических деятелей по важным вопросам среднеазиатской дипломатии.

Другие участники поездки — Г. Я. Килевейн⁴¹ и

³⁸ См.: «Военный сборник», 1858, № 8, 1859, № 1, 1860, № 4 и др.

³⁹ «Посольство в Хиву и Бухару полковника Игнатъева в 1858 г.», — «Русский вестник», 1871, №№ 2, 3.

⁴⁰ См. его: Посольство в Хиву капитана Никифорова в 1841 году («Военный сборник», 1861, № 11); Очерк дипломатических сношений России с Бухарой с 1836 по 1843 год («Военный сборник», 1862, № 9, 10), а также Записки Н. Г. Залесова («Русская старина», 1903, №№ 4—10) и др.

⁴¹ «Отрывок из путешествия в Хиву и некоторые подробности о ханстве во время правления Сеид Мохаммед-хана. 1856—1860», «Этнографический сборник», 1862, вып. 5.

А. Бутаков⁴² опубликовали небольшие по объему, но чрезвычайно любопытные по содержанию заметки. Как очевидцы событий, они рассказывают о напряженной обстановке в Хивинском ханстве, вызванной обострением классовой и межнациональной борьбы. Эти свидетельства вносят существенные штрихи в общую картину жизни ханства тех лет, помогая лучше понять причины его внутренней слабости, отражавшейся, разумеется, и во внешнеполитических акциях.

Бухарский вояж Н. П. Игнатъева имел продолжение. Одновременно с ним в Россию прибыл представитель эмира Насруллы токсаба Наджметдин-ходжа Мухаммадамин Ходжин. В конце января 1859 г. он посетил Петербург⁴³. В грамоте правителя Бухары подчеркивалось, что токсаба отправлен, чтобы укрепить дружеские отношения между обеими странами, «по которым бы купцы — наши и ваши — могли свободно торговать в том и другом государстве»⁴⁴.

В ходе переговоров царских дипломатов с Наджметдин-ходжей Мухаммадамином Ходжином выяснилось, что бухарские власти ходатайствуют о трех уступках: сокращении пошлин, разрешении купцам из Бухары, женившимся на русскоподданных, вывозить домой семьи, дозволении бухарцам торговать во всей России и проезжать через нее на богомолье в Мекку. Министерство иностранных дел соглашалось удовлетворить две последних просьбы⁴⁵. По поводу первой оно обратилось в министерство финансов и, ссылаясь на важные уступки, сделанные правительством ханства при заключении с Игнатъевым «новых условий», отмечало желательность аналогичного жеста в адрес Насруллы⁴⁶.

Правда, Азиатский департамент, занимая такую позицию, предлагал сократить пошлины «в виде опыта», в качестве временной меры, без широкого оповещения о ней — до тех пор, пока не удастся убедиться в том, что данные миссии Н. П. Игнатъева обещания осуществляются на деле. Финансовое ведомство еще раз внимательно

⁴² «Эпизод из современной истории Средней Азии». — «Отечественные записки», 1875, ноябрь.

⁴³ АВПР, СПб. Главный архив, I—6, 1858—1, л. 2.

⁴⁴ Там же, л. 109.

⁴⁵ Там же, л. 186. Записка А. М. Горчакова «О цели приезда бухарского посланца».

⁴⁶ Там же, л. 83. Отношение Министерства иностранных дел в Министерство финансов от 20 февраля 1859 г.

но ознакомилось с особенностями русско-бухарской торговли. Оно установило, что и при действующих пошлинах ввоз в Россию товаров из Бухары систематически растет и значительно превосходит вывоз русских товаров в ханство. Это приводит к серьезной утечке звонкой монеты.

Министр финансов Княжевич обосновывал высказываемое им мнение конкретными данными: бухарских товаров было завезено в 1855 г. на 953 тыс., в 1856 г. — на 1137 тыс., в 1857 г. — на 1367 тыс. руб., русских же вывезено в ханство соответственно на 411 тыс., 399 тыс. и 539 тыс. руб.; превышение ввоза над вывозом увеличивалось, составляя, таким образом, 542 тыс., 738 тыс. и 828 тыс. руб. «Исходя из этого, — заключил Княжевич, — нет особой надобности в облегчении у нас сбыта бухарских товаров путем снижения тарифа».

Если, однако, из политических соображений («по уважению льгот», предоставленных русской торговле в Бухаре) сбавить пошлины с отдельных товаров ханства, то целесообразно, чтобы это сокращение «согласовалось по крайней мере и с интересами отечественной промышленности, а не обращалось бы исключительно в пользу Бухарии». В этом аспекте министр выделял две важные статьи привоза: хлопчатую бумагу и шелк-сырец. По азиатскому тарифу они не облагались таможенной пошлиной, но с них взимался карантинный сбор — 23 коп. с пуда хлопчатой бумаги, 2 руб. 30 коп. с пуда шелка-сырца. Княжевич находил этот сбор слишком обременительным, ибо с подобных же товаров гораздо более высокого качества — американской хлопчатой бумаги и итальянского шелка-сырца — взимаются таможенные пошлины по общему тарифу: соответственно по 25 и по 40 коп. серебром с пуда.

Отмена карантинного сбора с этих товаров, доставляемых из Бухары, «облегчая сбыт на фабрики наши этих двух материалов, могла бы способствовать увеличению их привоза ко взаимной пользе обоих государств». Для облегчения вывоза товаров в ханство министр предлагал также отменить взимание с отечественных и бухарских купцов установленной однопроцентной пошлины с объявленной цены и карантинного сбора.

В дальнейшем при пересмотре азиатского тарифа намечалось заменить обложение привозимых товаров пошлиной с объявленной цены пошлиной с веса, а так-

же учесть просьбу эмира о сокращении обложения, но так, чтобы не причинить «вреда для внутренней производительной промышленности».

Осуществление намеченного даст возможность проверить «искренность» бухарских властей и избавит от необходимости осуществления «временных мер»⁴⁷.

Предложения финансистов поддержало дипломатическое ведомство. Указом от 20 марта 1859 г. бухарская хлопчатая бумага и шелк-сырец были освобождены от карантинного сбора, а вывозимые из Российской империи в Бухару товары — от отпусковой пошлины и карантинного сбора. Это было серьезным шагом в области стимулирования русско-бухарских экономических связей. Сам указ обосновывался стремлением принять полезные меры «к вящему распространению торговых сношений России с ханством»⁴⁸.

Царское правительство, таким образом, хотя и не без внимательного учета собственных интересов, пошло навстречу пожеланиям эмира Насруллы. Это было проявлением общей политической линии укрепления отношений с крупнейшим среднеазиатским государством. Такие стремления подчеркивались и в грамоте правителю ханства и в письме министра иностранных дел бухарскому визирю. А. М. Горчаков, в частности, выражал заинтересованность в развитии дружбы между Россией и Бухарией и удовлетворение приемом Н. П. Игнатьева. Кроме этих, во многом, естественно, дипломатических фраз его послание содержало и конкретные предложения. Нечего бояться хивинского сопротивления плаванию пароходов по Амударье, писал он, для перевоза товаров в Бухару и обратно.

Министр указывал, что по желанию эмира на большой Нижегородской ярмарке будут выстроены бухарским купцам лавки «наравне с купцами великих держав Европы и Азии». Будут рассмотрены и другие ходатайства Насруллы⁴⁹.

⁴⁷ Там же, лл. 88—91. Княжевич — Горчакову от 15 марта 1859 г.

⁴⁸ Там же, лл. 93—94. Эти меры способствовали развитию среднеазиатской торговли России. Ее экспорт по данным лишь Оренбургской таможни возрос за 1859 г. почти на 377 тыс. руб.

⁴⁹ Там же, лл. 101—104. Дипломатические документы от 21 марта 1859 г., врученные Наджетдин-ходже Мухаммадмину Ходжину.

Петербург возлагал большие надежды на то, что представитель эмира двинется в Бухару на пароходе, как было условлено при посещении ханства русскими дипломатами. Это позволило бы открыть водный путь вверх по Амударье. Такой расчет не оправдался. Прибыв в апреле 1858 г. в Оренбург на обратном пути домой, Наджметдин-ходжа Мухаммадамин Ходжин категорически отказался следовать от Аральска на пароходе, ссылаясь на отсутствие соответствующих указаний эмира Насруллы.

Обмен посольствами между Бухарой и Российской империей во второй половине 50-х годов XIX в. свидетельствовал, что между обоими государствами наладились дружественные экономические и политические отношения, в развитии которых чувствовалась взаимная заинтересованность. Так продолжалось до середины 60-х годов XIX в., когда соперничество из-за того, кто будет господствовать в Ташкентском оазисе, вызвало охлаждение, а затем и враждебность между ними. Но это уже тема другой работы.

Своеобразным заключительным аккордом, характеризующим отличительные черты русско-среднеазиатских отношений в рассматриваемый период, является предложенный генерал-лейтенантом С. А. Хрулевым проект Товарищества для торговли со Средней Азией. Как и некоторые другие планы, изложенные выше, он не был осуществлен, но связанная с ним переписка дает яркое представление о взглядах высших деятелей самодержавия на проблемы политических и экономических связей Российской империи с Бухарой, Хивой и Кокандом.

С. А. Хрулев — герой Крымской войны (обороны Севастополя), в дальнейшем проявил большой интерес к вопросам торгово-промышленного развития России, пытался участвовать в капиталистическом грондерстве, изучал возможности организации различных предприятий. 25 февраля 1859 г. он обратился с обширным письмом к оренбургскому и самарскому генерал-губернатору А. А. Катенину, в котором развивал свои взгляды на цели и методы среднеазиатской политики Российской империи.

Природные условия, по мнению генерал-лейтенанта, «как бы связывают» Россию с Востоком, открывая «широкий вход в него чрез Каспий и Арал». Без выстрела, одними дружественными торговыми сношениями Россия

может прочно укрепить связи со странами Средней Азии. Это сближение принесет неизмеримую материальную и «нравственную» пользу не только для России и Средней Азии, но и для Европы.

Российские изделия, не находящие сбыта в Европе, обретут множество рынков и будут обмениваться на естественные богатства Востока. Организация пароходного сообщения на Сырдарье и Амударье, а также соединение берегов Каспийского моря и Амударьи железной дорогой позволит России снабжать Запад товарами Востока. Эта самостоятельная деятельность укрепит значение и влияние Российской империи в Средней Азии, где она будет играть роль наставника и просветителя.

Но и Средняя Азия получит изрядную выгоду. Расширение и улучшение торгово-транспортных связей будет способствовать активизации ее населения. «Земледелие, скотоводство, шелководство, все отрасли местной промышленности воспрянут вновь и дадут племенам, коснеющим теперь в бедности и варварстве, средства улучшить свой быт обменом сырых произведений своих на фабрикаты опередившей их в развитии России».

Откроются новые перспективы и для Европы. Ее изделия потекут на Восток (С. А. Хрулев даже наметил маршрут: из Франции и Германии по железной дороге до Саратова, затем по Волге и Каспийскому морю к Балханскому заливу, оттуда снова по железной дороге, «которая пересечет Киргизскую степь, к реке Аму-Дарье»). Путь, на который уходит 100 дней, будет пройден за 20 дней. Эта безопасная дорога заинтересует не только государства континентальной Европы, но и Англию, которая предпочтет воспользоваться ею, чем рискованной отправкой товаров морем, через Африку.

В заключение Хрулев особо отмечал, что сближение народов России и Средней Азии «достигается единственно ежедневным сношением обоих племен, торговым и промышленным», а не при помощи «крепостей и гарнизонов»⁵⁰. Он предложил проект Устава Русского Товарищества для торговли с Средней Азией. Основное назначение этой организации сводилось к расширению там российских торговых связей. Главные конторы предполагалось разместить в Астрахани и Оренбурге. Кро-

⁵⁰ Там же, II—3, оп. 34, 1859—4, лл. 3—8.

ме них товарищество могло открывать в надлежащих местах торговые фактории во главе с комиссионерами, а внутри России — заводы и фабрики для выделки и обработки российских и среднеазиатских товаров.

В качестве важной опорной базы намечался восточный берег Каспия, где участники предприятия должны были пользоваться монопольным правом рыбной ловли, разработки нефти на о-ве Челекен и т. д. Генерал Хрулев намечал обширную программу. В нее входило создание опорной фактории в Балханском заливе, откуда товарищество собиралось провести железную дорогу к Амударье. Часть вод этой реки предполагалось отвести для орошения туркменских земель и «сближения с туркменами». В Зауральской степи Оренбургского края планировалось добывать каменный уголь, учреждать торговые фактории, вести рыболовство на Сырдарье и Аральском море, организовать там (а также на Амударье и Каспийском море) пароходное сообщение.

От правительства ожидалось получение таких льгот, какие были предоставлены Российско-Американской компании, а кроме того — ежегодный отпуск 150 тыс. пудов железа и 5 тыс. пудов меди с казенных заводов «по цене заготовления»⁵¹.

Проект торгового товарищества встретил живую поддержку оренбургского и самарского генерал-губернатора А. А. Катенина. 10 марта 1859 г. он обратился с двумя письмами в Министерство иностранных дел, информируя его о намерениях С. А. Хрулева и разработанном им уставе. Катенин просил начальника Азиатского департамента Е. П. Ковалевского о «благоклонном содействии» проекту, считая его полезным для Оренбургского края⁵². В другом письме генерал-губернатор также подчеркивал большое значение замыслов Хрулева «мирным путем сблизиться с среднеазиатскими владениями и упрочить наше в сих странах влияние посредством торговых сношений»⁵³.

В Европе в это время разворачивались важные события. Между Францией и Сардинским королевством, с одной стороны, и Австрией — с другой, резко обострились отношения, а в апреле 1859 г. вспыхнула война. Царское правительство было заинтересовано в сближе-

⁵¹ Там же, лл. 9—14.

⁵² Там же, л. 2.

⁵³ Там же, лл. 15—19.

нии с Францией, одним из своих главных противников в Крымской войне. Оно предприняло политическую демонстрацию против Австрии. По-видимому, в этой сложной обстановке дипломатическому ведомству было не до проекта С. А. Хрулева. Во всяком случае, на протяжении по крайней мере четырех месяцев в министерстве иностранных дел на него не реагировали.

Тогда последовало грозное напоминание. 1 июля 1859 г. брат Александра II генерал-адмирал Константин потребовал, чтобы Ковалевский информировал его, в каком положении находится «предположение генерал-лейтенанта Хрулева об учреждении Товарищества для торговли с Средней Азией»⁵⁴. Ответ поступил почти немедленно — через день. Министерство иностранных дел, гласил он, в основном поддерживает планы Хрулева. Оно будет лишь отстаивать права местных жителей «от исключительной монополии Компании, как, например, в деле разработки нефти, которая составляет единственный предмет для поддержания существования бедных туркмен»⁵⁵.

Более подробно позиция дипломатических кругов по отношению к проекту была раскрыта в письме министерству финансов, которое, в свою очередь, должно было откликнуться на отдельные положения устава товарищества. Министерство иностранных дел подчеркивало стремление правительства добиться расширения азиатской торговли, выражавшееся в отправке дипломатических агентов в ряд стран, в том числе в Бухару и Хиву. Но в Средней Азии «закоренелые предрассудки и соперничество рождают для нас препятствия, которые только время и постоянство могут победить». В сложившихся обстоятельствах предприимчивость частных лиц заслуживает всемерной поддержки, и предполагаемое товарищество имеет право на содействие и покровительство, тем более что политическая обстановка в Европе и экономическое положение России исключают какие-либо помыслы «о новых вооруженных предприятиях». Если частная компания без ущерба для политических отношений добьется учреждения торговых факторий и поселений в среднеазиатских ханствах, то, конечно, окажет важную услугу правительству. И снова внешнепо-

⁵⁴ Там же, л. 22.

⁵⁵ Там же, л. 23. Ковалевский — вел. кн. Константину Николаевичу от 3 июля 1859 г.

литическое ведомство оговаривалось, что монопольные права на рыболовство в туркменских водах или на разработку природных ресурсов о-ва Челекен не могут быть обеспечены для товарищества, а перспективы движения пароходов по среднеазиатским рекам не изучены⁵⁶.

Несмотря на столь положительную оценку замыслов С. А. Хрулева, они не получили практической реализации и остались лишь своего рода лакмусовой бумажкой для выявления принципов подхода правящих кругов Российской империи к некоторым проблемам, связанным с ханствами Средней Азии⁵⁷. Возможно, автору проекта не удалось собрать «начальный капитал» (он предполагался в изрядных размерах — 2 млн. руб. серебром и делился на 100 паев по 20 тыс. руб.). А возможно, рассмотрение этого плана затянулось, реформы же 60-х годов создали новую социально-экономическую ситуацию, при которой его осуществление уже не казалось столь интересным и выгодным для С. А. Хрулева и его единомышленников. В пореформенный период, когда «на смену крепостническому государству пришло государство капиталистическое»⁵⁸, среднеазиатская политика царизма претерпела значительные изменения.

⁵⁶ Там же, лл. 24—27. Отношение Министерства иностранных дел — Министерству финансов от 9 июля 1859 г.

⁵⁷ В 1863 г. С. А. Хрулев опубликовал Проект устава товарищества для торговли с Средней Азией, в первом же номере органа торгово-промышленных кругов: «Промышленность. Журнал мануфактур и торговли».

⁵⁸ В. И. Ленин, О государстве, — Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 78.

Заключение

Изученные автором и изложенные в лежащей перед читателем книге материалы характеризуют исторические связи среднеазиатских ханств с Россией, их место в ее внешней политике в первой половине XIX в. Они позволяют также судить об этапах и тенденциях восточной политики царского правительства и приводят к следующим кратким выводам.

Географическое положение, экономическое и политическое развитие обусловили то обстоятельство, что Бухара, Хива и Коканд не были первостепенными объектами интереса господствующих кругов России, и нет необходимости сравнивать интенсивность и размах ее дипломатических сношений с государствами Средней Азии и, скажем, с Францией или Англией. Но в системе торгово-политических отношений и международных связей царизма им тоже принадлежало определенное место.

Как и всякому государству, построенному на принципах классового угнетения и порабощения, царской России были присущи захватнические тенденции. Документы, однако, свидетельствуют, что в начале и почти на всем протяжении первой половины XIX в. российские власти не проявляли серьезных агрессивных намерений против среднеазиатских ханств: они ограничивались преимущественно расплывчатыми рассуждениями о том, что в Бухаре, Хиве, Коканде должно преобладать влияние России, но не предпринимали никаких серьезных мер для осуществления этого.

Исключением, казалось бы, являлся хивинский поход В. А. Перовского. Но это как раз «исключение» того типа, какое подтверждает, на наш взгляд, «правило». Поход провалился, и попытка утвердиться в Хиве была предпринята вновь лишь почти через 35 лет и в иных социально-политических условиях.

Довольно долгое время царские власти не выражали особой тревоги по поводу обстановки в Средней Азии,

полагая, что их позиции там основываются на определенной зависимости ханств от торговли с Россией. Положение начало стремительно изменяться после того как британский соперник почти вплотную подошел к среднеазиатским землям, а поток английских товаров стал нарушать уверенность Петербурга в незыблемости благоприятной для него ситуации.

Обстановка еще более обострилась, когда этот опасный и сильный конкурент попытался овладеть соседним с Бухарой и Кокандом Афганистаном и стал засылать в ханства своих военно-политических разведчиков. Именно после этого и двинулся Перовский на Хиву. Обнаружив серьезную угрозу, царское правительство стало более серьезно относиться и к оценке ситуации в Средней Азии. В сочетании с важнейшими социально-экономическими сдвигами в стране, где интенсивно формировались капиталистические отношения со всеми вытекающими отсюда последствиями, складывались предпосылки серьезного пересмотра отношений царизма к ханствам.

В первой же половине XIX в., как свидетельствуют приведенные нами документы руководящих учреждений и ведомств Российской империи, существеннейшим содержанием ее политических мероприятий было обеспечение интересов отечественной торговли. Именно это и стимулировало связи России с ханствами, что подтверждается еще документами XVIII в., гласившими: «Торговые выгоды государства не требуют, чтобы баланс чужестранной торговли при всех портах и со всеми народами был непременно в пользу России, но чтобы все части оной взаимно одна другую поддерживали, потому, что иногда терпя невыгоды при торге с одним народом, убыток сей вознаграждается превосходнейшим прибытком при торговле с другим».

Так писал 9 февраля 1798 г. председатель коммерц-коллегии. Словно предвидя в какой-то мере надуманные утверждения историков и экономистов другой эпохи, он продолжал: «Товары, которые можно получать из внутренности Азии дешевле нежели из Европы, должны быть всегда предпочтительны. В сем положении находится торг наш с Персиею, Хивою и Бухарию. Получаемые от них товары нужны не к роскоши, но к поддержанию наших фабрик, тем наиболее, что они привозятся необделанными; и если б и в самом деле было, чтоб число

наших собственных товаров было недостаточно на расплату за привозимые из сих земель, то не предвидится невыгод доплачивать недостающее количество золотом и серебром».

Чем более углубляешься в эту любопытную записку времен Павла I, тем более кажется, что автор составил ее как бы с учетом соображений некоторых потомков. Он допускает целесообразность вывоза драгоценных металлов при соответствующих обстоятельствах: «Поелику же золото и серебро входит к нам равномерно за превосходство отпуска наших товаров противу привоза, то запла-тя из него некоторую часть сими металлами за столь нужные для нас товары и по ценам несравненно дешевле, нежели получаем оные из Европы, убавляем чрез то привоз оных с сей стороны, оставляя превосходство в ценах в пользу нашу и получая в таковом случае за товары, на обмен европейцам отпускаемые уже наличными деньгами; ибо привозимых ими товаров для сего будет уже недостаточно...»¹.

Именно интересы развивавшейся российской промышленности и торговли, наряду с соображениями престижа и стремлением расширить границы своего влияния, а также противодействовать английской экспансии, лежали в основе политики Петербурга в Бухаре, Хиве и Коканде и составляли главное содержание его дипломатических сношений с ханствами Средней Азии в первой половине XIX в.

Следует еще добавить, что для нас, интересующихся прошлым всех народов социалистической отчизны, немаловажное значение имеет и тот факт, что участники посольств и миссий обогатили мировую науку ценными сведениями по истории, экономике и культуре среднеазиатских государств первой половины XIX в.

¹ Архив Государственного Совета, том второй. Совет в царствование имп. Павла I (1796—1801 гг.), СПб., 1888, стлб. 665—666.

Указатель имен¹

- Аббас Мирза — 213.
 Аббот Дж. — 273, 281—285.
 Абдул-Гази Мухаммед Рахим-хан см. Рахим-хан.
 Абдул Кадыр-бек — 369.
 Абдулкеримов Бекназар — 202—204.
 Абдул-Халик — 299.
 Аблазы — 72.
 Аблай — 13.
 Абулмамбет — 13.
 Абулхайр (Абуль-хайр) — 13, 44.
 Абуль-хайр см. Абулхайр.
 Антов (Мухаммед Шериф) — 286—288, 292, 314, 316, 317.
 Айчувак см. Айчувак-хан.
 Айчуваков Ширгази см. Айчувак-хан.
 Айчувак-хан (Айчувак, Айчуваков Ширгази) — 81, 146.
 Алейников С. — 223.
 Александр I — 20, 22, 28—31, 33, 35, 60—62, 70, 79, 80, 82, 94, 100, 107, 135, 138, 139, 142, 150, 159, 164, 166, 168, 181, 186, 190, 194, 202, 224.
 Александр II — 364, 365, 370, 387.
 Александр Николаевич — 36.
 Аллабердыев Ходжа Мехрем — 355—357.
 Алла-Кула см. Аллакули.
 Аллакули (Аллакули-хан, Алла-Кули) — 37, 196, 200, 201, 211, 212, 227, 254, 273, 275, 281—283, 285, 287—290, 293, 312—315, 317—322.

- Аллакули-хан см. Аллакули.
 Алим-хан — 12, 222.
 Амин Мухаммед (Бердыев Аваз, Сеид Мухаммед Амин, Мухаммед Амин-хан, Мухаммед-Амин) — 323, 324, 347—349, 354—357, 359, 360.
 Аминева см. Аминов Мир Алауддин Мир Мухаммед.
 Аминов Мир Алауддин Мир Мухаммед (Аминева, Мир Алауддин Мир Мухаммед) — 71, 82, 84, 206.
 Амуров см. Ашуров Абдулла Мулла.
 Андрюков — 72.
 Аполлова Н. Г. — 4.
 Аракчеев А. А. — 107, 108.
 Артюхов — 161.
 Арунгази см. Арунгазы.
 Арунгазы (Арунгази, Арунгазы Абдулгази) — 124, 143, 146, 149—153, 160, 202.
 Арунгазы Абдулгази см. Арунгазы.
 Аршеневский П. Я. — 68, 137.
 Атамбаев Рахимбай — 359.
 Ата-Мурат — 372.
 Атаняз Реис см. Атаняз Ходжа Реис.
 Атаняз Ходжа Реис (Атаняз Реис, Атаняз Ходжа Реис Муфтий) — 287—289, 312.
 Атаняз Ходжа Реис Муфтий см. Атаняз Ходжа Реис.
 Ахмад Дониш Мир Ахмед-мирза, Ахмади-Калла см. Ахмад Дониш.

- (Ахмади-Калла) — 369.
 Ахтямов — 90.
 Ашур Али Бахадур — 49, 50, 52.
 Ашурбеков см. Ашурбеков Курбанбек.
 Ашурбеков Курбанбек (Ашурбеков, Мирза Курбанбек) — 256, 257, 260.
 Ашурджанов Мулладжан — 369, 370.
 Ашуров Абдулла Мулла (Амуров) — 337, 338.

- Баба-бек — 206.
 Бабаев Ишбай — 319.
 Базинер Ф. И. — 321, 325.
 Байкишиев Иш-Мухаммед — 79—82, 84.
 Байкишиев Мирза Мухаммед Юсуф — 82, 83.
 Байкишиев Назарбай — 170.
 Байков Ф. И. — 54.
 Балтакули Чагатайбек см. Рахметбеков Балтакули Чагатайбек.
 Баранов И. Ф. — 326, 328—330.
 Бартенев П. — 129.
 Бартольд В. В. — 4, 5, 174, 311.
 Басаргин — 129.
 Батыршин — 359.
 Бахадур-Аталык — 134.
 Бахметев Н. Н. — 63, 79.
 Баязитов — 133.
 Безбородко А. А. — 49—51.
 Безносиков А. С. — 48, 49, 55.
 Бекмаханов Е. Б. — 4.
 Бекнияз — 357.
 Бекович-Черкасский А. — 18, 113.
 Бекчурин Мендияр — 142, 144.
 Бекчурин Мирсалим — 70, 71.
 Беневени Флорно — 24.
 Бенкендорф — 234.
 Бентинк У. — 220.
 Берг Ф. — 180, 207, 209, 210.
 Бердыев Аваз см. Амин Мухаммед.
 Бердыниязов Ваис Нияз — 211, 212.
 Бернс А. — 218—220, 246, 261.
 Берслем Р. — 273.

- Бибииков Д. — 183.
 Биктяшев — 71.
 Бларамберг И. Ф. — 229, 316, 343.
 Блудов Д. Н. — 253.
 Богданович — 72.
 Богословский — 295, 300, 309.
 Большой — 71—73.
 Брок П. — 364.
 Будберг А. Я. — 23.
 Букей — 48, 222.
 Бунаков Е. В. — 4, 46.
 Бунге А. — 310.
 Бурейтяукин — 357.
 Бурнашев Т. С. — 48—52, 55—60, 63.
 Бутаков А. И. — 372, 374, 375, 381.
 Бутенев А. П. — 332—334, 346, 352.
 Бутенев К. Ф. — 281, 289, 291, 294, 295—301, 309, 311, 312, 316.
 Быков Я. — 49.
 Вамбери А. — 8.
 Ванс Ниязбай Навин — 319.
 Ванс-Ниязов см. Ниязов Атаняз Ваисбай.
 Васильчиков — 89.
 Величко П. Е. — 28, 72, 87—91, 94, 95, 98, 118, 156.
 Вельяминов 124.
 Веригин М. — 27, 28, 207—209, 224.
 Веселовский Н. И. — 4, 17, 18, 130.
 Вильсон Г. — 205.
 Винский Г. С. — 118—120.
 Виткевич Я. В. — 236, 237, 244—248.
 Волков Д. В. — 119, 137.
 Волконский Г. С. — 24, 25, 85—88, 90, 91, 93, 94, 96, 98—100, 119, 123, 133, 135, 141, 152.
 Вольховский В. Д. — 161.
 Воронцов А. Р. — 80, 82.
 Воронцов-Дашков И. И. — 336.
 Вронченко Ф. П. — 279, 308, 326, 327, 329, 330.
 Вуд Дж. — 287.
 Взятминов С. К. — 107.

¹ Указатели имен и географических названий подготовлены М. Т. Кожекиной.

Гавердовский Я. П. — 26, 41, 61, 63, 64—79, 82, 85, 86.
Гагарин Г. П. — 88, 89.
Гагемейстер Ю. А. — 39.
Галкин М. Н. — 372.
Гарбер — 41.
Гасфорт Г. Х. — 343, 344.
Гафуров Б. Г. — 3.
Гельмерсен Г. — 310.
Генс Г. Ф. — 42, 182, 200, 242, 243, 303, 307.
Гернгрос А. Р. — 256, 263, 267, 268.
Глазенап Г. — 223.
Головкин Ю. А. — 53.
Голубков П. В. — 220.
Голляховский — 233, 234.
Горман — 139.
Горчаков А. М. — 23, 366, 367, 370, 373, 383.
Горчаков П. Д. — 334, 336—339.
Григорьев В. В. — 267, 321, 362, 363, 365.
Гумбольдт А. — 237.
Гурьев Д. А. — 28, 52, 100, 107, 123, 133, 136, 138, 152, 167, 223.
Гусейн-хан — 303.
Гынаков Худояр-бек Клыч Али-бий (Худояр) — 306, 307, 350.
Даль В. И. — 244, 248.
Дамулла см. Мулладжан Магзум-дамулла.
Данзас А. Л. — 244.
Данибегашвили см. Данибегов Рафаил.
Данилевский Г. И. — 312, 319—327, 346, 355, 356, 375.
Данибегов Рафаил (Данибегашвили) — 46.
Деев — 292, 293.
Демезон П. И. (Мирза-Джафар) — 236—239, 240, 244.
Джамгерчинов Б. Д. — 4.
Джангазы см. Ширгазиев Джангази.
Джангазиев Алла-Назар—357.
Джанзак — 72.
Джанназар — 72.
Дибич И. И. — 180, 193, 200, 204, 208.

Дост Мухаммед-хан — 248, 272, 277.
Дружинин Н. М. — 4, 113.
Екатерина II — 85.
Елизавета — 33.
Ермолов А. П. — 20, 21, 104, 122—129, 149—151.
Жерард — 218.
Жуковский С. В. — 4, 5, 380.
Задонский Н. И. — 131.
Залесов Н. Г. — 4, 5, 372, 378—380.
Звенигородский В. — 179, 180.
Зеленин — 372.
Зияев Х. — 4, 224.
Зубов В. А. — 19, 20, 85, 86.
Зубов П. С. — 326, 328, 329.
Иванни М. И. — 348, 349.
Иванов — 72.
Игнатъев Н. И. — 213, 215.
Игнатъев Н. П. — 4, 131, 324, 330, 369—381, 383.
Измаилов Ахун Фазиль см. Смайлов Ахун Фазиль.
Измаилов Ибраим см. Смайлов Ибраим.
Ильтузар — 148, 357.
Исмаилов Ахун Фазиль см. Смайлов Ахун Фазиль.
Ишан-Раис — 265, 266.
Ишбай — 368.
Иш-Назар — 130.
Ишнияз Мамет Ишниязов см. Маметниязов Ишнияз.
Кабулбай — 256.
Каип см. Каипов.
Каип Галий см. Каипов.
Каипов (Каипов Ширгази, Каип, Каип Галий) — 43, 135, 139, 143, 251, 253.
Каипов Ширгази см. Каипов.
Кайдалов А. С. — 72, 90, 190, 194, 195.
Кайдалов Е. — 190, 191, 196—198.

Кайдалов С. — 72, 90.
Кайданов Н. — 9.
Камал-ходжа — 368.
Каменский Г. — 342, 343.
Камран — 288.
Канкрин Е. Ф. — 154, 174, 180, 183, 186, 200, 204, 213, 217, 221, 253, 262, 294.
Каподистрия И. — 123.
Карелин Г. — 72, 90.
Касымов Илекей — 357.
Касымов Кенисары — 42, 43.
Касымов Саржан — 234, 235.
Касым-ходжа — 207.
Касымов Хаджи Миркурбан Мамет — 229, 230, 233.
Катенин А. А. — 367, 372, 373, 375, 384, 386.
Кёлер М. — 173.
Килевейн Е. Я. — 372, 380.
Кият-ага см. Кият-хан.
Кият-хан (Кият-ага) — 113, 125.
Клаузевиц К. — 78.
Ключарев — 341, 342.
Княжевнич — 382.
Ковалев П. Д. — 329.
Ковалевский Е. П. — 256, 262—269, 271, 272, 295, 296, 372, 374, 386, 387.
Козодавлев О. П. — 107.
Коновнищин П. П. — 107.
Конолли А. — 274, 278, 288, 298, 302, 307.
Константин Николаевич — 387.
Кочубей В. П. — 19, 20, 35, 63, 107, 123, 152.
Краттендер — 205.
Крестовников — 90.
Крижанич Ю. — 54.
Куманин — 90.
Куракин А. — 50, 82.
Кушалов Галибай — 102.
Кушелев — 58.
Лавров — 60, 223.
Лагарп — 30.
Ладыженский К. — 350—352, 357.
Лазарев — 133, 134.
Ламатов И. см. Смайлов Ибраим.
Ланской В. — 180, 204.
Лашкарев С. — 50, 80, 81.

Левшин А. И. — 39, 40, 43, 44.
Леман А. А. — 294, 300, 310.
Леман А. И. — 244.
Лемм Б. Ф. — 209.
Лерх П. И. — 372.
Лорд П. — 287.
Маасум см. Мулладжан Магзум-дамулла.
Мадали см. Мухаммед Али.
Мадатов С. — 46.
Макнотон — 285.
Мальцов — 36.
Маметниязов Ишнияз (Ишнияз Мамет Ишниязов) — 293, 315, 316.
Маркс К. — 218, 340.
Маслов — 234.
Масон Чарлз — 246.
Матвиевский П. Е. — 4, 45, 46.
Махмуд-хан — 334.
Мейендорф А. К. — 204, 213, 229, 326, 327, 330.
Мейендорф Е. К. — 161, 166, 167, 172—174.
Мечников — 167.
Миллер — 41, 58.
Минг Худояр-хан см. Худояр-хан.
Мир Алауддин Мир Мухаммед см. Аминов Мир Алауддин Мир Мухаммед.
Мир Ахмед-мирза см. Ахмад Дониш.
Мирза Азиз — 376.
Мирзаджанов Юлдашбай — 343, 344.
Мирза Джафар см. Демезон П. И.
Мир Иззетулла — 97.
Мирза Курбанбек см. Ашурбеков Курбанбек.
Мирза-Мухаммед-Юсуф — 155.
Мискинов Шукурулла-бай — 347—349, 355, 357—360.
Можайский А. Ф. — 372.
Молчанов — 182.
Мордвинов Н. С. — 19, 20, 104—108, 111, 116, 127, 128.
Мохан-Лаль — 218.
Мукимбаи см. Сеидов Кули Бей Мулла Мукимбаи Мухаммед.

Мукимбек Мулла — 26.
Мулладжан Магзум-дамулла (Маасум, Дамулла, Мулладжан Махсум) — 49, 50, 52, 60.
Мулладжан Махсум см. Мулладжан Магзум-дамулла.
Мулладжан Мирахур — 26.
Мулла Мухаммед-Амин см. Аминов Мир Алауддин Мир Мухаммед.
Муминджанов Азимджан — 94, 144, 155—159, 167.
Муравьев Н. Н. — 104, 105, 109, 110, 112—114, 116, 118, 120, 121, 124—126, 128—133, 143—145, 155, 160, 241.
Муравьев Никита — 131.
Мурад-бек — 206, 207.
Муратов И. — 110.
Муркрофт У. — 97, 204—207, 218, 219, 238.
Мусульманкул — 337—339.
Мухаммед — 50, 282.
Мухаммед Ага — 85.
Мухаммед Али (Сеид Мухаммед Али, Мадали) — 218, 227, 229, 230, 232—234, 334.
Мухаммед-Амин см. Амин Мухаммед.
Мухаммед-Амин-хан см. Амин Мухаммед.
Мухаммед Джан см. Сеидов Кули Бей Мулла Мукимбек Мухаммед.
Мухаммед Касым — 343.
Мухаммед Омар см. Омар-хан.
Мухаммед Пина-бек — 201.
Мухаммед Рахим-хан см. Рахим-хан.
Мухаммед Хаит — 79.
Мухаммед Хакимбаи — 238—240.
Мухаммед Халил Сахиб-заде — 334, 335.
Мухаммед-хан — 372—374.
Мухаммед-Шериф см. Антоф.
Мушкетов И. В. — 174, 310, 325.
Мэддок — 285.
Мяд-Шериф — 359.
Мятий Мухаммед см. Мятий Мухаммедгалиев.
Мятий Мухаммедгалиев (Мятий Мухаммед) — 227.

Наджметдин-ходжа Мухамма-дамин Ходжин — 381, 384.
Назаров Ф. — 58, 225—227, 231.
Наиб Абду-Саммад-хан — 301.
Наполеон — 31, 35, 90, 99, 100, 119.
Насрулла — 12, 214, 215, 260—262, 278, 280, 281, 287—289, 296, 297, 299—304, 306, 350—354, 363, 369, 370, 375—378, 381, 383, 384.
Небольсин П. И. — 340.
Негош П. — 263.
Негри А. Ф. — 146—149, 155, 159—163, 166—169, 171, 172, 174, 176, 180, 184, 201, 202, 209, 299.
Нейман К. Ф. — 272.
Нелединский-Мелецкий — 196.
Неплюев И. И. — 44.
Нерпин — 223.
Нессельроде К. В. — 18, 21, 23, 110—112, 116, 122, 123, 126, 127, 135, 139, 140, 142—145, 152—155, 159, 163, 164, 166—168, 170, 174, 176, 180, 181, 186—189, 193, 201, 202, 204, 212, 228, 229, 279, 283, 286, 287, 289, 293, 294, 299, 306—308, 312, 313—317, 320, 323, 324, 326—330, 332, 333, 336, 346—349, 352, 353, 355, 356, 366.
Нигматов Нияз Мухаммед — 336.
Низаметдин — 246.
Никифоров П. — 269, 289, 291—293, 298, 299, 312, 313, 315—321, 346.
Николай I — 22, 194, 202, 211, 212, 220, 229, 230, 241, 251—254, 257, 261, 262, 274, 276, 280, 286, 289, 292, 294, 302, 316, 323, 332, 335, 337, 339, 348, 349, 357—359.
Ниязмухаммедов Клыч Ниязбай — 347—349, 355.
Ниязов Атанияз Вансбай (Ваис-Ниязов) — 319, 355, 356.
Новосильцев Н. Н. — 35.
Нуралн — 44.
Нурмухамедов Джанходжа — 357.

Нур Мухаммед-парваначи — 338, 339.

Обрезков А. М. — 27.
Обручев В. А. — 306, 307, 322, 324, 346—350, 354, 355.
Оводов — 182, 211.
Окунь С. Б. — 30.
Омар I см. Омар-хан.
Омар-хан (Мухаммед Омар, Омар I) — 50, 223, 225, 227, 334.
Павел I — 29, 30, 49, 50, 83, 391.
Палмер — 205.
Пальмерстон Г. Д. Т. — 284.
Пандер Х. — 166, 167, 173.
Перовский В. А. — 22, 220, 221, 236—244, 247, 249—254, 258, 267—269, 272, 274—279, 281, 283, 285—289, 293, 299, 300, 301, 303, 306, 316—320, 322, 335, 339, 343, 344, 357—367, 389, 390.
Петлин И. — 54.
Петр Великий см. Петр I.
Петр I (Петр Великий) — 24, 64, 85, 112, 122, 125, 208.
Пичугин — 292, 293, 301, 326, 330, 341.
Плиний — 165.
Плоских В. М. — 4.
Политковский — 30.
Пономарев — 109, 110, 113, 122, 129.
Попов А. Л. — 4.
Попов Е. С. — 329.
Попович — 186.
Поспелов М. — 51, 52, 56—60, 63.
Потанин Н. И. — 230—232.
Предтеченский А. В. — 29.
Пушкин А. С. — 30.
Разумовский А. К. — 107.
Рамазан — 300.
Расторгуев — 133.
Рафаилов Мехти — 46.
Рахимкул — 312, 322—324, 347.

Рахим-хан (Мухаммед Рахим-хан, Сеид Мухаммед Рахим-хан, Абдул-Гази Мухаммед Рахим-хан) — 37, 113—115, 126, 128, 130, 133—135, 138—143, 146—149, 151, 152, 154, 160, 184, 193, 196, 200, 202, 227, 324.
Рахманберды — 357.
Рахметбеков Балтакули Чагатайбек (Балтакули Чагатайбек) — 26, 214, 215, 261, 262, 267.
Родофиникин К. К. — 18, 22, 123, 167, 168, 191, 194, 221, 229, 236, 239, 240, 243, 253, 335.
Рожкова М. К. — 4, 7, 8.
Ромодин В. А. — 226.
Росляков А. А. — 41, 42.
Ртищев — 110, 122.
Румянцев Н. П. — 19, 20, 23, 26, 27, 29—35, 52, 61—63, 65, 67, 68, 70, 75—77, 87, 88, 93, 94, 100, 108, 119, 137, 222, 223, 226.
Румянцев С. П. — 50.
Рычков П. И. — 59, 119, 137.

Савельев П. С. — 231.
Салацкий — 372.
Сальватори — 164.
Садр Гамальдар Турсунходжа Найзаходжин см. Турсунходжа Найзаходжин.
Сахиб заде см. Мухаммед Халил Сахиб-заде.
Свешников А. — 223.
Свешников И. — 223.
Севастьянов А. — 64.
Севергин — 64.
Сеид Мухаммед Али см. Мухаммед Али.
Сеид Мухаммед Амин см. Амин Мухаммед.
Сеидов Кули Бей Мулла Мукимбек Мухаммед (Мукимбай, Мухаммед Джан) — 279, 280, 294.
Сеид Мухаммед Рахим-хан см. Рахим-хан.
Семеке — 13.
Семенов А. А. — 3—5, 100, 155, 174.

Семенов-Тянь-Шанский П. П. — 231.
Сенковский О. И. — 173, 174.
Сенявин Л. Г. — 286, 287, 303, 354, 358.
Серебренников А. Г. — 208.
Симонич И. Ф. — 261.
Синха Н. К. — 206.
Смайлов Ахун Фазиль (Исмаилов Ахун Фазиль, Измаилов Ахун Фазиль) — 71.
Смайлов Ибраим (Смайлов Ибрай, Исмаилов Ибрай, Измаилов Ибраим, Ламатов И.) — 62, 65, 72.
Смайлов Ибрай см. Смайлов Ибраим.
Смеловский Т. — 64.
Смит Адам — 30.
Соколов Ю. А. — 4, 47.
Соловьев М. М. — 4.
Спасский Г. И. — 47, 53—59, 63, 78, 171, 189, 209.
Сперанский М. М. — 20, 21, 105, 150, 152, 180, 204.
Степанов — 245.
Стодарт Ч. — 274, 278, 281, 287, 298, 301, 302, 307.
Страбон — 165.
Страхов — 68.
Струве К. В. — 372.
Субханкулов Абдулнасыр — 96, 134, 139.
Суджа уль-Мульк см. Шуджа уль-Мульк.
Сухтелен П. К., фон — 63, 108, 214—216, 220.
Татишев В. Н. — 82.
Тафаев — 161.
Тахмас-кули-хан — 80.
Тевкелев А. И. — 119, 136.
Телятников Д. — 47, 53, 59.
Терентьев М. А. — 192, 246.
Тимковский — 36, 150.
Тимофеев — 161.
Титов — 36.
Тодд Арси, де — 273, 282, 284.
Томсон — 321.
Траверс И. И., де — 107.
Требек Д. — 205—207, 218, 219.
Тургенев А. М. — 118.
Турсунходжа Найзаходжин —

(Садр Гамальдар Турсунходжа Найзаходжин) — 229, 230, 233.
Тутолмин Т. И. — 96.

Усов П. С. — 91, 94, 98.
Утямышев — 133.

Фазылходжа Ислам Ходжин — 367, 368.
Фальк И. П. — 63.
Фелькерзам — 108, 117, 119, 137.
Фролов П. К. — 55, 56.
Фурман — 163.

Хайдар-хан — 65, 67, 79—84, 94, 99—101, 103, 155, 156, 158, 159, 165, 167, 169, 182, 187, 202—204, 214.
Хайрулла-бек — 353.
Хак Назар — 115.
Хамитов Валит — 61, 62, 65, 67, 69.
Ханыков Н. В. — 299—301, 303, 304, 310, 311, 325.
Ханыков Я. В. — 39, 58, 60, 63, 269, 270.
Хидоятов Г. А. — 7.
Хисматуллин Ходжа-Мирза Хайрулла — 350—353.
Хрулев С. А. — 384—388.
Худояр см. Гынаков Худояр-бек караулбеги Клыч Алибай.
Худояр-хан (Минг Худояр-хан) — 303, 337, 338, 343, 344, 357.
Хуссейн — 273.

Циолковский С. Т. — 41, 161, 170, 176, 182, 189—192, 194, 196, 199, 203, 208.

Чабров Г. Н. — 4.
Чарторижский А. А. — 22—24, 82.

Чевкин К. В. — 263.
Чекалов — 97, 101—103, 153, 156, 157.
Чернышев А. И. — 274, 346, 347.
Черепанов — 54.
Чулков — 63.

Шах-Мурад (Шамурад, Шамрат Бек) — 48, 55, 56, 79.
Шамрат Бек см. Шах-Мурад.
Шамурад см. Шах-Мурад.
Шекспир Р. — 274, 284—288, 293.
Шир Али Бахадур-хан — 336.
Ширгазиев Джангази — 145, 267.
Ширин-ходжа — 369.
Шокирбек — 224, 225.
Шторх — 30.
Штрандман Г. Г. — 48, 49, 51.
Шуджа уль-Мульк (Суджа уль-Мульк) — 206, 272, 285, 287, 317.

Указатель географических названий

Австрия — 386, 387.
Ак-Булак см. Чушка-куль оз.
Ак-Мечеть крепость (Перовский форт, Кызыл-Орда г.) — 227, 342, 345, 361.
Акмолинские волости — 339.
Аксакал-Барби оз. — 188.
Аксу г. — 173.
Ак-тау урочище — 309, 333.
Алатау Семиреченское, горы — 337, 346.
Александров г. — 326.
Александр-Бай, залив — 125.
Алжир — 241.
Алтай (Алтайские горы) — 54, 228.
Алтайские горы см. Алтай.
Америка см. Соединенные Штаты Америки.
Амударья р. (Джигун, Джейхун) — 13, 15, 64, 66, 97, 112, 113, 126, 127, 130, 161, 162, 165, 178, 207, 209, 210,

Эверсман А. — 164.
Эверсман Э. А. — 163—167, 170—174, 209.
Эдуард IV — 33.
Эльфинстон М. — 206.
Энгель Ф. — 19, 20.
Энгельс Ф. — 12, 278, 340, 341.
Эссен П. К. — 133—136, 138—153, 161—164, 167—169, 176—182, 184—186, 188—190, 193—196, 197, 199, 210, 227.

Юнус Хаджа Мугамет см. Юнус-ходжа.
Юнус-ходжа (Юнус Хаджа Мугамет) — 48—52, 57—60.
Юсупов Якуд — 316.

Яблонский Н. — 50.
Якдыбек — 357.
Яковлев — 300, 372.
Яковлев П. — 159.
Якуб-бек — 115.
Якушев — 133, 134.

219, 233, 273, 287, 290, 300—305, 328, 370, 371, 373—377, 383—386.
Англия (Великобритания, Британская империя) — 29, 33, 35, 45, 77, 94, 96, 98, 199, 218—220, 238, 247, 257, 273—275, 278, 281, 282, 284, 285, 288, 293, 300, 304, 317, 321, 340—342, 350, 351, 361, 370, 371, 376, 377, 379, 385, 286, 389.
Арал см. Аральское море.
Аральск г. см. Раим укрепление.
Аральский перешеек — 209, 210.
Аральское море (Арал) — 64, 66, 127, 162, 178, 200, 205, 206, 209, 210, 233, 253, 268, 269, 305, 328—330, 347, 358, 372, 377, 384.

Дральское укрепление см. Ра-
им укрепление.
Арзамас г. — 76.
Астрабад г. — 80, 86, 115.
Астрабадский залив — 125.
Астрахань г. — 28, 35, 37, 41,
74, 77, 84, 86, 90, 91, 107,
109—112, 115, 118, 127, 135,
137, 138, 208, 210, 211, 253,
290, 312, 331, 385.
Астраханская губерния — 19,
105.
Астраханский край — 19, 20.
Астраханский округ — 31.
Афганистан — 13, 97, 160, 165,
172, 173, 218, 220, 248, 272—
275, 285, 288, 304, 317, 340,
377, 390.
Африка — 385.
Бадакшан г. (Бодокшан) —
64, 90, 138, 165, 233.
Баку г. — 86, 104, 107, 109,
125.
Балканы — 361.
Балх (Бальх) — 207, 287, 317,
374.
Бальх см. Балх.
Балханский залив (Балханский
залив) — 114, 122, 125—
127, 385, 386.
Бамиан г. — 206.
Барсакельмес о-в — 328.
Бассор г. — 80.
Балханские горы — 125, 126.
Балханский залив см. Балхан-
ский залив.
Башкирия — 163.
Белуджистан обл. — 342.
Бельгия — 370.
Бенарес г. — 221.
Бенгал обл. — 205.
Берлин г. — 163, 171.
Биш-Тюпе горы — 190.
Бодокшан см. Бадакшан г.
Британская империя см. Анг-
лия.
Бузудука г. — 118.
Букан местечко — 133.
Бухария Малая см. Кашгар г.
Бухтарма селение — 29, 38.
Вабкент селение — 172.
Великобритания см. Англия.

Венгрия — 294.
Виленщина — 237.
Владимир г. — 76.
Владимирская губерния — 39,
326.
Внезапная крепость — 110.
Волга р. — 208, 342, 385.
Восток — 20, 31—34, 36, 47,
69, 85, 86, 88, 89, 94, 98—
100, 119, 132, 136, 140, 159,
162, 165, 166, 189, 201, 205,
208, 218, 240, 343, 361, 367,
370, 376, 384, 385.
Восток Ближний — 366.
Восток Дальний — 32.
Восток Средний — 215, 243.

Герат х-во — 273, 288, 293,
316, 342.
Герат г. — 284, 316.
Германия — 294, 385.
Гилян провинция — 86.
Гиндукуш горный хребет —
247.
Греция — 159.
Грузия — 20, 77, 104, 106, 108,
109, 120, 122, 149.
Гурген р. — 114.
Гурьев г. — 29, 137, 210.
Гюмиш-тепе см. Серебряный
бугор.

Деканский п-в — 35.
Дели г. — 219.
Дербент г. — 86, 104.
Дерпт г. — 310.
Джейхун см. Амударья.
Джигун см. Амударья.
Джизак г. — 300.
Дон р. — 208.

Европа — 10, 31, 33, 40, 62,
66, 77, 89, 90, 94, 106, 165,
207, 208, 220, 250—252, 259,
361, 383, 385—387, 390, 391.
Европа Западная — 16, 32,
163.

Закавказье — 213.
Закавказский край — 233.
Зауральские степи — 153, 386.

Звериноголовская крепость —
29, 179, 242.
Зеравшан р. — 11, 309.
Змеиногоровский рудник — 54.

Икар р. — 165.
Или р. — 339.
Илек р. — 137.
Иль-Гельды крепостца — 113,
130.
Инд р. (Индус р.) — 112, 219,
261, 341, 342.
Индия — 13, 33—35, 45, 46,
55—57, 66, 80, 83, 84, 86,
89, 90, 94, 102, 106, 107, 116,
127, 137, 138, 165, 173, 178,
200, 205—208, 218—220, 229,
236, 240, 246, 248, 264, 272,
274, 340, 361, 364, 371, 376.
Индия Британская — 204, 285.
Индия Восточная (Ост-Ин-
дия) — 91, 158.
Индия Северная — 34, 95, 127,
132, 136, 165, 220.
Индостан п-в — 69, 205.
Индус р. см. Инд. р.
Иран — 13, 35, 114, 213, 215,
218, 220, 248, 321, 376.
Иртыш р. — 33.
Иштеряпово деревня — 61.

Иена г. — 173.

Кабул г. — 33, 35, 219, 246,
248, 272, 300, 304, 317, 342,
351.
Кабул королевство — 66—70,
77, 95, 114, 136, 138, 161, 206,
219, 240, 246, 264, 287.
Кавказ — 20, 61, 104, 106,
107, 110, 112, 122, 127, 128,
141, 151, 155, 233, 248, 361.
Кавказская губерния — 19,
20, 105.
Казалинск г. — 345, 377.
Казань г. — 34, 334.
Казахстан («Киргизская
степь», «Киргиз-кайсацкая
степь») — 13, 15, 20, 36—
39, 44, 63, 65, 66, 68, 71, 78,
136, 154, 161, 172, 179, 199,
200, 221, 224, 228, 232, 234,

242, 267—269, 313, 315, 320,
321, 323, 336, 337, 339, 349,
354, 355, 365, 385.

Калькутта г. — 205.
Кандагар г. — 272.
Кандагар х-во (Кандахар) —
66, 95, 161.
Кандахар см. Кандагар х-во.
Карабугазская губа — 210.
Карабугазский залив — 127.
Каракуль селение — 173, 227.
Каранджар урочище — 339.
Карасу залив — 330.
Кармакчи форт — 345.
Карши г. — 219, 246, 300, 311.
Каспий см. Каспийское море.
Каспийское море (Каспий) —
19, 20, 28, 33, 37, 64, 66, 86,
104, 106—112, 114, 116, 117,
119, 120, 122—125, 127, 128,
131, 132, 137, 155, 165, 179,
200, 209, 241, 242, 277, 315,
322, 328, 330, 342, 367, 384—
386.
Катта-Курган селение (Катта-
курган) — 172, 309.
Каттакурган см. Катта-Курган.
Кашгар г. (Кашгария, «Малая
Бухария») — 34, 77.
Кашгария см. Кашгар г.
Кашгар обл. — 34, 77, 90, 95,
136, 167, 170, 173, 300, 342.
Кашемир см. Кашмир.
Кашмир обл. (Кашемир) —
34, 66, 68—70, 77, 80, 95,
102, 114, 136, 138, 158, 161,
164, 173, 206, 233, 246.
Келиф г. — 219.
Кенгир р. — 339.
Кзыл-Орда г. см. Ак-Мечеть
крепость.
Кизыл-Кум пустыня — 147.
Кизыл-Кум урочище — 203.
Киндерлинский залив — 124,
125, 127.
Киргизия — 15, 39.
«Киргизская степь» см. Ка-
захстан.
«Киргиз-кайсацкая степь» см.
Казахстан.
Китай (Китайская империя) —
13, 21, 34, 35, 53, 54, 57, 66,
67, 90, 91, 95, 136, 140, 165,
229, 317, 376.
Китайская империя см. Китай.

Коканд х-во (Куканд, Кокант, Кокан, Хоканд) — 3, 8, 11, 13, 15—17, 23, 25, 35, 36, 38—41, 43, 44, 49, 51, 55, 57, 97, 102, 158, 160, 164, 167, 178, 202, 204, 214, 222—235, 256, 259, 273, 274, 278, 290, 291, 293, 300—304, 318, 322, 326, 329, 331—344, 363, 366, 373, 375, 376, 384, 389, 390, 391.
Кокан см. Коканд х-во.
Кокант см. Коканд х-во.
Коканд г. Куван — 225, 230, 231, 290, 376.
Константинополь г. — 81, 84, 208, 332, 333.
Копал укрепление — 13, 337, 346.
Коряковский форпост — 224.
Красноводск г. — 114.
Красноводская коса — 125, 127.
Красноводский залив («култук») — 107, 114, 116, 117, 121, 123, 128, 131.
Красноярский уезд — 53.
Кронштадт г. — 26.
Крым — 361.
Куван р. см. Кувандарья.
Кувандарья р. (Куван р.) — 142, 180, 197, 145, 359.
Кузнецк г. — 53.
Кузнецкий уезд — 53.
Куван см. Коканд г.
Куканд см. Коканд х-во
Кульджа г. — 270.
Кумыш-курган форт — 345.
Кунград г. — 209, 372, 373, 375, 377.
Кундуз обл. — 206, 207, 219, 287.
Куня-Ургенч г. — 355, 372.
Кура р. — 165.
Кызыл-Кум урочище — 203.
Кяхта г. — 27, 31, 233.

Ладак обл. — 161, 206.
Лагор см. Лахор — 34.
Лахор (Лагор) — 33, 95, 136, 206, 219, 342.
Лех г. — 206.
Лондон г. — 220, 272, 273, 274, 283, 284, 342, 370.

Мазандеран провинция — 80, 86.
Мангышлак п-в — 33, 37, 74, 112, 114, 119, 125, 137, 180, 253, 282, 283, 330, 346—348.
Махачкала г. см. Петровск г.
Медина г. — 101.
Мекка г. — 81, 101, 296, 298, 381.
Мертвый Култук залив — 200, 210.
Мерв г. — 172.
Миттанкот г. — 261.
Москва г. — 34, 68, 70, 95, 99, 128, 157, 159, 182, 187, 196, 288.
Мугоджарские горы — 65, 267.
Муз-Тиль степь — 72.
Мултан г. — 247.

Нева р. — 324.
Нефтяной о-в см. Челекен о-в.
Новгород Нижний г. — 187, 261, 281.
Ново-Александровск г. — 253, 312.
Ново-Александровское укрепление — 239, 245, 246, 251—253, 282, 284, 330, 346.
Ново-Петровская крепость см. Ново-Петровское укрепление.
Ново-Петровское укрепление (Ново-Петровская крепость) — 330, 347, 348.
Нуратау горы — 300.

Огурчинский залив — 107.
Одесса г. — 34, 54.
Окс(ус) г. — 220.
Омск г. — 25, 47, 51, 223—225, 229—231, 233, 334—337, 339, 342, 343, 344.
Омская крепость — 49, 60.
Оренбург г. — 21, 25, 26, 28, 33—35, 37—41, 43—45, 61, 65, 68, 70, 71, 79—82, 85, 87, 88, 90, 91, 95, 99, 101, 118, 119, 127, 133, 135—138, 140, 142, 144, 146, 148, 149, 151—154, 156, 163, 166, 167, 169, 172, 173, 175, 177, 178, 180—189, 197, 198, 200—202, 211, 213, 217, 221, 227, 236,

237, 240, 243, 246, 249, 251—254, 256, 258, 261, 267, 268, 275, 276, 278—280, 283, 285—288, 290, 292, 293, 298, 300—302, 305—309, 312, 315, 316, 319, 321, 323—326, 329, 339, 347—350, 352, 354—358, 360, 367, 374, 377, 384, 385.
Оренбургская губерния — 27, 39, 118, 163, 186.
Оренбургский край — 21, 38, 97, 141, 154, 163, 167, 176, 179, 196, 215, 216, 237, 242, 252, 288, 352, 358, 360, 364, 386.
Оренбургский округ — 28, 29, 31, 42.
Оренбургская степь — 63.
Оренбургское укрепление — 346.
Орь р. — 65.
Орск г. — 72, 119, 161, 168, 216, 239, 245, 248.
Орская крепость — 43, 81, 161, 188, 190, 215, 239, 307.
Османская империя см. Турция.
Ост-Индия см. Индия Восточная.
Оттоманская Порты см. Турция.

Париж г. — 32, 100, 130, 172.
Пенджаб г-во — 161, 165, 340.
Пенджикент г. — 309.
Переславль г. — 34.
Перовский форт см. Ак-Мечеть крепость.
Персия — 21, 33, 57, 66, 67, 77, 80, 86, 90, 91, 95, 102, 106, 107, 116, 117, 122, 135—138, 140, 148, 158—160, 164, 173, 208, 219, 221, 238, 297, 300, 313, 342, 390.
Петербург — 7, 8, 16, 17, 25, 45, 48, 49, 54, 60, 65, 73, 80, 82, 84, 87, 89, 100, 108, 112, 117, 121, 134, 141, 145, 146, 150, 152, 155, 156, 166, 174, 175, 178, 182, 183, 190, 201, 202, 204, 211, 212, 214, 215, 222, 224—227, 229, 230, 232—234, 237, 242, 244, 254, 256—258, 260, 262, 265, 268, 269,

274, 278, 282—284, 286—288, 292, 294, 306, 307, 310, 312, 315, 316, 319, 321, 323, 324, 330—333, 335, 336, 338, 344, 350—352, 354—357, 359, 361, 365—369, 371, 377, 381, 387, 390, 391.
Петра св. крепость см. Петропавловск.
Петровск г. (Махачкала) — 104.
Петропавловск г. (Петра св. крепость) — 28, 43, 223, 224.
Петропавловская крепость — 225, 226.
Пешавар г. — 257.
Прикаспий — 124.
Причерноморье — 54.
Пруссия — 163.

Раим укрепление (Раимская крепость, Аральское укрепление, Аральск г.) — 330, 337, 346, 347, 349, 350, 353, 354, 357, 358, 360, 384.
Раимская крепость см. Раим укрепление.
Ростов г. — 34.
Рудниковский пикет — 306.

Самарканд г. — 67, 172, 273, 300, 309, 311.
Сары-су р. — 339.
Сарайчиковская крепость — 28, 146, 210, 211.
Саратов г. — 385.
Саратовская губерния — 19.
Сардиния о-в — 237, 239.
Сардинское королевство — 386.
Сейтовский посад — 217.
Севастополь г. — 384.
Сейган г. — 206.
Семипалатинск г. — 28, 167, 173, 231, 336.
Семиречье — 13.
Семиарский форпост — 231.
Серебряный бугор (Гюмнштепе) — 114.
Сибирь — 20, 53, 54, 58, 150, 223, 224, 233.
Сибирь Западная — 25, 223, 333, 334, 343.

Сибирский таможенный округ — 29.
Симбирск г. — 310.
Синд г-во — 206, 340, 342.
Синьцзян обл. — 206.
Соединенные Штаты Америки (Америка) — 10, 370.
Сузак г. — 225, 231.
Сызрань г. — 319.
Сырдарья р. — 13, 38, 64, 65, 66, 72, 119, 137, 138, 142, 161, 162, 165, 167—169, 178—180, 184, 190, 216, 217, 228, 239, 242, 244, 245, 248, 252, 253, 259, 268, 276, 290, 299, 305, 314, 317, 322, 330, 336, 337, 343, 346, 347, 349, 357, 358, 359, 367, 385, 386.
Табриз г. — 342.
Татария — 163, 219.
Татария Верхняя — 205.
Ташауз г. — 321.
Ташкент г. — 41, 43, 47—52, 57, 60, 63, 191, 198, 222, 223, 225, 226, 231, 326, 341, 373.
Ташкентский оазис — 11, 226, 384.
Ташкурган г. — 206.
Тегеран Г. — 261, 282, 315, 321, 359.
Тибет (Тибетские горы) — 34, 49, 66, 77.
Тибетские горы см. Тибет.
Тильзит г. — 35.
Тифлис г. — 114, 126.
Тобольск г. — 233, 234.
Тобольская губерния — 27, 39.
Томская губерния — 27, 53.
Трапезонт г. (Трапезунд) — 221, 243.
Трапезунд см. Трапезонт.
Троицк г. — 28, 33, 40, 61, 65, 99, 103, 119, 133, 146, 161, 163, 168, 177, 187, 188, 190, 198, 200, 216, 217.
Троицкая крепость — 80.
Троицкая таможня см. Троицк г.
Туран — 287.
Тургай г. — 43.
Туркестан — 160, 164, 170, 223, 303, 310.

Туркестан Восточный — 97, 172.
Туркестан Южный — 273.
Туркестан г. — 49, 52, 57, 83, 160, 231, 373.
Туркмения — 39, 104, 109, 128, 129.
Туркменские степи — 112.
Турция (Оттоманская Порты, Османская империя) — 77, 164, 215, 230, 238, 297, 313, 332.
Турция Азиатская — 342.
Тюп-Караган урочище — 117, 180.
Тюп-Караганское укрепление — 119.
Тюп-Караганский угол — 108, 137.

Узбой русло — 130.
Улутау горы — 339.
Улутауская станция — 339.
Урал р. — 81, 112, 179, 209, 245, 318.
Уральские горы (хребет) — 163, 180, 209.
Уральское укрепление — 346.
Устюрт плато — 13, 207, 210, 253, 277, 248.
Уфимская округа — 61.
Учургинск урочище — 119.

Фергана г. — 338, 339.
Ферганская долина — 11, 12, 223, 225, 226, 230, 231, 335, 339, 376.
Франция — 31, 35, 241, 370, 385—389.

Хазарасп г. — 318.
Хазрет-Имам г. — 219.
Ходжаберган урочище — 72, 73.
Ходжанское ханство — 55.
Ходжа-Сале г. — 207, 219.
Ходжейли г. — 372.
Ходжент г. — 48, 49, 55, 158, 376.
Хоканд см. Коканд х-во.
Хожан г. см. Ходжент.

Хорасанская провинция — 107.
Хорезм г. — 317, 349.
Хорезмский оазис — 104.
Хульм г. — 273.

Цурухай г. — 27.

Чарджоу см. Чарджуй.
Чарджуй г. (Чарджоу) — 172, 219, 322, 374.
Челекен о-в (Нефтяной) — 114, 125, 127, 131, 386, 388.
Чимкент г. — 225.
Черногория — 263.
Черное море — 77, 106, 110, 208, 341.
Чирчик р. — 58.
Чу р. — 339.

Чушка-куль оз. (Ак-Булак) — 277.
Чушкакульское укрепление — 268.

Шахриябзский оазис — 12.
Шринагар г. — 206.

Эмба р. — 65, 108, 112, 119, 125, 137, 180.
Эмбенское укрепление — 277, 278, 372.
Эрзерум г. — 342.

Ямышевская крепость — 52.
Янгийская крепость — 115.
Яныдарья р. — 245.
Япония — 35.
Яркент г. — 173.

Содержание

Введение	3
Особенности русско-среднеазиатских отношений	10
Проблемы среднеазиатской торговли и ее организация	27
Шихтмейстеры в Бухаре и Ташкенте	47
Караван Я. П. Гавердовского	61
Бухарские дипломаты в Петербурге	79
Проект Г. С. Волконского	85
Экспедиция Н. Н. Муравьева в Туркмению и Хиву	104
Проект Г. С. Винского. Вторая поездка Н. Н. Муравьева	118
Налаживание русско-хивинских отношений через Оренбург: планы П. К. Эссена	133
Миссия А. Ф. Негри	155
Караван С. Циолковского	176
Россия, среднеазиатские ханства и Англия в 20-х — начале 30-х годов XIX в.	199
Россия и Коканд	222
Миссии П. И. Демезона и Я. В. Виткевича	236
Отправка в Бухару Е. П. Ковалевского и А. Р. Герингроса	256
Британские происки в Средней Азии. Неудачный хивинский поход В. А. Перовского. Налаживание торгово-дипломатических связей с Хивой	272
Посольство К. Ф. Бутенева в Бухару	294
П. Никифоров и Г. Данилевский у ханов Аллакули и Рахимкула	312
Неудачные попытки восстановления связей с Кокандом	332
Обострение отношений между Российской империей и среднеазиатскими ханствами	346
После Крымской войны	361
Заключение	389
Указатель имен	392
Указатель географических названий	399

Нафтула Аронович Халфин

Россия и ханства Средней Азии

(первая половина XIX века)

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор З. Д. Кагельская

Младший редактор И. А. Бодянская

Художник А. Г. Кобрин

Художественный редактор Э. Л. Эрман

Технический редактор Т. А. Патюк

Корректоры Р. Ш. Чемерис, и А. В. Шандер

Сдано в набор 10/XII 1973 г. Подписано к печати 18/VI 1974 г.
А-09044. Формат 84×103¹/₃₂. Бум. № 2. Печ. л. 12,75.
Усл. п. л. 21,42. Уч.-изд. л. 22,66. Изд. № 3359.
Тираж 4000 экз. Заказ № 869. Цена 1 р. 46 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука».
Москва, Центр, Армянский пер., 2

1-я типография Профиздата, Москва, Крутицкий вал, 18

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

Выйдут в 1974 году

Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.), 512 стр.

Чихачев П. А. Путешествие в Восточный Алтай. 360 стр.

Центральная Азия в Кушанскую эпоху. Том I. 356 стр.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книготоргов и «Академкнига», а также по адресу: 117464, Москва В-464, Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 («Книга — почтой») «Академкнига»